

Жюль Верн

**Двадцать тысяч лье под
водой**

Жюль Габриэль Верн

Двадцать тысяч лье под водой

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6682831

Аннотация

Роман «Двадцать тысяч лье под водой» вышел более ста лет назад, но до сих пор он влечет миллионы читателей – любителей необыкновенных путешествий. Жюль Верн увлекает захватывающим сюжетом, неожиданными, подчас опасными приключениями, неведомым миром морских глубин и очаровывает личностью таинственного и загадочного капитана Немо.

Содержание

Часть первая	7
Глава первая	8
Глава вторая	12
Глава третья	16
Глава четвертая	20
Глава пятая	26
Глава шестая	31
Глава седьмая	37
Глава восьмая	45
Глава девятая	50
Глава десятая	55
Глава одиннадцатая	60
Глава двенадцатая	66
Глава тринадцатая	72
Глава четырнадцатая	76
Глава пятнадцатая	83
Глава шестнадцатая	88
Глава семнадцатая	92
Глава восемнадцатая	100
Глава девятнадцатая	105
Глава двадцатая	112
Глава двадцать первая	118
Глава двадцать вторая	125
Глава двадцать третья	134
Глава двадцать четвертая	139
Часть вторая	144
Глава первая	145
Глава вторая	151
Глава третья	157
Глава четвертая	163
Глава пятая	170
Глава шестая	176
Глава седьмая	183
Глава восьмая	191
Глава девятая	198
Глава десятая	205
Глава одиннадцатая	211
Глава двенадцатая	217
Глава тринадцатая	224
Глава четырнадцатая	231
Глава пятнадцатая	241
Глава шестнадцатая	246
Глава семнадцатая	250
Глава восемнадцатая	255
Глава девятнадцатая	261
Глава двадцатая	267

Глава двадцать первая	271
Глава двадцать вторая	275
Глава двадцать третья	278

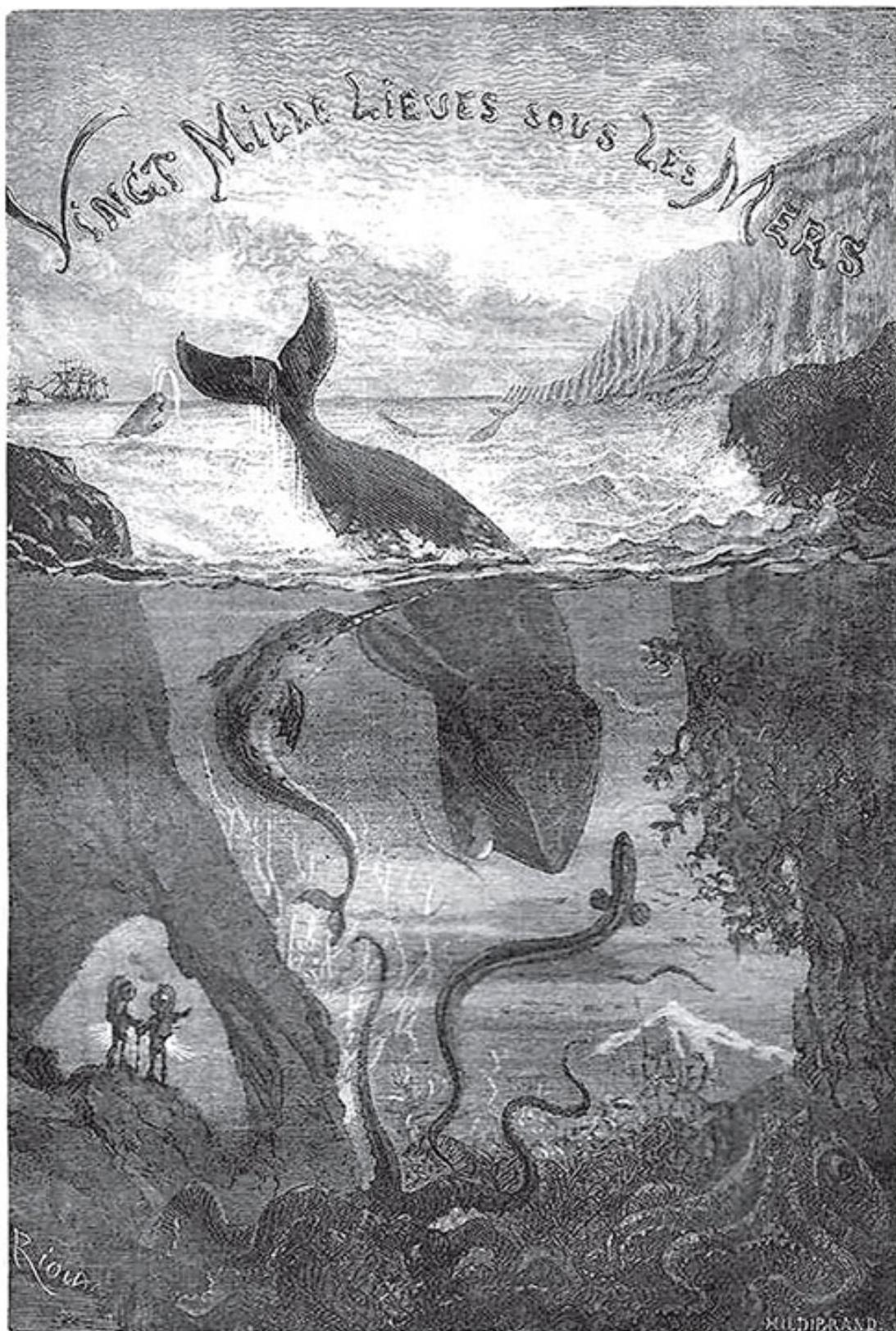
Жюль Верн

Двадцать тысяч лье под водой

Jules Verne
20000 mille lieues sous les mers

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Часть первая

Глава первая Плавающий риф

1866 год ознаменовался удивительным и необъяснимым явлением, которое, вероятно, еще многим памятно. Оно крайне взволновало жителей приморских городов, сильно возбудило умы в континентальных государствах и особенно встревожило моряков. Купцы и судо-владельцы, капитаны торговых судов и военных кораблей, морские офицеры, шкиперы и механики как в Европе, так и в Америке, правительства различных государств – все были в высшей степени заинтересованы и озабочены.

Дело в том, что с некоторого времени многим кораблям случалось встречать в море «что-то громадное», какой-то длинный веретенообразный предмет, который порой светился в темноте и далеко превосходил кита по размерам и быстроте движений.

В различных судовых журналах записаны были все факты, относившиеся к этим странным происшествиям, и в показаниях о строении этого загадочного предмета или существа, о его неимоверной скорости, поразительной силе движений и особенностях почти не было разногласий. Если это было животное из отряда китов, то, судя по описаниям, оно было гораздо больше всех доныне известных представителей китообразных. Ни Кювье, ни Ласепед, ни Дюмериль, ни Катрфаж не поверили бы в существование подобного чудовища, не увидав его собственными глазами, то есть глазами ученых.

Придерживаясь средних значений, полученных при различных наблюдениях, не принимая в расчет все чересчур осторожные оценки, по которым в этом непонятном существе было не более двухсот футов в длину, а также отвергая явные преувеличения, по которым оно имело будто бы одну милю в ширину и три в длину, надо было все-таки допустить, что это удивительное животное, если только оно существует, в значительной степени превосходит все размеры, установленные ихтиологами.

Животное это существовало – существование его было доказано многими фактами, и никто или почти никто в нем не сомневался. При склонности верить в чудеса, которая так свойственна человеческому уму, понятно, какую тревогу произвело это необычайное явление. Некоторые пытались было отнести его к области сказок и фантазий, но напрасно...

20 июля 1866 года пароход «Гаверн Хиггинсон», принадлежащий компании «Калькутта и Бернах», встретил эту двигающуюся массу в пяти милях¹ к востоку от берегов Австралии. В первую минуту капитан Бекер подумал, что на ткнулся на неизвестную подводную скалу. Он даже собрался уже определить точные координаты этой скалы, как вдруг из нее вырвались со страшной силой два столба воды и со свистом поднялись футов на полтораста в высоту. Можно было сделать только два предположения: или это был плавучий риф, на котором периодически извергались гейзеры, или «Гаверн Хиггинсон» имел дело с каким-то до сих пор неизвестным морским млекопитающим, которое выбрасывало из носовых отверстий фонтаны воды, смешанные с воздухом и паром.

23 июля того же года в водах Тихого океана подобное явление заметили с парохода «Кристобаль Колон», принадлежащего компании «Вест-Индия и Тихий океан». Оказалось, что это необыкновенное животное могло передвигаться с невероятной скоростью: за трое суток оно прошло более семисот морских миль, отделяющих пункты, на которых наблюдали его «Гаверн Хиггинсон» и «Кристобаль Колон».

¹ Морская миля – единица длины в морской и воздушной навигации, равная 1852 м. (Здесь и далее – прим. изд.)

Пятнадцать дней спустя в двух тысячах лье² от последнего пункта пароходы «Гельвеция», принадлежащий Национальной компании, и «Шанон», принадлежащий «Рояль-Мэйл», встретились в Атлантическом океане, между Америкой и Европой, и сигналами указали друг другу на морское чудовище, лежавшее на 45°15' северной широты и 60°35' долготы к западу от Гринвичского меридиана. При совместном наблюдении приблизительно рассчитали длину млекопитающего, по меньшей мере в триста пятьдесят английских футов³. «Гельвеция» и «Шанон» казались гораздо меньше его, хотя оба имели по сто метров от форштевня до ахтерштевня. А самые громадные киты, которые попадались у Алеутских островов, и те были не более пятидесяти шести метров в длину.

Эти известия поступили одно за другим; затем были сделаны новые наблюдения с борта трансатлантического корабля «Перейр»; потом произошло столкновение судна «Этна» с чудовищем; затем офицерами французского фрегата «Нормандия» был составлен акт о том, что они видели это огромное животное; очень обстоятельные сведения были доставлены с борта «Лорд Клейда» штабом коммодора Фитцджеймса. Все это чрезвычайно взволновало общественное мнение. В странах, легкомысленно настроенных, только подсмеивались и подшучивали над загадочным чудом, но в странах серьезных и практических – Англии, Америке, Германии – им были сильно озабочены.

Во всех больших городах чудовище вошло в моду; о нем толковали в кофейнях, над ним потешались в газетах, его представляли в театрах. Газетные утки несли яйца всевозможных цветов. Все периодические издания за неимением точных и подлинных изображений принялись показывать разных фантастических гигантов, начиная от белого кита, страшного «Моби Дика» из Арктики, до чудовищных осьминогов, которые своими щупальцами могут опутать судно водоизмещением пятьдесят тонн и увлечь его в бездну океана. Дошло даже до того, что откопали древние рукописи и стали ссылаться на мнения Аристотеля и Плиния, которые допускали существование подобных чудовищ, на норвежские рассказы епископа Понтопидана, на описания Павла Гегеды и, наконец, на донесения Харрингтона, который утверждал, что в 1857 году, находясь на палубе «Кастилана», он собственными глазами видел громадного змея, до того времени посещавшего только воды газеты «Конститьюнл».

Тут-то и загорелась нескончаемая полемика между учеными обществами и научными журналами – полемика верующих с неверующими. Вопрос о чудовище воспламенил все умы. Журналисты, серьезно относившиеся к науке и отстаивавшие ее, вступили в распри с другими журналистами, которые отбивались остротами и каламбурами, и целые потоки чернил пролились в этой достопамятной кампании; некоторые даже поплатились двумя-тремя капельками крови, потому что из-за этой «морской змеи» противники нередко позволяли себе самые оскорбительные выходки.

Война эта длилась с переменным успехом целые шесть месяцев. Бульварная пресса отвечала неистощимыми насмешками и на научные статьи Бразильского географического института, Берлинской королевской академии наук, Британской ассоциации, Вашингтонского Смитсоновского института, и на иронию «Индийского архипелага», и на рассуждения «Космоса» Аббата Муаньо, и на мнения «Вестей» Петермана, и на ученые заметки солидных французских и иностранных журналов. Остроумные журналисты, пародируя изречение Линнея, приведенное противниками чудовища, утверждали, что «природа не создает глупцов», и заклинали своих современников не убеждать мир в противном, допуская существование неправдоподобных морских чудовищ, осьминогов, змей, различных «моби диков» и прочих бредней полупомешанных моряков. Наконец в одном очень популярном сатирическом журнале главный редактор, любимец публики, ринулся на морское чудо, как новый

² Морское лье – старинная французская единица измерения расстояния, равная 5556 м.

³ Английский фут – единица измерения расстояния, равная 12 дюймам, или 30,48 см.

Ипполит, и нанес ему последний юмористический удар при взрывах всеобщего хохота. Оструомие победило науку.

В начале 1867 года вопрос о чудовище, казалось, похоронили, как вдруг до сведения публики стали доходить новые факты. И теперь речь шла не просто об интересной научной загадке, а о серьезной действительной опасности. Осьминогов и морских змей оставили в покое, а чудовище превратилось в остров, скалу, риф, но риф плавающий, блуждающий, неуловимый.

5 марта 1867 года пароход «Моравия», принадлежащий Монреальской морской компании, находясь ночью на широте $27^{\circ}30'$ и долготе $72^{\circ}15'$, ударился кормой о какую-то скалу, которая не была обозначена ни на одной штурманской карте. Ветер был попутным, и корабль мощностью четыреста сил шел со скоростью шестнадцать узлов⁴, на нем было двести тридцать семь пассажиров, которых он вез из Канады. Удар был очень силен, и не будь корпус «Моравии» достаточно прочным и крепким, корабль, без всякого сомнения, пошел бы ко дну.

Несчастье случилось на рассвете, около пяти часов утра. Вахтенные осмотрели море самым тщательнейшим образом. Они ничего подозрительного не увидали, только на расстоянии трех кабельтовых⁵ разбивалась большая волна, как будто что-то сильно взволновало гладкую поверхность вод. Установив координаты, «Моравия» продолжила свой путь без явных признаков аварии.

Но на что же наткнулся пароход? На подводную скалу или на какие-нибудь выброшенные морем громадные обломки разбитого корабля? Никто этого не знал. Однако при осмотре в доке оказалось, что сломана часть киля.

Этот случай, сам по себе очень важный, был бы скоро забыт, как бывали забыты другие важные происшествия, если бы то же самое снова не повторилось при тех же самых условиях три недели спустя. Судно, ставшее жертвой новой катастрофы, шло под английским флагом и принадлежало крупной пароходной компании, поэтому событие получило широкую огласку.

Всем, вероятно, было известно имя знаменитого английского судовладельца Кюнарда. Этот удачливый промышленник учредил в 1840 году почтовое сообщение между Ливерпулем и Галифаксом с помощью трех деревянных колесных судов мощностью четыреста лошадиных сил и водоизмещением тысяча сто шестьдесят две тонны. Через восемь лет число судов увеличилось еще на четыре корабля мощностью шестьсот пятьдесят лошадиных сил и водоизмещением тысяча восемьсот двадцать тонн, а спустя два года к ним присоединены были еще два судна, которые мощностью и вместимостью превосходили прежние. В 1853 году компания Кюнарда возобновила право перевозить срочную почту и постепенно прибавила к своей флотилии корабли «Аравия», «Персия», «Китай», «Шотландия», «Ява», «Россия». Все эти суда отличались быстрым ходом и размерами уступали только знаменитому «Грет-Истерну». В 1867 году компания Кюнарда владела уже двенадцатью кораблями: восемью колесными и четырьмя винтовыми.

Я вдаюсь в такие подробности, желая яснее показать значение этой компании морских перевозок, которая своей аккуратностью и точностью приобрела мировую известность. Ни одно трансокеаническое навигационное предприятие не велось с таким умением, ни одно не увенчалось таким успехом. В течение двадцати шести лет корабли Кюнарда переплыли Атлантический океан две тысячи раз, и всегда все обходилось благополучно: не было случая, чтобы судно когда-нибудь опоздало, не было даже примера, чтобы какое-нибудь письмо затерялось. И теперь еще, несмотря на сильную конкуренцию Франции, пассажиры предпо-

⁴ Морской узел – единица измерения скорости, равная одной морской мили, т. е. 1,852 км/ч.

⁵ Кабельтов – мера длины, служащая для измерения в море сравнительно небольших расстояний; длина его равна 0,1 морской мили, или 185,2 м.

читают компанию Кюнарда всем прочим компаниям, как это видно из официальных документов за последние годы. Принимая все это во внимание, легко можно понять, какой шум поднялся, когда приключилось несчастье с одним из самых лучших пароходов компании.

13 апреля 1867 года «Шотландия» находилась на $15^{\circ}12'$ долготы и $45^{\circ}37'$ широты; море было тихое, дул небольшой ветерок. Тысячесильный корабль шел со скоростью тринадцать узлов с лишним; колеса его равномерно рассекали морские волны. Осадка судна составляла шесть метров семьдесят сантиметров, а водоизмещение равнялось шести тысячам шестистам двадцати четырем кубическим метрам.

В четыре часа семнадцать минут пополудни пассажиры сидели в кают-компании за завтраком. Вдруг что-то ударило о корпус корабля; удар, впрочем, не произвел значительного сотрясения – он пришелся на корму позади левого колеса.

По характеру толчка можно было предположить, что «Шотландия» наткнулась на какое-то острое орудие. Столкновениеказалось таким слабым, что никто на палубе не обрастил бы на него особого внимания, если бы кочегары не прибежали с криками:

– Мы идем ко дну! Течь в трюме!

В первую минуту пассажиры, разумеется, перепугались, но капитан Андерсен сумел их успокоить. «Шотландия» разделялась на семь частей водонепроницаемыми переборками, значит, пробоина не грозила неминуемой опасностью.

Капитан Андерсен тотчас спустился в трюм. Оказалось, что пятый отсек залит водой, и по скорости, с которой вода прибывала, можно было судить, что течь довольно велика. К счастью, здесь не было паровых котлов, иначе огонь в топках потух бы в ту же минуту.

Капитан Андерсен отдал приказание немедленно остановить машины, и один матрос нырнул, чтобы осмотреть пролом. Через несколько минут уже все знали, что в подводной части парохода пробита дыра в два метра шириной. Такую пробоину невозможно было заделать, и «Шотландия» должна была продолжать свой путь с погруженными в воду колесами. Авария произошла в трехстах милях от мыса Клиэр, и после трехдневного опоздания, нескованно взволновавшего весь Ливерпуль, судно причалило к пристани компании.

«Шотландию» поставили на сухой стапель, и инженеры компании стали ее осматривать. Они не хотели верить своим глазам. В двух с половиной метрах ниже ватерлинии зияло правильное отверстие в виде равнобедренного треугольника. Листовое железо было пробито так ровно, словно его специально вырезали. Очевидно, пролом был сделан просверливающим орудием необыкновенной закалки.

Вероятно, оно было пущено с необычайной силой, пробило листовое железо толщиной четыре сантиметра, а затем каким-то возвратным движением само собой отодвинулось. Это было совершенно необъяснимо.

Приключение с «Шотландией» снова взволновало умы. С этих пор все морские катастрофы без определенной причины стали сваливать на чудовище. Фантастическому животному довелось отвечать за все кораблекрушения, число которых, к сожалению, значительно. В «Бюро Веритас» ежегодно сообщается о гибели трех тысяч кораблей, и из этих трех тысяч по меньшей мере двести считаются пропавшими без вести со всем грузом и экипажем.

Справедливо ли, нет ли, но исчезновение судов тоже приписывали чудовищу, и по его милости сообщение между различными материками становилось все более опасным, все более затруднительным. Наконец публика настоятельно потребовала, чтобы моря были во что бы то ни стало очищены от этого ужасного животного или плавающего рифа.

Глава вторая За и против

Примерно в это время я возвращался из ученой экспедиции, которая была предпринята с целью исследовать негостеприимный штат Небраска в Соединенных Штатах Америки. Я был прикомандирован к этой экспедиции французским правительством как адъюнкт-профессор при Парижском музее естественной истории. Я провел шесть месяцев в Небраске и с собранными там драгоценнейшими коллекциями к концу марта прибыл в Нью-Йорк. Отъезд во Францию назначен был в первых числах мая. В ожидании этого я приводил в порядок свои минералогические, ботанические и зоологические богатства, когда приключилась с «Шотландией» вышеописанная напасть.

Вопрос о чудовище или плавающем рифе стоял на повестке дня, и я, разумеется, внимательно за ним следил. Я читал и перечитывал все американские и европейские журналы и газеты, но это чтение ничего не проясняло. Таинственное чудо сильно подстрекало мое любопытство. Я не мог определиться, не мог составить собственного мнения и потому переходил от одной крайности к другой. В том, что что-то сверхъестественное в самом деле существует, сомневаться было невозможно: неверующим предоставлялось «вложить перст в рану» «Шотландии».

Я прибыл в Нью-Йорк в самом разгаре споров. Прежние предположения о плавучем острове, о блуждающем неуловимом рифе были теперь отброшены. Как могла бы скала двигаться с такой неслыханной скоростью? А предполагать, что скала снабжена какой-нибудь двигателевой машиной, было уже чересчур.

О «плавающем корпусе корабля», о «громадных обломках какого-то разбитого судна» тоже перестали говорить, потому что ни остав корабля, ни обломки тоже не могли передвигаться.

Таким образом, оставалось только два решения этой загадки: все беды причиняло или громадное подводное чудовище, или подводное судно, снаженное необыкновенно мощным двигателем.

Предположение о подводном судне, на первый взгляд довольно правдоподобное, отпало после расследований, проведенных в обоих полушариях. Как можно было допустить, чтобы какое-нибудь частное лицо имело в своем распоряжении подобный корабль? Где и как он мог его построить? Допустив даже, что он его построил, – как мог он строительство такого гиганта сохранить в тайне?

Подобную разрушительную машину могло создать только какое-нибудь правительство, и в наши смутные времена, когда человечество изощряется в совершенствовании орудий войны, можно было предположить, что то или иное государство секретно испытывало этот чудовищный снаряд. После ружей Шаспо – торпеды, после торпед – подводные тараны, затем затишье. Я, по крайней мере, на это надеюсь.

Но и предположение о военном подводном корабле рухнуло: правительства заявили, что они ни к чему не причастны и ничего не знают. Сомневаться в искренности правительственных заявлений на этот раз было трудно, потому что дело шло об общих интересах и при этом опасности подвергались международные трансокеанические сообщения. Кроме того, возможно ли было допустить, что строительство подобного подводного судна могло остаться незамеченным: и частному лицу очень трудно сохранить тайну, а государству совершенно невозможно, потому что за всеми его действиями зорко и ревниво следят все другие державы.

Итак, после справок, наведенных в Англии, Франции, Германии, России, Испании, Италии, Америке и даже в Турции, предположение о «подводном мониторе» тоже было

отвергнуто. Чудовище опять выплыло на поверхность, несмотря на все насмешки, которыми осыпала его бульварная пресса. Скоро возбужденное воображение разыгралось и, как говорится, пошло «писать вкривь и вкось».

Когда я прибыл в Нью-Йорк, многие лица оказали мне честь, пожелав узнать мое мнение насчет непонятного явления. Я еще в бытность мою во Франции издал сочинение *in quattro*⁶ «Тайны морских глубин» в двух томах. Эта книга заслужила особое внимание научного мира, и благодаря этому я сделался как бы специалистом в этой очень малоизвестной отрасли естествоведения. Когда стали спрашивать, что я ду маю о чудовище, я, пока еще возможно было отвергать действительность и не имея фактов, отказывался отвечать, но скоро меня, что называется, прижали к стенке, деваться было некуда, и я должен был высказаться. Газета «Нью-Йорк геральд» обратилась к «достопочтенному Пьеру Аронаксу, профессору Парижского музея» с просьбой «сформулировать свое суждение».

Я покорился и заговорил, потому что молчать уже было нельзя. Я рассмотрел вопрос со всех сторон, с политической и с научной.

Привожу здесь заключение статьи, которую я поместил в номере от 30 апреля.

«Разобрав одну за другой все гипотезы, приходится по необходимости допустить существование морского животного необычайной силы.

Большие глубины океана нам до сих пор еще совершенно неизвестны. Никакой лот никогда не достигал дна. Что такое происходит и творится в этих неизмеримых безднах? Какие существа живут и могут жить в двенадцати или пятнадцати милях ниже морской поверхности? Что за организм у этих животных?

Здесь трудно, даже едва ли возможно делать какие-либо предположения.

Однако решение заданной мне задачи может принять форму дилеммы. Одно из двух: или нам известны все виды и разновидности существ, населяющих нашу планету, или нет.

Если нет, если в области ихтиологии природа еще имеет от нас тайны, то мы очень естественно можем допустить существование не только новых видов, но даже новых родов рыб или китообразных, приспособленных исключительно для жизни в морских глубинах, для лота недоступных. Допустим, что вследствие какого-нибудь события, или по случайности, или просто по своей прихоти, если хотите, они появляются время от времени в верхних слоях океана.

Если же, напротив, нам уже известны все существующие виды, то надо искать данное животное в числе морских обитателей, перечисленных в каталогах, и в этом случае я готов допустить существование нарвала-гиганта.

Обыкновенный нарвал, или единорог, часто достигает шестидесяти футов в длину. Помножьте его размеры на пять, на десять, наделите животное силой соответственно его величине, увеличьте во столько же раз его бивень, – и вы получите искомое чудовище. Оно будет иметь и размеры, определенные офицерами «Шанона», и орудие, способное проломить корму «Шотландии», и достаточную силу для повреждения корпуса океанского парохода.

Известно, что нарвал вооружен чем-то вроде костяной шпаги, алебардой, как выражаются некоторые натуралисты. Это громадный рог, или бивень, обладающий твердостью стали. Бывали случаи, что осколки бивня попадались в раневых китах, которых нарвал атакует всегда с большим успехом. Случалось также, что бивни извлекали из корабельных деревянных корпусов, которые они пробивают насеквоздь, как бурав просверливает бочонок. В парижском музее медицинского факультета есть подобный бивень нарвала в два метра двадцать пять сантиметров длиной, а ширина его в основании сорок восемь сантиметров.

⁶ In quarto (*лат.*) – книжный формат в 1/4 листа, получаемый фальцовкой в два сгиба (инквартро).

Теперь представьте себе, что орудие это в десять раз больше и крепче, а животное в десять раз сильнее; представьте еще, что оно движется со скоростью двадцать миль в час, умножьте величину животного на его скорость – и вы получите удар, способный произвести катастрофу.

Итак, в ожидании более подробных исследований я склоняюсь к тому, что мы имеем дело с громаднейшим морским единорогом, вооруженным уже не алебардой, а настоящим тараном, как бронированные фрегаты, на которые чудовище похоже как своими размерами, так и своей движущей силой.

Так, мне кажется, можно объяснить данное загадочное, необъяснимое явление, если только упомянутое явление не плод расстроенного воображения, – что тоже возможно».

Последние слова были с моей стороны уловкой; я ими хо тел оградить, насколько возможно, свое профессорское достоинство от насмешек американцев. Американцы, надо отдать им должное, мастера насмехаться, и кто попадется им на зубок, тому придется несладко. Человек слаб! Профессор естественных наук тоже! Я приберег себе лазейку для отступления, но в глубине души верил в чудовище.

Моя статья возбудила горячие споры и прения, вследствие чего получила большую известность и даже образовала партийку приверженцев. Предлагаемое в ней разрешение вопроса давало, впрочем, полную свободу воображению. Ум человеческий любит создавать громадные, чудовищные образы сверхъестественных существ, а море представляет для них самое удобное помещение; море – единственная среда, где могут рождаться и развиваться гиганты, перед которыми земные животные – слоны, носороги – кажутся карликами. В водной среде обитают самые чудовищные породы известных нам млекопитающих; в недрах океана, возможно, скрываются и моллюски невиданных размеров, ракообразные ужасающего вида – например, омары длиной сто метров или крабы весом в двести тонн. Решительно отвергать это никто не решится. Некогда земные животные, современники геологических эпох: четвероногие, четверорукие, пресмыкающиеся, птицы – были созданы как бы по гигантским моделям, отлиты в колоссальные формы, которые время мало-помалу сократило и сузило. Почему бы нам не допустить, что море сохранило в своих неизведенных глубинах эти громадные образцы жизни минувших веков? Море ведь не подвержено никаким изменениям, между тем как земля беспрестанно меняется. Почему бы нам не допустить, что море скрывает в своих глубинах последние разновидности титанических существ, годы которых равняются нашим векам, а века тысячелетиям?

Но я позволяю себе увлекаться фантазиями, которые я не только не должен поддерживать, но обязан строго преследовать. Довольно об этих химерах, которые превратились для меня впоследствии в ужасную действительность. Повторю еще раз, что общественное мнение о чудовище наконец установилось и публика допустила беспрекословно существование громадного животного, не имеющего ничего общего с баснословными морскими змеями.

Но если некоторых людей таинственное животное волновало исключительно с научной точки зрения, то люди более практического склада, особенно в Америке и в Англии, настаивали на том, чтобы всенепременно очистить моря и океаны от этого чудовища и обезопасить морские перевозки. Промышленные и торговые газеты и журналы приняли в этом самое непосредственное участие. «Газета торгового флота», «Ллойд», «Пакетбот», «Морское и колониальное обозрение» – все журналы, финансируемые страховыми компаниями, которые грозились увеличить размер страховых выплат, единодушно твердили о необходимости истребления гиганта, мешающего интересам морской международной торговли.

Соединенные Штаты отозвались первыми. В Нью-Йорке начали готовиться к экспедиции, предназначавшейся для поимки нарявала. Бронированный фрегат «Абраам Линкольн», отличавшийся быстротой хода и прочностью, должен был в самое ближайшее время выйти

в море. Все военные арсеналы были открыты для капитана Фаррагута, и капитан Фаррагут деятельно снаряжал свой корабль.

Именно в то время, когда окончательно было решено преследовать чудовище, это странное животное перестало показываться. Целых два месяца о нем не было ни слуху ни духу, ни один корабль с ним не встречался. Единорог как будто проведал о состоявшемся против него заговоре. Некоторые шутники уверяли, что коварный нарыв перехватил какую-нибудь телеграмму, переданную по трансатлантическому подводному кабелю, в которой о нем говорилось, и принял меры предосторожности.

Итак, фрегат был снаряжен для далекого плавания, снабжен самыми грозными китобойными орудиями, а в какую сторону держать путь – было неизвестно. Нетерпение возрастало с каждым днем, с каждым часом. Наконец 2 июня получено было известие, что пароход, следующий курсом от Сан-Франциско в Калифорнии до Шанхая, три недели тому назад встретил чудовище в северных водах Тихого океана.

Это известие несказанно всех взволновало. Капитану Фаррагуту не дали и двадцати четырех часов отсрочки. Все запасы уже были на корабле, трюмы заполнены каменным углем, экипаж был в полном составе. Оставалось только разжечь топки, развести пары и отчалить. Нетерпение было лихорадочным, и теперь капитану не простили бы даже нескольких часов промедления, да и самому Фаррагуту хотелось поскорее выйти в море.

За три часа до отплытия «Абраама Линкольна» я получил вот такое письмо:

*«Господину Аронаксу,
профессору Парижского музея.*

Милостивый государь!

Если вы пожелаете присоединиться к экспедиции «Абраама Линкольна», то правительству Соединенных Штатов будет очень приятно видеть, что Франция в вашем лице примет участие в нашем предприятии. Капитан Фаррагут предоставляет в ваше полное распоряжение отдельную каюту.

*Искренне преданный И. Б. Гобсон,
министр морского ведомства».*

Глава третья Как будет угодно их чести

За три секунды до получения письма И. Б. Гобсона я столько же думал о преследовании единорога, сколько о проходе через ледовые поля, но через три секунды после прочтения вышеупомянутого письма я понял, что мое истинное назначение, цель всей моей жизни именно в том и заключается, чтобы найти это зловредное чудовище и избавить от него человечество.

Я только что вернулся из тяжелого путешествия, я был утомлен, измучен, жаждал отдыха и покоя, я только о том и мечтал, как бы мне поскорей снова увидеть родину, друзей, свою маленькую ученую обитель при ботаническом саде и свои дорогие, бесценные коллекции. Но ничто не могло меня удержать. Я забыл все: усталость, друзей, коллекции – и без дальнейших размышлений принял предложение американского правительства.

«Что ж такое? – думал я. – Что ж такое? Поплыvu, и конец! Притом все пути ведут в Европу; а единорог, может, будет так любезен, что непременно увлечет меня к берегам Франции. Может статься, это достойное животное позволит – для моего личного удовольствия – изловить себя в европейских морях, и я тогда привезу в наш музей естествознания в качестве экспоната полметра – отнюдь не менее полметра! – его костяной алебарды».

Но в ожидании будущих любезностей нарвала теперь приходилось его искать на севере Тихого океана, следовательно, держать путь в противоположную сторону от Франции.

Я нетерпеливо кликнул:

– Консейль!

Консейль – это мой слуга, очень преданный мне парень, который сопровождал меня во всех моих путешествиях и странствованиях. Я его очень любил, и он платил мне взаимностью. Честный фламандец, существо флегматичное по природе, исправный и аккуратный из принципа, усердный по привычке, он никогда не изумлялся и не смущался никакими внезапными и неожиданными поворотами и проделками судьбы, был ловок в любой работе, способен ко всякому делу и, вопреки своему имени⁷, никогда не давал советов, даже тогда, когда их не спрашивали.

Консейль постоянно вращался в кругу нашего ученого мирка при ботаническом саде и кое-чему научился. Он стал у меня знатным специалистом по части классификации естественной истории и с быстротой акробата пробегал всю лестницу отделов, групп, классов, подклассов, отрядов, семейств, родов, видов и разновидностей. Но его познания на этом и останавливались. Классифицировать – в этом была его жизнь, дальше он не шел. Он был силен в теории классификации, но в практике слаб и, полагаю, не сумел бы отличить беззубого кита от кашалота. И, однако, какой честный и славный человек!

Уже десять лет Консейль следовал за мною всюду, куда только наука меня не увлекала. Я не слыхал от него ни единой жалобы на продолжительность или на трудность путешествия, никогда он не только не отказывался, но даже не возражал ехать со мной в Китай, или в Конго, или в любую другую даль. Он был наделен отличнейшим здоровьем, которое защищало его от всяких неудобств, перемены климата и тому подобного, крепкими мускулами и, казалось, полным отсутствием нервов.

Этому парню было тридцать лет, возраст его относился к возрасту его господина как пятнадцать к двадцати. Да простится мне, что я сообщаю этим сложным оборотом, что мне было сорок лет! Но у Конселя был один недостаток: он был отчаянным формалистом и

⁷ Conseil (*фр.*) – совет, консультация, рекомендация.

говорил со мной не иначе, как в третьем лице, и величал меня «честью», что подчас сильно меня раздражало.

— Консейль! — повторил я, торопливо принимаясь за сборы в плавание.

Я, конечно, был совершенно уверен в преданности Конселя. Я обыкновенно даже и не спрашивал его, желает ли он отправиться со мной в такое-то странствие. Но теперь речь шла об экспедиции, которая могла затянуться на долгое время, о предприятии очень рискованном, о преследовании чудовища, которое способно пустить корабль ко дну, как ореховую скорлупку. Тут было над чем призадуматься даже самому хладнокровному и невозмутимому человеку на свете!

Что-то скажет Консейль?

Я крикнул в третий раз:

— Консейль!

Консейль явился.

— Их честь изволили звать меня? — сказал он, входя в комнату.

— Да, я звал... Собирай меня в путь, дружище, собирайся сам. Мы отплываем через два часа.

— Как будет угодно их чести, — отвечал спокойно Консейль.

— Нельзя терять ни минуты. Укладывай в чемодан все мои дорожные принадлежности, платье, рубашки, носки, бери всего побольше — как можно побольше, — не считай, да поскорее, поскорее!

— А коллекции их чести?

— Мы займемся ими после.

— Как же это? Архиотериумы и ракотериумы, ореодоны... — Они останутся здесь, в гостинице.

— А живая индийская свинка их чести?

— Ее будут кормить, пока мы в отлучке. Да притом я распоряжусь, чтобы весь наш зверинец переслали во Францию.

— Так мы не в Париж едем? — спросил Консейль.

— О, разумеется... — отвечал я уклончиво, — разумеется... только нам придется сделать небольшой крюк... — Какой будет угодно их чести.

— О, это крюк пустячный! Мы только несколько обогнем... обогнем прямую дорогу — вот и все. Мы отплываем на «Абрааме Линкольне».

— Как их чести благорассудится, — отвечал безмятежно Консейль.

— Ты знаешь, мой друг, что дело идет о чудовище... о знаменитом нарвале. Мы очистим от него моря! Автор сочинения о тайнах морских глубин, в двух томах, *in quarto*, не может отказаться... не может не сопровождать капитана Фаррагута! Это предприятие славное, но... но и опасное! Сам не знаешь, куда идешь. Чудовища эти могут быть очень капризны... Но мы все-таки отправимся. У нас капитан хоть куда.

— Если их честь поплынут, так и я поплыву, — отвечал Консейль.

— Ты подумай хорошенько. Я от тебя ничего не хочу скрывать. Это будет такое путешествие, из которого не всегда воз врачаются!

— Как их чести будет угодно.

Через четверть часа наши чемоданы были готовы. Консейль быстро уложил вещи, и можно было поручиться, что он ничего не забыл, ничего не упустил из виду: этот парень так же хорошо классифицировал рубашки и платье, как птиц и млекопитающих.

Служитель гостиницы вынес наши вещи и сложил их в вестибюле. Я спустился вниз и за большим прилавком, который постоянно осаждала толпа приезжих, расплатился по счету. Я распорядился, чтобы мои тюки с препарированными животными и сухими растениями

были отправлены в Париж, открыл достаточный кредит своей морской свинке, затем вместе с Консейлем прыгнул в карету.

Экипаж, нанятый за двадцать франков, спустился по Бродвею до Юнион-сквер, проехал по Четвертой авеню до Баур-стрит, повернул на Катрин-стрит и остановился у Тридцать четвертой пристани. Отсюда нас, людей, лошадей и экипаж, доставили на катринском пароме в большое предместье Нью-Йорка, в Бруклин, расположенное на левом берегу Ист-Ривер. Через несколько минут мы достигли причала, где увидели «Авраама Линкольна»; он выбрасывал из своих труб клубы черного дыма.

Наши вещи немедленно погрузили на палубу фрегата. Я взбежал по трапу на борт и спросил, где капитан Фаррагут. Один матрос провел меня на ют, там я увидел очень привлекательного офицера с отличной выпрямкой. Этот офицер протянул мне руку.

— Господин Пьер Аронакс? — спросил он.

— Он самый, — отвечал я. — Капитан Фаррагут?

— Так точно. Очень рад, добро пожаловать, господин профессор. Каюта ваша готова — к вашим услугам.

Я поклонился и, не желая мешать капитану командовать отплытием, попросил указать мне предназначенную каюту. «Авраам Линкольн» был отлично приспособлен к своему новому назначению. Фрегат отличался прочностью, быстроходностью и был оборудован самыми совершенными двигателями — давление пара можно было повышать до семи атмосфер. При таком давлении «Авраам Линкольн» достигал средней скорости восемнадцать и три десятых мили в час — скорость эта, разумеется, была очень значительная, но все-таки недостаточная для борьбы с гигантским чудовищем. Внутреннее устройство фрегата соответствовало его мореходным качествам. Я был чрезвычайно доволен своей каютой: она находилась в кормовой части корабля и сообщалась с кают-компанией.

— Тут нам будет удобно, — сказал я Консейлю.

— Так же отлично, с позволения их чести, как раку-отшельнику в раковине моллюска трубача, — отвечал Консейль.

Консейль стал разбирать чемоданы, а я поднялся на палубу и стал следить за приготовлениями к отплытию.

В эту самую минуту капитан Фаррагут приказал отдать концы, удерживавшие «Авраама Линкольна» у бруклинской пристани. Значит, опоздай я на какую-нибудь четверть часа, даже и того менее, — и фрегат уплыл бы без меня, а я лишился бы возможности участвовать в этой необыкновенной, невероятной экспедиции!

Капитан Фаррагут не хотел терять не только одного дня, но даже одного часа и торопился направиться к морям, где в последний раз было замечено чудовище. Он вызвал старшего механика.

— Что, готовы ли у вас пары? — спросил он. — Так точно, капитан, — ответил механик.

— Вперед! — скомандовал капитан Фаррагут.

По этой команде, переданной в машинное отделение по аппарату, приводимому в действие сжатым воздухом, механики повернули пусковой рычаг. Пар со свистом устремился в полуоткрытые золотники. Длинные горизонтальные поршни застонали и двинули шатуны. Винтовые лопасти завертелись и начали рассекать волны все быстрее и быстрее, и «Авраам Линкольн» величественно тронулся в путь, сопровождаемый сотней лодок, катеров и буксиров, переполненных зрителями.

Вся бруклинская набережная и вся сторона Нью-Йорка, примыкающая к Ист-Ривер, были полны толпами любопытных. Пятьсот тысяч человек громко кричали «ура». Тысячи платков развевались в воздухе над сплотившейся толпой, приветствовавшей «Авраама Линкольна» до самого его вступления в воды Гудзона, у оконечности полуострова, на котором расположен город Нью-Йорк.

Тут фрегат, придерживаясь со стороны Нью-Джерси живописного правого берега реки, сплошь застроенного прелестными виллами, прошел мимо форта, которые салютовали ему из самых больших своих пушек. В ответ на эти салюты «Абраам Линкольн» троекратно спускал и поднимал американский флаг с тридцатью девятью звездами. Несколько снизив скорость, он вошел в отмеченный бакенами фарватер, изгибающийся по заливу, образующему окончностью Санди-Хука, и прошел мимо песчаной отмели, с которой его еще раз несколько тысяч зрителей приветствовали. Процессия лодок и буксиров провожала фрегат до самого маяка.

В три часа лоцман сошел с корабля, сел в свою шлюпку и добрался до маленькой шхуны, которая ждала его под ветром. Огонь в топке усилили; лопасти винта стали быстрее рассекать волны; фрегат шел вдоль песчаного и низкого лонг-айлендского берега. К восьми часам вечера исчезли из вида на северо-востоке огни Файр-Айленда, и «Абраам Линкольн» понесся на всех парах по темным водам Атлантического океана.

Глава четвертая Нед Ленд

Капитан Фаррагут был опытным моряком, вполне достойным «Абраама Линкольна». Он, можно сказать, совершенно сливался с своим кораблем. В существовании чудовища он не сомневался и даже не позволял на своем корабле никаких пересудов по этому поводу. Капитан Фаррагут верил в чудовище, как иные старушки верят в библейского Левиафана, – не разумом, а сердцем. Чудовище существовало, и капитан Фаррагут очистит от него моря – он в этом поклялся. Это был своего рода родосский рыцарь, который шел на борьбу с драконом, разорявшим его остров. Что-нибудь одно: или капитан Фаррагут истребит нарвала, или нарвал истребит капитана Фаррагута. Середины тут не было.

Офицеры совершенно разделяли мнение своего начальника; надо было послушать, как они разговаривали, толковали, судили, спорили, взвешивали возможные шансы и как наблюдали необозримую ширь океана. То тот, то другой добровольно отправлялся на вахту, тогда как при других обстоятельствах каждый из них жаловался бы и проклинал такую каторгу. Пока солнце описывало на небосводе свой дневной круг, матросы постоянно теснились на рангоуте, словно на палубе доски жгли им ноги и они не могли там стоять. А между тем «Абраам Линкольн» еще не рассекал своим форштевнем подозрительные воды Тихого океана.

Что касается членов экипажа, то они очень хотели найти единорога, загарпунить его, вытянуть на палубу и изрубить на куски. Все с величайшим вниманием вглядывались и всматривались в море. Надо сказать, что капитан Фаррагут пообещал премию в две тысячи долларов, назначавшуюся тому зоркому юнге, матросу, боцману или офицеру, который первым заметит чудовище. Можете себе представить, как усердно все упражняли свое зрение.

Я тоже не отставал от других, никому не уступал своей доли ежедневных наблюдений. Нашего «Абраама Линкольна» следовало тогда по-настоящему переименовать в «Стоглазого Аргуса». Только один мой Консейль относился довольно равнодушно к воспламенявшему нас вопросу и не разделял общего энтузиазма.

Я уже говорил, что капитан Фаррагут заботливо снабдил свой корабль всеми орудиями для ловли громадных китов. Настоящее китобойное судно не могло быть вооружено лучше. У нас были все известные снаряды, начиная с ручного гарпуна до ружей с разрывными пулями. На баке у нас стояла усовершенствованная пушка, заряжавшаяся с казенной части, с очень толстыми стенками и с очень узким жерлом. Модель этой пушки была представлена на Всемирной выставке 1867 года. Замечательное орудие американского происхождения посыпало коническое ядро в четыре килограмма на расстояние около шестнадцати километров.

Итак, «Абраам Линкольн» снаряжен был всеми видами оружия. Мало того! На борту находился сам Нед Ленд, король китобоев.

Нед Ленд был родом из Канады. Он обладал необычайно верной рукой и не знал себе равных в своем опасном промысле. Его ловкость и хладнокровие, смелость и сообразительность достигали самой высшей степени: надо было быть очень хитрым китом или чересчур коварным кашалотом, чтобы увернуться от его гарпуна.

Неду Ленду было около сорока лет; это был мужчина высокого роста – более шести английских футов, – крепкого сложения, степенного вида, необщительного нрава, по временам очень вспыльчивый, а когда ему перечили, он выходил из себя и мог затеять скандал. Наружность его обращала на себя внимание, особенно поражал его волевой взгляд, сообщавший лицу необыкновенную выразительность.

Капитан Фаррагут поступил очень благоразумно, пригласив этого человека: по твердости руки и верности глаза он один стоил всего экипажа. Мне кажется, его можно было сравнить с точным превосходным телескопом, который в то же время был бы и пушкой, всегда готовой выстрелить.

Канадец – ведь это тот же француз, и я должен признаться, что Нед Ленд, несмотря на свой необщительный нрав, почувствовал ко мне некоторое расположение. Его, вероятно, привлекала французская национальность. Ему предоставлялся случай поговорить, а мне послушать старый французский язык, которым писал Рабле и который до сих пор еще сохранился в некоторых канадских провинциях. Семья Неда жила в Квебеке, в его роду было много отважных рыбаков еще в те времена, когда этот город принадлежал Франции.

Мало-помалу Нед разговорился, и я с наслаждением слушал рассказы о его приключениях в полярных морях. Он говорил о рыбной ловле и о поединках с китами просто и безыскусно. Подчас мне казалось, что я слушаю какого-то канадского Гомера, воспевающего Илиаду северных стран.

Я описываю этого человека таким, каким знаю его теперь. Мы стали с ним друзьями и связаны той неразрывной дружбой, которая зарождается и крепнет в страшных и тяжелых жизненных испытаниях. Молодчина Нед! Я, пожалуй, не прочь прожить еще сто лет, чтобы только вспоминать о тебе подольше.

Что же думал Нед Ленд о морском чудовище? Он, надо признаться, не очень-то верил в единорога и не разделял общего убеждения. Он даже избегал говорить на эту тему, что я заметил в первый же раз, когда попробовал узнать его мысли на этот счет.

Великолепным вечером 30 июня, через три недели после нашего отплытия из Нью-Йорка, фрегат находился в тридцати милях под ветром от патагонских берегов. Мы миновали тропик Козерога, и менее чем в семистах милях к югу перед нами открывался Магелланов пролив. Через неделю «Авраам Линкольн» должен был вступить в воды Тихого океана.

Мы с Недом Ленном сидели на юте, толковали о том о сем и поглядывали на это таинственное море, чьи глубины до сих пор были недоступны взору человека. Я завел речь про гигантского единорога и стал рассуждать о различных шансах нашей экспедиции. Я говорил довольно долго, потом заметил, что Нед молчит, и спросил его без всяких уверток:

— Как же это, Нед, неужто вы не верите, что чудовище существует? Почему вы не верите? Или у вас имеются какие-то особые уважительные причины?

Гарпунер сначала поглядел на меня с минуту молча, по привычке хлопнул себя по лбу, закрыл глаза, как бы что-то обдумывая, и наконец ответил:

— А может статься, и есть причины, господин Аронакс.

— Однако, Нед, вы ведь китобой по профессии и не раз имели дело с огромными морскими млекопитающими, — значит, вам легче, чем кому-то другому, представить себе какое-нибудь чудовищное китообразное — и легче поверить в него!

— Ну в этом вы ошибаетесь, господин профессор, — отвечал Нед. — Если темные люди верят в необыкновенные кометы да в допотопных чудовищ, что будто бы сидят в земных недрах, так это им простительно, на то они и темные люди, но ведь астрономы и геологи смеются над этими баснями. Китоловы тоже кое-что смыслят. Я на своем веку гонялся не за одним морским животным, не мало их загарпунил, случалось и убивать их в изрядном количестве, только отроду я не видывал таких хвостатых и клыкастых, чтобы они пробивали железную обшивку парохода!

— Однако, Нед, рассказывают же, что бивень нарвала пробивает насквозь суда!

— Деревянные суда, может быть, — отвечал канадец. — Да и то я этого никогда не видел собственными глазами. И пока не увижу, буду стоять на том, что такие зубастые чудовища водятся не в морях, а в сказках.

— Послушайте, Нед...

— Чего мне слушать, господин профессор? Мне совсем нечего слушать. Вы меня лучше и не уверяйте, не трудитесь. Уж лучше вы выберите что-нибудь другое, только не нарвала... Ну хоть спрута — спрут все-таки...

— Как можно спрута, Нед! Ведь спрут — мягкотелый слизняк! Будь в этом беспозвоночном хоть пятьсот футов длины, он ничуть не сможет повредить такие суда, как «Шотландия» или «Авраам Линкольн». Вот это уж чистые сказки! Осьминогами и подобными им чудовищами хорошо пугать только детей или женщин!

— Значит, господин натуралист, вы верите, что в море сидит этакий страшенный китище? — спросил Нед Ленд не без некоторой иронии.

— Да, Нед, верю! Я основываюсь на фактах, на логическом их сопоставлении. Я верю, что существует необычайно сильное млекопитающее, которое так же принадлежит к отряду китообразных, как кашалоты, киты, дельфины, и которое снабжено крепчайшим роговым бивнем — таким бивнем...

— Гм! — произнес гарпунер тоном нисколько не убежденного человека.

— Заметьте, достойнейший канадец, — продолжал я, — что если такое животное существует, если оно обитает в глубинах океана, что лежат на несколько миль ниже поверхности, так оно непременно одарено таким сильным организмом, с которым ничто не может сравниться.

— А зачем ему такой организм?

— Затем, что нужна неизмеримая сила, чтобы жить в глубине океана и выдерживать давление верхних слоев.

— В самом деле? — сказал Нед, глядя на меня и прищуривая один глаз.

— В самом деле! Я легко могу вас убедить в этом цифрами! — отвечал я.

— О, цифры! — возразил Нед. — С цифрами можно сделать все, что вашей душе угодно!

— В торговых делах — да, Нед, но в математике — нет. Послушайте. Представим мы себе давление в одну атмосферу в виде давления водяного столба высотой тридцать два фута. В сущности, столб может быть и пониже, потому что здесь дело идет о морской воде, которая гораздо плотнее пресной. Когда вы ныряете, Нед, и над вами тридцать два фута воды, то всякий раз тело ваше выдерживает давление, равное одной атмосфере, то есть по стольку же килограммов на каждый квадратный сантиметр его поверхности. Из этого следует, что на глубине триста двадцать футов это давление равняется десяти атмосферам, на глубине три тысячи двести футов — ста атмосферам, а на глубине тридцать две тысячи футов, то есть около двух лье с половиной, — тысяче атмосферам. Значит, если бы вам удалось достигнуть такой глубины в океане, каждый квадратный сантиметр вашего тела подвергся бы давлению тысячи килограммов. А вы знаете, почтеннейший, сколько кубических сантиметров имеет поверхность вашего тела?

— Понятия не имею.

— Около семнадцати тысяч.

— Неужто около семнадцати тысяч?

— А так как в действительности атмосферное давление несколько превышает тяжесть одного килограмма на квадратный сантиметр, то ваши семнадцать тысяч квадратных сантиметров в настоящую минуту выдерживают, значит, давление семнадцати тысяч пятисот шестидесяти восьми килограммов.

— А мне и горя мало?

— А вам и горя мало! На вас эта тяжесть не давит, потому что воздух внутри вашего тела давит там с такой же силой. Отсюда совершенное равновесие между давлением внешним и давлением внутренним, которые нейтрализуют друг друга, что и дает вам возможность не замечать их. Но в воде совсем другое дело.

— Да, понимаю, — ответил Нед, начинавший слушать с большим вниманием, — вода меня окружает, но внутрь не проникает.

— Именно, Нед. Итак, на глубине тридцать два фута вы будете испытывать давление семнадцати тысяч пятисот шестидесяти восьми килограммов; на глубине три тысячи двести футов давление в сто раз большее, то есть давление миллиона семисот пятидесяти шести тысяч восьмисот килограммов, а при тридцати двух тысячах футов глубины давление это увеличится в тысячу раз и будет уже равняться семнадцати миллионам пятьстам шестидесяти восьми тысячам килограммов — другими словами, вас бы тогда сплющило почище, чем от действия гидравлического пресса.

— Черт побери! — проговорил Нед.

— Итак, почтеннейший китолов, если на такой глубине обитают позвоночные в несколько сотен метров длиной и соответствующей толщины и поверхность их выражается миллионами квадратных сантиметров, то выдерживаемое ими давление должно равняться миллиардам килограммов. Теперь вы сосчитайте, как велико должно быть сопротивление

их скелета и какова должна быть сила их организма, чтобы они могли выносить подобное давление!

— Они, надо полагать, сбиты из листового железа в восемь дюймов толщиной, как броненосные фрегаты, — отвечал Нед.

— Пожалуй, что так, Нед. Ну вы и подумайте после этого, какое разрушение может сотворить подобная масса, когда устремится со скоростью экстренного поезда на корпус корабля!

— Да... точно... может статься... — отвечал Нед.

Цифры поколебали канадца, но он все-таки еще не хотел сдаваться.

— Ну что ж, Нед, убедились вы, а?

— Вы меня убедили в том, господин профессор, что если такие животные обитают в глубине морской, то они должны быть такие сильные, как вы говорите.

— Да ведь если бы их не было, так как же вы объясните приключение с «Шотландией», упрямая вы голова!

— Может... — начал Нед нерешительно.

— Да говорите, говорите!

— Потому что... это неправда! — ответил Нед, бессознательно повторяя знаменитый ответ Араго.

Этот ответ доказывал только упрямство китолова и ничего более, но я уже не стал к нему приставать. Случай с «Шотландией» был всем известен, отрицать его было невозможно. Пробоина была настолько большой, что ее пришлось заделывать — нужны ли были еще доказательства? Она не могла возникнуть сама собой, она не могла быть сделана подводной скалой или подводной машиной — значит, по всей вероятности, борт «Шотландии» пробил просверливающий орган огромного животного.

Итак, на основании всего вышеизложенного животное это принадлежало, по-моему, к отделу позвоночных, к классу млекопитающих, к отряду китообразных. А что касается семейства, к которому его следовало отнести, его вида и разновидности, то этот вопрос мог проясниться только впоследствии. Для его разрешения надо было прежде найти таинственное чудовище и поймать его, а чтобы его поймать, надо было его загарпунуть — что было делом Неда Ленда, а чтобы загарпунить, надо было его увидеть — что было делом экипажа, а чтобы его увидеть, надо было его встретить — что было делом случая.

Глава пятая Наудачу!

Некоторое время плаванье «Авраама Линкольна» совершалось без всяких приключений. Только раз представился случай Неду Ленду доказать свою удивительную ловкость и сноровку.

30 июня недалеко от Фолклендских островов фрегат наш повстречал американское китобойное судно «Монро». Мы тотчас обратились к ним с вопросом: «Не видали ли вы чудовище?» Они отвечали, что о чудовище нет ни слуху ни духу.

После переговоров о нарвале капитан «Монро», знавший, что Нед Ленд находится на борту «Авраама Линкольна», сказал капитану Фаррагуту:

— Мы выследили кита, и я хочу обратиться к вам с просьбой.

— С какой? Буду рад, если смогу помочь.

— Позвольте Неду Ленду отлучиться на часок — он нам поможет в охоте.

Капитан Фаррагут, разумеется, позволил, ему и самому хотелось посмотреть, как отличится Нед Ленд.

Нед Ленд на этот раз отличился так, что вместо одного загарпунил двух китов. Одному он попал в самое сердце, а другого проколол вдогонку.

«Ну! — думал я. — Если чудовище наткнется когда-нибудь на гарпун Неда Ленда, так ему, пожалуй, и не уйти живому».

Фрегат чрезвычайно быстро прошел мимо юго-восточного берега Южной Америки. 3 июля мы уже находились у входа в Магелланов пролив, близ мыса Дев. Только капитан Фаррагут не захотел войти в этот извилистый пролив, а постарался обогнуть мыс Горн.

Экипаж единодушно одобрил распоряжения капитана. И вправду, можно ли было ожидать встречи с чудовищем в этом узком проливе? Почти все матросы говорили:

— Да тут ему и не пролезть! Этакая машина здесь не прорвется.

6 июля, около трех часов пополудни, «Авраам Линкольн» обогнул в пятнадцати милях к югу тот одинокий остров, ту скалу на оконечности американского материка, которую голландские моряки называли именем своего родного города, — мыс Горн. Обогнув его, мы взяли курс на северо-запад. На следующее утро фрегат уже скользил по водам Тихого океана.

— Не дремать! Не зевай! Гляди в оба! — говорили друг другу матросы.

И надо сказать, никто не дремал, не зевал и все глядели в оба. Награда в две тысячи долларов имела свою прелесть, глаза и подзорные трубы и минуты не отдыхали. И днем и ночью все вглядывались и всматривались в поверхность океана; страдающие куриной слепотой вдруг поднялись в общем мнении и возбуждали зависть: они ночью различали предметы гораздо явственнее и, значит, имели больше шансов выиграть приз.

Меня деньги не особенно прельщали, но я тем не менее никому не уступал в усердии. Я насконо обедал, спал, что называется, одним глазом, пренебрегал и солнечным зноем, и проливным дождем и не уходил с палубы. Перегнувшись через борт на баке или опершись на поручни на шканцах, я пожирал жадными глазами пенистые борозды бурунов, которыми белел океан на необозримом пространстве до самого горизонта.

И сколько раз приходилось всем нам волноваться понапрасну! Какой-нибудь причудливый кит высунет из воды свою черноватую спину, и у нас уже дрожат поджилки. В одну секунду палуба покрывается народом. Из нижних кают офицеры и матросы валом стремятся на палубу, и все, затаив дыхание, всматриваются в одну точку до помутнения в глазах. Я так, бывало, напрягал глаза, что рисковал повредить себе сетчатку и ослепнуть, а мой невозмутимый приятель Консейль говорил мне своим спокойным голосом:

— Если бы их честь не так утруждали глаза, то их честь видели бы гораздо лучше и дальше.

Но все эти треволнения были напрасны. «Абраам Линкольн» лавировал, направляясь к увиденному чудовищу, а оно оказывалось простым китом или самым обыкновенным кашалотом и скоро исчезало, преследуемое общим негодованием и проклятьями.

Погода между тем стояла прекрасная, и плавание совершалось при самых благоприятных условиях. Было самое дождливое время года, так как в Южном полушарии июль соответствует нашему европейскому январю, но море было спокойно, и его можно было обозревать на огромном протяжении.

Нед Ленд по-прежнему скептически относился к нашим тревогам. Когда он не стоял на вахте, так он и не смотрел на море. А между тем удивительная острота его зрения могла бы принести огромную пользу! Но из двенадцати часов упрямый канадец восемь проводил в своей каюте, спал там или читал. Я его упрекал сотни раз за это постыдное равнодушие.

А он мне отвечал:

— Ба! Если и существует такое чудовище, так все-таки маловероятно, что мы его повстречаем. Как его нам повстречать? Ведь мы идем наудачу, куда бог даст. Говорят, видели это чудовище в водах Тихого океана. Ну, ладно, положим, его там видели. Да с той поры прошло уже два месяца, — неужели вы думаете, что оно все сидит на том же месте да поджидает нас? Судя по его нраву, так оно киснуть на одном месте не любит. Вы сами говорите: «Одарено необычайной скоростью движения», а вы лучше меня знаете, что если кто чем-нибудь одарен, так это не без толку, а на дело, на пользу. Помните, вы сказали сами: «Природа ничего бессмысленного не делает». Значит, если нарвал существует, так его теперь и след простыл.

На это я не знал, что ответить. Мы шли как слепые, наудачу, на авось, но иначе было невозможно. Рассчитывать положительно на встречу с нарвалом, разумеется, было нельзя. Однако никто из нас еще не сомневался в успехе предприятия и ни один матрос не побился бы об заклад против этого.

20 июля мы миновали тропик Козерога на долготе 105°, а 27 июля пересекли экватор на сто десятом меридиане. Затем фрегат направился на запад и вошел в центральный бассейн Тихого океана. Капитан Фаррагут полагал, и полагал очень резонно, что нарвала можно скорее встретить в глубоких водах, вдали от материков и больших островов, которых он, по-видимому, всегда избегал — наверное, потому, что «там для него слишком мелко», как объяснял нам боцман.

Фрегат прошел в виду островов Паумоту, Маркизских, Гавайских, пересек тропик Рака на долготе 132° и направился к Китайским морям.

Наконец мы пришли на место последних подвигов чудовища. Сказать по правде, мы все были ни живы ни мертвые. Все сердца учащенно бились, обеспечивая себе на будущее неизлечимые болезни. Я не берусь описать, как был возбужден весь экипаж. Люди не ели, не спали. Все мы испытывали необычайное волнение раз по двадцать в день: то оптический обман, то просто кто-нибудь из матросов вдруг крикнет или охнет. Нервы наши находились в состоянии постоянного напряжения, что неминуемо должно было вызвать скорую реакцию. И в самом деле, реакция не замедлила сказаться. Целых три месяца подряд — а нам каждый день казался за столетие — «Абраам Линкольн» скитался по северным водам Тихого океана и избороздил его во всех направлениях, гоняясь за попадавшимися китами, круто меняя курс, ложась с галса на галс, резко останавливаясь или прибавляя пары, рискуя сломать машину. Все пространство от берегов Японии до Америки было исследовано тщательнейшим образом. И ничего! Ничего решительно, кроме беспредельности пустынных волн! Ничего похожего на гигантского нарвала, или на подводный остров, или на разбитое судно, или на плавучий риф, — одним словом, ничего сверхъестественного!

Наступила реакция. Все пришли в уныние и упали духом, что открыло дорогу неверию. На борту «Авраама Линкольна» все испытывали новое ощущение, состоявшее из трех десятых стыда и семи десятых злости. Невыносимо стыдно было оставаться в дураках, положась на какие-то бессмысленные сказки, – но еще более было досадно!

Горы доводов и доказательств, которые нагромоздили в продолжение целого года, вдруг все разом рухнули, теперь все стали есть и спать, стараясь наверстать время, которое даром потратили на выглядывание и высматривание небывалого чудовища.

Со свойственным людям непостоянством перешли из одной крайности в другую. Самые горячие, самые пламенные защитники предприятия теперь стали самыми ярыми его противниками. Упадочное настроение распространилось от кубрика до кают-компании, и если бы не удивительное упорство капитана Фаррагута, фрегат, несомненно, повернул бы к югу, то есть домой.

Однако, несмотря на упорство капитана Фаррагута, бесполезное плавание не могло очень долго продолжаться. Экипаж «Авраама Линкольна» не мог винить себя за неудачу, он сделал все, что только от него зависело. Никогда еще матросы американского флота не выказывали такого терпения и усердия. А что все это пропало понапрасну, так уж это не их вина. Они сделали свое дело, больше делать было нечего. Оставалось вернуться поскорее домой.

В этом духе сделано было заявление капитану. Капитана это заявление нимало не поколебало. Он стоял на своем. Матросы не скрывали своего неудовольствия, и дисциплина на судне упала. Я не хочу сказать, что на корабле начался бунт, но тем не менее капитан Фаррагут после непродолжительного сопротивления, не выходившего из границ порядка и благородства, попросил себе, как некогда Христофор Колумб, три дня отсрочки. Если в течение этих трех дней чудовище не появится, «Авраам Линкольн» направится обратно к европейским морям.

Это обещание было дано 2 ноября. Оно тотчас же ободрило, оживило и развеселило экипаж. Опять все принялись всматриваться в морские волны, опять схватились за подзорные трубы. Это был последний отчаянный вызов чудовищу.

Прошло два дня. «Авраам Линкольн» шел под малыми парами. Мы употребляли всевозможные уловки и хитрости, чтобы привлечь внимание чудовища или расшевелить его, если оно находилось где-нибудь поблизости. За кормой, к величайшему удовольствию акул, волочились на веревках огромные куски сала. «Авраам Линкольн» лежал в дрейфе, а шлюпки сновали вокруг него во всех направлениях дозором.

Настал вечер 4 ноября, а тайна морская как была, так и осталась тайной. Отсрочка кончалась на другой день, 5 ноября, в полдень. Капитан Фаррагут, верный своему обещанию, должен был тотчас же, как только стрелка станет на двенадцати, повернуть на юго-восток и покинуть северные воды Тихого океана.

Фрегат находился тогда на $31^{\circ}15'$ северной широты и $136^{\circ}42'$ восточной долготы. Японские берега были от нас менее чем в двухстах милях под ветром.

Ночь приближалась. Часы показывали уже восемь. Густые тучи заволокли молодой месяц. Океан был спокоен, и легкие волны тихо струились из-под форштевня.

Я стоял на баке, опершись на поручни. Консейль стоял около меня и смотрел бесцельно вперед. Матросы, взобравшись на ванты, всматривались в горизонт, который все больше суживался из-за наступающей темноты. Офицеры, приставив к глазам подзорные трубы, пытались что-то рассмотреть в увеличивающейся темноте. Время от времени темный океан вдруг местами словно вспыхивал, когда лунный луч прорывался сквозь облака, а потом серебряный след снова исчезал во мраке.

Я поглядел на Консейля, и мне показалось, что у него наконец пробудилось любопытство.

– Ну, Консейль, – сказал я, – вот последний случай заполучить две тысячи долларов!

– Если их честь позволят мне доложить, так я их чести доложу, что никогда не расчитывал на эту премию. И если бы американское правительство предложило не две, а сто тысяч долларов, так из-за меня оно бы ничего не потеряло.

– Твоя правда, Консейль. Глупая затея, и мы вмешались в нее чересчур опрометчиво. Сколько времени потеряно даром! Сколько напрасных волнений! Ведь мы могли бы уже шесть месяцев быть во Франции...

– Дома, в квартире его чести, – подхватил Консейль, – в Парижском музее. И я бы уже классифицировал ископаемых его чести! И морская свинка его чести была бы уже посажена в клетку в ботаническом саду, и все бы сбегались на нее смотреть.

– Да, да, Консейль! А теперь кроме всех прочих приятностей нас еще поднимут на смех!

– Действительно, я полагаю, что его честь поднимут на смех. И, с позволения их чести... Только я не знаю, говорить ли...

– Говорить, говорить, Консейль!

– Ну так я скажу: их честь пожнут, что посеяли!

– В самом деле?

– Уж если их честь удостоились быть ученым, так не следует показывать легкомыслия в делах...

Консейль не закончил своего похвального слова. Среди всеобщей тишины раздался вдруг голос Неда Ленда.

Нед Ленд кричал:

– Эй! Диковина показалась! Под ветром, прямо перед нами!

Глава шестая На всех парах

Весь экипаж кинулся к гарпунеру: капитан, офицеры, матросы, юнги – одним словом, все до единого человека, даже кочегары бросили свои топки. Тотчас же дан был приказ остановиться, и фрегат шел теперь только по инерции.

Было совсем темно, и я удивлялся, как мог канадец при всей своей дальновидности что-нибудь увидеть в таком мраке. И что такое он увидел? Сердце у меня так билось, словно хотело выскочить из груди.

В двух кабельтовых от «Авраама Линкольна» море как будто было иллюминировано снизу. Принять этот свет за обыкновенное свечение океана было нельзя. Чудовище всплывало, но держалось всего на несколько туазов⁸ ниже поверхности, и от него исходил тот яркий, необъяснимый свет, о котором упоминали в своих рапортах многие капитаны кораблей.

Что это было за великолепнейшее сияние! И производило его, по-видимому, что-то одаренное изумительной силой светиться. Светящийся предмет имел контуры громадного продолговатого овала, в центре которого, как в фокусе, был сосредоточен невыносимо яркий блеск.

– Да это просто случайное скопление фосфоресцирующих организмов! – воскликнул один офицер.

– Нет, вы ошибаетесь, – возразил я офицеру. – Никогда фолады или сальпы не испускают такой сильный свет. Это свет электрического происхождения… Да вы поглядите: он перемещается! Он движется вперед… назад! Он несется на нас! На палубе раздался всеобщий крик.

– Молчать! – сказал капитан Фаррагут. – К рулю! Задний ход!

Матросы кинулись к рулю, механики к машинам, и «Авраам Линкольн» описал полуокруг.

– Прямо! Вперед! – крикнул Фаррагут.

Команда была исполнена, и фрегат быстро удалился от светящегося предмета.

Я неточно выразился. Фрегат хотел удалиться, но сверхъестественное чудовище погналось за ним вдвое быстрее и стало вновь его настигать.

Мы затаили дыхание. От страха и изумления мы стояли немы и недвижимы. Чудовище догоняло нас, словно резвясь и играя: оно обогнуло фрегат, который шел со скоростью четырнадцати узлов, окружив его каскадом электрических лучей, словно светящейся пылью. Затем оно удалилось на две или на три мили, оставив за собою светящуюся полосу, похожую на клубы пара, оставленного локомотивом скорого поезда. Вдруг от темной линии горизонта чудовище с ужасающей быстротой ринулось к фрегату, мгновенно остановилось, словно замерло, в двадцати футах от его борта и погасло. Нет, оно не погрузилось в волны, потому что свет его не угасал постепенно, а потухло мгновенно, как будто источник этого чудесного светоистечения мгновенно иссяк. И сразу же чудовище появилось с другой стороны корабля, обогнув его или проскользнув под его корпусом. Каждую минуту могло произойти столкновение, которое было бы для нас гибелью. Я, однако, удивлялся маневрам «Авраама Линкольна». Выходило, что преследовали теперь его – его, который должен был преследовать чудовище! Я обратил на это внимание (не утерпел!) капитана Фаррагута.

Его всегда безмятежное лицо выражало неописуемое изумление.

⁸ Туаз – старинная французская мера длины; равнялась примерно 1,949 м.

— Аронакс, — отвечал он, — я не понимаю, с каким сверхъестественным чудовищем мы имеем дело, и я не хочу рисковать кораблем в такой темноте. Да и как нападать на то, чего или кого мы не знаем? О чем не имеем даже понятия? И как в случае нападения с его стороны защищаться? Дождемся утра, и тогда роли переменятся!

— Вы теперь уж не сомневаетесь, капитан, что это животное?

— Не сомневаюсь, Аронакс. По всей видимости, это гигантский нарвал и, кроме того, нарвал электрический.

— Пожалуй, к нему и не подступиться, — сказал я, — как к электрическому угрю или скату.

— Пожалуй, — отвечал капитан. — Если оно одарено способностью поражать, как молнией, все, что к нему приближается, то надо признаться, это самое ужасное животное в мире. Поэтому-то, Аронакс, я буду осторожен.

Весь экипаж не смыкал глаз целую ночь, никто и не помышлял о сне. «Абраам Линкольн», оказавшись не в состоянии состязаться в скорости с электрическим чудовищем, шел на малых парах. Нарвал, со своей стороны, казалось, подражал фрегату, покачиваясь на волнах и, по-видимому, нисколько не намерен был оставить театр борьбы.

Около полуночи, однако, и он исчез, или, говоря точнее, погас, как гигантский светлячок.

Что же он, уплыл? Мы не смели на это надеяться.

Но без семи минут час после полуночи вдруг раздался оглушительный свист, словно поблизости забил мощный фонтан воды.

Капитан Фаррагут, Нед Ленд и я стояли в этот момент на юте и жадными глазами всматривались в окружавшую нас темноту.

— Нед Ленд, вы ведь часто слыхали, как ревут киты? — спросил капитан Фаррагут.

— Часто, капитан. Только как ревет кит, который приносит одним своим видом две тысячи долларов, я до сих пор не слыхал.

— Да, да, премия ваша; она принадлежит вам, бесспорно. Скажите, пожалуйста, этот шум похож на тот, который производит кит, когда выбрасывает воду из носовых отверстий?

— Не только похож, а такой же, только этот шум гораздо сильнее. Сомневаться теперь нечего. Что к нам пришвартовалось китообразное, как их называет профессор, так это верно. С вашего позволения, капитан, мы на рассвете перемолвимся словечком с этим китообразным.

— Да, Нед, — сказал я, — если китообразному угодно будет вас выслушать.

— Как я подберусь к нему с гарпуном, так придется выслушать! — ответил канадец.

— А как вы подберетесь? Для вас надо спустить вельбот? — сказал капитан Фаррагут.

— Разумеется, надо, капитан.

— И рисковать жизнью матросов!

— Да, и моей, — ответил гарпунер так просто и спокойно, как будто дело шло о самой обыкновенной вещи.

Около двух часов ночи светящийся предмет снова показался; он светился так же ярко, как и прежде, в пяти милях под ветром от «Абраама Линкольна». Несмотря на расстояние, несмотря на шум ветра и ропот моря, мы ясно слышали могучие всплески хвостом и прерывистое дыхание чудовища. Казалось, когда чудовище выплыло подышать на поверхность океана, воздух набивался и выл в его легких, как пар в громадных цилиндрах машины мощностью две тысячи лошадиных сил.

«Ну, — думал я, — если водится такой кит, который один может помериться силой с целым кавалерийским полком, так это кит порядочный!»

До рассвета мы были настороже — каждый миг ждали, что вот-вот завяжется бой. Все китобойные сети расположили вдоль бортов, зарядили орудия, выбрасывающие гарпун на

целую милю, и длинные ружья с разрывными пулями, которые бьют наповал самых крупных животных. Нед Ленд держал наготове свой гарпун, который в его руках стоил всякого другого смертоносного орудия.

В шесть часов начало светать, и с первыми лучами утренней зари исчез электрический свет нарвала. В семь часов уже почти совсем рассвело, но густой утренний туман застилал горизонт, и в самые лучшие подзорные трубы ничего нельзя было разглядеть. Все проклиниали этот туман на разные лады.

Я взобрался на бизань-мачту. Некоторые офицеры уже влезли на марсовые площадки.

В восемь часов туман заклубился по волнам и стал медленно подниматься. Линия горизонта постепенно расширилась и прояснилась.

Вдруг раздался голос Неда Ленда, раздался так же неожиданно, как и накануне:

— Эй, смотрите! Диковина показалась! Вон там, по левому борту, за кормой!

Все глаза обратились в указанную сторону.

Там, в миле или полторы от фрегата, всплыло какое-то длинное темное тело. Волны пенились под мощными ударами его хвоста. Громадная борозда ослепительной белизны обозначала путь животного, описывая продолговатую извилину.

Фрегат приблизился к чудовищу. Я стал в него внимательно вглядываться. Рапорты с «Шанона» и «Гельвеции» несколько преувеличили его размеры: по моим наблюдениям, длина его была только двести пятьдесят футов. Его толщину я не мог точно определить, но животное, казалось, было удивительно пропорционально.

Пока я разглядывал это необычайное творение, из его носовых отверстий вырвались два столба пара и воды и поднялись на высоту сорок метров. Это дало мне некоторое понятие о том, как оно дышит. Я окончательно решил, что чудовище принадлежит к разряду позвоночных, к классу млекопитающих, к подклассу чревосумчатых, к группе рыбовидных, к отряду китообразных, к семейству...

Этого я еще не мог определить. Отряд китообразных включает три семейства: китов, кашалотов и дельфинов, и нарвалы причисляются к последним. Каждое из этих семейств подразделяется на многие роды, каждый род на виды, каждый вид на разновидности. Мне, значит, еще недоставало разновидности, вида, рода и семейства, но я не сомневался, что с помощью неба и капитана Фаррагута я в скором времени самым доскональным образом восполню пробел в классификации.

Тем временем команда с нетерпением ждала приказаний капитана.

Капитан очень внимательно наблюдал за чудовищем, а по том позвал механика. Механик тотчас же явился. — Разведены пары? — спросил капитан. — Так точно! — отвечал механик.

— Хорошо. Усилить давление! Дать полный ход!

Этот приказ был встречен троекратным «ура». Час борьбы наступил!

Несколько минут спустя из труб «Авраама Линкольна» повалили клубы черного дыма, и палуба начала содрогаться от дрожи паровых котлов. На всех парах «Авраам Линкольн» устремился к чудовищу.

Чудовище это нисколько, по-видимому, не испугало; оно равнодушно подпустило фрегат к себе на расстояние полукабельтовых, а затем, даже не погружаясь в волны, стало не спеша удаляться.

«Авраам Линкольн» полетел вдогонку. Он гнался за чудовищем около часа, но безуспешно: он и на два туаза не подошел ближе. Ясно было, что при такой скорости животное не догнать.

Капитан Фаррагут в ярости теребил свою густую бороду.

— Нед Ленд! — крикнул он.

Канадец тотчас же явился на зов.

— Ну, Нед Ленд, что вы теперь посоветуете? — спросил капитан. — Может, спустить шлюпки?

— Нет, капитан, — ответил Нед Ленд, — не советую, эту тварь только тогда можно взять, когда она сама пожелает даться в руки.

— Так что ж нам делать?

— Поднять пары, если можно, капитан. А я, с вашего позволения, стану на бушприте и, как только мы его догоним, ударю по нему гарпуном.

— Идите, Нед, — отвечал капитан. И вслед за тем крикнул: — Механик, поднять пары!

Нед Ленд занял свой пост. Винт завертелся теперь со скоростью сорок три оборота в минуту, и пар клубами вырывался через клапаны. Бросили лаг, и оказалось, что «Абраам Линкольн» делает восемнадцать и пять десятых мили в час.

Но проклятое чудовище тоже шло с такой скоростью. Еще за целый час фрегат не выиграл ни одного туаза.

Трудно было перенести такое унижение одному из самых быстроходных судов американского флота. Экипаж начинал приходить в бешенство, матросы проклинали чудовище. А чудовище и в ус не дуло!

Капитан Фаррагут уж не крутил свою бородку, а кусал ее.

Он снова позвал старшего механика.

— Вы идете на всех парах? — спросил капитан Фаррагут.

— На всех парах, капитан, — отвечал механик. — Сколько?

— Шесть с половиной атмосфер, капитан.

— Доведите до десяти атмосфер.

Это было настоящее американское распоряжение! Лучше, пожалуй, не отличились бы и на гонках на Миссисипи!

— Знаешь, дружище, — сказал я Консейлю, — мы ведь, по всей видимости, взлетим на воздух.

— Как угодно будет их чести, — отвечал Консейль.

Положа руку на сердце, я должен признаться, что нисколько не испугался: мне этот риск был очень по нраву.

Пары пустили на десять атмосфер. Уголь завалил все топки. Из вентиляторов пошли целые потоки воздуха на горящее топливо. Скорость «Абраама Линкольна» увеличилась. Мачты дрожали, и облака дыма с трудом вырывались наружу из узких труб.

Опять бросили лаг.

— Ну что, рулевой? — спросил капитан Фаррагут.

— Девятнадцать миль и три десятых, капитан, — отвечал рулевой.

— Поднять давление!

Скоро манометр показал десять атмосфер, но чудовище тоже, вероятно, «усилило пары», потому что оно, нисколько не затрудняясь, тоже шло со скоростью девятнадцать и три десятых мили в час.

Какая гонка! Я не могу описать вам, до чего я был взволнован в эти минуты!

Нед Ленд стоял на своем посту с гарпуном в руке. Несколько раз чудовище подпускало нас ближе к себе.

— Догоняем! Догоняем! — кричал тогда канадец.

Но в ту самую минуту, когда он готовился метнуть гарпун, чудовище убегало от него со скоростью не менее тридцати миль в час. А как-то раз, когда мы летели на всех парах, оно, словно издеваясь над нами, вдруг повернуло, изволило описать вокруг фрегата большой круг и снова убежало вперед! У всех нас вырвался крик бешенства.

В полдень мы находились на том же самом расстоянии от чудовища, на каком были и в восемь часов утра.

Тут капитан Фаррагут решился наконец на более крутые меры.

— А! — сказал он. — Это животное идет быстрее «Авраама Линкольна». Ну, делать нечего! Теперь посмотрим, как оно будет уходить от конических ядер! — И капитан крикнул:

— Зарядить носовую пушку!

В одно мгновение пушка была заряжена и нацелена на чудовище. Раздался грохот, но ядро пролетело на несколько футов выше животного, которое держалось теперь всего в полу-миле от нее.

— Пусть зарядит и прицелился кто-нибудь другой, кто половчее! — крикнул капитан. — Пятьсот долларов тому, кто пристрелит этого дьявола!

Старый канонир с седой бородой — я словно еще вижу его: взгляд спокойный, лицо уверенное — подошел к пушке, зарядил ее и долго целился.

Снова раздался выстрел, к его грохоту присоединились проклятия экипажа.

Ядро было пущено метко: оно долетело и ударило животное, но, скользнув по округлой спине чудовища, пропало в волнах.

Старик переменился в лице от ярости.

— Ах, чтоб тебя разорвало! — вскричал он. — Этот гад, надо полагать, бронирован желе-зом в шесть дюймов толщиной!

— Проклятие! — крикнул капитан Фаррагут. — Полный вперед!

Охота началась снова.

Капитан Фаррагут наклонился ко мне и сказал вполголоса:

— Я буду до тех пор за ним гоняться, пока мой фрегат не взлетит на воздух!

— Разумеется, — отвечал я капитану, — разумеется. Вы будете совершенно правы!

Можно было надеяться только на то, что животное наконец устанет, не выдержав состязания с пароходом, но надеялись мы на это напрасно. Часы шли за часами, а чудовище не подавало ни малейших признаков утомления.

К чести «Авраама Линкольна» надо сказать, что он охотился с неслыханным упорством. Я полагаю, он пролетел по меньшей мере пятьсот километров в этот злополучный день 6 ноября. Но наступила ночь и покрыла мраком пенящийся океан.

Я подумал: «Ну все! Экспедиция наша окончена! Мы уже не увидим больше чудо-вища!» Однако я ошибся.

В десять часов пятьдесят минут вечера снова вспыхнул электрический свет в трех милях под ветром от фрегата. И свет этот был такой же чистый и яркий, как и в прошлую ночь.

Нарвал казался неподвижным. Может быть, утомленный дневной гонкой, он спал, покачиваясь на волнах? В таком случае снова появлялась надежда на успех. Капитан Фаррагут решил воспользоваться благоприятным моментом.

Он отдал нужные приказания. «Авраам Линкольн» на малом ходу осторожно начал приближаться к чудовищу. Встретить посреди океана глубоко спящего кита вовсе не редкость, и тогда нападать на них можно очень успешно. Нед Ленд немало их загарпунил именно во время сна. И сейчас канадец снова занял свой пост у бушприта.

Фрегат бесшумно подошел на два кабельтовых к чудовищу. Машину остановили, и судно шло по инерции. У всех замерло сердце, все затянули дыхание. Глубокое безмолвие царило на палубе. Мы были всего в сотне футов от центра электрического света; его блеск все увеличивался и просто ослеплял наши глаза.

Я в эту минуту стоял на баке, опершись о борт, и видел, как внизу Нед Ленд ухватился одной рукой за мартинштаг, а другой потрясаet своим страшным орудием. Всего футов двадцать отделяло его от чудовища. А чудовище лежало неподвижно.

Вдруг Нед Ленд взмахнул рукой, и гарпун взвился в воздух. Я слышал, как звонко он ударился, словно попал в какое-то твердое металлическое тело.

Мгновенно погас электрический свет, и два громадных фонтана воды обрушились на палубу, разливаясь мощными потоками, опрокидывая людей и ломая фальшборты. Затем последовало страшное сотрясение; я не успел удержаться, и меня швырнуло через борт в море.

Глава седьмая Кит неизвестного вида

Хотя я был несколько ошеломлен неожиданным кувырком, но тем не менее сознание не потерял.

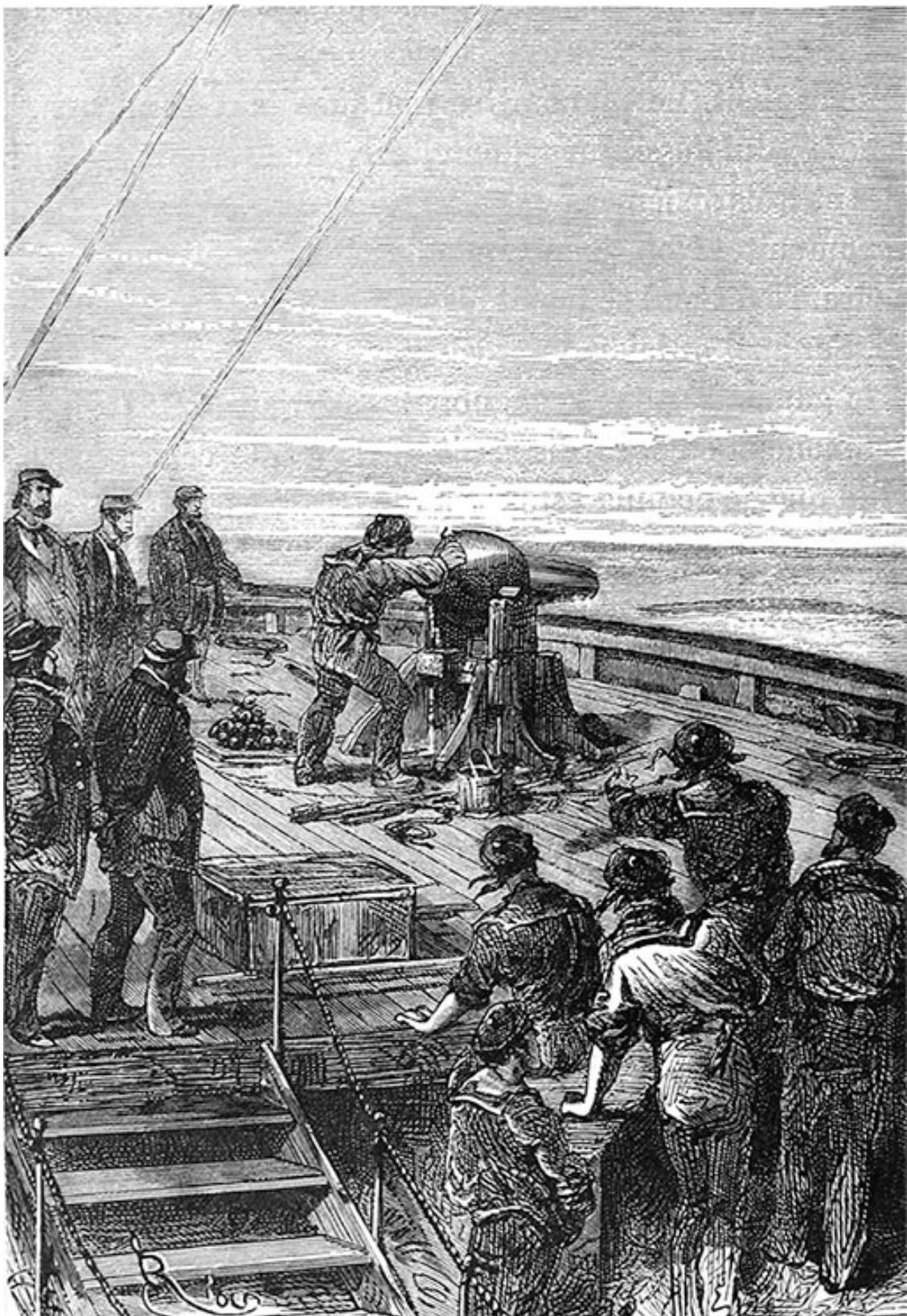
Меня тотчас же увлекло на глубину около двадцати футов. Я не хочу ставить себя выше Байрона и Эдгара По, но я все-таки пловец изрядный, и, очутившись в воде, я не растерялся.

Двумя сильными взмахами я всплыл на поверхность.

Разумеется, сразу я начал искать фрегат глазами. Заметил ли экипаж мое исчезновение? Повернул ли «Авраам Линкольн» на другой галс? Спустил ли капитан Фаррагут шлюпку на море? Есть ли у меня надежда на спасение?

Кругом была совершенная темнота. Я, впрочем, рассмотрел черную массу, которая исчезала на востоке. Это был фрегат. Значит, я погиб!

– Помогите! помогите! – закричал я, пытаясь плыть вслед за «Авраамом Линкольном».

Одежда очень затрудняла мои движения; она прилипала к моему телу, словно связывала меня по рукам и по ногам.

Я шел ко дну, я задыхался!

— Помогите!

Это был мой последний крик. Мне захлестнуло рот водой.

Я начал биться, но бездна меня втягивала...

Вдруг чья-то мощная рука схватила меня за ворот, вытащила на поверхность, и я услышал слова, сказанные мне на ухо:

– Если их честь обопрется на мое плечо, так их чести будет плыть лучше.

Я схватился за своего верного Консейля.

– Это ты? – вскричал я. – Это ты?

– Я самый, – отвечал Консейль, – к услугам их чести.

– Значит, тебя тоже вышвырнуло в море?

– Нисколько меня не вышвырнуло, я сам прыгнул. Я нахожусь в услужении у их чести, значит, я должен всюду следовать за их честью. Я и последовал.

Он находил это очень естественным!

– А фрегат? – спросил я.

– Фрегат! – отвечал Консейль, переворачиваясь на спину. – Я полагаю, лучше будет, если их честь перестанет уж на фрегат рассчитывать.

– Что это значит?

– В ту самую минуту, как я прыгал в море, я слышал, рулевые закричали: «Винт сломался!» – Винт сломался?

– Да! Чудовище пробило его бивнем. Больше повреждений на «Абрааме Линкольне» нет, да вот только он уже не может теперь направляться туда, куда хочет, – значит, не может позаботиться о нас.

– Так мы, стало быть, пропадем!

– Может, пропадем, – отвечал спокойно Консейль. – А впрочем, у нас еще остается несколько часов впереди, а за несколько часов может иногда многое случиться.

Хладнокровие невозмутимого Консейля ободрило меня.

Я поплыл из всех сил, но плыть было мне очень трудно: одежда облипала и сдавливала меня, как свинцовые оковы. Я едва мог держаться на воде.

Консейль это заметил.

– Прошу позволения у их чести сделать маленький разрез, – сказал он.

Просунув раскрытый нож под мою одежду, он быстро распорол ее сверху донизу. Пока я поддерживал его в воде, он проворно сдернул ее с меня. Потом я, в свою очередь, оказал такую же услугу Консейлю. И, держась друг возле друга, мы опять продолжили наше «плавание».

Положение, однако, было ужасным. Нашего исчезновения, возможно, не заметили, да если бы даже и заметили, фрегат не мог повернуть к нам против ветра. Если можно было на что-то рассчитывать, то только на спущенные шлюпки.

Консейль хладнокровно рассуждал на эту тему и составлял разные планы. Удивительный человек этот Консейль! Среди необозримого океана он точно находился у себя дома!

Итак, мы решили, что для нас есть одно только спасение: попасть на спущенные шлюпки «Абраама Линкольна», – значит, надо было как можно дольше продержаться на воде.

– Надо беречь силы, – сказал я Консейлю. – Знаешь, что мы сделаем? Один из нас перевернется на спину, скрестит руки, вытянет ноги и будет лежать неподвижно на воде, а другой будет плыть и подталкивать его вперед не больше десяти минут, а потом мы поменяемся местами – понимаешь? Если мы будем так чередоваться, то сможем плыть несколько часов кряду, – может хватить сил проплыть до рассвета.

Разумеется, рассчитывать плыть до рассвета было неосновательно, но человек так уж создан, что никогда не теряет надежды. И я не терял. К тому же нас было двое, что тоже подкрепляло падающий дух. Одним словом, я надеялся. Я говорил себе, что надежды нет, быть не может, а все-таки надеялся!

Столкновение «Авраама Линкольна» с чудовищем произошло около одиннадцати часов вечера. Значит, осталось восемь часов до рассвета.

— Что ж, пожалуй, проплытем восемь часов, если будем чередоваться! — сказал я Консейлю.

— Пожалуй, что проплытем, — отвечал Консейль.

Океан был спокоен, плавание мало нас утомляло. Время от времени я вглядывался в густой мрак, который освещался только фосфорическими блестками при каждом нашем движении. Я смотрел на светящиеся волны, разбивавшиеся под моими руками; переливающаяся поверхность вод сверкала какими-то бледными, свинцовыми пятнами. Мы плыли точно в море ртути.

Около часа ночи я вдруг почувствовал чрезвычайную усталость. Меня начали мучить жестокие судороги. Консейль должен был меня поддерживать, теперь забота о нашем спасении легла на него одного.

Скоро я заметил, что и он выбивается из сил, дыхание у него стало прерываться, движения сделались порывистее.

Я понял, что он изнемогает.

— Оставь меня! — сказал я верному товарищу.

— Оставить их честь! Никогда! — отвечал он. — Я надеюсь утонуть вместе с их честью!

В эту самую минуту месяц выглянул из-за туч, и поверхность океана засверкала под его лучами. Этот благодетельный свет как будто придал нам сил. Я поднял голову и огляделся.

В шести милях от нас я увидел фрегат, он представлялся темной массой, которую едва можно было различить в ночной мгле. Но шлюпок нигде не было видно. Нигде, ни одной!

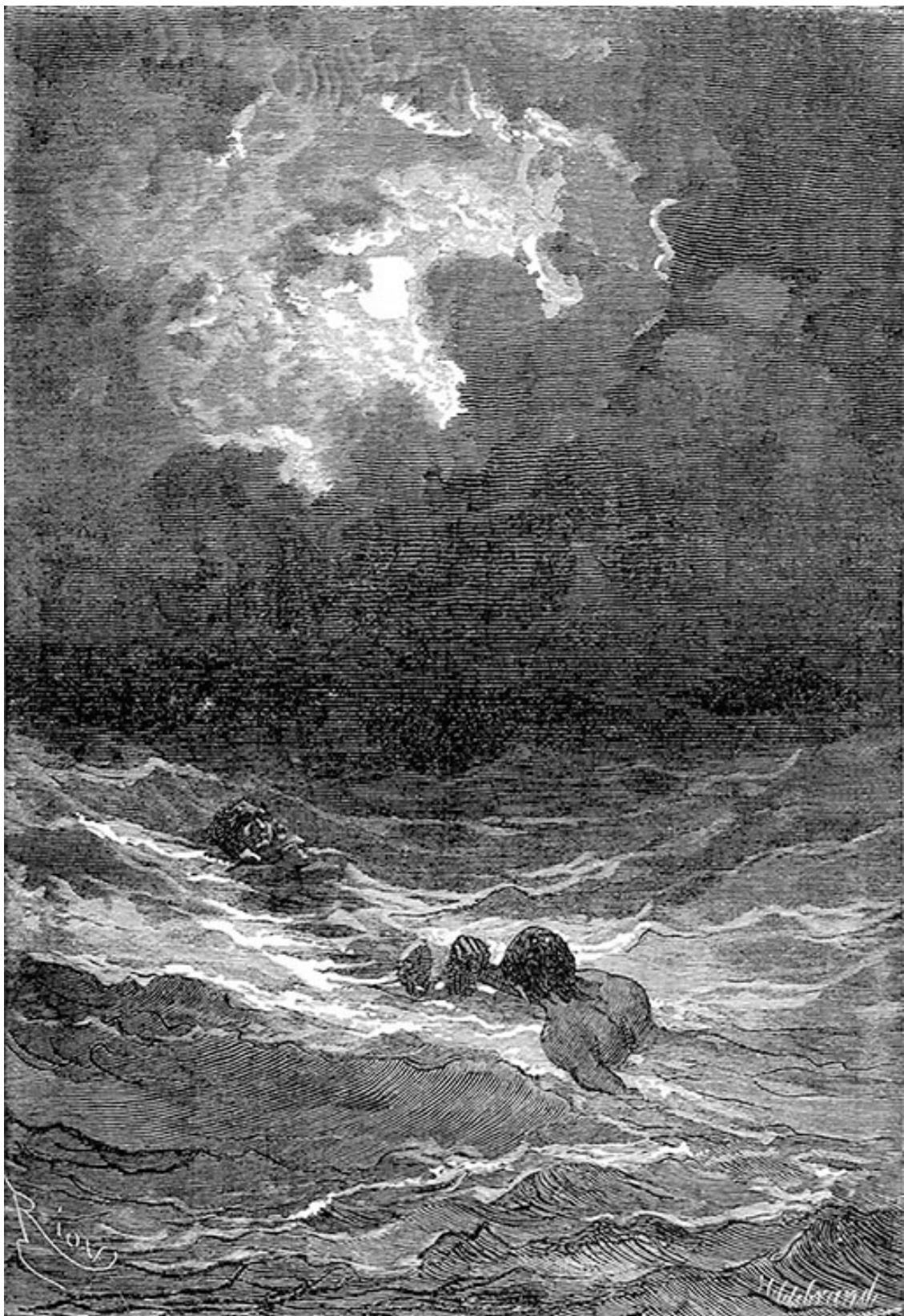
Я попробовал закричать. Собственно говоря, к чему было кричать? Разве могли меня услышать на таком расстоянии? Но и закричать я не мог — опухшие губы словно слиплись и не пропускали ни звука.

Консейль смог собраться с силами; я слышал, как он несколько раз прокричал: «Помогите, помогите!»

«Что это? Шумит в ушах от прилива крови, что ли?

Или уж начинается бред? — думал я. — Что это?»

Мне показалось, что на крик Консейля ответили криком.

— Ты слышал? — прошептал я. — Слышал?
— Да! Да!
И Консейль опять отчаянно закричал.
На этот раз сомневаться было уже невозможно. Человеческий голос ответил на наш призыв очень явственно.

«Что это за голос? Чей? Откуда? Может, это еще кто-нибудь злополучный с «Авраама Линкольна»? Или, может, это окликают нас со шлюпки, спущенной на море для нашего спасения и невидимой во мраке ночи?»

Консейль, сделав последнее усилие, оперся на мое плечо – я конвульсивно его поддерживал, – приподнялся до пояса из воды, а затем, совершенно обессиленный, снова упал.

– Что ты видел?

– Я видел... – пробормотал он, – я видел... но не надо говорить... надо беречь... беречь силы...

Что же он видел? Не знаю почему, но в эту минуту у меня в первый раз мелькнула мысль о чудовище. Но человеческий голос? Ведь уже давным-давно прошли те времена, когда Ионы укрывались в чреве китов!

Консейль все-таки из последних сил подталкивал меня вперед. Время от времени он поднимал голову, осматривался и кричал. На его крик раздавался ответный голос, и голос этот слышался все ближе и ближе. Но у меня уже гудело в ушах, я выбился из сил, меня захлестывала соленая волна и неудержимо тянуло в холодную бездну. Я в последний раз поднял голову – и пошел ко дну.

Вдруг я наткнулся на какое-то твердое тело, уцепился за него и почувствовал, что меня тащат на поверхность, но... потерял сознание.

Скоро я пришел в себя благодаря жестоким растираниям, которые избороздили мое тело не лучше ударов плетью, и открыл глаза.

– Консейль! – прошептал я. – Консейль!

– Их честь изволили звать меня? – отозвался Консейль.

В ту же минуту в свете заходящей луны я увидел еще одну склонившуюся надо мной фигуру и тотчас же узнал ее.

– Нед! – вскрикнул я.

– Он самый, Аронакс. Как видите, все еще гоняюсь за премией.

– Вас сбросило при столкновении?

– Да, профессор. Только мне посчастливилось больше вашего: я почти в ту же минуту вскарабкался на плавучий островок.

– На островок?

– Точнее говоря, на чудовище, на этого «нарвала-гиганта», как вы его называли.

– Объяснитесь, Нед! Я ничего не понимаю!

– И я очень скоро понял, почему это мой гарпун не мог его пробить!

– Почему же, Нед? Почему?

– Да потому, профессор, что это чудовище сделано из стальной брони!

Слова канадца так ошеломили меня, что я почувствовал головокружение. Несколько оправившись от потрясения, я быстро взобрался на спину этого существа или предмета, который послужил нам убежищем, и попробовал ударить его ногой. Это, несомненно, было твердое, непроницаемое тело, вовсе не похожее на мягкое тело морских млекопитающих.

Твердое тело! Но, может, это костный панцирь, как у допотопных животных? Что ж! Придется причислить чудовище к пресмыкающимся типа черепахи или аллигатора, вот и все!

Но нет! Сероватая спина, на которой я стоял, была не чешуйчатой, а ровной и гладкой, как зеркало. Когда я ударял по ней, она издавала металлический звук! Каким бы странным, невероятным это ни казалось, но, по всей видимости, чудовище было сделано из металлических листов, скрепленных болтами!

Да, сомнений больше не было. Это чудовище, которое сбило с толку весь ученый мир, которое расстроило воображение моряков обоих полушарий, оказалось делом рук человече-

ских! Открой я существование какой-нибудь сказочной, мифической твари, меня бы это не удивило в такой степени. Чудеса природы не так поражают, как чудеса человеческие.

Однако мы находились на «спине» таинственного подводного судна, напоминающего, насколько я мог судить, по форме громадную стальную рыбу.

— Какова рыбка-то? — спросил Нед Ленд. — Да, рыбка, нечего сказать! — отвечал я.

— Изрядная, — прибавил Консейль.

— Значит, этот снаряд имеет какой-то механизм, приводящий его в движение? Значит, есть и экипаж? Кто-нибудь ведь должен управлять судном?

— Разумеется! — отвечал Нед Ленд. — Только я вот уже часа три торчу на этом плавучем острове, а еще не заметил никаких признаков того, что тут есть какая-нибудь живая душа.

— Что ж, это судно шло или все время стояло на месте?

— Нет, не шло, Аронакс. Только покачивается себе на волнах, а двигаться не двигается.

— Все равно мы уже знаем, как оно может мчаться, видели, каков у него ход. Чтобы развить такую скорость, нужен двигатель, а для двигателя нужен механик — так? Из этого можно заключить, что... что мы спасены!

В эту минуту послышалось какое-то шипение, словно в глубине заработал гребной винт, и удивительный подводный снаряд пришел в движение. Мы едва успели ухватиться за небольшое возвышение, которое выступало из воды сантиметров на восемьдесят. К счастью, на этот раз его скорость была умеренной.

— Покуда этот поплавок чешет как следует, это еще ничего, — ворчал Нед. — Но если он примется нырять, тогда я не поставлю и двух долларов за свою шкуру!

Надо было безотлагательно, во что бы то ни стало подать о себе весть, вступить в переговоры с теми, кто сидел внутри этой плавучей машины.

Я стал ощупывать поверхность, отыскивая какое-нибудь отверстие, дверку, задвижку, — ничего! Ряды заклепок, скрепляющих швы листовой стали, блестели на ровном расстоянии друг от друга. К тому же луна скрылась, и мы очутились в полной темноте. Приходилось дожидаться рассвета и тогда искать способы, как проникнуть внутрь подводного судна.

Значит, наша жизнь зависела теперь от таинственного рулевого, который управлял этим судном. Вздумай он пойти под воду, и мы погибли.

— А если он не нырнет, мы будем спасены, — сказал я. — Мы как-нибудь да выйдем на связь с этими подводными путешественниками. Ведь они, надо полагать, не сами фабрикуют воздух, значит, они должны непременно время от времени выплывать на поверхность океана, чтобы возобновить запас чистого воздуха. Должна же быть какая-нибудь отдушина, через которую внутренность судна сообщается с атмосферой.

Что касается капитана Фаррагута, то надежду на его помощь приходилось оставить. Мы шли теперь на запад со скоростью примерно двенадцать миль в час. Винт разбивал волны с математической точностью; время от времени он высывался из воды, и тогда фосфоресцирующие водяные брызги летели столбами вверх.

Около четырех часов утра скорость судна увеличилась. Мы с трудом могли держаться; голова у нас кружилась, а волны неистово хлестали нас со всех сторон. К счастью, Неду попалось под руку большое якорное кольцо, вделанное в стальную обшивку, и мы все за это кольцо уцепились.

Наконец эта долгая ночь прошла.

Я теперь уже не могу рассказать вам о всех моих тогдаших впечатлениях. Я помню, что временами, когда на мгновение стихали шум ветра и грохот океанских волн, мне чудились какие-то неясные звуки, похожие на музыкальные аккорды.

Что это за таинственное подводное судно? Куда оно направляется? Зачем? Что за люди, что за существа живут здесь? Что за удивительный двигатель, с помощью которого можно мчаться с такой изумительной быстротой?

Рассвело. Утренний туман рассеялся.

– Наконец-то! – сказал я.

И сейчас же стал осматривать самым тщательным образом корпус судна, на верхней части которого было устроено что-то вроде горизонтальной площадки.

– Зачем здесь эта платформа? – думал я.

Вдруг я почувствовал, что платформа подо мной начинает потихоньку оседать, опускаясь в воду.

– Эй вы, тысяча чертей! – закричал Нед Ленд, стуча ногами по гулкому металлу. – Отпирайте, горе-мореплаватели!

Откройте!

Из-за оглушительного шума гребного винта вряд ли таинственные подводные путешественники слышали голос Неда. Однако погружение в глубину внезапно почему-то прекратилось. Вдруг послышался лязг отодвигаемых железных засовов. На платформе поднялась стальная пластинка, оказавшаяся крышкой люка. Оттуда показался человек, что-то крикнул и тотчас же исчез.

Несколько минут спустя из люка появились восемь дюжих молодцов, схватили нас и повели внутрь своего подводного судна.

Глава восьмая *Mobilis in mobile*

Нас похитили с быстротой молнии. Ни я, ни мои товарищи не успели опомниться. Я не знаю, что почувствовали Нед Ленд и Консейль, очутившись в плавучей тюрьме, а у меня пробежал мороз по коже.

С кем мы имели дело? Вероятно, с какими-нибудь пиратами, которые разбойничали на море по изобретенному ими способу.

Как только за нами захлопнулась крышка узкого люка, мы очутились в полной темноте. Я ощущал босыми ногами, что стою на ступеньках железной лестницы. Неда Ленда и Консейля вели следом за мной. Когда мы спустились с лестницы, перед нами распахнулась дверь, нас легонько втолкнули туда, и она тотчас же затворилась с каким-то звоном.

Мы были одни.

Где мы были? Я не мог себе этого даже представить. Кругом было не то что темно, а черно – так черно, что спустя несколько минут глаза мои не могли еще уловить ни малейшего отблеска света.

Нед Ленд был взбешен и, не стесняясь, выражал свое негодование.

– Тысяча чертей! – кричал он. – Вот так дикари! Признаюсь, гостеприимный народ! Что они, людоеды, что ли? Надо полагать, что людоеды! Ну если меня захотят проглотить, так я постараюсь им поперек горла стать!

– Полноте, дружище Нед, успокойтесь, – говорил безмятежный Консейль. – Не сердитесь прежде времени. Мы еще пока не на противне!

– Не на противне, так в печи! И темнота какая! Слава богу, что я свой нож уберег, как ни темно, а я все-таки могу его пустить в дело. Пусть только хоть один бандит сунется, я...

– Вы не волнуйтесь, Нед, – сказал я гарпунеру, – а то вы, пожалуй, наделаете нам бед своим криком. Зачем кричать и вопить понапрасну? От крика пользы не будет. Кто знает, может, каждое наше слово подслушивают. Лучше давайте выясним, куда нас засадили.

Я двинулся на ощупь вдоль стены в одну сторону, а Консейль в другую. Сделав пять шагов, я наткнулся на железную стену, повернулся и стукнулся о деревянный стол, а около стола нашупал несколько скамеек. Пол этой тюрьмы был устлан толстой циновкой из новозеландского льна, так что шума шагов не было слышно. На голых стенах не было и признака дверей или окон.

– А ты, Консейль, нашупал что-нибудь? – спросил я, когда он с одной, а я с другой стороны сошлись посередине камеры.

– Нет, ничего не нашел, – отвечал Консейль.

Помещение имело примерно двадцать футов в длину и десять в ширину. Что касается высоты, то Нед Ленд на что уж высокий был детина, а потолка достать не мог.

Прошло по крайней мере полчаса, а мы все еще сидели в темноте.

Вдруг вспыхнул свет и ослепил нас. Наша тюрьма осветилась так ярко, что я сразу невольно зажмурил глаза. Я узнал беловатый слепящий свет, который мы видели с «Авраама Линкольна» и сначала принимали за фосфоресцирующий блеск морских организмов. Когда я открыл глаза, то увидел, что свет исходил из неполированного полушара, устроенного в потолке нашей камеры или каюты.

– Наконец-то! – вскрикнул Нед Ленд, стоявший с ножом в руке. – Хоть светло стало, и то хорошо!

– А дело-то не прояснилось, – сказал я.

– Если бы их честь имели терпение, так это было бы хорошо, – заметил невозмутимый Консейль.

При ярком освещении теперь можно было как следует рассмотреть устройство нашей тюрьмы.

Она была совершенно пустой, только посредине стоял деревянный стол, а вокруг него пять скамеек. Двери не было видно, она, очевидно, закрывалась герметически. Наш слух не мог уловить ни малейшего шума. Казалось, все было мертвое внутри этого подводного судна. Шло оно или стояло? Держалось на поверхности океана или погружалось в глубину? Ничего нельзя было угадать.

— Однако недаром же осветили тюрьму! — сказал я. — Наверно, кто-то из экипажа скоро появится. Если бы хотели про нас забыть, так не включили бы свет.

Я не ошибся. Скоро мы услышали щелканье замков, лязг засовов, дверь открылась, и вошло двое людей.

Один был маленького роста, мускулистый, широкоплечий крепыш. Голова у него была большая, волосы черные и густые, усища здоровенные, взгляд живой и проницательный. Его внешности южанина была присуща чисто французская живость, которой отличаются жители Прованса. Наш знаменитый Дидро очень справедливо говорил, что по движениям можно судить о характере человека. При первом взгляде на вошедшего парня можно было сказать, что в разговоре он очень щедр на прибаутки, прозвища и своеобразные обороты речи.

Впрочем, я не мог это проверить, потому что он всегда говорил при мне на каком-то странном, совершенно непонятном наречии.

Второй незнакомец заслуживает более подробного описания. Для ученика Грасиоле или Энгеля его лицо было открытой книгой. Я тотчас, без колебаний, признал главные его качества: уверенность в себе, потому что его голова как-то особенно благородно сидела на мощных плечах и черные глаза смотрели с холодной решимостью; спокойствие, потому что цвет кожи, скорее бледный, чем румяный, означал хладнокровие; сильную волю, которую доказывало быстрое сжатие бровей; и мужество, потому что его сильное дыхание означало большую жизненную энергию.

Прибавлю еще, что это был гордый человек, что его твердый и спокойный взгляд выражал глубину мысли, и, судя по его облику, осанке и движениям, если верить физиономистам, он отличался несомненной прямотой натуры.

Я с первого же взгляда почувствовал невольное расположение к этому человеку и подумал, что все обойдется благополучно.

Сколько было лет незнакомцу? Тридцать пять или пятьдесят, я не мог этого определить. Он был высокого роста, лоб у него был широкий, нос прямой, рот отлично обрисованный, зубы великолепные, руки продолговатые, изящнейшей формы, по выражению хиромантов, совершенно «психические», то есть служащие признаком великой и страстной души.

Этот человек представлял до сих пор невиданный мной тип мужской красоты. Надо заметить еще одну особенность — его довольно широко расставленные глаза могли одновременно обозревать почти четверть горизонта. Способность эта, как я узнал впоследствии, сочеталась с необычайной остротой зрения и потому получала, так сказать, двойное значение и цену. Когда незнакомец устремлял пристальный взгляд на какой-нибудь предмет, брови его сдвигались, глаза прищуривались. Что за взгляд! Как он увеличивал предметы, уменьшенные перспективой! Как он пронизывал вас насквозь! Как он проникал сквозь массу воды, непроницаемую для наших глаз, открывая тайны морских глубин!

Оба незнакомца были в беретах из меха морской выдры, обуты в высокие сапоги из тюленьей кожи и одеты в какую-то особую, мягкую ткань, которая нисколько не стесняла их движений.

Высокий — по всей видимости, капитан подводного судна — осмотрел нас с величайшим вниманием, не произнося ни единого слова. Затем, обратясь к своему товарищу, сказал ему что-то на совершенно неизвестном мне языке, языке благозвучном, гармоничном, гибком.

Крепыш ответил ему кивком, к этому знаку он прибавил два-три непонятных слова, а затем обратил на меня глаза, словно спрашивая меня о чем-то.

Я ответил ему ясным французским языком, что я его не понимаю. Но он, в свою очередь, по-видимому, не понимал меня. Положение становилось довольно затруднительным.

— А их честь все-таки пусть изволит им рассказать нашу историю, — посоветовал мне Консейль. — Может, они хоть чуточку разберут, в чем дело.

Я начал рассказывать наши приключения по порядку, ясно, отчетливо и с расстановкой выговаривая все слова и слоги и не опуская ни малейшей мелочи. Я представился как профессор Парижского музея естественных наук Аронакс, затем представил слугу своего, фламандца Консейля, и Неда Ленда, гарпунера.

Незнакомец с умными и глубокими глазами слушал меня спокойно, вежливо и очень внимательно. Но я не мог прочесть на его лице, понял он мою историю или нет. Наконец я окончил повествование. Он не произнес ни слова.

Оставалось еще попробовать заговорить по-английски. Может, они поймут этот язык, на котором теперь говорит весь мир. Я бегло читал по-английски и по-немецки, понимал, что читаю, но говорить я не умел, то есть, я хочу сказать, произношение у меня было самое варварское, а здесь надо было ясно и точно объясняться.

— Ну, Нед, выступайте теперь вы на сцену! — сказал я гарпунеру. — Извольте вести переговоры на чистейшем английском языке, и дай бог, чтобы вам больше моего посчастливилось!

Нед Ленд не заставил себя просить и тотчас повторил мой рассказ по-английски. Однако по свойственной ему буйности нрава он начинил его достаточным количеством резких выражений. Он разразился негодующими жалобами на несправедливое заключение, спрашивал, в силу какого закона его заперли в «этом поплавке», ссылался на права личности, угрожал судебным преследованием тех, кто его незаконно задерживает, затем окончательно вышел из себя, начал размахивать руками, кричать и, наконец, гневными знаками дал понять, что мы помираем с голода. Мы в самом деле были голодны как волки, но как-то до сих пор про это не вспоминали.

Но, как оказалось, и английского повествования не поняли.

Нед Ленд был очень озадачен, а незнакомцы и бровью не шевельнули. Язык Фарадея, так же как и язык Араго, был для них непонятен!

— Я уж и не знаю, что делать, — сказал я товарищам.

А Консейль ответил мне:

— Если их честь позволят, так я им расскажу все по-немецки.

— Как? Разве ты по-немецки знаешь?

— Как каждый фламандец, с позволения их чести.

— Ну что ж, отлично! Рассказывай по-немецки, дружище.

Консейль ровным и спокойным голосом повторил нашу историю по-немецки. Но, несмотря на изящные обороты речи и отменное произношение рассказчика, и немецкий язык не имел успеха.

Тогда я решил припомнить свои юношеские латинские упражнения. Цицерон заткнул бы себе уши и выставил бы меня за дверь, но я все-таки кое-как объяснился.

И латынь осталась без результата. После этой последней неудачной попытки незнакомцы обменялись несколькими словами на своем непонятном языке и удалились. Они могли бы подать нам какой-нибудь знак, понятный у всех народов, но они и его нам не подали!

Дверь за ними затворилась.

— Каковы каналы! — вскрикнул Нед Ленд. — Им говорят по-французски, по-английски, по-немецки, по-латыни, а они хоть бы словечко в ответ!

— Успокойтесь, Нед, — сказал я пылкому канадцу, — криком делу не поможешь! Вы...

— Да вы посудите сами, профессор! — прервал меня наш буйный товарищ. — Что ж нам тут с голоду околевать, что ли?

— Э! — заметил философски Консейль. — До смерти еще далеко, мы еще продержимся денька...

— Послушайте, друзья, — сказал я, — отчаиваться пока еще рано. Мы и не такое видали. Сделайте вы мне большое удовольствие, подождите немного и тогда уж выводите свои заключения о капитане и экипаже этого подводного судна.

— Я уж вывел свое заключение, господин профессор, — ответил буйный Нед Ленд, — это канальи... мошенники... — Хорошо, хорошо, да откуда они, из какой страны?

— Из страны мошенников!

— Любезный Нед, такая страна до сих пор еще не обозначена на географических картах... Признаюсь вам, я не могу определить, что это за люди, какой они национальности. Одно можно сказать утвердительно: они не французы, не англичане, не немцы. Впрочем, мне кажется, что оба они — и начальник, и помощник — родились в южных широтах. У них есть что-то южное. Но кто они? Испанцы, турки, арабы или индусы? Это нельзя определить по их внешности, а язык их совершенно непонятен.

— Неприятно, когда не знаешь всех языков, — сказал Консейль, — и неудобно, что вместо одного языка их расплодилась такая пропасть. Вот если бы был для всех один-единственный язык...

— И это бы не помогло! — перебил его Нед Ленд. — Вы разве не сообразили, что эти люди нарочно выдумали себе какое-то дьявольское чирканье, от которого у всякого порядочного парня ум за разум заходит? Я, кажется, очень ясно им показывал, что голоден, есть хочу! Я открывал рот, двигал челюстями, щелкал зубами, облизывал губы, — что ж, все это разве непонятно? Уж так понятно! От Квебека до Паумоту везде поймут, что человек голоден, и дадут поесть!

— О! — заметил Консейль. — Есть такие непонятливые, что и...

Он еще не окончил эту фразу, как открылась дверь и вошел корабельный слуга. Он принес нам одежду — куртки, панталоны; все это было сшито из какой-то неизвестной ткани. Я проворно оделся. Мои спутники тотчас последовали моему примеру.

Тем временем стюард — немой как рыба, а может, и глухой — накрыл на стол и поставил на него три закрытых блюда.

— Вот мы и дождались! — сказал Консейль. — Дела начинают поправляться!

— Погодите еще радоваться! — возразил злопамятный Нед Ленд. — Прежде попробуем угощенье. Чем они тут кормятся? Небось черепашьей печенью, или вареной акулой, или бифштексами из морской собаки!

— А вот увидим! — сказал Консейль.

Блюда, покрытые серебряными колпаками, были симметрично расставлены на столе. Тонкая белая скатерть так и блестела. Наконец мы сели за стол.

Похоже, что мы имели дело с людьми цивилизованными. Не будь этого яркого электрического освещения, я бы подумал, что нахожусь в столовой ливерпульской гостиницы «Адельфи» или в столовой парижского «Гранд-отеля». Я, впрочем, должен заметить, что нам не подали ни хлеба, ни вина. Вода, правда, была удивительной чистоты и свежести, но это была вода! Это последнее обстоятельство пришло не по вкусу Неду Ленду.

В числе поданных кушаний я распознал несколько знакомых рыбных блюд, они были очень изысканно приготовлены. Но были и такие, тоже, впрочем, отменные, содержимое которых я никак не мог определить и не знал, к какому царству их отнести — к растительному или животному.

Вся сервировка была великолепна и отличалась тонким вкусом. Каждая ложка, вилка, нож, тарелка обозначены были прописной буквой «N», а над буквой полукругом красовалась надпись: «*Mobilis in mobile*».

«Подвижный в подвижном!» – этот девиз очень хорошо подходил к этому подводному судну.

Буква «N» была, вероятно, начальной буквой имени или фамилии загадочной особы, которая командовала в глубине океана.

Нед и Консейль не утруждали себя подобными размышлениями. Они набросились на еду и ели все, что попадалось под руку, поэтому я поспешил последовать их примеру.

Теперь можно было не волноваться: нас кормили, значит, уморить не имели намерения.

Однако всему есть конец – даже аппетиту людей, которые пропостились пятнадцать часов. Как только мы утолили свой голод, нас тотчас же начало клонить в сон. И понятно – мы ведь провели нелегкую ночь!

– Я бы теперь знатно поспал! – сказал Консейль.

– А я уже сплю! – ответил Нед Ленд.

Товарищи мои растянулись на полу на мягкой рогожке и скоро погрузились в глубочайший сон. Что касается меня, то я уснул не так скоро. Меня одолевали разные мысли. Я не люблю ничего непонятного, а тут возникало столько неразрешимых вопросов, столько странных образов!

Где мы? Какая сила нас увлекает? Куда?

Я чувствовал – или, лучше сказать, мне казалось, что я чувствую, – как подводный снаряд мало-помалу погружается в глубину океана. Меня мучили страшные кошмары. Мне представлялся хоровод невиданных чудовищ в таинственных безднах океана, однородных с этим подводным кораблем, таким же жизнедеятельным, подвижным и страшным, как они.

Понемногу бред мой прошел, все образы исчезли, и я заснул тяжелым сном.

Глава девятая Нед Ленд сердится

Долго ли мы спали, не знаю. Надо полагать, что долго, потому что проснулся я совершенно отдохнувшим.

Я проснулся первым. Мои товарищи еще спали, растянувшись в углу.

Хотя циновка из новозеландского льна была очень толстой и мягкой, все-таки это была ненастоящая постель, и я немного отлежал себе бока, но чувствовал себя свежим и бодрым.

Я снова стал внимательно осматривать нашу темницу. Во время нашего сна не произошло никаких превращений. Темница осталась темницею, а узники узниками. Только убраны были приборы со стола.

«Что ж это такое? – подумал я. – Уж не предполагают ли таинственные хозяева держать нас веки вечные в этой клетке? Перспектива невеселая».

Хотя голова у меня теперь была свежа, я начинал чувствовать страшную тяжесть: меня словно что давило. Я с трудом дышал, легкие мои не удовлетворялись спертым воздухом. Темница наша, правда, была очень просторна, но мы, по-видимому, уже поглотили почти весь кислород, содержащийся в воздухе.

Известно, что каждый человек потребляет в час такое количество кислорода, какое содержится в ста кубических метрах воздуха, и тогда в этом воздухе, наполненном почти таким же количеством углекислого газа, невозможно дышать.

Необходимо, значит, было освежить воздух в нашей темнице и, вероятно, во всем подводном судне. Но вот вопрос: каким образом капитан проветривал это плавучее жилье? Он что, получал кислород химическим способом, нагревая бертолетову соль (калий хлорат) и поглощая углекислоту хлористым калием? В таком случае он должен сохранять связь с материком, чтобы получать необходимые химические вещества.

Или он просто ограничивался тем, что нагнетал в резервуары воздух под высоким давлением, а потом по мере надобности выпускал его?

Может быть!

Или он употреблял более простой, более экономичный, а следовательно, более вероятный способ, то есть выплывал на поверхность океана, как какое-нибудь китообразное, и запасался воздухом на двадцать четыре часа?

Как бы он, впрочем, хитро или просто ни распоряжался, мне казалось, что пришло время распорядиться, и распорядиться безотлагательно, немедленно.

Я старался дышать чаще, чтобы извлечь из этой душной клетки остатки кислорода, как вдруг... на меня пахнула свежая струя чистого морского воздуха, пропитанного йодистыми испарениями. Широко раскрыв рот, я вдохнул в свои легкие животворный ветерок и в ту же минуту почувствовал легкий толчок и чуть заметную качку. Подводное судно, стальное чудовище, выплыло на поверхность океана, чтобы подышать, как это делают киты. Способ вентиляции судна был установлен.

Надышавшись свежим воздухом, я стал искать вентиляционное отверстие, по которому поступала к нам живительная струя. И я его нашел. Оно находилось над дверью, через отдушину врывалась струя чистого воздуха и освежала каюту.

Пока я занимался исследованиями, Нед Ленд и Консейль проснулись почти одновременно от действия оживляющей свежести. Они протерли глаза, потянулись, зевнули и в одну минуту были на ногах.

– Их честь как изволили почивать? – спросил меня Консейль со своей обычной утонченностью.

– Очень хорошо, дружище, – отвечал я. – А вы, Нед?

— Мертвым сном, господин профессор. Что это такое? Точно морской ветерок веет?

Такой моряк не мог ошибиться! Я рассказал товарищам все, что произошло во время их сна.

— Вот оно что! — отвечал Нед Ленд. — Теперь понятен тот вой, что мы слышали, когда «нарвал» выплыл в виду «Авраама Линкольна».

— Да, Нед, теперь понятно: это мы слышали дыханье «нарвала».

— Только знаете, господин Аронакс, я никак не могу сообразить, который теперь час? Надо полагать, что обеденный.

Вы как думаете?

— Обеденный? Вы лучше скажите, что время завтрака, потому что мы, наверно, спали до утра.

— Это означает, — заметил Консейль, — что мы проспали двадцать четыре часа — целые сутки.

— Я с вами не спорю, — ответил Нед Ленд. — Обед или завтрак, все равно. Пусть бы только скорее что-нибудь принесли.

— А если бы принесли и обед, и завтрак? — спросил Консейль.

— Лучше не бывает! — ответил канадец. — Мы имеем право и на то, и на другое. Не знаю, как вы, а я умял бы преотлично и обед, и завтрак.

— Подождите, Нед, — сказал я. — Очевидно, неизвестные хозяева не имеют намерения морить нас голодом. Иначе они бы вчера не стали нас кормить.

— Если только они нас не откармливают на убой! — проворчал Нед.

— Да вы что, Нед, — сказал я, — как это вам приходят в голову такие мысли! Мы ведь не к людоедам попали!

— Да я и не говорю, что они настоящие людоеды, господин профессор, может, занимаются этим время от времени? Почем мы знаем, может, они уже давным-давно свежего мяса в глаза не видали! Ну а в таком случае трое таких упитанных парней, как вы, Консейль и я, — это ведь такая находка...

— Выбросьте вы эти мысли из головы, Нед! — сказал я. — Беда с вами, как я погляжу! Придет вам что-нибудь вздорное в голову, да потом и рубите с плеча. Воздержитесь разговаривать в таком духе с хозяевами, Нед, а то ведь можете накликать беду...

— Да ну их! Я теперь думаю только о еде, а они ничего не несут!

— Какой вы, Нед! Надо подчиняться здешним порядкам. Знаете поговорку: «В чужой монастыре со своим уставом не ходят»? У вас, дружище, желудок не по местным часам, — бежит вперед!

— Это ничего, — спокойно заметил Консейль, — его можно поставить по часам.

— Зачем вы это говорите, друг любезный? — вскричал Нед Ленд. — Я и так знаю ваше терпение. И что вы после этого за человек? Ни рыба ни мясо! Вам не дай обедать, вы посидите за пустым столом, потом встанете и благодарственную молитву прочитаете! Вы согласитесь лучше с голоду умереть, чем пожаловаться...

— Что толку в жалобах? — спросил Консейль. — К чему они? Что в них пользы?

— Как что пользы? Как к чему? Да к тому, что я жалуюсь, и мне становится легче. И если эти пираты — я их пиратами называю, потому что господин профессор не позволяет называть их людоедами, — если только они воображают, что меня можно держать в этой клетке, как какого-нибудь безответного ягненка, то они очень ошибаются! Послушайте, господин Аронакс, скажите откровенно! Вы полагаете, долго они нас будут держать в этой железной коробке?

— Откровенно говоря, Нед, не знаю.

— Ну не знаете наверно, так как думаете?

— Я думаю вот что: мы случайно узнали очень важную тайну, и если экипажу подводного судна надо эту тайну сохранить, если эта тайна важнее жизни трех человек, то мы в большой опасности. А если здесь нет ничего важного, так при первой же оказии стальное чудовище вернет нас в общество земных обитателей.

— А вдруг это чудовище завербует нас в свой экипаж? — сказал Консейль. — Завербует, да и будет держать...

— До тех пор, пока какой-нибудь фрегат побыстрее или поискуснее «Авраама Линкольна» не овладеет этим разбойничим гнездом и не вздернет весь экипаж и нас вместе с ним на рее! — сказал Нед Ленд.

— Это вы хорошо рассудили, Нед, — отвечал я ему, — но, пока еще ничего не известно, лучше не будем говорить о подобных вещах. Повторяю вам, подождем, будем действовать по обстоятельствам! Предпринимать ничего не надо, потому что нельзя!

— Нет, господин профессор, надо что-то делать. Непременно надо! — вскрикнул канадец.

— Да что же, Нед? Что?

— Бежать!

— Бежать из земной тюрьмы и то очень трудно, а уж из подводной и вовсе, по-моему, невозможно.

— Что ж вы замолчали, приятель? — спросил Консейль у канадца. — Что задумались? Отвечайте их чести. Я знаю, американец всегда как-нибудь вывернется.

Нед Ленд замолчал, он, очевидно, был смущен. В самом деле, бегство в нашем положении было немыслимо.

Но канадец — это наполовину француз, а французы народ быстрый и решительный.

— Так вы не догадываетесь, господин профессор? — сказал он после короткого раздумья. — Не догадываетесь, что должны делать люди, которые не могут вырваться из своей тюрьмы?

— Нет, любезный Нед, не догадываюсь.

— А очень просто! Если нельзя из нее вырваться, то надо хорошенко в ней устроиться по-своему!

— Как начнем устраиваться по-своему, — заметил Консейль, — так, пожалуй...

— Что тут пожалуй? Вышвырнуть всех тюремщиков и сторожей, да и все! — перебил Нед Ленд.

— Как, Нед? — сказал я. — Вы в самом деле хотите овладеть этим подводным судном? Вы серьезно?..

— Очень серьезно, господин профессор, — отвечал канадец.

— Да ведь это невозможно! Немыслимо!

— Почему же? Очень возможно, что нам представится удобный случай. Так почему бы им не воспользоваться? Ведь на этом поплавке, надо полагать, человек двадцать — что ж, повашему, два француза и канадец не управятся с двумя десятками каких-то проходимцев?

Я решил, что будет лучше замять этот спор, и сказал ему:

— Разумеется... если такой случай представится... Мы тогда посмотрим. Но пока еще никакого случая не представилось, и вы, Нед, пожалуйста, будьте терпеливы. Если вы хотите действовать, так действуйте хитростью, только хитростью и можно что-нибудь сделать, а начнете выходить из себя, кричать, так вы все дело испортите. Обещайте мне, Нед, что вы не будете выходить из себя!

— Обещаю, господин профессор, — отвечал Нед, но таким голосом, который не внушал мне большого доверия. — Обещаю. Ни единого грубого слова не скажу, не выдам себя ни единным движением, ни взглядом. Что бы там ни было — пусть хоть есть не дают, — я словно воды в рот наберу.

– Ну, хорошо, Нед, я верю вашему слову, – сказал я канадцу.

Разговор прекратился, и каждый из нас углубился в свои мысли. У меня не было никаких иллюзий, несмотря на уверенность Неда Ленда. Я не верил, что при «удобном случае» мы сможем овладеть нашей тюрьмой. Судя по тому, как искусно управляли этой подводной машиной, должно было заключить, что на ней находится очень многочисленный экипаж, значит, в случае борьбы мы бы пропали. К тому же, чтобы вступить в борьбу, надо было быть свободными, а мы сидели взаперти. Как вырваться из этой стальной камеры с герметической дверью?

Нет, если у капитана есть какая-то важная тайна – что казалось мне очень вероятным, – он никогда не позволит нам свободно расхаживать по своему судну! Что он с нами будет делать – швырнет ли он нас в воду или со временем высадит на каком-нибудь необитаемом клочке суши? Ничего нельзя было сказать наверно, и положение наше было незавидным.

Я думал: «Плохо! Благоразумный человек сразу поймет, что это несбыточное дело, только Нед Ленд может еще строить воздушные замки!»

А чем больше раздумывал Нед Ленд, тем больше он свирепел. В горле у него началось какое-то клокотание, словно там застревали проклятия, движения стали порывистыми и конвульсивными. Он вскакивал, метался, как дикий зверь в клетке, яростно топал ногами, колотил в стену кулаками и пятками.

В самом деле, время шло, мы проголодались, а на этот раз никто к нам не приходил.

Если у нашего хозяина нет худого умысла, так ему следовало бы обращать больше внимания на нужды потерпевших бедствие!

А Нед Ленд свирепел все больше и больше. Хотя он дал мне честное слово сдерживаться, я сильно опасался какого-нибудь необузданного поступка с его стороны при появлении хо зяина.

Прошло еще два часа. Канадец звал, кричал, ревел, но все напрасно. Стальные стены были глухи. Я, сколько ни прислушивался, не мог уловить никакого шума, никакого звука внутри судна, – все в нем, казалось, умерло. Оно не двигалось, иначе я почувствовал бы легкое дрожание корпуса при вращении винта. Без сомнения, судно снова погрузилось в морскую пучину.

Это безмолвие было ужасно. Мы были забыты в тюрьме, я не смел и гадать, сколько еще времени нас тут продержат и что из всего этого выйдет. Надежды, зародившиеся у меня после свидания с капитаном, мало-помалу совершенно исчезли. Спокойный, честный взгляд этого человека, великодушное выражение его лица, благородство осанки – все это словно улетучилось. Я начинал представлять себе таинственного незнакомца таким, каким он, вероятно, и был на самом деле – безжалостным, неумолимым, жестоким. Я думал о нем как о человеке, который отрешился от общества, который не имеет, по-видимому, ничего общего с людьми, так какой милости, какого великодушия можно было от него ожидать!

Что хочет этот человек? Уморить нас голодной смертью в этом железном ящике? Что с нами будет? У людей от голода помрачается рассудок, они делаются способными на все... Мне начали представляться самые ужасные картины...

Тем временем Консейль сохранял свою обычную невозмутимость, а Нед Ленд рычал, как разъяненный лев.

Вдруг снаружи послышался шум. По металлическому полу гулко отдавались чьи-то шаги. Щелкнул замок, взвизгнули засовы, дверь отворилась, и показался уже знакомый нам стюард.

В то же мгновение наш Нед Ленд ринулся на этого несчастного, повалил его на пол и схватил за горло так, что он захрипел под его могучими руками.

Консейль попытался вырвать жертву из рук канадца, я тоже бросился помочь ему, но вдруг буквально окаменел, услышав слова, внезапно произнесенные на чистом французском языке:

— Успокойтесь, мистер Ленд, а вы, господин профессор, извольте выслушать меня.

Глава десятая Обитатель морей

Это было сказано капитаном подводного корабля.

При этих словах Нед Ленд быстро поднялся и выпустил из рук свою жертву. Полузадущенный стюард по знаку своего капитана, пошатываясь, вышел из каюты. Какую же власть имеет этот капитан! Человека чуть не убили, а он покорно удаляется, не выражая даже взгляда своего гнева!

Невозмутимый Консейль, и тот несколько заинтересовался. А я, признаюсь, был просто ошеломлен. Все мы втроем молча ожидали развязки этой сцены.

Капитан, прислоняясь к столу и скрестив руки на груди, внимательно смотрел на нас. Или он не решался говорить? Или жалел, что у него вырвалось несколько французских слов?

Несколько секунд длилось молчание, которое мы не решались прервать.

— Господа, — сказал он наконец спокойным, проникновенным голосом, — я свободно говорю по-французски, по-английски, по-немецки и по-латыни. Я мог бы сразу объясниться с вами при первой же нашей встрече. Но я хотел прежде понаблюдать за вами, а потом обдумывать, как мне к вам относиться. Ваш троекратно повторенный рассказ убедил меня, что вы подлинно те самые лица, за которых вы себя выдаете. Я теперь знаю, что случай свел меня с Пьером Аронаксом, профессором естественной истории в Парижском музее, командированным за границу с научной целью, с его слугой Консейлем и с Недом Лендром из Канады, гарпунером с фрегата «Авраам Линкольн», принадлежащего военно-морскому флоту Соединенных Штатов Америки.

Я поклонился в знак согласия. Капитан не задавал мне никаких вопросов, значит, мне нечего было и отвечать.

Он объяснялся по-французски без малейшего затруднения, без всякого акцента. Речь его была ясна, отчетлива, кратка и выразительна. И все-таки он не был похож на француза.

Он продолжил:

— Вы, без сомнения, решили, что я слишком запоздал со своим вторым визитом. Дело в том, что я хотел подумать, как мне поступить с вами. Я очень долго не мог принять решение. Несчастный случай свел вас с человеком, который порвал все связи с человечеством. Вы своим появлением смущали мой покой...

— Невольно, — вставил я.

— Невольно? — повторил незнакомец, несколько возвышенная голос. — Невольно? Разве «Авраам Линкольн» невольно охотился за мной во всех морях? Разве вы невольно очутились на борту этого фрегата? И снаряды невольно попадали в корпус моего судна? И мистер Ленд невольно метнул в меня гарпун?

В этих словах чувствовалось сдержанное раздражение.

Но на все его упреки у меня был готов ответ.

— Милостивый государь, — сказал я, — вам, вероятно, совершенно неизвестны споры, которые разгорелись относительно вас в Европе и Америке. Вы, вероятно, не знаете, какой отклик получили различные повреждения, произведенные вашим подводным судном. Я не буду утомлять вас перечислением всех предположений и догадок, которыми объясняли необъяснимое явление, я вам скажу только одно: «Авраам Линкольн», преследуя вас, считал, что охотится за могучим морским чудовищем, от которого во что бы то ни стало требовалось очистить моря.

По губам капитана скользнула легкая усмешка. Он спросил прежним спокойным голосом:

— Господин Аронакс, вы поручитесь, что ваш фрегат не стал бы преследовать и угощать снарядами подводное судно?

Этот вопрос смущил меня. Разумеется, капитан Фаррагут не задумался бы ни на секунду; он счел бы своим долгом уничтожить подобное судно так же, как и гигантского нарвала.

— Ведь не поручитесь, профессор? — продолжал капитан. — Принимая все это во внимание, я полагаю, что могу считать вас своими врагами и поступить с вами как с врагами.

Я на это ничего не ответил. И что было мне отвечать? Спорить, доказывать? Какие споры и доказательства, когда находишься во власти другого? Мыши в лапах у кошки никогда не спорят и ничего не доказывает.

— Я очень долго колебался, — продолжал капитан. — Ничто меня не обязывало оказывать вам гостеприимство. Если нам следовало расстаться, то мне не к чему было с вами встречаться. Я мог бы опять вывести вас на палубу этого судна, погрузиться в морскую глубину и забыть о вашем существовании. Согласитесь, что я вправе был это сделать?

— Дикарь, возможно, был бы вправе, — отвечал я, — но человек цивилизованный — нет!

— Профессор! — резко возразил капитан. — Я вовсе не из тех людей, которых вы называете цивилизованными! Я разорвал все отношения с обществом. Я имею на это веские причины. Поэтому я не повинуюсь ни общественным правилам, ни законам и попросил бы вас никогда о них при мне не упоминать.

В глазах незнакомца сверкнул гнев, на лице выразилось презрение.

Я подумал, что у этого человека, наверное, страшное прошлое. «Прервал все отношения с обществом!», «Не повинуюсь ни его правилам, ни его законам!». Легко сказать!

Незнакомец умолк и как будто погрузился в свои воспоминания.

Я глядел на него с ужасом и любопытством, как, вероятно, Эдип глядел на сфинкса.

После томительного молчания он снова заговорил:

— Итак, я долго колебался, но наконец решил, что могу совместить свои интересы с тем состраданием и участием, на которые имеет право каждое живое существо. Вы останетесь на моем судне, вы будете здесь свободны, и взамен этой свободы — свободы, разумеется, относительной — я поставлю вам одно условие. Если вы дадите мне слово, что выполните его, мне этого будет достаточно.

— Говорите, милостивый государь, — отвечал я. — Я полагаю, условие ваше такого рода, что честный человек может его принять?

— Вы не ошиблись. Вот какое это условие: очень возможно, что некоторые непредвиденные обстоятельства вынудят меня удалять вас время от времени на несколько часов или на несколько дней в ваши каюты, или, как вы говорите, в тюрьму, без права выходить оттуда. Я не желаю насилия и потому требую в этом случае беспрекословного повиновения. Действуя таким образом, я беру на себя всю ответственность, разрешаю вам все наблюдать и обследовать, но вы не будете свидетелями событий, которые я желаю сохранить в тайне. Принимаете вы это условие?

Значит, на борту подводного судна происходили такие вещи, которые могли видеть только люди, «стоящие вне общественных законов»! Значит, здесь было многое всего.

— Мы принимаем, — отвечал я. — Но позвольте, милостивый государь, задать вам один вопрос!

— Извольте.

— Вы сказали, что мы будем полностью свободны на борту вашего судна?

— Совершенно свободны.

— Так я хотел бы знать, что вы подразумеваете под этой свободой?

— Вы можете свободно ходить по всему судну, осматривать его, наблюдать за всем, что здесь происходит, за исключением тех редких случаев, о которых я уже говорил, — одним словом, вы будете пользоваться такой же свободой, какой пользуются и мои товарищи.

Очевидно, мы не поняли друг друга!

— Извините, милостивый государь, — возразил я, — ведь свобода, которую вы обещаете, — это свобода узника в стенах темницы! Подобная свобода не может нас удовлетворить!

— Однако придется удовлетвориться.

— Как! Мы должны отказаться от надежды увидеть родину, друзей, родных?

— Да, должны. Вы должны отказаться от тяжкого земного ига, которое люди называют свободой. И это вовсе не так трудно, как вы полагаете.

— Что касается меня, — вскрикнул Нед Ленд, — я не дам слова отказаться убежать отсюда!

— Я вашего слова и не прошу, мистер Ленд, — холодно ответил капитан.

— Капитан! — вскричал я, не владея собой. — Вы пользуетесь нашим положением! Это жестоко... бесчеловечно...

— Напротив, это милосердие. Вы мои пленники, вы взяты в плен на поле битвы. Я вас держу на своем судне, хотя мог бы бросить вас в пучину океана. А я сохранил вам жизнь. Вы на меня напали! Вы проникли в тайну, в которую проникать ни один человек не должен, — тайну моего существования! И вы думаете, что я позволю вам вернуться на землю? Никогда! Я буду удерживать вас здесь ради своей безопасности.

Эти слова ясно показывали, что капитан уже принял решение и что убеждения или просьбы будут бесполезны и напрасны.

— Так, значит, — сказал я, — вы просто предлагаете нам выбор между жизнью и смертью?

— Именно так.

Я обратился к своим товарищам:

— Друзья, спорить бесполезно. Но мы не даем никакого обещания, никакого слова капитану подводного судна, мы не связаны...

— Ничем не связаны, — сказал капитан. Затем он прибавил более мягким голосом: — Теперь позвольте мне закончить. Я вас знаю, господин Аронакс. Может быть, товарищи ваши будут тяготиться пребыванием на моем судне, но вы не будете. Вы скоро перестанете жаловаться на случай, который свел нас. Вы найдете среди моих книг ваше сочинение «Тайны морских глубин». Я часто перечитывал эту книгу. Вы подвинули науку океанографию так далеко, как только это возможно для обитателя земли. Но вы всего не знаете, вы всего не видели. Позвольте вам сказать, господин профессор, вы не пожалеете о времени, которое проведете на борту моего судна. Вы будете путешествовать по стране чудес. Жизнь подводного мира непрерывно будет развертываться перед вашими глазами. Вы будете находиться в постоянном изумлении. Вам никогда не наскучит то, что я вам покажу. Я теперь снова предпринимаю кругосветное подводное путешествие, возможно, последнее! Я хочу снова увидеть подводный мир, и вы будете моим спутником, мы вместе будем наблюдать его и изучать. С этого дня вы вступите в новую стихию, вы увидите то, чего еще не видел ни один человек — себя и своих товарищей я не считаю, — и благодаря мне наша планета откроет вам свои последние тайны.

Я не стану притворяться: слова капитана произвели на меня большое впечатление. У меня, как у Ахиллеса, была тоже своя пятка! Я забыл на минуту, что созерцание самых великих чудес не стоит свободы. Впрочем, я утешил себя тем, что будущее само решит этот трудный вопрос.

Поэтому я ответил:

— Милостивый государь, хотя вы и совершенно разорвали все отношения с человечеством, я все-таки надеюсь, что вам не чужды человеческие чувства. Мы потерпели кораблекрушение, и вы великодушно приняли нас на свое судно, — мы будем это помнить. Что каса-

ется меня, я, разумеется, не отрицаю, что, поглощай наука в человеке потребность свободы, встреча с вами вознаградила бы меня с лихвой за все перенесенные страдания.

Я думал, что капитан протянет мне руку, чтобы скрепить наш договор. Но капитан руки мне не протянул, и я мысленно пожалел его.

— Последний вопрос, — сказал я, видя, что наш таинственный хозяин хочет удалиться.

— Слушаю вас, профессор.

— Как мы должны вас называть?

— Я для вас капитан Немо⁹, а вы и ваши товарищи для меня — пассажиры «Наутилуса».

Капитан Немо позвал слугу и отдал ему какое-то приказание на непонятном языке. Затем он обратился к Неду Ленду и Консейлю.

— Завтрак вас ждет в вашей каюте, — сказал он им. — Потрудитесь следовать за этим человеком.

— Завтрак! — проговорил Нед Ленд. — Пора! А если будет обед, так и непослушания не будет!

Консейль и Нед Ленд вышли наконец из темницы, где мы просидели больше тридцати часов.

— Наш завтрак тоже готов, господин Аронакс, — сказал мне капитан Немо. — Не угодно ли вам пожаловать за мной?

— К вашим услугам, капитан, — отвечал я.

Я пошел следом за капитаном. Сразу за дверью нашей тюрьмы начался узкий коридор, освещенный электрическим светом. Мы прошли по этому коридору шагов тридцать, и перед нами отворилась другая дверь.

Мы вошли в столовую, отделанную и меблированную в строгом вкусе. Два высоких буфета, инкрустированные черным деревом, стояли у стен, на полках сверкал дорогой фаянс, фарфор и хрусталь. Серебряная посуда блестела в лучах света, падавшего с потолка. Потолок был разрисован изящнейшими рисунками, что смягчало яркое освещение.

Посередине столовой залы стоял богато сервированный стол.

Капитан Немо жестом указал мне мое место.

— Садитесь, профессор, — сказал он, — и принимайтесь за еду, как человек, который очень долго постился и умирает с голода.

Завтрак состоял из многих блюд, отлично приготовленных. Одни из них были из рыбы, но другие решительно ставили меня в тупик: я никак не мог решить, хоть приблизительно, из чего они приготовлены. Вкус у них был отличный, но какой-то необыкновенный, довольно странный, к которому, впрочем, я скоро привык. Эти различные кушанья содержали в себе, как мне показалось, много фосфора, и я вывел заключение, что они, вероятно, имеют морское происхождение или относятся к морской растительности.

Капитан Немо посматривал на меня. Я ничего у него не спрашивал, но он сам угадал мои мысли и ответил мне на вопросы, которые я не решался ему задать, боясь показаться навязчивым.

— Большая часть этих блюд вам неизвестна, — сказал он, — но вы можете их кушать без всякого опасения. Эти кушанья здоровые и питательные. Я уже очень давно отказался от мяса, и здоровье мое ничуть от этого не пострадало. Мой экипаж — а матросы у меня все здоровяки, — тоже питается морскими продуктами.

— Так, значит, все это морские продукты?

— Да, профессор, все морские. Море удовлетворяет всем моим потребностям и нуждам. Закину сеть, через несколько минут вытащу, а она уже чуть не разрывается от тяжести пойманной рыбы. Опустившись в глубину водной стихии, которая кажется недоступной чело-

⁹ Nemo (*лат.*) — никто.

веку, я охочусь за дичью в своих подводных лесах. Мои стада, как стада Нептуна, мирно пасутся на обширных лугах океана. У меня громадные владения, с которых я без всякого ущерба собираю постоянные доходы.

Я поглядел на капитана Немо с некоторым удивлением и сказал:

– Я очень хорошо понимаю, капитан, что закинутые сети чуть не рвутся от тяжести пойманной рыбы, но для меня не совсем ясно, каким образом вы охотитесь за водной дичью в подводных лесах и где вы можете добыть хоть немного говядины.

– Говядины у меня нет, – отвечал капитан. – Я не употребляю в пищу, я уже сказал вам, мясо земных животных.

– Ну а это что такое? – спросил я, указывая на блюдо с несколькими кусками мяса.

– То, что вы принимаете за говядину, профессор, всего лишь филейная часть морской черепахи. А вот это печенка дельфина, – попробуйте, вкус точь-в-точь как у рагу из свинины. Мой повар – большой искусствник в своем деле и умеет отлично консервировать дары океана. Отведайте всего понемногу и скажите свое мнение. Вот консервы из голотурий, – малаец нашел бы их несравненными. Вот сливки, взбитые из молока китов. Вот сахар, добытый из водорослей Северного моря, а вот попробуйте варенье из плодов актинидии, смею вас уверить, оно стоит всех других земных варений.

Я попробовал, впрочем, больше из любопытства, чем из жадности.

– Море, господин Аронакс, – продолжал капитан Немо, – это моя кормилица, – кормилица самая щедрая, самая неистощимая. И море не только меня кормит, оно меня и одевает. Платье, что на вас надето, знаете из чего соткано? Из биссуса некоторых двустворчатых моллюсков. Чем окрашена ткань? Соком улитки пурпурницы по примеру древних, а эти фиолетовые полосы по пурпурному полю – краской, которую я извлекаю из раковин аплизии. У себя в каюте вы найдете духи на туалетном столике, они дистиллированы из морских трав, цветов и растений. Постель ваша из самой мягкой морской травы зостеры. Перо, которым вы будете писать, сделано из китового уса, а чернила – из жидкости, выделяемой каракатицей.

– Вы любите море, капитан?

– Да, люблю! Море – это все! Море покрывает семь десятых земного шара. Дыхание его чистое, животворное. Это необозримая пустыня, где человек не чувствует себя одиноким, потому что он слышит и видит, как кругом кипит жизнь. Море – это вечная жизнь, вечное движение, вечная любовь, как справедливо сказал один из ваших поэтов. Природа, господин профессор, являет здесь себя в трех царствах: минеральном, растительном и животном. Животное царство широко представляют четыре группы беспозвоночных, три класса членистоногих, пять классов моллюсков, три класса позвоночных, млекопитающие, пресмыкающиеся и несметные легионы рыб: в этом классе насчитывают более двадцати пяти тысяч видов, из которых только одна десятая водится в пресных водах. Море – это громадный резервуар природы. Морем началась жизнь земного шара и – кто знает? – морем и окончится. В море вы видите божественное спокойствие. Море не принадлежит деспоту-человеку. На его поверхности он еще может чинить беззакония, может затевать кровопролитные битвы, истреблять себе подобных, но на глубине тридцати футов его могущество сходит на нет, влияние исчезает, власть теряется. О, господин профессор! Живите в глубинах морских! Только здесь царствует полная независимость! Только здесь мы можем пользоваться свободой! Здесь нет тиранов...

Капитан Немо вдруг умолк. Он словно подавил в себе энтузиазм, невольно прорвавшийся в его хвалебной песне морю. Или он сказал что-то лишнее? Что именно? Или он, вопреки своей обычной сдержанности, увлекся и жалел об этом?

Несколько минут он в видимом волнении ходил по комнате. Затем успокоился, лицо его приняло обычное выражение холодности и уверенности. Он остановился и сказал мне:

– Теперь, профессор, если вы желаете осмотреть «Наутилус», я к вашим услугам.

Глава одиннадцатая «Наутилус»

Я последовал за капитаном Немо.

В глубине столовой открылась двойная дверь, и мы вошли в другую большую комнату.

Это была библиотека. В высоких шкафах из черного палисандрового дерева на широких полках стояли ряды книг в одинаковых переплетах. Шкафы тянулись вдоль стен от пола до потолка. Отступая от шкафов, шли удобные широкие диваны, обитые коричневой кожей. Около диванов были расставлены легкие передвижные столики с пюпитрами для книг. Посередине стоял огромный стол, заваленный журналами, между ними я заметил несколько старых газет. Электрический свет падал с лепного потолка из четырех шаров матового стекла, заливая яркими лучами весь гармоничный ансамбль.

Я с изумлением рассматривал великолепную комнату и просто не верил своим глазам.

— Капитан Немо, — сказал я своему хозяину, расположившемуся на диване, — вот библиотека так библиотека! Она сделала бы честь любому дворцу на материке. Я не могу опомниться от удивления! И эта библиотека сопутствует вам в морских глубинах?

— Да, господин профессор! Где найдете вы такое уединение, такое безмолвие? — ответил мне капитан Немо. — В вашем кабинете при Парижском музее вы ведь не найдете таких условий для работы?

— Нет, капитан, не найду. Кроме того, должен сказать, что мой кабинет при нашем музее очень беден в сравнении с вашим. У вас ведь здесь шесть или семь тысяч томов...

— Двенадцать тысяч, господин Аронакс. Книги — это единственные узы, еще связывающие меня с землей. Мир перестал для меня существовать в тот день, когда мой «Наутилус» в первый раз погрузился в глубину вод. В тот день я купил в последний раз книги, журналы и газеты, и с тех пор я говорю себе, что человечество ничего нового не выдумало и ничего не написало. Книги мои я предоставляю в ваше распоряжение, прошу вас, не стесняйтесь.

Я поблагодарил капитана Немо, подошел к шкафам и стал рассматривать книги.

Тут было обилие всевозможных книг на всех языках: научные, философские, путешествия, романы; только я не смог отыскать ни одного сочинения по политической экономии;казалось, политическая экономия строго воспрещена на борту «Наутилуса». Я заметил одно очень любопытное обстоятельство: книги на разных языках были расставлены на полках в алфавитном порядке, очевидно, капитан Немо свободно владел всеми языками.

Среди книг я увидел лучшие произведения древних и современных писателей, поэтов и мыслителей, начиная с Гомера до Виктора Гюго, с Ксенофона до Прудона, с Рабле до госпожи Санд. Особенно много было научных книг. Тома по механике, баллистике, гидрофизике, метеорологии, географии, геологии чередовались с трудами по естественной истории. Очевидно, капитан Немо охотнее всего читал подобные произведения. Я нашел здесь полное собрание работ Гумбольдта, Араго, Фуко, Анри Сент-Клер Девиля, Шасля, Мильна-Эдвардса, Катрафажа, Тиндаля, Фарадея, Бертло, Секки, Петермана, капитана Мори, Агасисса, а также «Записки» Академии наук, сборники различных географических обществ. Наконец, на полке стояли два моих тома «Тайн морских глубин», которым, возможно, я был обязан за благосклонный и милосердный прием на борту «Наутилуса».

Между сочинениями Жозефа Бер特朗а мне попались его «Основы астрономии», эта книга была издана в 1865 году, поэтому я мог заключить, что подводное плавание «Наутилуса» началось никак не раньше конца этого времени. Значит, капитан Немо прервал все связи с землей не более трех лет назад. Чтобы установить точную дату, надо было поискать издания поновее. Но я отложил эти поиски до другого времени. Спешить было некуда. К тому же мне хотелось осмотреть «Наутилус».

— Капитан, — сказал я, — от всей души благодарю вас за любезное позволение пользоваться вашей библиотекой.

Тут собраны сокровища, и я не премину ими насладиться.

— Здесь не только библиотека, профессор, — сказал капитан Немо, — но и курительная.

— Курительная? — вскрикнул я. — Да разве на борту «Наутилуса» курят?

— Совершенно верно.

— В таком случае, капитан, я должен заключить, что вы поддерживаете связь с Гаваной?

— Нет, — ответил капитан Немо. — Позвольте предложить вам эту сигару, хотя она и не из Гаваны, вы будете ею очень довольны, если только вы знаток сигар.

Я взял предложенную сигару, по форме она напоминала гаванскую, но, казалось, была скручена из золотистых листьев. Я зажег ее от изящной лампы, стоящей на красивом бронзовом пьедестале, и вдохнул в себя дым с наслаждением, которое будет понятно любому завзятому курильщику.

— Отменная сигара! — сказал я капитану Немо. — Но ведь это не табак?

— Нет, не табак, — отвечал капитан Немо. — То есть я хочу сказать, этот табак не из Гаваны и не из Турции. Это род редкой водоросли, которая содержит в себе много никотина.

Что ж, вы и теперь хотите гаванскую сигару, профессор?

— Капитан, с этого дня я их презираю!

— Пожалуйста, курите спокойно, господин Аронакс, не выясняя происхождение этих сигар. Никакая таможня не брала за них налог, но, я полагаю, они от этого не хуже?

— Напротив, лучше!

В эту минуту капитан Немо открыл дверь, противоположную той, в которую мы вошли. Мы очутились в большом, великолепно освещенном салоне.

Это был прямоугольный зал длиной десять, шириной шесть и высотой пять метров. И здесь свет падал сверху, а потолок был разрисован легкими арабесками, что смягчало яркое освещение. Это был настоящий музей, и видно было, что устраивал его человек, у которого не было недостатка ни в художественном вкусе, ни в деньгах.

Десятка три картин великих мастеров, обрамленных в одинаковые рамы, висели на стенах, обтянутых великолепными обоями со строгим рисунком. Здесь были бесценные произведения живописи, которыми я восхищался в частных картинных галереях Европы и на художественных выставках.

Образчиками различных школ старинных мастеров тут были такие сокровища, как «Мадонна» Рафаэля, «Дева» Леонардо да Винчи, «Нимфа» Корреджо, «Женщина» Тициана, «Поклонение волхвов» Паоло Веронезе, «Успение» Мурильо, «Портрет» Гольбейна, «Монах» Веласкеса, «Мученик» Рибейры, «Ярмарка» Рубенса, два фламандских пейзажа Тенирса, три жанровых картины Жерара Доу, Метсю, Паулюса Поттера, картины Жерико и Прюдона, несколько морских пейзажей Бакхёйзена и Верне. Новейшую живопись представляли картины Делакруа, Энгра, Декана, Труайона, Мессонье, Добиньи. Прекраснейшие мраморные и бронзовые копии лучших античных скульптур на высоких пьедесталах стояли в углах салона.

Предсказание капитана Немо начинало сбываться: я был буквально ошеломлен удивленным.

— Господин профессор, — сказал мне капитан Немо, — я надеюсь, вы извините, что я вас принимаю без церемоний, извините за беспорядок в гостиной.

— Капитан, — ответил я, — не хочу допытываться, кто вы такой, но я угадываю в вас художника.

— Любителя, не более. Когда-то я имел большое пристрастие ко всевозможным коллекциям. Я жадно собирал все прекрасные творения рук человеческих. Я был страстным коллекционером, и мне удалось приобрести несколько очень редких и ценных вещей. Земля

для меня теперь не существует, и прежние коллекции остались как воспоминание. И современные художники, и древние – все смешались у меня. По-моему, великие произведения возраста не имеют.

– А композиторы? – спросил я, указывая на партитуры Вебера, Россини, Моцарта, Бетховена, Гайдна, Мейербера, Герольда, Вагнера, Обера, Гуно и множества других, разбросанные на большом рояле, который стоял в углублении салона.

– Для меня они современники Орфея, – отвечал капитан Немо. – Повторяю вам, хронологические различия исчезают в памяти умерших, – а я умер для мира, так же надежно и хорошо умер, как ваши усопшие друзья, которые покоятся в шести футах под землей!

Капитан Немо умолк и глубоко задумался, казалось, совершенно забыв об окружающем. Я смотрел на него с живейшим волнением и участием, изучая его удивительное лицо! Трудно было оторвать от него глаза!

Капитан Немо облокотился на мозаичный столик редкой работы и не замечал меня. Я не прерывал течение его мыслей и продолжал осматривать сокровища, украшавшие этот великолепный зал.

Кроме произведений искусства здесь было собрание творений природы: растения, раковины и другие дары океанской флоры и фауны. Вероятно, они были собраны самим капитаном Немо.

Посредине салона был фонтан, спадавший в громадную раковину тридакны. Подсвечененный электрическим светом, он сверкал, как алмазный сноп.

Края этой ребристой раковины были очень изящно выгнуты красивыми зубчиками. Окружность ее была метров шесть, значит, она превосходила размером прекрасные тридакны, подаренные Венецианской Республике Франциску I, из которых теперь устроены в Париже, в церкви св. Сульпиция, две гигантские кропильницы.

Вокруг фонтана, в изящных стеклянных витринах, оправленных в медь, были разложены снабженные этикетками редкие экспонаты океана. Можете себе представить мое восхищение!

Отдел зоофитов представлял очень любопытные образцы двух групп – полипов и иглокожих.

В первой группе были расположены в виде веера органчики, горгонии, сирийские губки, молуккские изиды, морские перья, прелестная лофогелия из Норвежского моря, различные зонтичные, альционевые, несколько шестилучевых мадрепоровых кораллов, которые мой учитель Мильн-Эдвардс так остроумно классифицировал на подотряды.

Среди них были очаровательные веерные кораллы, глазчатые кораллы с острова Бурбон, антильские колючие мадрепоры – одним словом, всевозможные виды любопытных кораллов, образующих целые острова.

Среди иглокожих, примечательных своим колючим панцирем, я любовался морскими звездами астериас, морскими лилиями, морскими ежами, голотуриями. Коллекция была удивительная!

Страстный конхиолог задохнулся бы от удовольствия перед другими стеклянными витринами, где были представлены образцы моллюсков.

Коллекция моллюсков была просто неоценима. Ее подробное описание заняло бы слишком много времени. Я назову только некоторые экспонаты: изящная королевская синевакула из Индийского океана, испещренная белыми пятнышками, очень ярко выступающими на красно-коричневом фоне; императорский спондил, который отличается яркими красками и весь усеян колючками, – редкий экземпляр в европейских музеях, он один стоит по меньшей мере двадцать тысяч франков; обыкновенная синевакула, попадающаяся в австралийских водах, добывать ее очень трудно; сенегальские брюккарды – экзотические хрупкие белые раковинки, на которые, кажется, только дунь – и они разлетаются, как мыльные

пузыри; разновидности морских щипцов с острова Ява – у них раковины в виде известковых трубочек, как бы обернутых листовидными складочками, очень ценимые любителями; все виды брюхоногих трохусов – желто-зеленые из американских морей, коричневато-красные из вод Австралии; черепицеобразные раковины из Мексиканского залива; стеллериды, или морские звезды, из южных морей; и, наконец, чрезвычайно редкий экземпляр великолепнейшего новозеландского шпорника.

Тут были и прелестнейшие теллины, удивительные ците ры и венусы, решетчатые кадраны, отливающие перламутром, попадающиеся у берегов Транкебара, башенки крапчатые, зеленые ракушки из китайских морей, конус (почти не известный), все разновидности ципрей, фарфоровых улиток, которые служат монетой в Индии и Африке. Я увидел самую драгоценную раковину Восточной Индии – «Слава морей». Здесь были также представлены яйцевидки, стромбусы, мурексы, птероцеры, конусы, битинии, хитоны, дельфиники, янтины, свитки, оливы, митры, шлемы, пурпурницы, трубачи, арфы, тритоны, цериты, веретено-видки, блюдечки, гиалеи, kleодоры – словом, все прелестные и хрупкие раковины моллюсков, какие только нам известны.

В специальном отделении блестели при электрическом освещении розовые жемчужины, извлеченные из пинн Красного моря. Рядом лежал зеленый, желтый, голубой и черный жемчуг – удивительные продукты различных моллюсков всех морей и океанов. Здесь было несколько бесценных образцов из самых редких жемчужниц. Некоторые жемчужины были больше голубиного яйца, каждая из них стоила гораздо дороже той, которую путешественник Тавернье продал за три миллиона персидскому шаху. Красотой они превосходили даже жемчуг маскатского имама, которому, как я думал, не было равных. Одним словом, цена этого собрания была неопределима. Капитан Немо должен был истратить миллионы, чтобы приобрести эти драгоценные образцы, и я мысленно спрашивал себя, из каких источников он мог удовлетворять свои фантазии, собирая подобные коллекции, как вдруг мои размышления были прерваны следующими словами:

– Вы рассматриваете мои раковины, профессор? В самом деле, они могут заинтересовать натуралиста, но для меня они имеют еще больше прелести, потому что я их собрал собственными руками, и, скажу вам, нет ни одного моря на свете, которое бы я пропустил в своих поисках.

– Я понимаю, капитан, – отвечал я, – что весьма приятно прогуливаться среди таких сокровищ. Ни один из музеев Европы не обладает подобными коллекциями. Но если я искачу весь свой восторг, осматривая их, то что мне останется для корабля? Я вовсе не хочу проникать в ваши тайны, но признаюсь, что этот «Наутилус», его двигатели, управляющие им механизмы – все это возбуждает мое любопытство до крайней степени! Я вижу, что по стенам развешаны приборы, назначение которых мне неизвестно. Могу я спросить?..

— Господин Аронакс, — перебил меня капитан Немо, — я вам сказал, что вы свободны на моем корабле и, следовательно, ни одна часть «Наутилуса» для вас не закрыта. Вы можете осматривать судно во всех подробностях, и я с удовольствием послужу вам за чичероне.

— Я не знаю, как вас благодарить, капитан. Постараюсь не злоупотреблять вашей любезностью. Только хочу спросить, для чего предназначены эти физические приборы?

— Такие приборы есть в моей каюте, и там я буду иметь удовольствие объяснить вам их употребление. Но прежде осмотрите каюту, которая подготовлена для вас. Надо же вам знать, как вы будете жить на борту «Наутилуса».

Я пошел вслед за капитаном. Через одну из дверей салона он вывел меня в узкий коридор; мы подошли к носу корабля, и там я увидел не каюту, а изящную комнату с кроватью, туалетным столом и другой удобной мебелью. Мне оставалось только поблагодарить любезного хозяина.

— Ваша каюта смежная с моей, — сказал он, открывая дверь, — а моя сообщается с гостиной, в которой мы только что были.

Я вошел в комнату капитана. Она тонула в полумраке и имела суровый, почти келейный вид: железная кровать, рабочий стол, несколько стульев, умывальник. Ничего лишнего, все только самое необходимое.

Капитан предложил мне стул.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал он.

Я сел, и он начал свои объяснения.

Глава двенадцатая Всё на электричестве

— Господин профессор, — сказал капитан, указывая на приборы, развешанные по стенам его каюты, — вот необходимые инструменты для плавания «Наутилуса». Здесь, как и в салоне, они всегда у меня перед глазами и показывают мне положение и точное направление судна в океане. Некоторые из них вам известны, например термометр для измерения температуры на «Наутилусе», барометр, который показывает давление воздуха и предсказывает перемену погоды, гигрометр, определяющий влажность атмосферы, штурмгласс возвещает приближение бури, компас указывает мне путь, секстант по высоте солнца позволяет установить широту, хронометры помогают мне определить долготу, и, наконец, дневные иочные подзорные трубы, которые я использую, когда «Наутилус» всплывает на поверхность.

— Это обыкновенные инструменты мореплавателя, — отвечал я, — и я знаю их назначение, но здесь есть другие, которые, без сомнения, соответствуют особенным требованиям «Наутилуса»: я вот вижу циферблат со стрелкой — это манометр?

— Да, это манометр, он указывает наружное давление и в то же время глубину, на которой находится мое подводное судно.

— А эти зонды?

— Это зонды-термометры, которые измеряют температуру различных слоев воды.

— А это что за инструменты? Я не знаю их назначения.

— Тут, профессор, я должен вам дать несколько объяснений, — сказал капитан Немо. — Есть могущественная, послушная сила, простая в обращении, которой принадлежит первое место на моем корабле. Все делается ею: она меня освещает, согревает, очень быстро приводит в действие машины. Эта сила — электричество!

— Электричество?! — вскрикнул я с удивлением.

— Да.

— Однако, капитан, исключительная скорость вашего судна плохо согласуется с силой электричества.

— Профессор, — отвечал капитан Немо, — мое электричество — не простое, необыкновенное электричество! Вот все, что я могу вам сказать.

— Я не буду настаивать на подробных объяснениях, капитан, и удовольствуюсь тем, что останусь в изумлении. Только позвольте мне задать один вопрос, на который, я надеюсь, вы мне ответите. Элементы, которые вы употребляете для производства этой чудодейственной силы, должны быстро истощаться. Чем вы замените, например, цинк, так как вы уже не имеете никакого сообщения с землей?

— Прежде всего я вам скажу, — отвечал капитан Немо, — что на дне моря имеются залежи цинковых, железных, серебряных и золотых руд, и разрабатывать их вполне возможно. Но я не хотел добывать металлы, а предпочел, чтобы само море доставляло мне способы для выработки моего электричества. — Море?

— Да, и в этих средствах у меня нет недостатка. Расположив кабель на различных глубинах, я мог бы, например, получить электричество вследствие разности температур, но я предпочел использовать более практичную систему.

— Какую же?

— Вы знаете состав одного литра морской воды: девяносто шесть с половиной процентов воды, два и около двух третей процентов хлористого натрия, небольшое количество хлористого магния и калия, бромистого магния, сернокислого магния и углекислого кальция. Хлористый натрий содержится в воде в значительном количестве. Именно натрий я выделяю из морской воды, и именно он служит для питания элементов. — Натрий?

— Да, профессор. Если смешать натрий с ртутью, он образует амальгаму, которая заменяет цинк в элементах Бунзена. Ртуть никогда не расходуется, потребляется только натрий, и море мне его снова поставляет. Кроме того, скажу вам, что натриевые элементы гораздо лучше, потому что их электродвигательная сила вдвое больше силы цинковых элементов.

— Я понимаю, капитан, превосходство натрия в тех условиях, в которых вы находитесь. В море его много, но его надо еще добывать, а как вы это делаете? Ваши батареи, очевидно, могут служить для разложения хлористого натрия, но если я не ошибаюсь, расход натрия на электролиз может превысить его приход. Что вы будете делать в таком случае?

— Тогда, профессор, я не стану добывать его таким способом, а использую энергию каменного угля.

— Каменного угля?

— Ну, скажем, морского угля, если вы хотите, — отвечал капитан.

— И как вы им пользуетесь?

— Вы увидите все на деле. Я только прошу вас потерпеть, потерпеть придется, правда, значительное время. Помните только, что я всем обязан океану: он производит электричество, электричество дает «Наутилусу» тепло, свет, движение, одним словом — жизнь.

— Но не воздух, которым вы дышите?

— О! Я мог бы добывать и воздух, необходимый для моего существования, но это бесмысленно, потому что я выплываю на поверхность, когда мне вздумается. Впрочем, если электричество и не вырабатывает кислород, необходимый для дыхания, зато управляет мощными паровыми насосами, которые накачивают воздух в особые резервуары, что и позволяет мне продолжать по мере надобности и так долго, как мне захочется, мое пребывание под водой.

— Я в восхищении, капитан! — сказал я. — Вы, очевидно, нашли то, что люди, без сомнения, когда-нибудь откроют, — истинно динамическую силу электричества.

— Я не знаю, откроют ли, — холодно отвечал капитан Немо. — Как бы то ни было, вы уже знаете первое применение этой драгоценной энергии. Она нас освещает равномерно и безостановочно, чего солнечный свет не может. Теперь посмотрите на эти часы: они электрические и ходят так точно, что могут посоперничать с лучшими хронометрами. Я разделил их циферблат по итальянской системе на двадцать четыре часа, потому что для меня не существуют ни день, ни ночь, ни солнце, ни луна, а только этот искусственный свет, который я уношу с собой на дно океана. Видите, сейчас десять часов утра?

— Вижу, вижу!

— Другое приложение электричества — этот циферблат, висящий перед нашими глазами, — служит для указания скорости «Наутилуса». Электрический провод приводит его в соприкосновение с винтом лага, и стрелка показывает мне скорость судна. Смотрите, мы идем с умеренной скоростью — пятнадцать миль в час.

— Это чудеса! — вскричал я. — И вы хорошо делаете, что употребляете силу, которая предназначена заменять собой ветер, воду и пар.

— Мы еще не закончили, господин Аронакс, — сказал капитан, вставая, — и если вам угодно последовать за мной, то мы посетим корму «Наутилуса».

В самом деле, я уже видел всю переднюю часть подводного судна; ее устройство было следующим. От центра к носу судна шла столовая длиной пять метров, отделенная от библиотеки переборкой, библиотека тоже была пять метров. Большой салон длиной десять метров отделялся от каюты капитана такой же переборкой. Каюта капитана имела длину пять метров, рядом моя каюта в два с половиной метра в длину и, наконец, резервуар для хранения воздуха в семь с половиной метров, продолжающийся до форштевня. Всего тридцать пять метров!

Водонепроницаемые переборки и герметичные двери с резиновыми задвижками обеспечивали безопасность «Наутилуса» в случае образования течи.

Я последовал за капитаном по узким проходам и очутился в центре судна. Тут было узкое помещение, похожее на колодец, ограниченное двумя переборками; железный трап, привинченный к стене, вел наверх.

Я спросил капитана, для чего служит этот трап.

– Он примыкает к шлюпке, – отвечал он.

– Что? Разве у вас есть шлюпка? – спросил я с изумлением.

– Без сомнения. Отличное гребное судно, легкое и устойчивое, которое служит для прогулок и для рыбной ловли.

– Но когда вы захотите сесть в эту шлюпку, вы должны подняться на поверхность моря?

– Вовсе нет. Эта шлюпка прикрепляется к кормовой части палубы и занимает нишу, специально для нее устроенную. Это настоящее палубное судно, оно не пропускает воду и прикреплено болтами. Трап ведет к люку на палубе «Наутилуса», люк этот в рост человека и сообщается с таким же люком в дне шлюпки. Этой дорогой, то есть через это двойное отверстие, я и вхожу в шлюпку. Нижний люк закрывают с «Наутилуса», а верхний – я сам. Затем я ослабляю болты, и шлюпка очень быстро поднимается на поверхность моря. Тогда я открываю люк на палубу, до сих пор герметично закрытый, ставлю мачту, поднимаю паруса или беру весла.

– Но как же вы возвращаетесь на корабль?

– Не я, а «Наутилус» возвращается, господин Аронакс.

– По вашему приказанию?

– Так точно. С «Наутилуса» проведен к шлюпке электрический провод. Я даю телеграмму, и этого довольно.

– В самом деле, – сказал я, восхищенный этими чудесами, – ничего не может быть проще!

Миновав трап, который выходил на палубу, я увидел небольшую каюту метра два длиной, в которой Консейль и Нед Ленд, зачарованные обедом, ели за обе щеки. Рядом открылась дверь на камбуз длиной три метра, расположенный между огромными кладовыми.

Здесь электричество оказалось удобнее всякого газа, оно употреблялось на всевозможные кухонные надобности. Провода в печи раскаляли платиновые спирали, нагревая плиту и поддерживая необходимую температуру. На электричестве работали и дистиллирующие аппараты, которые производили превосходную пресную воду для питья. Возле камбуза находилась ванная, удобно оборудованная, с кранами, которые давали по желанию холодную или горячую воду.

За кухней было расположено огромное помещение для экипажа, длиной метров пять, но дверь была заперта, и я не увидел его обстановку, которая могла помочь мне определить число людей, необходимых для управления «Наутилусом». В задней части была четвертая переборка, отделяющая кубрик от машинного отделения. Дверь открылась, и я оказался в отделении, где капитан Немо, первоклассный инженер, установил свои двигатели. Машинное отделение было отлично освещено и имело не менее двадцати метров в длину. Оно разделялось на две части; в первой находились батареи, которые производили электричество, а во второй – механизмы, приводящие в движение винт корабля.

Я был поражен прежде всего неприятным запахом, которым было наполнено это отделение, и капитан заметил это.

– Знаете, что неприятно поразило ваше обоняние? – сказал он мне. – Это газ. Выделение газа неизбежно при извлечении натрия. В сущности, это не очень большое неудобство.

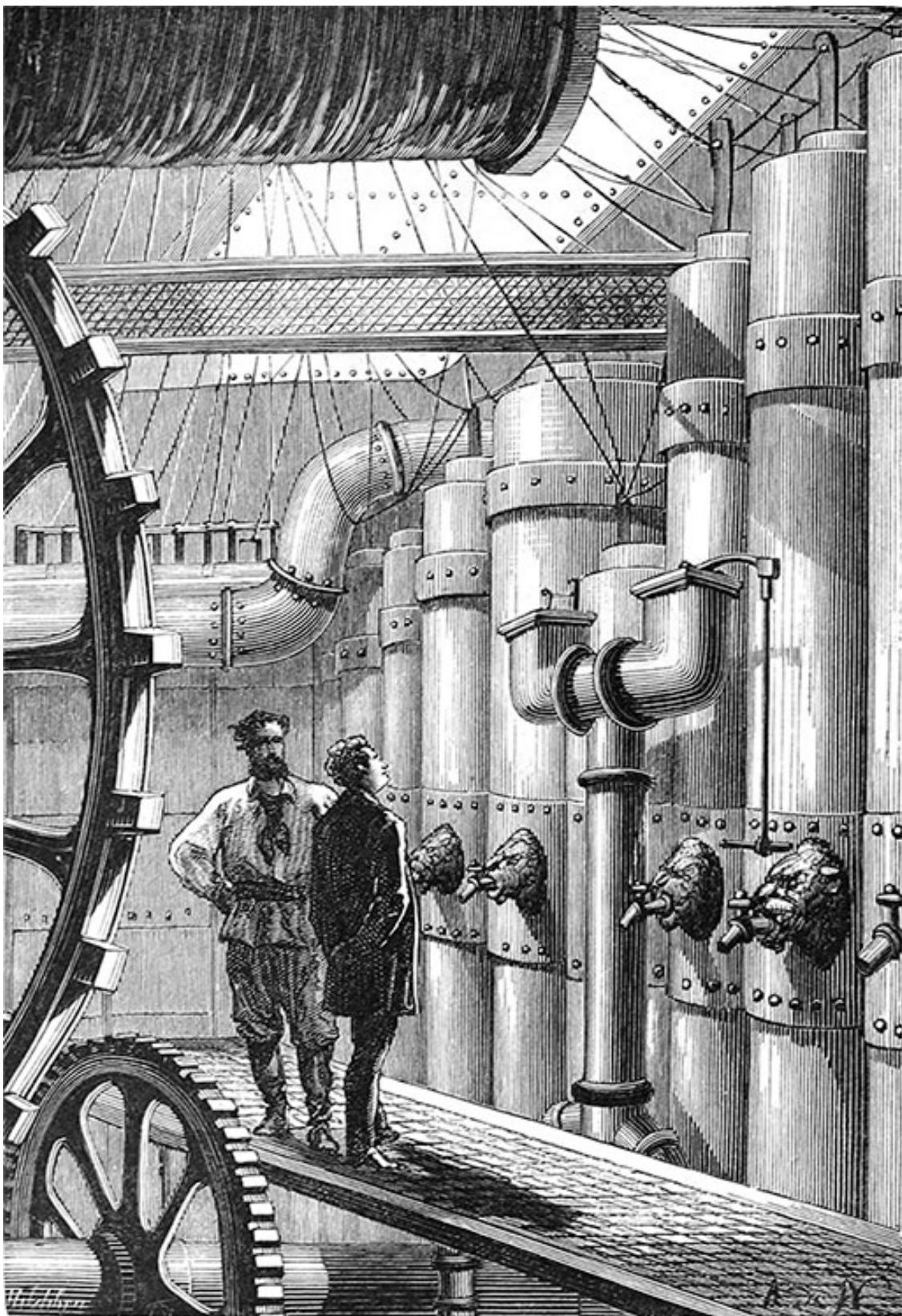
Каждое утро мы очищаем воздух вентиляторами.

Я осматривал с величайшим вниманием машины «Наутилуса».

— Вы видите, — сказал мне капитан, — я употребляю батареи Бунзена, а не Румкорфа: румкорфские дают мало энергии, тогда как бунзеновских надо немногого, поскольку они очень мощные. Полученная электрическая энергия через электромагнит большого размера передается на сложную систему рычагов, которые приводят в действие ось винта. Этот винт диаметром шесть метров может делать до ста двадцати оборотов в секунду.

— И вы тогда получаете?..

— Скорость пятьдесят миль в час.

— Капитан, — сказал я, — я не сомневаюсь в результатах. Я видел, как «Наутилус» искусно маневрировал вокруг «Абраама Линкольна», и знаю, какой он быстроходный, но надо же иметь возможность, чтобы направлять судно и вверх, и вниз, и во все стороны. А как вы достигаете этого на большей глуби не, где сопротивление исчисляют сотнями атмо-

сфер? Как поднимаешься на поверхность океана и, наконец, как вы двигаетесь на той глубине, которая вам нужна? Не слишком ли я любопытен, спрашивая это у вас?

— Нисколько, профессор, — ответил мне капитан после легкого колебания, — ведь вы никогда не покинете это подводное судно. Пойдемте в салон, там у меня настоящий рабочий кабинет, и вы узнаете все, что вам можно знать про «Наутилус»!

Глава тринадцатая Несколько чисел

Несколько минут спустя мы сидели в салоне на диване, с сигарами во рту. Капитан разложил передо мной чертежи «Наутилуса» в продольном и поперечном разрезе, немного погодя он начал описывать свое чудо следующими словами:

— Вот, господин Аронакс, судно, на котором вы находитесь. Это цилиндр, очень длинный, с коническими концами, по форме он очень похож на сигару. Эта форма уже принята в Лондоне для многих построек подобного рода. Длина судна от одного конца до другого семьдесят метров, а наибольшая ширина восемь метров. Он построен в другой пропорции, чем обычные паровые суда, так что вода может легко обтекать его, не затрудняя хода корабля.

Вот два чертежа, которые дадут вам понятие об объеме «Наутилуса». Поверхность его тысяча одиннадцать и сорок пять тысячных квадратных метров, его объем равняется тысяче пятистам семи и двум десятым кубических метров, или, говоря иначе, «Наутилус», погружаясь, вытесняет полторы тысячи кубических метров, или тонн, воды.

Когда я составил план судна для подводного плавания, я хотел, чтобы оно погружалось на девятьдесятых, а над поверхностью возвышалось бы на одну десятую. При подобных условиях оно должно было вытеснить только девятьдесятых своего объема, или тысячу триста пятьдесят шесть и сорок восемь тысячных кубических метров. При постройке я должен был так и рассчитывать. «Наутилус» состоит из двух корпусов: внутреннего и наружного, выполненных из листовой стали и соединенных между собой стальными балками в виде буквы «Т», что сообщает им необыкновенную прочность.

«Наутилус» выступает над водой только на одну десятую. Но если я наполню резервуары количеством воды, равным этой одной десятой, то судно будет тогда вытеснять тысячу пятьсот семь и две десятых тонн и совсем уйдет под воду. Эти резервуары находятся в нижней части «Наутилуса»; я открываю краны, они наполняются, и судно погружается.

— Хорошо, капитан, допустим, что вы можете держаться на известной глубине, но, погружаясь ниже, ваш подводный снаряд встречает давление снизу вверх, давление в одну атмосферу на каждые тридцать футов, то есть около одного килограмма на квадратный сантиметр.

— Точно так, профессор.

— Если вы не наполните резервуары водой до отказа, я не могу себе представить, как же вы погрузите «Наутилус»?

— Не много надо усилий, чтобы опуститься в нижние слои океана, потому что тела имеют стремление быть потопляемы. Когда я захотел определить вес «Наутилуса», необходимый для его погружения, мне надо было только рассчитать уменьшение объема воды на различных глубинах под давлением верхних слоев.

— Это очевидно, — отвечал я.

— Если вода не совершенно несжимаемое тело, то по крайней мере слишком мало сжимаемое. По самым новым исчислениям, это сжимание будет равно четыремстам тридцати шести десятимилионным на каждые тридцать футов глубины. Если надо опуститься на тысячу метров, то я исчисляю увеличение тяжести от давления водяного столба в тысячу метров, то есть от давления сто атмосфер. Тогда сжимание будет равно четыремстам тридцати шести стотысячных, и я должен увеличить тяжесть судна до одной тысячи пятисот тридцати и семидесяти семи тысячных тонны вместо обычного тоннажа одна тысяча пятьсот семь и две десятых тонны. Таким образом потребуется балласт всего шесть и пятьдесят семь тысячных тонны.

— Только?

— Да, этот расчет легко проверить. У меня есть дополнительные резервуары вместительностью сто тонн. Я могу опускаться на значительную глубину. Если я захочу, чтобы «Наутилус» вышел на поверхность на одну десятую, мне надо только выпустить эту воду и совершенно опорожнить все резервуары.

Против таких доказательств, основанных на цифрах, я не мог возражать.

— Я признаю ваши вычисления, капитан, — отвечал я, — и не могу их оспаривать, потому что опыт доказывает это каждый день. Но вот...

— Что же, господин Аронакс?

— Когда вы находитесь на глубине тысяча метров, «Наутилус» испытывает давление сто атмосфер, и в эту минуту вы хотите слить воду из дополнительных резервуаров, чтобы облегчить судно и подняться на поверхность, — надо, чтобы паровые насосы преодолели это давление в сотни атмосфер. А ведь это сто килограмм на квадратный сантиметр. Нужна большая мощность...

— Которую может мне дать электричество, — прервал меня капитан Немо. — Я вам повторю, что динамическая сила моих машин почти беспредельна. Насосы «Наутилуса» имеют невероятную мощность, и вы должны были это видеть, когда огромные столбы воды обрушились на палубу «Авраама Линкольна». Иногда я не пользуюсь запасными резервуарами, чтобы достигнуть глубины от тысячи пятисот до двух тысяч метров, чтобы сберечь мои батареи. А если мне захочется посетить глубины океана на два или три лье ниже поверхности, я употребляю средства более надежные, но не менее верные.

— Какие же, капитан? — спросил я.

— Придется вам рассказать, как управляетя «Наутилус».

— Я сгораю от нетерпения, капитан!

— Для управления подводным судном я употребляю обыкновенный руль, прикрепленный к ахтерштевню, который приводится в действие штурвалом и талями. Но я могу также двигать «Наутилус» сверху вниз и снизу вверх в вертикальной плоскости посредством двух наклонных лагов, прикрепленных к его бортам подвижными плоскостями. Они могут принимать разное положение и приводятся в действие с помощью мощных рычагов. Если лаги направлены параллельно судну, оно движется горизонтально, если они наклонены — «Наутилус» движется, соответственно, по диагонали. Если выключить винт, то под давлением воды «Наутилус» очень быстро всплывает на поверхность по вертикали.

— Браво, капитан! — вскрикнул я. — Но как рулевой может вести судно по тому пути, который вы указываете?

— Рулевой помещается в рубке, которая находится в специальном выступе в наружной части корабельного корпуса. В этой рубке большие иллюминаторы из толстого черепицеобразного стекла.

— Разве стекло способно выдержать такое давление?

— Да. Хрусталь, разбивающийся при падении, имеет значительное сопротивление давлению воды. При опытах рыбной ловли в электрическом свете в 1864 году посреди Северного моря выяснили, что хрустальные линзы толщиной всего в семь миллиметров выдерживают давление воды в шестнадцать атмосфер. При этом они еще сильно нагревались из-за тока высокого напряжения. Стекла же, которые я употребляю, имеют толщину не менее двадцати одного сантиметра, значит, они в тридцать раз толще.

— Хорошо, капитан Немо, но ведь, чтобы видеть, нужен свет, а как же во мраке вод...

— Позади рубки рулевого помещен сильный электрический прожектор, лучи которого освещают море на расстояние полумили.

— Браво! Трижды браво, капитан! Я понимаю теперь природу фосфоресцирующего света лжеединорога, который так заинтересовал и озадачил ученых. Кстати, это столкнове-

ние «Наутилуса» с «Шотландией», которое наделало столько шума, было следствием нечаянной встречи?

— Да, господин Аронакс, это произошло совершенно случайно. «Наутилус» плыл на глубине двух метров, когда произошел толчок. Я убедился, что опасных повреждений не было.

— Не было, капитан. «Шотландия» благополучно добралась до гавани. А встреча с «Абраамом Линкольном» тоже случайная?

— Профессор, мне было очень жаль этот отличный фрегат, но меня атаковали, и я должен был защищаться! Я довольствовался тем, что поставил неприятеля в невыгодное положение, — ему даже не пришлось ремонтировать свои повреждения в ближайшей гавани.

— Капитан! — вскрикнул я с восторгом. — Что за чудесное судно ваш «Наутилус»!

— Да, профессор, — отвечал капитан Немо с волнением, — и я люблю его, как плоть от плоти моей! Если ваши корабли на поверхности океана всюду подстерегает опасность и если первое впечатление, которое производит море, есть страх бездны, как сказал голландец Янсен, то на «Наутилусе» человек может быть совершенно спокоен. Нечего опасаться пробоин, потому что двойной корпус корабля имеет твердость стали, нет утомительной качки, которая так докучает, паруса не уносит ветер; котлы не могут взорваться, пожара не может быть, потому что все сделано из листовой стали, не страшен недостаток угля, потому что здесь главная механическая сила — электричество, нечего бояться каких-нибудь неприятных встреч, потому что «Наутилус» один плавает в глубине вод, не страшны и бури, потому что в нескольких метрах ниже поверхности царит совершенный покой! Вот преимущества моего судна! И если правда, что инженер надежнее при постройке, чем конструктор, а конструктор — чем сам капитан, то представьте себе, до чего я верю в свой «Наутилус», потому что я все вместе: капитан, конструктор и инженер!

Капитан говорил так увлекательно и так красноречиво, глаза его горели, движения были так порывисты, что он совершенно преобразился. Да, он любил свой «Наутилус», как отец любит свое дитя!

Я не мог удержаться, чтобы не задать один вопрос, хотя вопрос этот мог показаться ему не совсем скромным:

— Вы инженер, капитан Немо?

— Да, профессор, в те времена, когда я еще считался жителем земли, я учился в Лондоне, Париже и Нью-Йорке.

— Но как вы могли тайно построить это чудное судно?

— Каждая его часть получена мной из разных частей света: киль выкован в Крезо, гребной вал у «Пени и К°» в Лондоне, стальная обшивка — у Лирда в Ливерпуле, винт — у Скотта в Глазго, резервуары — у «Келя и К°» в Париже, машины — у Круппа в Пруссии, таран — в мастерских Мотала в Швеции, приборы — от братьев Харт в Нью-Йорке и т. д. И каждый из этих поставщиков получал мои заказы под различными именами.

— Но, — возразил я, — положим, что отдельные части приобретены, но надо же было их собрать и проверить?

— Я устроил свои мастерские на пустынном необитаемом островке, в открытом океане. Там с моими работниками, с моими избранными верными и отважными товарищами мы собирали «Наутилус». Когда постройка была окончена, огонь испепелил все следы нашего пребывания на острове.

— Мне думается, капитан, что цена этой постройки должна быть немалой?

— Господин Аронакс, стальное судно со всем внутренним устройством стоит два миллиона, если же включить все редкости и коллекции, которые на нем находятся, то оно будет стоить от четырех до пяти миллионов франков.

— Позвольте еще вопрос, капитан!

– Извольте, профессор.

– Вы, значит, богаты?

– Богат несметно. Так богат, что мог бы без труда заплатить десять миллиардов государственного долга Франции!

Я пристально посмотрел на этого удивительного человека и подумал, не смеется ли он надо мной.

А может, говорит правду? Я решил, что время все покажет и объяснит.

Глава четырнадцатая Черная река

Площадь, занимаемая водой на земном шаре, исчисляется в более чем тридцать восемь миллиардов гектаров. Объем этой жидкой массы – два миллиарда двести пятьдесят миллионов кубических миль. Если представить ее в форме шара, то он будет иметь диаметр шестьдесят лье, а вес составит три квинтиллиона тонн. Чтобы понять это число, надо помнить, что квинтиллион относится к миллиарду так, как миллиард к единице, то есть в квинтиллионе столько миллиардов, сколько в миллиарде единиц. Примерно такое количество воды могли бы излить все земные реки в течение сорока тысяч лет.

В геологической истории период огня следовал за периодом воды. Прежде океан был всемирным, потом мало-помалу в силурийский период начался горообразовательный процесс, появились островки, снова исчезли под частыми наводнениями, опять показались, некоторые из них соединились вместе и образовали континенты. Наконец земля географически установилась такой, какой мы ее теперь видим.

Земля отвоевала у воды тридцать семь миллионов шестьсот пятьдесят семь тысяч квадратных миль, или двенадцать тысяч девятьсот шестьдесят миллионов гектаров. Образование материков позволило разделить Мировой океан на четыре большие части, или океаны: Северный Ледовитый, Индийский, Атлантический и Тихий.

Тихий океан простирается с севера на юг между двух полярных кругов, с востока на запад между Азией и Америкой, на протяжении 145° долготы. Это самый спокойный океан, его течения широки и неторопливы, приливы и отливы умеренны, а дожди изобильны.

И вот по этому океану предназначила мне судьба плавать в самых странных условиях!

– Профессор, – сказал мне капитан, – мы сейчас определим, если вы не против, точное местоположение нашего судна. Теперь без четверти двенадцать – около полудня. Я сейчас всплыну на поверхность.

Капитан три раза нажал на кнопку электрического звонка. Насосы начали выкачивать воду из резервуаров, стрелка манометра поползла по показаниям давления, свидетельствуя о движении «Наутилуса», потом остановилась.

– Мы всплыли, – сказал капитан.

Поднявшись по центральному трапу, я пролез в открытый люк и очутился на наружной платформе «Наутилуса».

Платформа, или, вернее, палуба, выступала из воды только на восемьдесят сантиметров. Нос и корма «Наутилуса» имели веретенообразную форму, так что его справедливо можно было уподобить сигаре. Я заметил, что его стальная черепицеобразная обшивка напоминала чешую больших земных гадов, а потому было очень естественно, что даже с лучшими подзорными трубами это судно принимали за морское животное.

Посредине палубы шлюпка, наполовину вдающаяся в корпус судна, образовывала небольшую выпуклость. Спереди и сзади помещались две невысокие рубки с наклонными стенками, частично закрытыми толстыми черепицеобразными стеклами: одна для рулевого, который управлял «Наутилусом», а другая для электрического прожектора.

Океан был великолепен, небо ясное. Легкий западный ветерок рябил поверхность воды. Горизонт был чист для наблюдения. Однако вокруг ничего не было: ни рифа, ни островка, ни даже «Авраама Линкольна». Одна необозримая пустыня!

Капитан, вооруженный своим секстантом, определял высоту солнца, которая должна была указать ему широту. Он несколько минут ждал, пока светило выйдет из-за набежавшего облака. Во время наблюдения ни один мускул его не шевельнулся, и инструмент не мог быть неподвижнее даже в руке мраморной статуи.

— Полдень, — сказал он. — Профессор, не угодно вам?

Я бросил последний взгляд на море — оно казалось немного желтоватым; вероятно, мы находились недалеко от берегов Японии, — и спустился вслед за капитаном в салон.

Там капитан с помощью приборов сделал вычисления и сказал:

— Мы находимся на $137^{\circ}15'$ восточной долготы...

— По какому меридиану? — быстро спросил я, думая, что ответ выдаст национальность капитана.

— Профессор, — отвечал мне капитан, — у меня различные хронометры, поставленные по меридианам Парижа, Гринвича и Вашингтона, но в честь вас я возьму парижский.

Этот ответ ничего мне не объяснил. Капитан продолжал:

— $137^{\circ}15'$ восточной долготы по парижскому меридиану и $30^{\circ}7'$ северной широты, то есть около трехсот миль от берегов Японии. Сегодня, 8 ноября, в полдень, начнется наше путешествие под водой.

— Да сохранит нас Бог! — отвечал я.

— А теперь, профессор, я вас оставлю, — прибавил капитан. — Я взял курс на восток-северо-восток на глубине пятидесяти метров. Вот карта, по которой вы можете следить за нашим путешествием. Гостиная в вашем распоряжении, а мне позвольте удалиться.

Мы раскланялись, я остался один и погрузился в размышления.

Я думал о капитане «Наутилуса». Удастся ли мне когда-нибудь узнать, какой национальности этот странный человек, который говорил, что не принадлежит миру людей? Эта ненависть к человечеству, которая, возможно, вызывала в нем желание отомстить, — кто ее возбудил, что было ее причиной? Был он одним из непризнанных ученых, тех гениев, «которых обидели», как выражался Консейль? Может быть, он современный Галилей? Или из таких, как американец Мори, ученая карьера которого была испорчена политической революцией? Случай привел меня на его судно, жизнь моя была в его распоряжении, и он принял меня, хотя холодно, но гостеприимно. Только до сих пор он ни разу не подал мне руки и не пожал мою, когда я ему ее протягивал.

Целый час я был занят этими мыслями, пытаясь проникнуть в тайну. Потом взор мой остановился на огромной карте, разложенной на столе, и я прижал палец к той точке, где сходились наши координаты.

Океаны, как и материки, имеют свои реки — это океанские течения. Самое примечательное из них известно под названием Гольфстрим. Ученые определили пять главных течений: одно на севере, а другое на юге Атлантического океана, третье на севере, а четвертое на юге Тихого океана и пятое на юге Индийского океана. Вероятно, что существовало когда-нибудь и шестое течение, на севере Индийского океана, когда Каспийское и Аральское моря соединялись с большими азиатскими озерами в одно водное пространство.

На месте, отмеченном на карте, показано одно из этих течений, японское Куросио, что значит «Черная река». Это теплое течение выходит из Бенгальского залива, где его согревают отвесные лучи тропического солнца, проходит через Малаккский пролив, идет вдоль до берегов Азии, вливается в Тихий океан, доходит до Алеутских островов, унося с собой стволы камфорного дерева и другие тропические растения и смешивая свои чистые ярко-голубые воды с холодными водами океана. По этому течению теперь шел «Наутилус».

Вдруг в дверях показались Нед Ленд и Консейль. Мои храбрые товарищи не могли опомниться при виде всех чудес, представших перед их глазами.

— Где мы? — вскричал канадец. — В Квебекском музее?

— Нет, скорее в гостинице Соммерад, с позволения их чести! — возразил Консейль.

— Друзья мои, — отвечал я, приглашая их войти, — вы не в Канаде и не во Франции, а на судне «Наутилус» и в пятидесяти метрах ниже уровня моря.

— Надо верить, если их честь это утверждает, — сказал Консейль. — Надо признаться, эта комната может ошеломить даже такого фламандца, как я.

— Удивляйся, мой друг, для такого классификатора, как ты, здесь есть над чем поработать.

Мне незачем было давать этот совет Консейлю: усердный парень наклонился уже над витринами и бормотал разные термины: «Класс брюхоногих, семейство моллюсков, род ципрей, вид ципрея мадагаскарская...»

А Нед Ленд тем временем расспрашивал меня про мое свидание с капитаном Немо.

— Кто он такой? — приставал канадец. — Неужели вы не узнали? Откуда он? Куда его несет?

— Не знаю, Нед, не знаю ничего, — отвечал я.

— Ну, а он нас хочет глубоко погрузить, на самое дно морское, что ли?

— Погодите, Нед, я расскажу вам по порядку все, что мне известно.

Я рассказал ему все, что знал, и в свою очередь спросил его, что он видел и слышал.

— Ничего не видел и не слышал! — отвечал канадец. — Я даже не видел никого из экипажа этого судна! И экипаж тоже электрический, что ли?

— Электрический!

— Ей-ей! Придется и этому поверить! Вы, господин Аронакс, не можете мне сказать, сколько людей на судне? Десять, двадцать, пятьдесят, сто человек?

— Не могу вам ответить, Нед, потому что сам не знаю. Послушайте меня, не думайте завладеть «Наутилусом» или убежать с него. Это судно устроено с таким искусством, с таким умом... Я очень рад, что видел это чудо современной техники. Многие бы согласились быть на нашем месте, чтобы только увидеть все здешние чудеса. Так что вы лучше успокойтесь, Нед, и давайте вместе наблюдать за всем, что происходит. Смотрите...

— Смотреть! — вскрикнул Нед Ленд. — Да ничего не видно и ничего не увидишь сквозь эту железную темницу! Мы идем или плывем, как слепые...

Нед еще не закончил, когда вдруг стало так темно, словно на нас кто-то внезапно набросил черное покрывало. Свет на потолке погас так быстро, что я почувствовал резь в глазах, как если бы из глубокой темноты вдруг вышел на яркий свет.

Мы онемели, не двигались и не знали, какого еще сюрприза ожидать. Послышалось что-то вроде шелеста, и нам показалось, что задвигались борта «Наутилуса».

— Нам конец! — сказал Нед Ленд.

— Отряд гидромедуз! — проговорил Консейль.

Мгновенно в салоне опять стало светло. Свет проникал в него снаружи с обеих сторон через огромные продолговатые иллюминаторы. Водные глубины были ярко освещены. Я, признаюсь, дрогнул при мысли, что хрустальные стенки, отделяющие нас от моря, могут разбиться, но массивная медная рама давала им достаточный запас прочности.

Вода просматривалась на расстояние мили вокруг «Наутилуса». Что это было за зрелище! Какое перо может его описать! Кому удалось бы нарисовать эту игру света в прозрачной океанской воде!

Мы знаем прозрачность морской воды. Она превосходит своей чистотой даже горные ручьи. Минеральные и органические вещества, которые она в себе содержит, увеличивают ее прозрачность. В некоторых частях океана, у Антильских островов, например, под ста сорока пятью метрами воды можно видеть песчаное дно с удивительной ясностью, а солнечные лучи просвечивают там на глубине триста метров. Но в жидкой среде, сквозь которую проходил «Наутилус», электрический свет проникал даже в самую глубь волн.

Если допустить гипотезу Эремберга, который верил в фосфоресцирующее свечение подводных глубин, то, конечно, природа приберегла для их обитателей одно из чудесных зрелищ. Я мог теперь судить о его необычайной, зачаровывающей прелести, не передаваемой никакими словами. С каждой стороны у нас было окно, открытое в ужасную неизведенную бездну океана. Темнота в салоне увеличивала яркость наружного света, и казалось, что прозрачный хрусталь был стеклом какого-то огромного аквариума. Создавалось впечатле-

ние, что «Наутилус» стоит на месте. Иногда, впрочем, полосы воды, разделяемые его килем, проносились перед нашими глазами.

Пораженные открывшимся зрелищем, мы молча стояли, облокотясь на подоконники и прильнув к иллюминаторам.

Вдруг Консейль сказал:

– Вы хотели видеть, друг Нед, ну вот вы и видите!

– Удивительно! – отвечал канадец, забыв о свой гнев, и все свои планы побега, любуясь чудесным зрелищем. – Надо было сюда попасть, чтобы только поглядеть на такое диво, ей-богу надо.

– А! – воскликнул я. – Теперь я понимаю жизнь этого человека! Он создал себе отдельный мир, который раскрыл для него самые удивительные чудеса!

– Но рыбы? – заметил канадец. – Я не вижу рыб. Где рыбы?

– Что вам за дело до рыб, друг Нед, – отвечал Консейль, – ведь вы их не знаете!

– Я не знаю? – вскрикнул Нед Ленд. – Я?

По этому предмету завязался между двумя приятелями спор, потому что оба они знали рыб, но с совершенно разных сторон.

Всем известно, что рыбы составляют четвертый класс позвоночных. Их определили как «позвоночные с двойным кровообращением и холодной кровью, дышащие жабрами и живущие в воде». Они разделяются на два разряда: на костных, у которых позвоночный скелет состоит из костных позвонков, и на хрящевых, у которых позвоночный скелет состоит из хрящевых позвонков. Канадец знал, может быть, эту классификацию, но Консейль знал об этом гораздо больше, и теперь, соединенный узами дружбы с Недом, он не мог допустить, чтобы друг был менее его образован, поэтому тотчас начал проповедовать:

– Нед! Вы очень искусный рыболов! Вы на своем веку перловили довольноное число этих животных! Но я побьюсь об заклад, что вы не знаете, каких разделяют!

– Каких разделяют? – повторил Нед. – Что ж тут знать?

Разделяют на съедобных и несъедобных, вот и все!

– Так разделяют их обжоры! – отвечал Консейль. – Скажите мне, вы знаете, какая разница между костными и хрящевыми рыбами?

– Чего ж тут не знать – не диковина!

– А знаете, как подразделяются эти два больших класса?

– Ну, про это не случалось слышать.

– Не случалось? Так вот теперь слушайте и запоминайте! Костные рыбы подразделяются на шесть отрядов. Первый – колючеперые, у которых верхние челюсти подвижные, а жабры гребенчатые. Первый отряд включает пятнадцать семейств, то есть три четверти известных рыб. Представитель – окунь.

– Вкусен мошенник! – заметил Нед Ленд.

– Второй, – продолжал Консейль, – брюхоперые, у которых брюшные плавники расположены позади грудных, не соединенных с плечевой костью. Второй отряд делится на пять семейств и содержит большую часть пресноводных рыб. Представители – карп, щука.

– Пресноводные рыбы! – сказал канадец. – Их, по-моему, и вспоминать не стоит!

– Третий, – продолжал Консейль, – мягкоперые, у которых брюшные плавники прикреплены к грудным и непосредственно соединены с плечевой костью. Содержит четыре семейства. Представители – камбала, палтус, тюлбо и прочие.

– Отличные! Все до единой отличные! – вскрикнул гарпунер. – Так и тают во рту!

Нед смотрел на рыб решительно только с гастрономической точки зрения.

– Четвертый, – продолжал Консейль, не теряя присутствия духа, – бесперые, с продолговатым телом, без брюшных плавников, покрытые толстой и слизистой кожей. В четвертом отряде только одно семейство. Представители – угорь обыкновенный, угорь электрический.

– Ну, эти подгуляли! – заметил Нед.

– Пятый, – продолжал Консейль, – пучкожаберные, имеют подвижные челюсти, жабры состоят из маленьких пучков, расположенных попарно вдоль жаберных дужек. В пятом отряде тоже всего одно семейство. Представители – морской конек, летучий дракон.

– Совсем не годятся – дрянь! – заметил гарпунер.

– Наконец, шестой, – продолжал Консейль, – сростночелюстные, у которых верхние челюсти срастаются неподвижно с межчелюстными костями и у которых недостает брюшных плавников. Разделяется на два семейства. Представители – иглобрюхи, рыба-луна.

– Ну, этими и кастрюльку нечего пачкать! – вскрикнул Нед.

– Что ж, поняли, друг Нед? – спросил ученый Консейль.

– Совсем ничего не понял, – ответил Нед Ленд. – Но вы рассказываете очень занятно.

– Что касается хрящевых рыб, – продолжал непоколебимый Консейль, – они разделяются только на три отряда.

– Это лучше! – заметил Нед.

– Первый – круглоротые, вместо челюсти у них одно срединное отверстие, а жабры открываются множеством дырочек позади черепа. В первом отряде имеется одно только семейство. Представитель – морская минога.

– Эта хороша! – сказал Нед Ленд.

– Второй – пластиночаберные, у них жабры как у круглоротых, но нижняя челюсть подвижная. Разделяется на два семейства. Представители – скат и акула.

– Что вы! – вскрикнул Нед. – Скат и акула в одном отряде? Ну, друг Консейль, если вы дорожите скатом, так не ставьте его рядом с акулой: только так ваш скат и будет цел!

– Третий, – продолжал Консейль, – осетровые. Жабры у них, как обычно, открываются одним отверстием, защищенным жаберной крышкой; в этом отряде четыре рода. Представитель – осетр.

– А, дружок! Лучшее вы приберегли для конца! Это вы не ошиблись! Ну что ж, все?

– Все, Нед, – ответил Консейль. – И заметьте: знать – это еще не значит узнать все, потому что семейства разделяются на роды, виды, разновидности…

– Смотрите, Консейль, смотрите, – прервал его Нед Ленд, – вот и разновидности!

– Рыбы! – воскликнул Консейль. – Мы точно глядим в аквариум!

– Нет, – сказал я, – аквариум – клетка, а эти рыбы свободны, как птицы в воздухе!

– Ну-ка, приятель, назовите их по именам, – сказал Нед Консейлю.

– Я? – возразил Консейль. – Я не могу, пусть их честь изволит назвать.

Действительно, достойный парень хотя и был яростным классификатором, но натуралист из него вышел неважный. Я не поручусь, отличил бы он скумбрию от макрели или нет. Канадец, напротив, без затруднения называл почти всех рыб.

– Спинорог! – сказал он. – Вот спинорог! И спинорог китайский.

– Род спинорога, семейство жесткокожих, отряд сростночелюстных, – бормотал Консейль.

Нед и Консейль, взятые вместе, стали бы замечательными натуралистами! Канадец не ошибся: множество спинорогов кружилось и реввилось около «Наутилуса».

– Ишь какие они приплюснутые! – сказал Нед Ленд. – Ишь какая мережка на коже, а на спинке шипы. И хвост с каждого боку утыкан колючками в четыре ряда! Надо же, сотворена ж такая тварь!

Ничего не может быть прелестнее чешуи этих спинорогов: сверху серая, а снизу белая, с золотыми пятнами, блестевшими в темных струях. Между спинорогами сновали скаты. К великой моей радости, я приметил японского ската с желтоватой спиной, нежно-розовым брюхом и тремя шипами над глазом. Вид очень редкий, его существование ставили под сомнение: Ласепед видел такого ската только на одной японской гравюре.

В продолжение целых двух часов это подводное войско провожало «Наутилус». Пока рыбы играли, ревились и соперничали друг с другом в красоте расцветки, блеске и юркости, я приметил зеленого губана, султанку, или барабульку, с двойной черной полосой, бычка белого, испещренного на спине фиолетовыми пятнами и с закругленным хвостом, японскую скумбрию с голубым телом и серебристой головой, спарид рубчатых с разноцветными плавниками, голубым и желтым, спарид полосатых, с черной перевязью на хвосте, спарид поясносных, грациозно зашнурованных шестью поперечными полосами, японских саламандр, мурену из отряда угрей, около шести футов длиной, с маленькими живыми глазками и огромным зубастым ртом и многих других примечательных особей.

Нашему удивлению не было конца, восхищения не умолкали. Нед называл рыб, Консель их классифицировал, а я восхищался. Я никогда еще не видел этих прелестных рыб на свободе, в их родной стихии.

Я не стану перечислять все разновидности, которые промелькнули перед нашими ослепленными глазами, – это была целая коллекция Японского и Китайского морей. Их собралось здесь и кружилось больше, чем птиц в воздухе; вероятно, их привлекал электрический свет.

Вдруг в салоне стало светло, а стальные створы закрыли иллюминаторы. Волшебное зрелище в одно мгновение исчезло, но я еще долго представлял его, пока глаза мои не остановились на приборах, развешанных по стенам.

Компас все еще показывал курс на северо-восток, манометр – давление в пять атмосфер, соответствующее глубине пятьдесят метров, а электрический лаг – скорость пятнадцать миль в час. Я ждал капитана Немо, но он не появлялся. Было уже пять часов.

Нед Ленд и Консель ушли в свою каюту, а я в свою, где меня уже ждал обед. Обед этот был на славу: суп из нежных морских черепах, барабулька с белой, слегка слоистой мякотью и филе из окуня, которое показалось мне вкуснее лососины.

Вечер провел я в чтении, письме и размышлениях, после чего лег на кушетку и заснул.

Глава пятнадцатая Письменное приглашение

На другой день, 9 ноября, я проснулся после глубокого двенадцатичасового сна. Консейль по обыкновению пришел узнать, как я провел ночь, и предложить свои услуги.

— А что Нед? — спросил я.

— Спит еще, — отвечал Консейль.

Я не мешал парню болтать, но самому мне было не до разговоров. Меня тревожило долгое отсутствие капитана Немо, но я надеялся увидеть его сегодня.

Я надел свое виссоновое платье, на что Консейль тотчас же сделал несколько критических замечаний.

— Из чего это сделано, с позволения их чести? — спросил он.

— Оно сделано из шелковистых прочных волокон биссуса, которым присасываются к утесам пинны, род двустворчатых моллюсков, во множестве встречающихся у берегов Средиземного моря.

В старину из них выделяли прекрасные ткани-виссоны, чулки и перчатки, очень мягкие и теплые. Таким образом, экипажу «Наутилуса» не нужны были ни хлопчатники, ни овцы, ни шелковичные черви.

Я отправился в салон. Там никого не было.

Я занялся изучением конхиологических сокровищ, хранившихся в стеклянных витринах, рылся в огромном гербарии, наполненном самыми редкими морскими растениями, хотя и сухими, но сохранившими яркость окраски. Среди этих драгоценных водорослей я заметил каулерпу, падину, кладофору, красивый каллитамнион, нежный корсиканский морской мох алого цвета, ацетабулярию — одним словом, превосходнейшие образцы.

День прошел, а капитан Немо не удостоил меня своим посещением. Иллюминаторы в салоне оставались закрытыми. Кажется, здесь строго придерживались правила: хорошего понемногу.

Направление «Наутилуса» не изменилось, он шел со скоростью двенадцать миль в час на глубине от пятидесяти до шестидесяти метров.

На следующий день, 10 ноября, Нед и Консейль почти все время пробыли со мной. Они очень удивлялись отсутствию капитана.

— Болен он, что ли? — говорил Нед Ленд. — Или, может, он что-то против нас замышляет?

Мы, однако, пользовались полной свободой, нас прекрасно и изобильно кормили. У нас не было причин жаловаться.

Капитан строго придерживался условий договора.

С этого дня я начал вести подробный дневник моих приключений. Кстати, писал я на бумаге, изготовленной из взморника — морской травы.

11 ноября, рано утром, по «Наутилусу» распространился свежий воздух, и я догадался, что мы выплыли на поверхность океана, чтобы возобновить запас кислорода.

Я поднялся на палубу. Было шесть часов утра. Погода стояла пасмурная, море было серым, но спокойным и только слегка зыбилось.

Я не увидел никого, кроме рулевого в стеклянной рубке.

«Придет ли сюда капитан Немо?» — подумал я.

Усевшись на возвышении, образуемом корпусом шлюпки, я с удовольствием вдыхал насыщенный солью морской воздух. Мало-помалу туман рассеялся, солнце и море вспыхнули, как зажженный порох. Рассеянные по небу облака окрасились в яркие цвета с множеством великолепных оттенков; многочисленные перистые облачка, которые моряки

называют «кошачьи языки», предвещали ветренную погоду. Но что значит ветер для «Наутилуса», который не боялся бурь?

Я еще любовался радостным, животворящим восходом солнца, когда услышал чью-то шага, и уже приготовился раскланяться с капитаном Немо. Однако это был его помощник, которого я видел в наш первый день на «Наутилусе». Не обращая на меня внимания, он приложил к глазам подзорную трубу и стал очень внимательно исследовать горизонт. Окончив свои наблюдения, он подошел к люку и произнес фразу, которую я запомнил, потому что она впоследствии произносилась каждое утро:

– Nautron respoc lorni virch.

Что это означало, я не могу сказать.

С этими словами помощник ушел; я решил, что сейчас «Наутилус» начнет погружение, и потому вернулся в свою каюту.

Так прошло пять дней. Каждое утро я выходил на палубу; тот же человек произносил ту же фразу, капитан Немо не показывался.

Я уже думал, что больше не увижу его, но 16 ноября, войдя в свою каюту вместе с Недом Лендом и Консейлем, нашел на столе адресованную мне записку и торопливо ее открыл. Она была красиво написана по-французски, но готическим шрифтом.

Это было приглашение:

«Господину профессору Аронаксу,
на борту «Наутилуса».
16 ноября 1867 г.

Капитан Немо приглашает профессора Аронакса на охоту, которая состоится завтра в его лесах на острове Креспо. Он надеется, что ничто не помешает господину профессору присутствовать на этой охоте, и будет рад, если его спутники присоединятся к нам.

Капитан Немо».

– Охота! – вскрикнул Нед.

– И в его лесах на острове Креспо! – прибавил Консейль.

– Значит, он высадится на землю? – спросил Нед Ленд.

– Это сказано ясно! – отвечал я, перечитывая письмо.

– Надо сказать, что мы согласны! – решил канадец. – Только бы он нас на землю доставил, а там мы сами как-нибудь справимся. Кроме того, я не прочь попробовать свежей дичи.

Не пытаясь найти связь между отвращением капитана к континенту и приглашением на охоту в лес, я сказал:

– Посмотрим прежде, что это за остров Креспо.

На карте между 32°40' северной широты и 167°50' западной долготы я нашел островок, который был открыт капитаном Креспо в 1801 году и который на старинных испанских картах называется Rocca de la Plata, то есть Серебряный Утес. Мы были в ста восьмидесяти милях от этого пункта, и «Наутилус» повернул на юго-восток.

Я показал товарищам на этот маленький островок, затерянный в северной части Тихого океана.

– Если капитан иногда и выходит на землю, – сказал я им, – то, надо отдать ему должное, он выбирает самые пустынные острова.

Нед Ленд ничего не ответил, а только покачал головой и вместе с Консейлем ушел. После ужина, который мне подал немой и бесчувственный слуга, я лег спать немного озабоченный.

Проснувшись на другой день, 17 ноября, я почувствовал, что «Наутилус» стоит неподвижно. Быстро одевшись, я пошел в салон.

Капитан Немо уже был там. Он поклонился и спросил, согласен ли я сопровождать его на охоту.

Так как он не сделал ни малейшего намека на свое восьмидневное отсутствие, то и я умолчал об этом и просто ответил, что я и мои товарищи готовы за ним следовать.

— Только, — прибавил я, — позвольте мне задать вам один вопрос, капитан.

— Задайте, господин Аронакс, и я отвечу на него, если смогу.

— Каким образом вы владеете лесами на острове Креспо, если вы прервали все сношения с землей?

— Профессор, — отвечал мне капитан, — леса, которыми я владею, не нуждаются ни в солнце, ни в свете, ни в теплоте. Ни львы, ни тигры, ни пантеры, никакие другие четвероногие в них не водятся. Это не земные, а подводные леса. Они никому, кроме меня, не известны и растут только для меня одного.

— Подводные леса! — вскрикнул я.

— Да, профессор, подводные.

— И вы мне предлагаете посетить их?

— Да, предлагаю.

— Пешком?

— Пешком.

— Охотиться в этих лесах?

— Да, охотиться.

— С ружьем?

— Да, с ружьем.

Я посмотрел на капитана «Наутилуса», и в моем взгляде не было ничего лестного.

«Наверно, он сошел с ума! — подумал я. — Все эти восемь дней у него был приступ, который и теперь еще продолжается. Жаль! Все-таки лучше быть чудаком, чем сумасшедшим».

Эта мысль, должно быть, ясно отпечаталась на моем лице, но капитан Немо, не обратив, казалось, на это никакого внимания, пригласил меня следовать за собой. Я пошел за ним, как человек, который покоряется своей судьбе.

— Господин Аронакс! Я прошу вас без церемоний разделить со мной завтрак, за столом мы поговорим. Я, правда, пригласил вас на прогулку в лес, но я не обещаю там ресторанов. Завтракайте, как человек, который, по всей видимости, будет очень поздно обедать.

Я отдал должное завтраку. Меню состояло из разных рыбных блюд, ломтики голотурий, чрезвычайно вкусных зоофитов, были приправлены пикантным соусом из морских водорослей, таких как порфира и лауренсия. Питье состояло из чистой воды, к которой, по примеру капитана, я добавил несколько капель ликера, сделанного по камчатской моде из водоросли родимении лапчатой.

Сначала капитан ел молча, потом, обратясь ко мне, сказал:

— Профессор, когда я предлагал вам идти на охоту, вы подумали, что я противоречу сам себе. Когда же я сказал, что существуют подводные леса, вы подумали, что я сумасшедший. Никогда не надо судить о человеке поверхности!

— Но, капитан, поверьте...

— Выслушайте меня и тогда увидите, вправе ли вы обвинять меня в сумасшествии или непоследовательности.

— Я вас слушаю.

— Профессор, вы знаете так же хорошо, как и я, что человек может жить под водой, если у него будет достаточный запас воздуха. При подводных работах человек, одетый в водоне-

проницаемый костюм с металлическим шлемом на голове, получает воздух через специальный шланг, соединенный с насосом.

— Я знаю этот костюм, капитан, это так называемый скафандр, — сказал я.

— Да, но человек в скафандре как бы привязан к насосам, которые ему дают воздух через резиновый шланг, — это настоящая цепь, которая его приковывает к земле, и если бы мы были так же привязаны к «Наутилусу», то не могли бы далеко уйти.

— Каким же способом можно быть свободным? — спросил я.

— Надо употребить аппарат Рукейроля-Денейруза, изобретенный двумя вашими соотечественниками. Я усовершенствовал его, так что вы можете пользоваться им без всякого опасения. Это толстый металлический резервуар, в который нагнетается воздух под давлением пятьдесят атмосфер. Он прикрепляется к спине ремнями, как солдатский ранец. Его верхняя часть образует ящик, где давление воздуха регулируется до нормального. В аппарате Рукейроля обычно две резиновые трубы соединяют этот ящик со специальной маской для носа и рта. Одна трубка служит для вдоха, а другая — для выдоха воздуха. По мере надобности водолаз нажимает языком на клапан той или другой трубы. Но чтобы выдержать значительное давление на дне океана, я должен вместо маски надеть на голову, так же как и в скафандре, медный шлем, к которому примыкают две трубы: вдыхательная и выдыхательная.

— Хорошо, капитан, но ведь ваш запас воздуха быстро расходуется, и если воздух будет содержать только пятнадцать процентов кислорода, он уже станет непригоден для дыхания!

— Конечно. Но я вам уже сказал, что насосы «Наутилуса» позволяют мне нагнетать его под значительным давлением, при этих условиях воздух в аппарате хватает на девять-девятнадцать часов.

— Мне все понятно, капитан, — отвечал я. — Хотелось бы знать, как вы можете освещать дорогу на дне океана?

— Прибором Румкорфа, профессор. Дыхательный аппарат прикрепляется к спине, а этот привязывается к поясу. Он состоит из элемента Бунзена, который я привожу в действие с помощью натрия. Индукционная катушка вбирает вырабатываемый электрический ток и направляет его к фонарю особой конструкции. В этом фонаре витая стеклянная трубка содержит углекислый газ. Под действием электрического тока этот газ ярко светит. Таким образом я снабжен и светом, и воздухом.

— Вы так подробно отвечаете на все мои вопросы, капитан, — сказал я, — что более невозможно сомневаться. Я верю в аппараты Рукейроля и Румкорфа, но ружье... Я прошу вас объяснить мне устройство ружья, которым вы меня снабдите.

— Ружье это не пороховое, — ответил капитан.

— Значит, духовое?

— Именно. Как же мне делать порох на моем судне, не имея ни селитры, ни серы, ни угля?

— И чтобы выстрелить в воде, в среде, которая в восемьсот пятьдесят пять раз плотнее воздуха, надо преодолеть значительное сопротивление.

— Это не причина. Существуют такие пушки, усовершенствованные после Фультона англичанами Филиппом Кольтом и Бурлеем, французом Фюрси и итальянцем Ланди, которые снабжены особыми затворами и могут стрелять при этих условиях. Но, не имея пороха, я заменил его воздухом, которым насосы «Наутилуса» снабжают меня безостановочно.

— Но этот воздух должен быстро расходоваться?

— Да, но ведь у меня есть резервуар Рукейроля, который при необходимости может меня им снова снабдить. Для этого достаточно только повернуть кран, но вы сами увидите, что для этой охоты немного требуется воздуха и пуль.

— Мне кажется, в этой полуторме и этой чрезвычайно плотной воде нельзя выстрелить на большое расстояние и попадания редко бывают смертельны.

— Напротив, профессор, напротив. Каждый выстрел этого ружья смертелен, и как бы легко ни было ранено животное, оно падает, как пораженное молнией.

— Отчего же?

— Оттого, что это не обыкновенные пули, а маленькие стеклянные капсюли, изобретенные австрийским химиком Лениброком, — у меня их достаточно. Эти капсюли покрыты сталью и утяжелены свинцом — настоящие лейденские банки в миниатюре с электрическим током высокого напряжения. При малейшем толчке они разрываются, и животное, каким бы оно ни было, падает мертвым. Я прибавлю еще, что эти капсюли не крупнее дроби номер четыре и что на один заряд ружья их идет десять штук.

— Не смею больше спорить, капитан, — сказал я, вставая из-за стола. — Мне больше ничего не остается, как взять ружье и идти за вами!

Капитан повел меня на корму «Наутилуса». Проходя мимо каюты Неда и Консейля, я позвал их; они тотчас же присоединились к нам.

Мы пришли в каюту, расположенную рядом с машинным отделением, где и должны были одеться для предстоящей прогулки.

Глава шестнадцатая Прогулка по равнине

Эта каюта была одновременно и арсеналом, и гардеробной. По стенам было развезено около дюжины скафандров. Нед Ленд поглядел на них с очевидным отвращением.

– Нет, я не согласен напяливать на себя такую штуку! – воскликнул он.

– Послушайте, Нед, – сказал я, – леса острова Креспо – ведь леса подводные!

– Вот тебе на! – вскрикнул огорченный гарпунер. – Вот тебе и свежая дичь и… А вы, Аронакс, неужели вы эту штуку наденете?

– Приходится надевать, Нед.

– Как хотите! – ответил он, пожимая плечами. – Что касается Неда Ленда, то он никогда не наденет, – разве только силой там спрячут!

– Силой никто вас не будет заставлять, мистер Ленд, – сказал капитан Немо.

– А Консейль рискнет? – спросил Нед.

– Я всюду следую за их честью, – отвечал Консейль.

По приказу капитана явились два матроса и помогли нам одеться в тяжелые непромокаемые скафандры из цельной резины без швов. Водолазное снаряжение, рассчитанное на высокое давление, напоминало броню средневекового рыцаря, но отличалось от нее своей эластичностью. Скафандр состоял из штанов, куртки и головного шлема.

Штаны оканчивались сапогами на толстой тяжелой свинцовой подошве. Куртка придерживалась на груди медной кирасой, которая защищала от давления воды и позволяла свободно дышать, рукава оканчивались мягкими перчатками, которые нисколько не мешали движению пальцев.

– Эти скафандры, – сказал я, – несравненно удобнее пробковых лат, супервестов, «сундуков» и прочих подводных одеяний, изобретенных в XVIII веке.

– Хороши, нечего сказать! – проворчал Нед Ленд.

Капитан Немо, один из его матросов – этот матрос выглядел как Геркулес и, по-видимому, отличался большой физической силой, – Консейль и я быстро облеклись в скафандры. Осталось только надеть на голову металлический шлем. Но прежде я попросил у капитана разрешения осмотреть пред назначенное мне ружье.

Мне дали простое ружье с металлическим прикладом довольно большого размера, внутри его была устроена полость, служившая резервуаром для сжатого воздуха, который врывался в дуло при нажатии курка, открывавшего клапан резервуара. В обойме помещалось двадцать электрических пуль, которые посредством пружины сами вставлялись в дуло. После каждого выстрела ружье автоматически перезаряжалось.

– Капитан, – сказал я, – это превосходное ружье, и им легко управлять. Я очень хочу поскорее испробовать его. Только как же мы достигнем дна моря?

– Теперь «Наутилус» стоит на мели, то есть на глубине десять метров, и мы сейчас можем выйти наружу.

– Но как мы выйдем?

– А вот увидите.

Капитан надел сферический шлем. Консейль и я сделали то же самое.

– Счастливой охоты! – крикнул канадец с иронией.

Шлем навинчивался на ворот куртки, где было медное кольцо с винтовой нарезкой. Три толстых смотровых стекла в шлеме позволяли глядеть во все стороны. Я повернул кран аппарата Рукейrolia, помещенного на спине, и, к своему великому удовольствию, смог свободно дышать.

С фонарем Румкорфа на поясе и с ружьем в руках я был готов в путь, но, говоря чисто-сердечно, боялся, что в этом тяжелом снаряжении не сдвинусь с места. Но и это было предусмотрено: меня начали толкать в маленькую кабинку, смежную с гардеробной. Мои спутники последовали за мной таким же способом. Я услышал, как за нами захлопнулась дверь, и мы очутились в полной темноте.

Через несколько минут раздался пронзительный свист, и я почувствовал сильный холод снизу. Очевидно, в кабину начали закачивать океанскую воду. Когда вода наполнила все помещение, открылась другая дверь в борту «Наутилуса» и мы очутились в полумраке. Минуту спустя наши ноги ступили на морское дно.

Как теперь описать то впечатление, которое у меня осталось от этой подводной прогулки? Слова бессильны, ими не воссоздашь подобных чудес. Если кисть художника не в состоянии передать всю прелесть водной стихии, как же изобразить это пером?

Капитан Немо шел впереди, а его товарищ следил за нами в нескольких шагах. Мы с Консейлем держались рядом, как будто могли разговаривать через металлические шлемы. Я уже не чувствовал тяжести ни скафандра, ни сапог, ни резервуара со сжатым воздухом, шлем меня тоже не стеснял: моя голова была свободна, как миндаль в скорлупе.

Все эти вещи, погруженные в воду, теряли часть своего веса, равную вытесненной жидкости, и я был очень благодарен этому физическому закону, открытому Архимедом. Я больше не представлял собой бездействующую массу и имел относительно большую свободу движений.

Свет, озарявший толщу воды на тридцать футов ниже поверхности океана, удивил меня. Солнечные лучи легко пронизывали эту водную массу. Я ясно различал предметы на расстоянии ста метров. Чудесно оттенялись тонкие слои лазури, которые сгущались вдали и терялись во мраке. Вода, которая меня окружала, походила на воздух – воздух плотнее земной атмосферы, но почти такой же прозрачный. Надо мной ясно видна была спокойная поверхность океана.

Мы шли по мелкому, плотно слежавшемуся песку; песок этот был совсем не такой, как на морском берегу: на нем не было ни следов зыби, ни малейшего отпечатка волн. Этот ослепляющий песчаный ковер, как настоящий рефлектор, отражал солнечные лучи, пронизывая сиянием каждую частицу воды, проникая во все части жидкости.

«Воображал ли ты, Пьер Аронакс, – думал я, – что на глубине тридцати футов может быть так же светло, как на земле при дневном свете?»

В продолжение четверти часа я попирал ногами этот песок, усеянный пылью раковин. Корпус «Наутилуса», рисовавшийся как длинный подводный риф, постепенно исчезал, но свет его прожектора должен был помочь нам возвратиться на судно, если бы нас застигла ночь в океанских глубинах.

Трудно представить сияние электрического света тому, кто видел этот свет только на земле. Там пыль, которой насыщен воздух, придает ему вид светящегося тумана, но в морской воде электрические лучи отличаются необычайной ясностью.

Мы шли все дальше, огромная песчаная равнина, казалось, не имела границ. Я раздвигал руками водный занавес, который закрывался за моей спиной, а давление воды немедленно уничтожало мои следы на песке.

Вскоре начали смутно вырисовываться очертания предметов; я различил силуэты величественных подводных скал, унизанных прелестнейшими зоофитами. И тут меня глубоко поразила вся сказочная, невероятная обстановка.

Было десять часов утра. Косые лучи солнца преломлялись на поверхности воды, как сквозь призму. Водоросли, скалы, раковины, полипы переливались всеми цветами солнечного спектра. Это было что-то чудесное, радужное, невообразимое. Я трепетал от восторга. Я пламенно желал выразить свои чувства и очень жалел, что не могу поделиться ими с Кон-

сейлем. Я завидовал капитану Немо, который объяснялся со своим спутником условными знаками. Я разговаривал сам с собой. Я громко что-то восклицал в своем медном шаре, безрассудно расходуя, быть может, больше воздуха, чем следовало.

Консель также остановился перед этим великолепным зрелищем. Вероятно, достойный парень, очутившись в присутствии редких зоофитов и моллюсков, принял их по своему обыкновению классифицировать. Тут было обилие полипов и иглокожих. Различные кораллы – изиды, трубные корнулярии, которые живут особняком, глазчаки, известные прежде как белые кораллы, грибовидные фунгии, имеющие форму шампиньонов, морские анемоны, прилепленные к почве на мускулистой подошве, – одним словом, очаровательный цветник! Голубели порпты с венчиком лазоревых щупальцев, сверкали морские звезды. Бородавчатые астерафитоны походили на тонкие кружева, они трепетали при легком струении водной массы от наших шагов. Жаль было ступить ногами по блестящим образчикам моллюсков – морских гребешков, морских молотков, донаксов, трохусов, красных шлемов, стромбусов из семейства крылатых, сердцевидок – и множеству других произведений неистощимого океана.

Но надо было идти, и мы двигались вперед. Над нашими головами плавали группы физалий с колышущимися бирюзовыми щупальцами, медузы своими опаловыми или нежнорозовыми зонтиками с лазоревой окраиной закрывали нас от солнечных лучей, а фосфоресцирующие медузы и пелагии освещали блеском наш путь в полутьме.

Все эти чудеса я видел, к сожалению, мимоходом: каждый раз, как только я приостанавливался, капитан Немо подзывал меня знаками.

Скоро почва изменилась; песочная равнина сменилась вязким илом, который состоял только из кремнистых или известковых раковин.

Затем мы прошли по лугам водорослей, которые поражали своей роскошью. Эти подводные мягкие лужайки могли соперничать с самыми лучшими коврами, сотканными рукой человека.

Зелень расстилалась под ногами и висела над головой. Легкая сетка из водорослей образовывала зеленые своды. Я видел, как плавали длинные фукусы, шаровидные и трубчатые лауренции, кладостефы с тонкими листьями, причем заметил, что зеленые растения тянулись к поверхности, красные держались средней глубины, а черные и коричневые составляли сады и цветники нижних слоев океана.

Водоросли – одно из чудес всемирной флоры. Их насчитывается более двух тысяч родов. Семейство их включает и самые маленькие, и самые большие растения. На площади пять квадратных миллиметров может поместиться до сорока тысяч крохотных водорослей. А бурый фукус имеет длину до пятисот метров.

Прошло уже почти полтора часа, как мы оставили «Наутилус». Было около полудня, что я определил по перпендикулярности солнечных лучей. Переливы красок мало-помалу исчезли, изумрудные и сапфировые оттенки потускнели и пропали. Каждый наш шаг гулко отдавался в жидкой среде. Малейший шум передавался со скоростью, непривычной для нашего слуха. И действительно, вода – лучший проводник звука, чем воздух: она распространяет его в четыре раза быстрее.

Вдруг дорога пошла под уклон. Мы находились на глубине сто метров, выдерживая давление десять атмосфер, но в скафандре я не испытывал этого давления. Я сначала чувствовал некоторое болезненное ощущение в суставах пальцев, но и это скоро прошло. Что же касается усталости, которую я должен был ощущать от этой двухчасовой прогулки, то она была самая ничтожная.

Мои движения при помощи воды были удивительно легки.

На глубине триста футов я уже слабо различал солнечные лучи. Их яркий свет смешился красноватыми сумерками.

Но мы все еще могли обходиться без фонаря Румкорфа.

Капитан остановился. Дождавшись меня, он указал пальцем на темную массу, рисовавшуюся недалеко от нас.

«Это, наверное, остров Креспо!» – подумал я. И я не ошибся.

Глава семнадцатая Подводный лес

Наконец мы пришли к окраине леса. Это было, без сомнения, одно из красивейших мест во владениях капитана Немо. Он смотрел на него как на свою собственность и имел на него такие же права, какие присвоил себе первый человек в первые дни сотворения мира.

«Никто не станет оспаривать у него этой подводной собственности! – думал я. – Кто другой решится нырнуть сюда и с топором в руках расчищать подводные темные чащи?»

Подводный лес состоял из больших древовидных растений, и как только мы вступили под его огромные своды, меня поразило странное расположение ветвей, какого я еще до сих пор никогда и нигде не примечал.

Ни одна трава, покрывающая почву, ни одна ветвь кустарника не стлалась по земле, не сгибалась и не тянулась по горизонтали. Все стремилось вверх, к поверхности океана.

Все растения, как бы тонки они ни были, держались прямо, вытянувшись в струнку, как железные прутья. Водоросли и лианы росли строго перпендикулярно, как того требовала плотность окружающей среды. Я прикасался к ним: они гнулись, но тотчас после прикосновения снова принимали свое вертикальное положение. Здесь было просто царство вертикальных линий!

Скоро я привык к этой причудливости, как и к относительному полумраку, который нас окружал. Почва была усеяна острыми камнями, на которые невозможно было не наступить при ходьбе. Подводная флора мне показалась даже богаче, чем у арктического или полярного пояса, где ее произведения не так многочисленны, и я невольно смешивал классы между собой, принимая зоофитов за гидрофитов, животных за растения. Да и кто бы не ошибся? Фауна и флора так близко соприкасались в этом подводном мире. Я заметил, что все представители растительного царства лишь прикреплялись к почве, а не росли из нее. Лишенные корней, они лепились на песке, на раковинах, на камнях, требуя не жизненных соков, а только точки опоры. Все нужное для их существования заключалось в воде: вода их поддерживала и питала. Большинство растений вместо листьев имели пластинки своеобразной формы, окрашенные в розовые, красные, зеленые, оливковые, рыжие и бурые цвета. Я здесь увидел живыми, а не засушенными, как образцы на «Наутилусе», веероподобную павлиновую водоросль падину, алый мох – церамию, ламинария вытягивала вверх свои молодые отпрыски, я видел целые букеты ацетабулярий, или «бокалов русалки», у которых стебель утолщается к верхушке, и множество других морских растений, лишенных цветков. «Любопытная аномалия, странная стихия, – сказал один остроумный натуралист, – где животное царство цветет, а растительное – нет!»

Между различными растениями величиной с земные деревья громоздились кустовидные колонии кораллов и живые изгороди из зоофитов, на которых распускались меандрины из семейства коралловых, испещренные извилистыми полосками, желтоватые звездчатые кораллы кариофилиды с прозрачными щупальцами, пучки зоантусов, похожих на траву. В завершение картины рыбы-мухи летали с ветки на ветку, как стая колибри, желтая леписаканта с щетинистыми жабрами и острой чешуей, летучие долгоперы и другие рыбы поднимались из-под наших ног, как бекасы.

Около часа дня капитан Немо подал знак на отдых, чем очень меня обрадовал; мы растянулись в беседке из водорослей, которые поднимались вверх, как стрелы.

Отдых этот показался мне невыразимо приятным; я сожалел только, что мы не могли обмениваться своими мыслями и впечатлениями: невозможно было ни спрашивать, ни отвечать. Я удовольствовался тем, что придинул свою огромную медную голову к голове Кон-

сейля и увидел, что глаза достойного парня блестят от удовольствия и счастья. Он качал головой с самым комическим видом.

Я удивился, что после четырехчасовой прогулки не чувствовал большого голода. Что было тому причиной, я не могу сказать. Но зато меня непреодолимо клонило ко сну. Я вспомнил, что это бывает со всеми водолазами. Скоро глаза мои закрылись, и я погрузился в сон, который до сих пор преодолевала ходьба. Капитан Немо и его могучий спутник, растянувшись во весь рост, подали нам пример.

Сколько времени я спал, я не мог определить, но когда проснулся, мне показалось, что солнце уже клонилось к горизонту. Капитан уже встал, и я принялся расправлять свои члены, когда неожиданное явление сразу поставило меня на ноги.

В нескольких шагах огромный краб примерно в метр вы сотой уставился на меня своими косыми глазами и, казалось, готов был на меня броситься. Хотя скафандр служил мне достаточной защитой от его клешней, но все-таки я не смог сдержать движения ужаса. В это время проснулись матрос с «Наутилуса» и Консейль. Капитан указал своему спутнику на гадину, тот размахнулся и тотчас же убил членистоногое ружейным прикладом.

Эта встреча заставила меня вспомнить, что эти темные океанские бездны населены и другими, еще более опасными тварями, от которых, пожалуй, не защитит и скафандр. Удивительно, как это раньше не пришло мне в голову, и впредь я решил соблюдать осторожность, величайшую осторожность!

Я предполагал, что мы дальше не пойдем, но я ошибался. Капитан Немо вместо того, чтобы повернуть к «Наутилусу», продолжил дальше нашу отважную прогулку. Дно все понижалось, его покатость становилась все заметнее. Было около трех часов, когда мы дошли до узкой ложбины между двух высоких утесов, лежащей на глубине ста пятидесяти метров. Благодаря совершенству наших водолазных костюмов мы прошли на девяносто метров ниже предела, на котором до сих пор совершались морские подводные прогулки человека.

Я сказал, что глубина была сто пятьдесят метров, хотя не мог определить расстояние никаким измерительным инструментом. Но я знал, что в самых прозрачных водах солнечные лучи не могут проникать глубже. Мы шли ощущью в глубокой темноте. Ничего нельзя было различить даже в десяти шагах. Вдруг блеснул яркий луч света. Это капитан привел в действие свой электрический фонарь. Его спутник сделал то же, и мы с Консейлем последовали их примеру. Я повернул выключатель, и витая стеклянная трубка, заполненная газом, засветилась. Море озарилось четырьмя фонарями на расстояние двадцати пяти метров.

Капитан продолжал углубляться в лес, где деревья становились все реже и реже; я заметил, что растительность исчезала быстрее, чем животные. В иных местах растения из-за недостатка света уже пропали, а несчетное множество животных, зоофитов, членистоногих, моллюсков и рыб еще так и кишело вокруг нас.

Я думал, что свет наших фонарей непременно привлечет кого-нибудь из обитателей темных глубин, но если они и приближались, то не на ружейный выстрел. Не раз я видел, что капитан прикладывал ружье к плечу, но через несколько мгновений, так и не выстрелив, снова опускал ружье и продолжал путь.

Наконец, около четырех часов дня эта чудная прогулка окончилась. Великолепные утесы заступили нам дорогу. Это было скопление гигантских скал, неприступная гранитная громада, изрытая темными гротами. Это был остров Креспо! Это была земля!

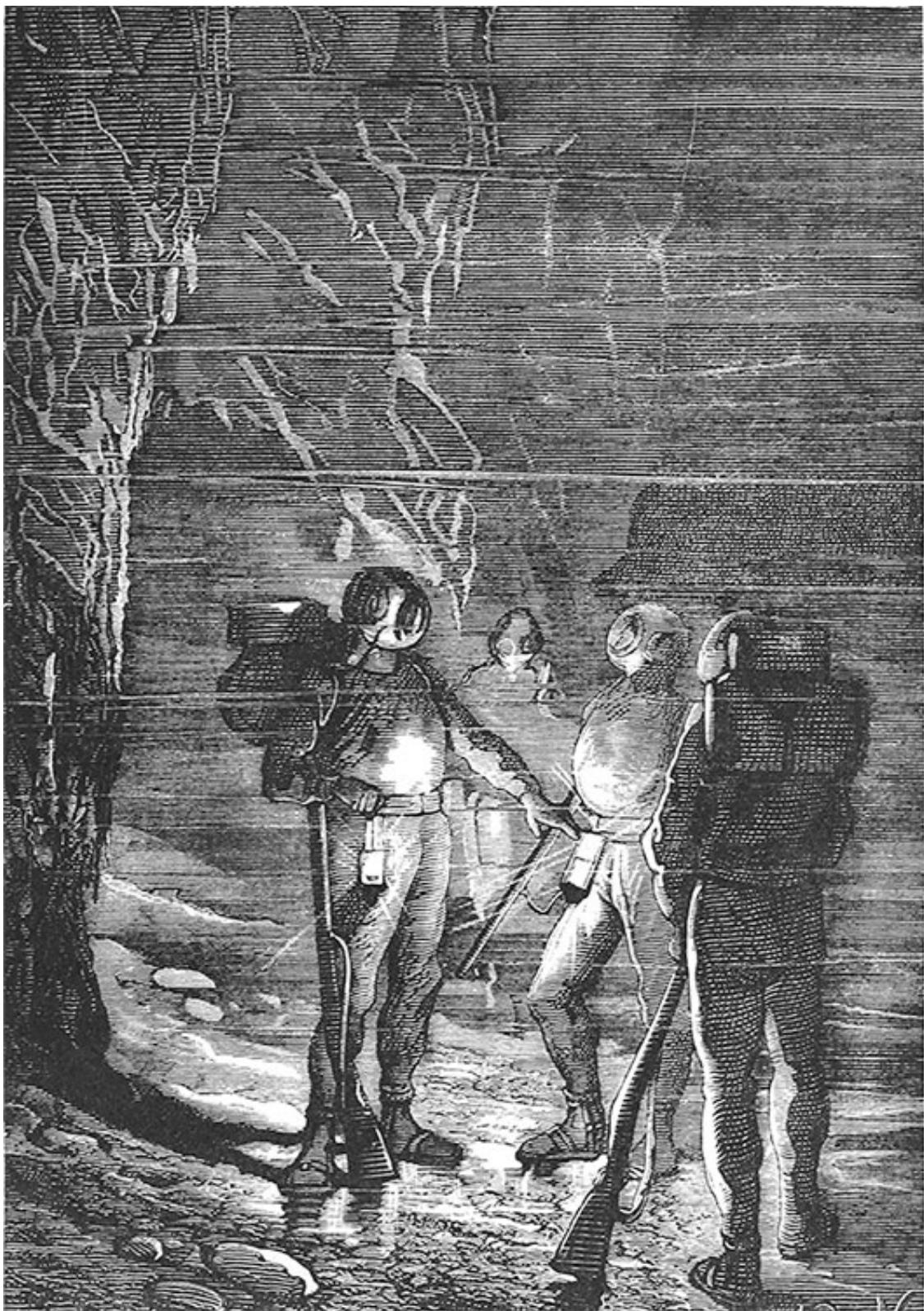
Капитан Немо вдруг остановился. Его жест остановил и нас. Здесь оканчивались владения капитана, и он не хотел переступать их границы. За этими утесами была та часть земного шара, в которую он не желал проникать.

Капитан шел во главе и указывал нам обратный путь без всяких колебаний. Я заметил, что мы возвращаемся не той дорогой. Эта новая дорога была очень крутой и потому очень трудной, но она вскоре вывела нас к поверхности океана.

Впрочем, это возвращение в верхние слои воды совершилось более или менее постепенно: быстрый внезапный подъем мог сильно подействовать на наш организм из-за резкого изменения давления и привести к внутренним повреждениям, которые губят неосторожных водолазов. Скоро стало светлее – солнце уже стояло низко на горизонте, и рефракция снова облекла все предметы спектральным кольцом.

Мы шли на глубине десяти метров посреди какой-то каши из маленьких рыбешек всех родов; они были многочисленнее и проворнее, чем птицы в воздухе, но ни одной стоящей водной дичи нам не попадалось.

Вдруг вижу, капитан быстро прицелился в какой-то подвижный предмет, мелькающий в кустах. Раздался выстрел, я услышал слабый свист, и убитое животное упало в нескольких шагах от нас. Это была великолепная морская выдра, калан, – единственное четвероногое животное, которое водится исключительно в море. Она была в один метр и пятьдесят сантиметров величиной и, вероятно, стоила очень дорого. Ее шкурка – темно-каштановая снизу и серебристая сверху – чрезвычайно высоко ценится русскими и китайскими торговцами. Принимая во внимание тонкость и лоск ее меха, можно было оценить ее самое меньшее в две тысячи франков.

Я любовался этим интересным млекопитающим с круглой головой, короткими ушами, круглыми глазами, белыми усами, похожими на кошачьи, лапы у него снабжены перепонкой и когтями, хвост пушистый. Это ценное хищное животное, жадно преследуемое охотниками, сделалось теперь почти редкостью и сохраняется еще в северной части Тихого океана, где тоже, вероятно, скоро переведется.

Товарищ капитана взвалил на плечи животное, и мы продолжали путь.

В продолжение часа мы шли по песчаной равнине; она часто возвышалась до двух метров от поверхности воды. Тогда я видел, как наши фигуры ясно отражались в обратном положении и над нами оказывалась такая же группа, представляя наши жесты и движения, только головой вниз, а ногами вверх.

Меня также очень занимали густые облака, которые проносились над нами, они быстро образовывались и таяли. Подумав, я понял, что это явление объясняется изменчивостью толщи воды над нами, и даже приметил пенящиеся белые «барашки», которые разбивались на гребнях волн и разливались по воде. Даже тени пролетавших над морем птиц, близко касавшихся поверхности, и те были ясно и отчетливо видны.

И здесь я стал свидетелем замечательнейшего выстрела. Большая ширококрылая птица парила над поверхностью, описывая круги, и мы очень явственно различали ее очертания. Спутник капитана Немо прицелился и выстрелил, когда она находилась всего в нескольких метрах над водой. Птица упала камнем почти в руки меткого стрелка. Это был великолепный альбатрос, превосходнейший образец морских птиц.

После этого мы снова отправились дальше и в продолжение целых двух часов шли то по песчаной равнине, то по лугам морских водорослей; дорога была очень трудной. Откровенно говоря, я уже изнемогал, когда вдруг заметил слабую волну света, которая перерезывала темноту вод на полмили. Это был прожектор «Наутилуса».

«Еще минут двадцать, – подумал я, – и мы будем на борту судна! И там я свободно вздохну! Скоро! Скоро! Немного еще потерпи, Пьер Аронакс!»

Мне начинало уже казаться, что мой резервуар дает очень мало кислорода. Но я не рассчитывал на встречу, которая несколько замедлила наше возвращение.

Я отстал шагов на двадцать, вдруг вижу: капитан быстро возвращается, почти бежит ко мне, хватает меня своей мощной рукой и пригибает к земле, а его спутник поступает точно так же с Консейлем. Я не знал, что и подумать об этом нечаянном нападении, но успокоился, увидев, что сам капитан лежит неподвижно около меня.

Итак, меня растянули на земле в тени водорослей, но я приподнял немного голову – и вдруг вижу: какая-то громадная фосфоресцирующая масса с шумом проносится над нами. Кровь застыла в моих жилах: это была пара страшных акул-людоедов с огромными хвостами, тусклыми, стеклообразными глазами и светящимися пятнами вокруг морды. Их чудовищная огненная пасть способна целиком раздробить человека своими железными челюстями.

Не знаю, занимался ли Консейль их классификацией, а я разглядывал их серебристое брюхо, огромную пасть, усеянную острыми зубами, впрочем, разглядывал не с научной точки зрения, не как натуралист, а как обреченная жертва. Счастье еще, что эти обжоры плохо видят. Они пронеслись мимо, слегка коснувшись нас своими коричневатыми плавниками, но не заметили. Мы избегли опасности, которая была пострашнее встречи с тигром в лесу.

Полчаса спустя наконец мы подошли к «Наутилусу». Наружный люк был открыт, и капитан закрыл его, как только мы вошли в кабину; потом он нажал на кнопку. Насосы внутри судна начали действовать, уровень воды стал понижаться, и через несколько секунд кабина была совершенно пустой. Тогда распахнулась внутренняя дверь, и мы вошли в гардеробную. Там мы сняли свои скафандры, и сняли их не без труда.

Усталый, шатаясь от изнеможения, я добрался до своей каюты.

«Что это? – думал я. – Во сне все это было или наяву?»

Глава восемнадцатая Четыре тысячи лье под водами Тихого океана

На следующее утро, 18 ноября, чувствуя себя совершенно отдохнувшим, я вышел на палубу в то самое время, когда помощник капитана произносил свою ежедневную фразу. Тут мне пришло на ум, что она относится к состоянию моря или означает отсутствие опасности: «На море спокойно».

И действительно, океан представлял безбрежную водную пустыню: ни паруса на горизонте, ни утесов острова Креспо – они исчезли за ночь. Поглощая призматические цвета, океанская вода отражала голубые лучи во всех направлениях и имела превосходный цвет индиго.

Я любовался величественным видом океана, когда показался капитан Немо. Не обратив на меня внимания, он приступил к астрономическим наблюдениям. Окончив их, он облокотился на рубку штурвального, и глаза его задумчиво устремились на бескрайнюю поверхность океана.

Тем временем двадцать матросов «Наутилуса», все люди сильные и хорошо сложенные, вышли на палубу. Они пришли вытаскивать сети, которые были заброшены на ночь. Видно было, что эти моряки принадлежали к различным нациям, хотя они были европейского типа. Я без труда узнал ирландцев, франузов, нескольких славян и одного грека или киприота. Они были скучны на слова, а если и обращались из редка друг к другу, то все на том же странном наречии, которого я не мог понять. Значит, я не мог поговорить с ними.

Тем временем на судно втащили сети. Это был вид нормандского невода – огромные мешки, которые поплавки и цепь, продетая в петли, держат полуоткрытыми. Мешки эти волочатся на стальном тросе по дну и захватывают все, что попадется.

В это утро поймали любопытные образчики: здесь были лягвы – рыбы из семейства рукоперых, которых за смешные движения прозвали паяцами, спинороги, опоясанные красной полосой, ядовитые тетрадоны, или рыбы-собаки из семейства иглобрюхих, оливковые миноги, сарганы, похожие на иглу и покрытые серебристой чешуйей, нитехвосты, электрическая сила которых равна силе гимнота и ската, спиноперы чешуйчатые с поперечными коричневыми полосками, зеленоватая треска, различные виды колбней. Попалось несколько больших рыб – один каранкс, или толстоголовка, с выпуклой головой, длиной в целый метр, несколько отличных макрелей, испещренных голубыми и серебристыми пятнами, и три великолепных тунца, которых вся их юркость не могла спасти от невода.

Я полагал, что на этот раз сети принесли не менее тысячи фунтов рыбы. Ловля великолепная, слов нет, – но не удивительная. Сети закидывают на несколько часов, и они захватывают в свою нитянную темницу всех обитателей водяного мира, встречающихся на пути. Да, теперь у нас недостатка в провизии не будет, это можно было сказать наверняка! Богатые дары океана были спущены в камбуз; одна часть улова, видимо, предназначалась для запасов, а другая – к столу.

Ловля была окончена, запас воздуха возобновлен, и я подумал, что «Наутилус» станет погружаться, и хотел уже идти в свою каюту. Вдруг капитан повернулся ко мне и сказал без всяких предисловий:

– Посмотрите на этот океан, профессор, разве в нем нет жизни? Разве не выказывает он своего гнева и своей нежности? Вчера он спал, как и мы, теперь же просыпается после тихой ночи!

Ни здравствуйте, ни доброго утра! Можно было подумать, что капитан продолжает начатый разговор!

— Посмотрите, — продолжал он, — он просыпается от ласки солнечных лучей! Он оживляется, начинает дневную жизнь! Как любопытно следить за ним! Он имеет организм — у него пульс, артерии, спазмы! Я согласен с ученым Мори, который нашел, что у океана точно такая же циркуляция воды, как кровообращение животных.

Конечно, капитан не ожидал от меня никакого ответа, а поддакивать ему, повторять «точно», или «наверно», или же «вы правы» я считал излишним. Он скорее говорил сам с собой и после каждой фразы надолго умолкал. Это было размышление вслух.

— Да, — говорил он, — океан имеет настояще кровообращение, вода в нем постоянно циркулирует, и для этого достаточно изменение температуры, солей и микроорганизмов. Перепады температуры предопределяют плотность воды, как следствие, образуются течения и противотечения. Испарения воды, ничтожные на севере, очень значительные в экваториальных зонах, вызывают постоянный обмен тропических и полярных вод. Я обнаружил, кроме того, постоянное движение воды сверху вниз и снизу вверх, по вертикали, которое можно назвать настоящим дыханием океана. Я видел, как морская вода, согретая на поверхности, уходила на глубину и достигала высшей плотности при температуре ниже нуля, охлаждалась, делалась тяжелее, опускалась вниз, на глубину. Вытесняемая другой массой воды, пришедшей ей на смену, она постепенно снова согревалась, становилась легче и снова всплывала вверх. Вы увидите у полюса последствия этого явления и поймете тогда по этому закону предусмотрительной природы, отчего вода превращается в лед только на поверхности.

Пока капитан оканчивал свою фразу, я думал: «Полюс! Разве этот смельчак хочет нас вести туда?»

Капитан умолк и некоторое время любовался водной стихией, которую он беспрерывно изучал. Потом он снова продолжил:

— В море находится значительное количество солей. Если бы вы могли извлечь ее всю, то у вас образовалась бы масса в четыре с половиной миллиона кубических лье. Если рассыпать ее по земному шару ровным слоем, то его толщина составила бы более десяти метров! Не думайте, что присутствие солей было прихотью природы. Нет, они делают морскую воду менее испаряемой и препятствуют ветрам уносить большое количество водяных паров, которые в виде осадка затопляли бы умеренные пояса. Вот какое важное значение имеет соль!

Капитан опять умолк, встал, сделал несколько шагов и, подойдя ко мне, снова заговорил:

— Что же касается тех миллиардов микроскопических существ — в одной капле воды их миллионы, — то значение этих инфузорий не менее важно! Они поглощают морские соли, в том числе растворенную в воде известку, и являются творцами известковых и коралловых рифов. Умирая, они снова отдают в воду минеральные вещества, частично отлагая их на дне в виде скелетов. Капля воды, лишенная своего минерального содержания, облегчается, поднимается на поверхность, поглощает испаряемую соль, делается тяжелее, опускается и приносит микроскопическим животным новые элементы для поглощения. Таким образом осуществляется вечное круговое движение, вечная жизнь! Жизнь более напряженная, более плодотворная, чем на материике, процветает во всех частях океана. Это стихия смерти для человека, как кто-то сказал, но стихия жизни для мириадов животных — и для меня!

Говоря эти слова, капитан совершенно преобразился, чем произвел на меня необыкновенное впечатление.

— Здесь, — прибавил он, — только здесь настоящая жизнь! И я допускаю возможность основания подводных городов, строительства подводных домов, которые, как «Наутилус», будут выплывать, чтобы подышать свежим воздухом, каждый день на поверхность моря, — городов свободных! Но и на дне морском, кто поручится, что какой-нибудь деспот не...

Капитан Немо оборвал свою фразу быстрым движением.

Потом, чтобы прогнать мрачные мысли, он спросил меня:

– Господин Аронакс, знаете вы, какова глубина океана?

– Я знаю, капитан, то, что показали измерения.

– Можете вы мне их назвать, чтобы я в случае надобности мог проверить?

– Вот некоторые, – отвечал я. – В северной части Атлантического океана средняя глубина восемь тысяч двести метров, а в Средиземном – две тысячи пятьсот метров. Наиболее примечательные глубины обнаружены на юге Атлантического океана на широте около 35° – двенадцать тысяч метров, четырнадцать тысяч девяносто один метр и пятнадцать тысяч сто сорок девять метров. В итоге полагают, что дно Мирового океана на одном уровне, его средняя глубина была бы около семи километров.

– Хорошо, профессор, – отвечал капитан, – я надеюсь дать вам более точные цифры. Что же касается средней глубины этой части Тихого океана, то могу сообщить, что она примерно четыре тысячи метров.

Сказав это, капитан направился к люку. Я последовал за ним. Машины «Наутилуса» тотчас же пришли в движение, и лаг показал скорость двадцать миль в час.

Проходили дни, недели; капитан Немо редко посещал нас. Помощник капитана аккуратно отмечал на карте курс судна, и я мог следить за местоположением «Наутилуса».

Консейль и Нед Ленд проводили со мной целые часы. Консейль рассказывал своему приятелю Неду про чудеса нашей подводной прогулки, и канадец очень сожалел, что не отправился с нами, но я его обнадеживал.

– Не горюйте, Нед, – говорил я, – не горюйте! Пойдем еще и в другой раз, и тогда вы наверстааете упущенное!

Почти каждый день на несколько часов открывались иллюминаторы в салоне, и наши глаза могли созерцать тайны подводного мира.

«Наутилус» шел курсом на юго-восток, на глубине от ста до ста пятидесяти метров. Один раз, не знаю по какому случаю, судно погрузилось на глубину двух тысяч метров. Стоградусный термометр показывал температуру 4,25°, температуру, которая на этой глубине одинакова для всех широт.

26 ноября в три часа утра «Наутилус» пересек тропик Рака на долготе 172°. 27 ноября он миновал Гавайские острова, где 14 февраля 1779 года умер знаменитый капитан Кук. Мы, значит, прошли четыре тысячи восемьсот шестьдесят лье с начала нашего путешествия.

Утром, когда я был на палубе, я приметил в двух милях под ветром Гавайи один из семи замечательнейших островов архипелага. Я ясно различил его возделанные окраины, предгорья и цепи гор, идущие параллельно берегу, вулканы, над которыми возвышается Мауна-Кеа, подымающаяся на пять тысяч метров над уровнем моря.

Между другими образцами сети выловили несколько экземпляров падины павлиньей, полипа чрезвычайно грациозной формы, который преимущественно встречается в этой части океана.

«Наутилус» по-прежнему шел на юго-восток. Он пересек экватор 1 декабря на долготе 142°, а 4 декабря, после быстрого перехода, который не ознаменовался никакими приключениями, мы увидели группу Маркизских островов, принадлежащих Франции. На расстоянии трех миль, на 8°57' южной широты и 139°32' западной долготы я увидел пик Мартин, на острове Нукухива. Я только мог различить абрис лесистых гор на горизонте, потому что капитан Немо не любил близко подходить к берегу. Здесь закинутые сети вытащили отличных рыб: корифенов с голубыми плавниками и золотым хвостом, радужных губанов, почти без чешуи, превосходных на вкус, коралловых рыбок с костяными челюстями и многих других, достойных включения в наше меню.

Миновав прелестные острова, находящиеся под охраной французского морского флота, «Наутилус» с 4 по 11 декабря прошел около двух тысяч миль. Это плавание было примечательно встречей с огромным количеством кальмаров, интересным моллюском, родственником каракатицы. Он известен у французских рыболовов под названием «летающий кальмар» и принадлежит к классу головоногих, к семейству каракатиц и аргонавтов. Этих животных тщательно изучали древние натуралисты, они служили пособием для многочисленных метафор античных ораторов и вместе с тем являлись отличным блюдом богатым гражданам, если верить Атенею, древнегреческому доктору, предшественнику Галена.

В ночь с 9 на 10 декабря «Наутилус» встретил огромные полчища моллюсков. Исчисляемые миллионами, они переселялись из умеренного в теплый пояс, мигрируя по маршруту сельдей и сардин. Мы смотрели через толстые стекла, как они плыли, с силой выбрасывая воду из своей «воронки», как преследовали с необычайной скоростью мелких рыбок и моллюсков, пожирали мелких, были пожираемы более крупными и проворно двигали десятью щупальцами, развеивающимися вокруг их головы.

«Наутилус», несмотря на свою скорость, плыл посреди этих животных несколько часов; сети захватили их бесчисленное множество. Я узнал представителей девяти видов, которых д'Орбиньи причислял к обитателям Тихого океана.

Море щедро угождало нас великолепными зрелищами, оно разнообразило их до бесконечности, меняя декорации и обстановку сцены.

Днем 11 декабря я читал в салоне. Нед и Консейль наблюдали через иллюминаторы светящуюся воду. «Наутилус» стоял на месте. Резервуары его были наполнены, и он держался на глубине тысячи метров – часть океана малообитаемая и редко посещаемая большими рыбами.

Я читал интересную книгу «Угодники желудка» Жана Масе и наслаждался остроумием автора, как вдруг Консейль прервал мое занятие.

– Прошу извинения у их чести! Пусть их честь пожалует сюда на минуту! – сказал он странным голосом.

– Что там такое, Консейль?

– Пусть их честь изволит посмотреть!

Я подошел, облокотился и посмотрел в стекло. Освещаемая электрическим светом прожектора, в воде висела неподвижная чернеющая огромная масса. Я старался распознать, к какому роду принадлежит это гигантское животное, как вдруг понял, что это такое.

– Корабль! – вскрикнул я.

– Да, – отвечал канадец, – затонувший, с перебитым рангоутом!

Нед Ленд не ошибся. Это точно было судно, перерезанные ванты висели еще на цепях, корпус, казалось, был в хорошем состоянии, и надо полагать, что крушение произошло всего несколько часов назад. Обломки трех мачт, сбитых на два фута выше палубы, показывали, что команде пришлось пожертвовать рангоутом. Судно лежало на боку и было полно воды.

Печальное зрелище представлял этот корабль, но еще печальнее был вид его палубы, где лежало несколько трупов, привязанных канатами! Я насчитал четыре мужских трупа, один еще стоял как живой у руля. Женщина с ребенком на руках наполовину высунулась из решетчатого люка. Она была молода, я мог различить при ярком свете «Наутилуса» ее черты, которые вода еще не испортила, и отчаянно поднимала вверх своего ребенка, а бедный крошка цеплялся ручонками за материнскую шею. Четверо моряков замерли в конвульсиях, пытаясь в последнем усилии разорвать веревки, привязывающие их к судну. Один лишь рулевой с ясным и благородным лицом, с седыми, прилипшими ко лбу волосами, с руками, сжимающими штурвал, остался спокоен – казалось, он по-прежнему управляет трехмачтовым судном в глубине океана.

Какое зрелище! Мы долго смотрели, не говоря ни слова, на эту картину кораблекрушения, которая казалась фотографическим снимком последней минуты катастрофы. Я уже видел приближающихся акул с огненными глазами: они почуяли запах человеческого мяса.

Когда «Наутилус» обходил потопленное судно, я смог прочитать на его корме надпись: «Флорида», Сандерленд.

Глава девятнадцатая Ванико

Это ужасно трагическое зрелище, вероятно, не было редкостью для наших подводных мореплавателей. Как только «Наутилус» вступил в воды часто посещаемых морей, мы то и дело начали встречать гниющие остатки потопленных корабельных корпусов, а на самом дне ржавели пушки, ядра, якоря, цепи и тысячи тому подобных железных предметов.

11 декабря мы приблизились к архипелагу Туамоту, открытому французским мореплавателем Бугенвилем. Он тянется на пятьсот лье с востока-юго-востока на запад-северо-запад между $13^{\circ}30'$ и $23^{\circ}50'$ южной широты и $125^{\circ}30'$ и $151^{\circ}30'$ западной долготы от острова Дюси до острова Лазарева (Матаива).

Этот архипелаг площадью триста семьдесят квадратных лье состоит из шестидесяти групп островов, между которыми самая замечательная – группа Гамбье, находящаяся под покровительством Франции. Эти коралловые острова медленно постоянно приподнимаются благодаря неустанной работе полипов и, вероятно, со временем соединятся все вместе. Затем образовавшийся остров сплотится с соседним архипелагом, образовав пятый континент от Новой Зеландии и Новой Кaledонии до Маркизских островов.

Когда я излагал эту теорию капитану Немо, он холодно меня прервал.

– Нужны новые люди, а не новые континенты! – сказал он.

Следуя своему курсу, «Наутилус» прошел мимо острова Клермон-Тоннер – самого любопытного острова из всей группы. Он был открыт капитаном «Минервы» Беллом в 1822 году. Здесь я мог изучить мадрепоровые кораллы, из которых состоят все острова этой части Тихого океана.

У мадрепор, которых не надо смешивать с кораллами других видов, мощный известковый скелет. Их строение позволило моему знаменитому учителю Мильн-Эдвардсу причислить их к пятому отряду. Эти микроскопические морские животные миллиардами живут в своих келейках; из их известковых жилищ образуются скалы, рифы, островки и острова. Здесь они образуют кольцо вокруг лагуны или маленького озера, внутри атолла, которое посредством брешей соединяется с морем; там они представляют цепь барьерных рифов, подобных тем, какие находятся у берегов Новой Кaledонии и около многих островов Туамоту. В других же местах, например у островов Общества и у острова Маврикий, они поднимаются зубчатыми рифами, высокими отвесными стенами, и глубина около них бывает довольно значительной. В то время, когда «Наутилус» проходил мимо берегов острова Клермон-Тоннер, я восхищался гигантской работой, произведенной этими микроскопическими зодчими. Эти стенообразные скалы было делом мадрепоров класса коралловых полипов, известных под названием миллелпоровых, поритов, астрей и меандрин. Полипы эти развиваются преимущественно ближе к поверхности и, значит, начинают свои постройки не снизу, а сверху, потом, по мере наращивания постройки, опускаются ко дну.

Так, по крайней мере, должно быть по теории Дарвина, который объясняет подобным образом образование атоллов. По-моему, эта теория несравненно вероятнее той, которая утесы, горы и вулканы, не достигающие нескольких футов поверхности моря, считают базой для нарастания мадрепоров.

Я очень близко мог наблюдать эти любопытные ответные стены; зонды показывали в этом месте глубину более трехсот метров. В свете наших электрических прожекторов известь сверкала как алмаз.

– С позволения их чести, – сказал Консейль, – сколько времени заняло образование этих стен?

— Ученые полагают, — отвечал я, — что в столетие прибавляется по одной восьмой дюйма.

Консейль удивился.

— Значит, с позволения их чести, чтобы воздвигнуть эти стены, надо было?..

— Сто девяносто две тысячи лет, мой любезный Консейль, что превышает обыкновенное библейское летоисчисление.

Образование каменного угля, то есть минерализация до исторических лесов, поглощенных наводнениями, требовало гораздо больше времени. Но я прибавлю, что библейский день творения — не что иное, как эпоха, а вовсе не промежуток времени между восходами солнца, тем более что по самой Библии и солнце создано не в первый день творения.

Когда «Наутилус» всплыл на поверхность океана, я мог видеть низменный и лесистый остров Клермон-Тоннер. Его известковую почву, очевидно, оплодотворяли морские штормы и бури. Когда-то какие-нибудь зерна, занесенные ураганом с соседних земель, упали на известковые стой, удобренные разложившимся прахом рыб и морских водорослей, и дали всходы. Кокосовый орех, прибитый волнами, очутился на этом новом берегу и пустил корни. Выросли деревья и остановили испарения воды, образовался ручей. Растительность мало-помалу распространилась по острову. Различные микроорганизмы, черви, насекомые проплыли на оторванных ветром и унесенных морским течением с какого-нибудь острова стволах, черепахи начали здесь класть яйца, птицы свили гнезда в молодых деревьях. Таким образом постепенно развился животный мир, и, привлеченный зеленью и плодородием, на острове появился человек.

Так микроскопические животные образуют огромные острова!

К вечеру Клермон-Тоннер исчез из виду, а курс «Наутилуса» значительно изменился. Пройдя тропик Козерога на широте 135° , он направился к западу-северо-западу, проходя все пояса, лежащие между тропиками. Хотя летние лучи солнца были очень жгучи, но мы не чувствовали сильного жара, потому что в тридцати или сорока метрах под водой температура не превышала $10-12^{\circ}$.

15 декабря мы оставили на востоке прелестный архипелаг Общества, в том числе живописный Таити. Утром я увидел в нескольких милях под ветром вершины этого острова. Воды у его берегов изобиловали превосходной рыбой — тунцом, альбокором и муреной, похожей на морских змей.

«Наутилус» прошел восемь тысяч сто миль. Девять тысяч семьсот двадцать миль показывал корабельный лаг, когда проходили между архипелагом Тонга-Табу, где погибли экипажи «Арго», «Порт-о-Пренс» и «Дюк оф Портленд», и архипелагом Мореплавателей, где был убит капитан Лангль, друг Лаперуза. Потом мы увидели острова Фиджи, где дикари убили матросов корабля «Юнион» и капитана Бюро из Нанта, командовавшего кораблем «Красавица Жозефина». Этот архипелаг простирается на сто лье с севера на юг, с востока на запад на девяносто лье и находится между 6° и 20° южной широты и 174° и 179° западной долготы. Он состоит из группы островков, рифов и островов, среди которых самые крупные — Вити-Леву, Вануа-Леву и Кандюбон.

Тасман открыл Фиджи в 1643 году. В том же году Торричелли изобрел барометр, а Людовик XIV взошел на престол. Я предоставляю читателю судить, какое из этих событий полезнее для человечества.

Капитан Кук был на этих островах в 1714 году, д'Антркасто — в 1793-м, и, наконец, в 1827 году Дюмон-Дюрвиль распутал географический хаос этого архипелага.

«Наутилус» приблизился к бухте Вайлеа, к месту ужасных приключений капитана Диллона, того самого, который первым разъяснил тайну крушения кораблей Лаперуза. Эта бухта изобилует превосходными устрицами. Мы поедали их без счета, вскрывая тут же за

столом, по наставлениям Сенеки. Эти моллюски принадлежат к виду *Ostrea lamellosa*, который очень распространен на Корсике.

Каждая устрица производит до двух миллионов яиц, и не будь беспрестанных разрушений, морских звезд и крабов, поедающих молодых моллюсков, пожалуй, бухта Вайлеа окончательно бы обмелела.

Если Неду Ленду на этот раз не пришлось каяться в своем обжорстве, то единствено потому, что эти устрицы, сколько их ни ешь, не вызывают переедания. Надо съесть их не менее шестнадцати дюжин, чтобы получить триста пятнадцать граммов азотистого вещества, необходимого для ежедневного рациона человека.

25 декабря «Наутилус» шел мимо архипелага Новые Гебриды, который был открыт Квиросом в 1606 году, исследован Бугенвилем в 1768 году и окрещен в 1773 году капитаном Куком. Эта группа главным образом состоит из девяти больших островов, составляющих полосу в сто двадцать лье с северо-запада на юго-юго-восток, находящуюся между 15° и 2° южной широты и между 164° и 168° долготы.

Мы прошли довольно близко от острова Ору. Я смотрел на него в полдень, и он показался мне сплошной массой зеленого леса, над которым возвышался острый утес.

Это было как раз в день Рождества Христова, и Нед Ленд приуныл.

— Вот каторга-то! — говорил он. — Такой праздник, а мы гуляем в стальном ящике под водой!

Я не видел капитана всю неделю, но утром 27 декабря он вошел в салон, по своему обыкновению раскланялся и заговорил так, словно видел нас пять минут назад.

Я как раз рассматривал по карте путь «Наутилуса», когда капитан подошел ко мне, указал на карте точку и произнес одно только слово:

— Ваникоро.

Это название подействовало на меня магически. Ваникоро — островки, о которые разбились корабли Лаперузса.

— «Наутилус» идет к Ваникоро? — спросил я.

— Да, профессор, к Ваникоро.

— А могу я посетить эти знаменитые острова, где потерпели кораблекрушение «Компас» и «Астролябия»?

— Если вы этого желаете, профессор.

— Когда мы будем около Ваникоро?

— Мы уже около него. Пожалуйте.

Я пошел, или, вернее, побежал за капитаном на палубу, и глаза мои жадно впились в горизонт.

На северо-востоке виднелись два вулканических острова различной величины, окруженные коралловыми рифами, имеющими примерно сорок миль в окружности. Ближе к нам был остров Ваникоро, которому Дюмон-Дюрвиль дал имя остров поисков. Мы находились как раз перед маленькой гаванью Вану, лежащей на $16^{\circ}4'$ южной широты и $164^{\circ}32'$ восточной долготы. Земля, казалось, была сплошь покрыта зеленью, от берега до самых вершин, над которыми возвышалась гора Капого.

«Наутилус», пройдя за наружный пояс скал через узкий пролив, очутился в гавани, где глубина была от тридцати до сорока саженей. Под зеленой тенью мангровых деревьев я заметил нескольких дикарей, которые, казалось, были нескованно изумлены нашим прибытием. Они, наверное, приняли черноватую, едва выдающуюся из воды массу «Наутилуса» за какое-нибудь китообразное.

Капитан Немо спросил меня, что я знаю о крушении Лаперузса.

— То же, что и все, капитан, — отвечал я.

— А можете вы мне сказать, что все знают? — спросил он несколько иронически.

— Могу.

И я тотчас же стал ему пересказывать все события.

— Вот что известно, капитан, — начал я, — из донесений Дюмон-Дюрвиля. Лаперуз и его помощник, капитан Лангль, были посланы в 1786 году Людовиком XVI совершить кругосветное плавание на корветах «Компас» и «Астролябия» и бесследно пропали.

В 1791 году французское правительство, беспокоясь о судьбе этих двух корветов, снарядило спасательную экспедицию в составе двух фрегатов, «Поиск» и «Надежда», которые отплыли из Бреста 28 сентября под командой Бруни д'Антркасто. Спустя два месяца узнали из свидетельства Боуэна, командовавшего судном «Албемаль», что около Новой Георгии видели обломки разбитых судов. Но д'Антркасто, ничего не зная об этом известии, впрочем, довольно сомнительном, отправился к островам Адмиралтейства, означенным в донесении капитана Гентера как место крушения Лаперуза. Его поиски были напрасны: «Надежда» и «Поиск» прошли мимо Ваникоро не останавливаясь, и результат этого путешествия был весьма печален: оно стоило жизни самому д'Антркасту, двум его по мощникам и многим матросам из экипажа.

Первым нашел следы крушения кораблей Лаперуза старый морской волк, знаток Тихого океана, капитан Диллон. 15 мая 1824 года его судно «Святой Патрик» прошло около острова Тикопия из Новых Гебридов. Там один туземец, подплывший на пироге, продал ему серебряный эфес от шпаги, на котором была вырезана какая-то надпись, и рассказал между прочим, что шесть лет тому назад он видел на Ваникоро двух европейцев, выброшенных на скалы острова после кораблекрушения.

Диллон догадался, что дело шло о корветах Лаперуза, исчезновение которых так взволновало весь мир. Он хотел добраться до Ваникоро, где, по словам туземца, еще сохранились обломки судов, но сильные ветры и течение помешали его намерениям.

Диллон вернулся в Калькутту; там он заинтересовал своим рассказом «Азиатское общество» и Ост-Индскую компанию. Судно «Поиск» было дано в его распоряжение, и он отправился в путь 23 января 1827 года в сопровождении французского представителя.

После неоднократных остановок в различных пунктах Тихого океана «Поиск» бросил якорь у Ваникоро 7 июля 1827 года, в той же самой гавани Вану, где теперь находился «Наутилус».

Диллон здесь собрал множество остатков крушения: инструменты, якоря, блоковые стропы, камнеметные мортиры, ядра, обломки астрономических приборов, куски гакаборта и бронзовый колокол с надписью «Сделано Базеном», клеймом литейного Брестского арсенала, и датой «1785». Сомнений больше не оставалось.

Диллон продолжал поиск доказательств на месте кораблекрушения до октября. Покинув Ваникоро, он направился к Новой Зеландии, потом бросил якорь в Калькутте 7 апреля 1828 года и вернулся во Францию, где очень милостиво был принят Карлом X.

В то же самое время Дюмон-Дюрвиль, не зная ничего об открытии Диллона, тоже искал место крушения, но совсем в другом направлении. По донесению одного китолова, он узнал, что в руках дикарей Луизиады и Новой Каледонии находятся медали и крест св. Людовика.

Дюмон-Дюрвиль, командовавший «Астролябией», вышел в море спустя два месяца после того, как Диллон оставил Ваникоро, и бросил якорь у Гобарт-Тоуна. Там он услышал об успешной экспедиции Диллона и еще узнал, что некий Джемс Гоббс, помощник капитана корабля «Юнион» из Калькутты, дошел до острова, лежащего на $8^{\circ}18'$ южной широты и $156^{\circ}30'$ восточной долготы, и видел у туземцев железные брусья и красную материю.

Дюмон-Дюрвиль, находясь в сомнении и не зная, верить ли этим противоречивым донесениям, решился, однако, идти по следам Диллона. 10 февраля 1828 года «Астролябия» пришла к Тикопии, где Дюмон-Дюрвиль взял себе проводником и переводчиком бывшего

матроса, поселившегося на этом острове, и направился к Ваникоро. Подойдя к острову 12 февраля и лавируя между рифами, судно только 20 февраля бросило якорь в гавани Вану.

23 февраля офицеры и матросы обошли вокруг острова и принесли несколько обломков. Туземцы притворились, что не понимают, о чем их спрашивают, и отказались показать место кораблекрушения. Они вели себя очень подозрительно, возможно, потому, что они не очень благородно обошлись с потерпевшими крушение. Они, казалось, боялись Дюмон-Дюрвиля, думая, что он пришел мстить за Лаперуз и его несчастных товарищей.

Однако 26 февраля, прельстившись подарками и поняв, что им нечего бояться, туземцы проводили на место катастрофы Жаконо, помощника капитана. Там, под тремя-четырьмя саженями воды, между рифами Паку и Вану, лежали якоря, пушки, железные и свинцовые бруски балласта, уже сплошь покрытые известью. Шлюпка и китобойное судно с «Астролябии» направлены были к этому месту, и экипаж не без труда вытащил якорь весом тысяча восемьсот фунтов, пушку, свинцовую чушку и две медные мортиры.

Расспросив туземцев, Дюмон-Дюрвиль узнал, что Лаперуз, потеряв у рифов острова два корабля, построил из обломков маленькое суденышко, чтобы погибнуть во второй раз... Где?

Этого не знали.

Капитан «Астролябии» воздвиг под сенью мангрового дерева памятник в честь знаменитого мореплавателя и его товарищей. Это была простая четырехугольная пирамида, поставленная на коралловом пьедестале. Для ее постройки не было использовано ни одного кусочка металла, на который так падки туземцы.

Дюмон-Дюрвиль хотел тотчас же отплыть, но команда «Астролябии» была истощена лихорадкой, свойственной этой нездоровой местности, да и сам он заболел, так что с якоря снялись только 17 марта.

Между тем французское правительство, опасаясь, что Дюмон-Дюрвиль не пошел по следам Диллона, послало к Ваникоро корвет «Байонез» под командой Легоарана де Тромлена, который стоял тогда у западного берега Америки. «Байонез» бросил якорь у Ваникоро спустя несколько месяцев после отплытия «Астролябии», но Тромлен не нашел ничего нового и только засвидетельствовал, что туземцы не тронули памятника Лаперузу. Вот, капитан, все, что известно.

— А сейчас знают, — спросил капитан, — где погибло третье судно, построенное Лаперузом после крушения на острове Ваникоро?

— Не знают.

Капитан знаком пригласил меня следовать за ним в салон. «Наутилус» погрузился на несколько метров под воду, и иллюминаторы открылись.

Я кинулся к стеклам и под липкими слоями кораллов, под фунгиями, сифонниками и множеством других полипов, среди мелких красивых рыбок, радужных губанов, глифизидонов, диакопей и жабошипов рассмотрел несколько обломков: железные подпорки, якоря, пушки, ядра, форштевень и множество других остатков корабельного снаряжения, которые были теперь покрыты живыми цветами-кораллами.

Пока я рассматривал эти плачевые останки, капитан сказал мне:

— Капитан Лаперуз отплыл 7 декабря 1785 года на суднах «Компас» и «Астролябия»; он бросил якорь у Ботани-Бея, посетил архипелаг Общества, Новую Каледонию, направился к Санта-Крусу, останавливался у Намука, одного из островов Гавайской группы. Потом суда подошли к неизвестным рифам Ваникоро. «Компас» шел впереди, около южного берега сбился с курса, наткнулся на риф и был выкинут на берег; «Астролябия» поспешила к нему на помощь и села на мель. Первое судно тотчас же разбилось, второе сидело на мели под ветром и потому еще продержалось несколько дней. Туземцы довольно хорошо приняли потерпевших кораблекрушение. Лаперуз и его спутники обосновались на острове и из обломков

двух больших судов построили одно маленькое. Несколько матросов охотно остались на Ваникоро. Другие, ослабленные болезнью, отплыли с Лаперузом к островам Соломона и погибли у западного берега острова главной группы, между мысами Разочарования и Удовлетворения.

– Откуда вы это знаете, капитан? – вскрикнул я.

– Вот что я нашел на месте последнего крушения!

Капитан показал мне шкатулку из белой жести с французским гербом на крышке, заржавевшую от соленой воды. Он открыл ее, и я увидел свиток пожелтевшей бумаги, но текст еще можно было прочитать. Это было предписание морского министерства капитану Лаперузу с пометками на полях рукой Людовика XVI.

– Знаете, профессор, это прекрасная смерть для моряка! – сказал капитан Немо. – Он покоится в коралловой могиле. Я бы желал, чтобы судьба послала мне и моим товарищам такую же смерть!

А. О. Т.

Глава двадцатая Пролив Торрес

В ночь с 27 по 28 декабря «Наутилус» с необычайной скоростью оставил Ваникоро. Он направился на юго-запад и за три дня прошел семьсот пятьдесят лье, отделявших группу островов Лаперуза от юго-восточной оконечности Новой Гвинеи.

1 января 1868 года, рано утром, Консейль пришел ко мне на палубу.

— Если их честь позволит, — сказал он мне, — то я желаю их чести счастливого нового года!

— Спасибо, Консейль, — отвечал я. — Я принимаю твое пожелание точно так же, как принял бы его в моем кабинете при ботаническом саду в Париже, и благодарю за него. Только я спрошу, что ты подразумеваешь под «счастливым годом» при теперешних наших обстоятельствах? Желаешь ты в этом году конца нашему заключению или благополучного продолжения подводного плавания?

— Не знаю, что и сказать их чести, — отвечал Консейль. — Мы видим любопытные вещи, и вот уже целых два месяца мы еще не имели времени скучать. Их чести, верно, известна поговорка: «Последнее чудо всегда самое удивительное». Если и впредь будут такие же чудеса, так я уж и не знаю, чем все это кончится. Другого такого случая не будет, смею заверить их честь...

— Правда, Консейль, другого такого не будет!

— И капитан Немо, с позволения их чести, отлично оправдывает свое латинское имя: он ничуть не стесняет нас, словно вправду не существует.

— Это так, Консейль.

— Я полагаю, с позволения их чести, что это будет счастливый год, когда мы увидим все на свете...

— Все увидим, Консейль? Это может надолго затянуться!

А что думает Нед Ленд?

— Нед Ленд думает совсем не то, что я, — отвечал Консейль. — У него положительный склад ума и требовательный желудок. Смотреть на рыб да их одних есть — это ему не по вкусу. Ему недостает вина, хлеба и мяса, что много значит для саксонца. Саксонцы до смерти любят бифштекс и джин.

— Что касается меня, Консейль, то для меня здешняя пища ничуть не изнурительна, и я не жалуюсь на меню капитана Немо — я им доволен.

— И я тоже, — сказал Консейль. — Я бы остался здесь. А вот Нед спит и видит, как бы отсюда убежать. Значит, если новый год будет для меня неприятен, то для него будет хороший, а если для него будет новый год приятен, то для меня... — Понимаю, Консейль, понимаю! — сказал я.

— Так выходит, с позволения их чести, что один из нас будет доволен. А в заключение я пожелаю того их чести, чего их честь сама себе желает.

— Спасибо, Консейль, спасибо! Только дозволь мне отложить вопрос о новогодних подарках и заменить их до поры до времени пожатием руки — со мной другой монеты нет.

— Это самая лучшая монета, — ответил Консейль.

2 января мы уже сделали одиннадцать тысяч триста сто сорок миль, то есть пять тысяч двести пятьдесят лье с момента нашего выхода из Японского моря. Перед «Наутилусом» расстилались опасные воды Кораллового моря у северо-восточного берега Австралии.

Наше судно шло на расстоянии только нескольких миль от опасного барьерного рифа, где едва не погибли корабли Кука 10 июня 1770 года. Судно, на котором был Кук, ударились

о скалу, и если не затонуло, то только потому, что кусок коралла, отколовшийся при ударе, остался в пробоине корабельного корпуса.

Мне очень хотелось побывать на этом рифе длиной триста шестьдесят лье, о который вечно волнующееся море разбивалось с такой яростной силой, что, казалось, вас оглушают раскаты грома. Но в это время «Наутилус» унес нас на большую глубину, и мне не удалось увидеть эти высокие коралловые стены вблизи. Пришлось удовольствоваться образцами рыб, попавших в наши сети.

Между этими рыбами я заметил крупных тунцов с голубоватым брюшком и поперечными темными полосами, которые исчезают, как только рыба умирает. Эти рыбы следовали за нами целыми косяками и в готовом виде были чрезвычайно вкусны. Мы поймали также довольно большое количество морских карасей длиной пять сантиметров, имеющих вкус златоспинной дорады, и рыб-летучек, настоящих подводных ласточек, которые в темную ночь своим фосфоресцирующим блеском попеременно освещают то воздух, то воду.

Между моллюсками и зоофитами я нашел в неводе различные виды альционарий, морских ежей, ракушек-молотков, церитов и стеклушки.

Представителями флоры явились прелестные плавучие водоросли, ламинарии, макроцистисы, покрытые слизью, которая сочилась сквозь их поры. Тут же я нашел чудную *Nemastoma*, которая считается большой редкостью.

Два дня спустя после нашего перехода через Коралловое море, 4 января, мы увидели берега Новой Гвинеи. По этому случаю капитан сообщил мне, что он пройдет в Индийский океан через Торресов пролив.

Нед с удовольствием отметил, что мы приближаемся к европейским морям.

Торресов пролив считается опасным для мореплавателей не только из-за обилия подводных рифов, но и из-за характера дикарей, которые часто появляются на его берегах. Он отделяет Австралию от большого острова Новая Гвинея.

Этот остров простирается на четыреста лье в длину, на сто тридцать лье в ширину и имеет площадь семьсот восемьдесят пять тысяч квадратных километров. Он лежит между $0^{\circ}19'$ и $10^{\circ}2'$ южной широты и $128^{\circ}23'$ и $146^{\circ}15'$ долготы. В полдень, когда помощник капитана Немо определял высоту солнца, я разглядел цепи Арфальских гор, поднимающиеся террасами и увенчанные остроконечными пиками.

Остров был открыт в 1511 году португальцем Франциско Серрано; затем его посетил дон Хозе де Менезес в 1526 году, в 1527-м – Грихальва, в 1528-м – испанский генерал Альвар де Сааведра, в 1545-м – Хуго Ортес, в 1616-м – голландец Саутен, в 1753-м – Николас Срюик, в 1792-м – Тасман, Дампир, Фюмель, Картере, Эдвардс, Бугенвиль, Кук, Форрест, Мак-Клур, в 1792-м – д’Антркасто, в 1823-м – Дюппере и в 1827-м – Дюмон-Дюрвиль. «Это очаг всех малайских негров», – сказал де Риенци о Новой Гвинее.

«Судьба может столкнуть нас с андаманами! А андаманы шутить не любят!» – думал я.

«Наутилус» приблизился ко входу в опаснейший пролив земного шара, которым самые отважные плаватели едва рискуют проходить. Пролив открыл Луис Ваэс де Торрес, возвращаясь из южных морей в Меланезию. В этом проливе в 1840 году корветы Дюмон-Дюрвиля сели на мель и чуть не погибли. Сам «Наутилус», пренебрегающий всеми опасностями, принял, однако, некоторые предосторожности у коралловых рифов.

Торресов пролив длиной около ста тридцати километров и шириной сто семьдесят километров загроможден бесчисленным множеством островов, островков, рифов и скал, которые делают его почти непроходимым.

Капитан Немо, как я уже сказал, принял все возможные меры предосторожности; «Наутилус» на малой скорости плыл по поверхности воды, лопасти винта, как хвост китообразного, медленно разбивали волны.

Воспользовавшись случаем, мы с Недом Ленном и Консейлем вышли на палубу, которая, как всегда, была пуста, и встали за штурвальной рубкой. Мне показалось, что сам капитан Немо лично управляет «Наутилусом».

У меня в руках была великолепная карта Торресова пролива, начертенная инженером-гидрографом Дюмуленом и мичманом Куван-Дебуа, теперь адмиралом, который состоял в штабе Дюмон-Дюрвиля во время его последнего кругосветного путешествия. Эта карта, как и карта капитана Кинга, самая лучшая: она вносит ясность в путаницу прохода. Я следил за рифами и сверял их по карте самым тщательнейшим образом.

Вокруг «Наутилуса» яростно бушевало море. Волны неслись с юго-востока на северо-запад со скоростью двух с половиной миль и с грохотом разбивались о коралловые вершины, которые то тут, то там выступали из вспененной воды.

— Вот скверное море! — сказал мне Нед Лэнд.

— В самом деле, скверное, — отвечал я, — и вовсе не пригодное для плавания такого судна, как «Наутилус».

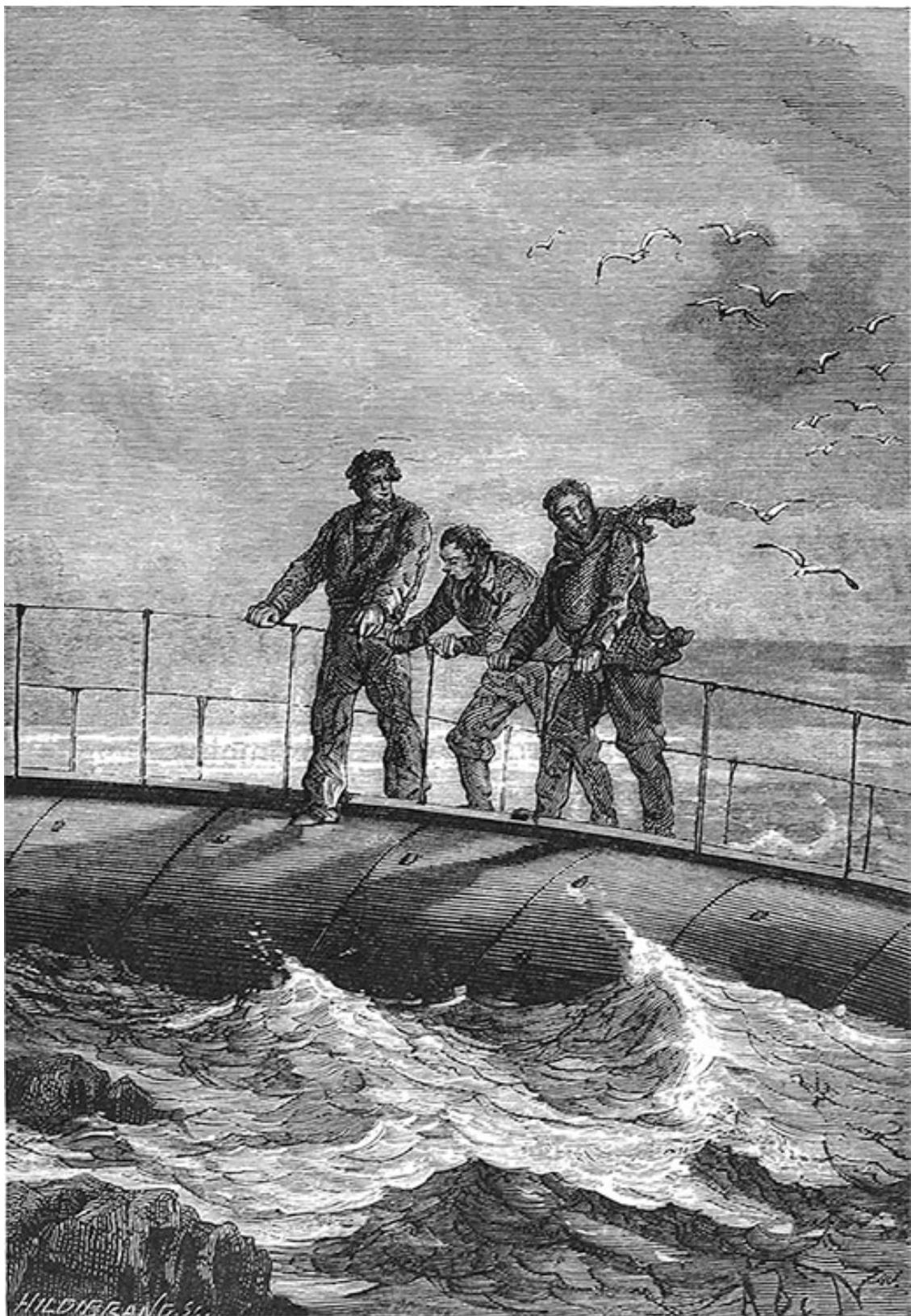
— Надо полагать, что наш странный капитан очень хорошо знает дорогу! Посмотрите-ка, вон целая куча коралловых громадин: любая может разбить корпус на тысячу кусков.

В самом деле, положение было опасным, но «Наутилус» скользил, словно по волшебству, среди подводных рифов. Он не пошел по роковому для Дюмон-Дюрвиля маршруту «Астролябии», взял севернее, прошел около берегов острова Мёррея и вернулся на юго-запад, к Кумберландскому проходу. Я думал, что «Наутилус» войдет в этот проход, но он вдруг повернул назад на северо-запад и стал лавировать между множеством малоизвестных островов и островков, направляясь к острову Тунда и каналу Мове.

Я уже думал, что сумасбродный капитан Немо хочет погубить свое судно в этом проходе, где разбились корветы Дюмон-Дюрвиля, когда он еще раз изменил направление и, перерезав дорогу на запад, направился к острову Гвебороар.

Было три часа пополудни. Морской прилив почти достиг своего высшего уровня. «Наутилус» приблизился к этому острову, который и сейчас еще живо представляется мне со своими висячими гирляндами мха и зелени. Мы плыли вдоль его берега не менее двух миль. Вдруг от сильного толчка меня свалило с ног. «Наутилус» наткнулся на подводный риф и встал неподвижно, слегка накренившись на левый борт. Когда я поднялся, то увидел на палубе капитана и его помощника. Они осматривали положение судна, говоря на своем, как выражался Нед, «дьявольском» наречии.

Вот каково было положение: в двух милях справа виднелся остров Гвебороар, его берег тянулся на северо-запад, как гигантская рука; на юго-востоке из воды показались верхушки коралловых рифов, которые уже открывал морской отлив. Мы сели на мель в таком месте, где приливы бывают весьма малы. Судно не потерпело никаких повреждений — до того прочным был его корпус, но даже если в нем не было пробоин, то он рисковал остаться навсегда пригвожденным к подводному рифу.

Капитан, как всегда невозмутимый, спокойный, без малейших признаков тревоги, подошел ко мне.

– Несчастье? – спросил я.

– Нет, только препятствие, – отвечал он.

— Но препятствие, — вскрикнул я, — которое заставит вас, может быть, стать снова жителем земли! А вы земли избегаете!

Капитан как-то странно посмотрел на меня и сделал отрицательный жест, который ясно дал мне понять, что ничто и никогда не заставит его выйти на сушу. Потом он сказал:

— Погодите, Аронакс, «Наутилус» еще не погиб! Он еще не раз пронесет вас среди чудес океана! Наше путешествие только началось, и я не хотел бы так скоро лишиться вашего общества.

— Но, капитан, — сказал я, как бы не замечая его иронии, — мы сели на мель во время полного прилива, а в Тихом океане приливы и отливы не так сильны, и если вы не выгрузите балласт — что мне кажется невозможным, — то я не вижу, каким образом «Наутилус» выплынет.

— Это вы справедливо заметили, профессор, — отвечал капитан, — но в Торресовом проливе между уровнем прилива и отлива разница в полтора метра. Сегодня 4 января, и через пять дней будет полнолуние, — я буду очень удивлен, если этот любезный ночной спутник нашей планеты значительно не поднимет водную массу и не окажет мне услугу, которую я желал бы принять только от него.

С этими словами капитан Немо в сопровождении своего помощника сошел вовнутрь «Наутилуса».

Что же касается судна, то оно уже больше не качалось и стояло неподвижно, словно коралловые полипы уже замуровали его в свой неразрушимый цемент.

— Ну что, профессор? — спросил Нед Ленд. Он тотчас же после ухода капитана подошел ко мне.

— Ну, друг Нед, мы будем спокойно дожидаться девятого числа, — ответил я, — кажется, Луна будет так любезна, что снимет нас с мели.

— Просто Луна?

— Да.

— И капитан в надежде на Луну будет сидеть сложа руки? Ничего не станет делать? Не примется за...

— Да зачем же, Нед, — прервал его Консейль, — если все нужное сделает один прилив? Канадец посмотрел на Консейля, потом пожал плечами.

— Профессор, — сказал он мне, — вы поверьте мне, когда я скажу, что эта железная посудина не будет больше плавать — ни на воде, ни под водой. Она теперь только годится в продажу на вес, и я полагаю, что наступило время нам расстаться с капитаном Немо!

— Нед, — ответил я, — у меня другое мнение насчет «Наутилуса». Погодите, через четыре дня мы увидим, каковы приливы Тихого океана. Вы все думаете о побеге. Побег был бы еще возможен, если бы мы были в виду Англии или Прованса, но у берегов Новой Гвинеи это рискованно. Повторяю вам, подождите: к крайностям можно будет прибегнуть в случае, если «Наутилус» не снимется с мели.

— Хоть бы пока пощупать эту землю! — сказал неугомонный Нед Ленд. — Вон остров, на нем деревья, под деревьями разгуливают земные животные, из которых делают котлеты и ростбиф. Эх, отведал бы их теперь!

— В этом случае Нед прав, — сказал Консейль. — Может, их часть могли бы испросить позволения у капитана Немо высадиться на землю, хотя бы только для того, чтобы не разучиться ходить по этой твердой части нашей планеты?

— Попросить могу, — отвечал я, — но он откажет.

— Пусть их часть попробуют, — сказал Консейль, — и мы по этому увидим, чего можно ждать от капитана.

К моему удивлению, капитан Немо любезно согласился на мою просьбу и даже не взял с меня слова возвратиться на судно. Впрочем, побег через Новую Гвинею был опасен,

и я не посоветовал бы Неду Ленду искушать судьбу. Лучше было остаться пленником на «Наутилусе», чем попасть в руки диких папуасов.

Шлюпка была дана в наше распоряжение на завтрашнее утро. Я даже не стал узнавать, поедет ли капитан с нами, и был уверен, что нам не дадут ни одного человека из экипажа и что Нед Ленд будет сам управлять шлюпкой. Земля находилась от нас не более как в двух милях, и канадцу ничего не стоило провести шлюпку между рифами, столь опасными для больших судов.

На другой день, 5 января, шлюпку спустили с палубы два матроса. Весла были уже в шлюпке, и нам оставалось только в нее сойти.

В 8 часов мы, вооруженные ружьями и топорами, отчалили от «Наутилуса». Море было довольно спокойным, с земли дул небольшой ветерок. Консейль и я сидели на веслах и энергично гребли, а Нед вел шлюпку по узким проходам между рифами. Шлюпка легко подчинялась рулю и быстро преодолевала все препятствия.

Нед Ленд не мог опомниться от радости. Как выпущенный на волю узник, он вовсе не думал о том, что ему придется снова возвратиться в темницу.

— Мясо! — повторял он. — Мы будем есть мясо! И какое еще мясо! Настоящую дичь! Вот только что хлеба нет! Я не говорю, что рыба не хороша, но если все время есть рыбу да рыбку, так она приедается, а кусок свежего мяса... Знаете, господин профессор, изжарить его на угольках... Прелесть что такое!

— Лакомка! — заметил Консейль. — Так рассказал, что у меня слюнки потекли!

— Погодите, сначала еще надо узнать, нет ли в этих лесах такой дичи, которая начнет охотиться за охотниками, — сказал я.

— Ничего, господин Аронакс, — отвечал канадец, показывая свои острые зубы, — я буду есть и тигра, если на этом острове не попадется других четвероногих!

— Друг Нед заносится! — заметил Консейль.

— Какие бы ни были животные — бесперые четвероногие или двуногие с перьями, — только бы мне их увидеть, и я тотчас в них — паф!

— Ну, — отвечал я, — начинаются сумасбродства мистера Ленда!

— Не бойтесь, господин Аронакс, — отвечал канадец, — и гребите сильнее. Я через двадцать пять минут угощу вас своей стряпней!

В половине девятого шлюпка тихо причалила к песчаному берегу, благополучно миновав коралловое кольцо, окружающее остров Гвебороар.

Глава двадцать первая Несколько дней на суше

Признаюсь, я не без волнения ступил на землю. Нед Ленд попробовал почву ногой, будто боялся на нее наступить. А между тем мы всего два месяца были, по выражению капитана, «пассажирами» «Наутилуса», но, в сущности, пленниками на подводном судне.

Через несколько минут мы находились уже на расстоянии выстрела от берега. Известковая почва состояла почти вся из мадрепоровых кораллов, но некоторые русла обмелевших ручьев усеяны были гранитными обломками, что доказывало, что этот остров был древнего геологического происхождения.

Горизонт прятался за великолепным лесным занавесом. Огромные деревья высотой до двухсот футов соединялись между собой гирляндами лиан, которые качались, точно гамаки, от легкого ветерка. Какие тут были мимозы, казуаринсы, фикусы, гибискусы, пальмы! А под их зеленым сводом росли орхидеи, бобовые растения и папоротники.

Не замечая всех этих великолепных образцов новогвинейской флоры, канадец предпочел приятному полезному. Он нашел кокосовое дерево, сбил с него несколько орехов, расколол их, и мы пили молоко и ели мякоть с невыразимым удовольствием.

– Отлично! Превосходно! – говорил Нед Ленд.

– Превкусно! – отвечал Консейль.

– Я полагаю, – сказал канадец, – что ваш Немо не рассердится, если мы привезем с собой несколько кокосовых орехов, а?

– Полагаю, что не рассердится, – отвечал я, – но есть их он не будет.

– Тем хуже для него! – сказал Консейль.

– И тем лучше для нас! – возразил Нед. – Нам больше останется!

– Одно слово, мистер Ленд, – сказал я Неду, который собрался обивать вторую пальму, – кокосовые орехи – отличная вещь, но прежде чем наполнять ими шлюпку, мне кажется, разумнее узнать, нет ли на острове более полезных продуктов. Свежие овощи, например, были бы очень кстати.

– Их честь изволили это дельно сказать, – отвечал Консейль, – по-моему, надо приблизить три места в шлюпке: одно для плодов, другое для овощей и третье для дичи. Только до сих пор не видно никаких признаков этой дичи!

– Не надо отчаиваться, Консейль! – сказал канадец.

– Пойдемте дальше, – сказал я. – Надо быть настороже, хотя остров, кажется, необитаем, но все лучше соблюдать осторожность. Может, откуда-нибудь вдруг появятся не такие разборчивые охотники, как мы!

– Ам-ам-ам! – сказал Нед, выразительно щелкая зубами и двигая челюстями.

– Что это вы, Нед?! – вскрикнул Консейль.

– Мне что-то захотелось стать людоедом! – сказал канадец.

– Нед, Нед! Что вы за ахинею несете? – сказал Консейль. – Задумали стать людоедом!

Да я теперь буду бояться спать с вами в одной каюте! Я могу всего ожидать! Когда-нибудь проснусь и вдруг увижу, что я наполовину съеден!

– Друг Консейль, я вас очень люблю, но не настолько, чтобы есть вас без необходимости.

– Нет, уж я вам теперь не доверяю! – отвечал Консейль. – Давайте лучше охотиться! Надо непременно настрелить какой-нибудь дичи и накормить этого каннибала, а то, пожалуй, случится так, что их честь поутру проснеться, а от слуги останутся только огрызки!

Таким образом обмениваясь шутками, мы проникли под темный свод леса и в продолжение двух часов исходили его во всех направлениях.

Случай помог нам отыскать одно из самых полезных растений тропического пояса, оно доставило нам драгоценную пищу, которой не было на «Наутилусе». Я говорю о хлебном дереве, которое в изобилии росло на острове Гвебороар. Мне встретился особый его вид, не имеющий семян; малайцы называют его «рима».

Это дерево отличалось длинным прямым стволом высотой сорок футов; по его изящно закругленной верхушке, состоящей из больших многопластинчатых листьев, натуралист тотчас же мог узнать «хлебоплод», который так удачно разводят на Маскаренских островах. Среди густой зелени свешивались огромные шарообразные плоды шириной десять сантиметров, снаружи шероховатые, с сетью шестиугольников. Хлебным деревом, которое не требует никакого ухода и дает плоды в течение восьми месяцев, природа наградила те земли, где нет зернового хлеба.

Неду Ленду эти плоды были хорошо знакомы, он уже не раз угощался ими в своих многочисленных путешествиях и знал, как их надо готовить. При виде их он так раз波动лся, что уже не мог сдержаться, и сказал:

— Разрази меня на месте, если я не попробую этого хлебца!

— Пробуйте, Нед, пробуйте, сколько вам угодно! Мы для того здесь и высадились, чтобы все испробовать.

— За этим дело не станет! — отвечал канадец.

С помощью увеличительного стекла он зажег хворост, который вскоре весело затрещал. А Консейль и я тем временем стали выбирать самые лучшие плоды. Одни из них не совсем созрели, и под толстой кожей белая мякоть была еще твердой и волокнистой, другие, желтоватые и сочные, уже поспели и годились в пищу.

Косточек в этих плодах совсем не было. Нед Ленд разрезал их на толстые ломти и положил на горячие угли, беспрестанно приговаривая:

— Вот увидите, как вкусен этот хлеб! Вот увидите!

— Очень вкусным он покажется, — сказал Консейль, — особенно после того, как долго ничего такого не пробовали.

— Это даже не хлеб, — прибавил канадец, — а приятное пирожное... Вы никогда его не пробовали, профессор?

— Никогда, Нед.

— Ну так увидите, что это такое: как манна небесная!

Через несколько минут плоды, разложенные на углях, совершенно почернели и полопались; изнутри показалось белая мякоть, похожая на мякиш, напоминающая по вкусу артишоки. Надо признаться, хлеб этот был превосходен, и я ел его с большим удовольствием.

— Жаль, что это тесто не может долго сохраняться, — сказал я, — поэтому бесполезно брать его с собой.

— Вот тебе на! — вскрикнул Нед Ленд. — Вы говорите по-ученому, господин профессор, вы ведь натуралист, а я примусь за дело, как настоящий булочник. Консейль, нарвите побольше плодов, на обратном пути мы их захватим.

— А как же вы их сохраните? — спросил я канадца.

— А так и сохраню: сделаю из мякоти квашеное тесто, которое долго не портится. Захочется хлеба — возьму немного этого теста и испеку! Хоть оно чуточку и кисловато будет, а все-таки отличного вкуса.

— В таком случае, мистер Нед, скажу, что ваш хлеб хоть куда! Теперь у нас всего вволю...

— Нет, недостает еще фруктов и овощей.

Мы отправились дальше пополнять наш «земной» обед.

Поиски не были напрасны, и около полудня у нас уже был большой запас бананов. Эти нежные тропические плоды созревают круглый год, и малайцы едят их сырыми.

Вместе с бананами мы набрали также много плодов манго и в заключение нашли невероятно большие ананасы.

Поиски и сбор плодов отняли большую часть нашего времени, но мы, впрочем, об этом не жалели. Консейль наблюдал за Недом, который шел впереди и уверенкой рукой сшибал и срывал лучшие плоды.

— Ну, теперь вы довольны, друг Нед? — спросил Консейль. — Кажется, всего набрали!

— Гм! — промычал канадец.

— Как? Вы еще недовольны?

— Все эти растения ведь не настоящий обед, — отвечал Нед, — это конец обеда, десерт! А где суп? Где жаркое?

— Да, да! — сказал я. — Нед обещал нам котлеты! Но обещанье-то, кажется, было дано второпях...

— Господин профессор! — отвечал канадец. — Охота еще даже не начиналась. Потерпите немного! Нам непременно попадется какая-нибудь пернатая или четвероногая дичь, если не в этом месте, так в другом.

— И если не сегодня, то завтра, — прибавил Консейль, — потому нам не следует заходить далеко. По-моему, уже пора нам вернуться к шлюпке.

— Уже пора? — вскричал Нед.

— Мы должны к ночи быть на месте, — сказал я.

— А который теперь час?

— Да уже, наверное, часа два, — отвечал Консейль.

— Как быстро летит время на твердой земле! — воскликнул Нед Ленд со вздохом.

— В путь! — сказал Консейль.

Мы возвращались через лес и попутно дополнили наши припасы листьями капустного дерева, за которыми приходилось взбираться на самую верхушку, зеленой фасолью и отличнейшими диоскореями (ямсом). Мы так были навычены, что едва дошли до шлюпки, но Нед Ленд все-таки считал, что провизии недостаточно. И судьба, видимо, ему благоприятствовала. Когда мы уже хотели садиться в шлюпку, он заметил несколько саговых деревьев высотой двадцать пять — тридцать футов, принадлежащих к роду пальм. Эти деревья так же драгоценны, как хлебоплодники, и справедливо причисляются к полезнейшим представителям флоры Малайи.

Саговые пальмы не нуждаются в уходе и размножаются, как слиновое дерево, отростками и зернами. Нед умел с ними обращаться. Он схватил топор, размахнулся и в одно мгновение свалил одно дерево, потом другое и третье.

— Спеленькие! — сказал Нед Ленд.

Зрелость саговых деревьев узнается по белой пыли, которая осыпает их листья. Я следил за проворной работой Неда Ленда скорее глазами натуралиста, чем голодного человека. Нед начал с того, что снял с каждого ствола полосу коры толщиной с большой палец, обнаружив сетку длинных волокон, которые переплетались в невероятно запутанные узлы, склеенные неким подобием клейкой муки. Эта мука и была саго, съедобное вещество, служащее главной пищей меланезийским племенам. Нед Ленд разрубил стволы на куски, как обычно рубят дрова.

— Теперь повезу так, — говорил он, — а потом выберу из них всю муку, просею ее сквозь тонкое полотенце, чтобы отделить волокна, подсушу на солнце, чтобы вышла вся влага, а потом засушу.

Наконец около пяти часов вечера наша шлюпка, нагруженная всеми нашими богатствами, покинула остров, и через полчаса мы пристали к «Наутилусу». Нас никто не встретил. Огромный стальной цилиндр казался пустым. Выгрузив запасы из шлюпки, я пошел в свою каюту; ужин для меня был уже приготовлен. Я поужинал и лег спать.

На другой день, 6 января, на судне царило все то же безмолвие: ни малейшего шума или признака жизни, даже лодка была на том же месте, где мы ее вчера оставили. И мы решили опять отправиться на остров Гвебороар. Нед надеялся на счастливую охоту и хотел побывать в другой части леса.

С восходом солнца мы отправились в путь. Шлюпка, подхваченная морской волной, уже через несколько минут достигла берега.

Мы высадились и, положившись на инстинкт канадца, пошли за Недом Лендом по берегу на запад, перешли вброд несколько ручьев и достигли большой равнины, которая окаймлялась великолепными лесами.

Несколько зимородков бродили у ручья, но при нашем приближении они улетели. Их осторожность служила доказательством, что эти пернатые знали, чего можно ожидать от двуногих представителей нашей породы, и я заключил, что если этот остров и необитаем, то по крайней мере посещается людьми.

Перейдя довольно густой луг, мы подошли к опушке небольшого леска, который оживлялся пением и порханием множества птиц.

— Здесь только одни птицы! — сказал Консейль.

— И есть кое-какие съедобные! — ответил Нед.

— Где же съедобные, друг Нед? — возразил Консейль. — Я вижу только простых попугаев!

— Друг Консейль, — сказал важно Нед, — попугай — это фазан для того, кому нечего есть!

— А я прибавлю, — сказал я, — что если попугая хорошо приготовить, так его с удовольствием будет кушать даже самый отъявленный лакомка.

В густой листве порхал с ветки на ветку целый попугайный мир.

— Стойте поучить, и заговорят по-человечески! — заметил глубокомысленный Консейль. — Попугай — очень восприимчивая птица!

— Какой гам поднимают! — сказал Нед Ленд.

Гам был действительно страшный. Самцы и самки всевозможных цветов усердно, по выражению Неда Ленда, «драли горло». Кричали и важные какаду, которые, казалось, размышляли о какой-то философской задаче. Красные лори мелькали, как лоскутки яркой материи, развеваемые ветром, среди шумных калаосов, голубых папуасов и других, хотя мало-съедобных, но удивительно красивых попугаев.

Но в этой коллекции недоставало птиц, свойственных этой местности и никогда не покидающих острова Ару и Папуа.

Но судьба приберегла это удовольствие на потом.

Пройдя сквозь довольно редкий лесок, мы нашли поляну, заросшую густым кустарником. Из этого кустарника выпорхнули великолепные птицы, которые, судя по расположению длинных перьев, способны летать против ветра. Ихcanoобразный полет, отлив их красочных перьев были восхитительны. Я без труда их узнал.

— Райские птицы! — вскрикнул я.

— Отряд воробышков, — сказал Консейль.

— Семейство куропаток? — спросил Нед Ленд.

— Не думаю, мистер Ленд, — отвечал я. — А я рассчитываю на вашу ловкость и надеюсь, что вы мне поймете одну такую птичку. Мне очень хотелось бы приобрести это очаровательное создание тропической природы!

— Попробую, хотя я больше привык цеплять острогой, чем стрелять из ружья.

Малайцы ведут крупную торговлю райскими птицами с Китаем, они их ловят различными способами, которых мы не могли использовать. Иногда, например, они ставят силки на верхушках высоких деревьев, иногда ловят, обмазывая ветки липким kleem, парализуя таким образом их движения, иногда даже отравляют источники, из которых эти птицы пьют

воду. Мы же могли только подстрелить птиц на лету, на что было мало шансов. И действительно, мы понапрасну истратили много зарядов.

Около одиннадцати часов утра мы перешли через первую гряду холмов в центре острова, а еще ничего не убили.

Голод уже давал о себе знать. Охотники понадеялись на богатую добычу – и просчились.

Но вдруг Консейль выстрелил и обеспечил нам завтрак. Он убил белого голубя и вяхиря, которых мы проворно ощипали и насадили на вертел. Пока они жарились, Нед готовил плоды хлебного дерева.

Птицы были съедены до последней косточки: все мы заявили единогласно, что кушанье это превосходно. Мускатные орехи, которыми они питаются, придали мясу особый запах и вкус.

– Точно пулярки, начиненные трюфелями, – сказал Консейль.

– Чего вам теперь недостает, Нед? – спросил я у канадца.

– Четвероногой дичи, господин Аронакс, – отвечал Нед. – Все эти голуби одна забава, а не кушанье! Вот если бы убить такое животное, чтобы из него наделать котлет! Пока я такого не убью, не успокоюсь!

– И я тоже не успокоюсь, пока не поймаю райскую птицу! – сказал я.

– Надо еще поохотиться, – сказал Консейль, – только давайте повернем к морю. Мы дошли уже до первых склонов гор, а в горах, я думаю, охота хуже, чем в лесу.

Это был дальний совет, и мы ему последовали.

После часовой ходьбы мы пришли к настоящему лесу из саговых пальм. Безвредные змеи уползали из-под наших ног, а риские птицы при нашем появлении скрывались из виду. Я уже отчаялся, когда Консейль, шедший впереди, вдруг наклонился, испустил крик торжества и поднес мне великолепную рискую птицу.

– Браво, Консейль! – вскрикнул я.

– Их честь очень добры, – отвечал Консейль.

– Да нет, дружище, какая тут доброта! Ты мастерски поймал ее: взял живую птицу голыми руками!

– Если их честь посмотрят на нее хорошенко, то их честь увидят, что моя заслуга не очень велика.

– Да что такое, Консейль? Говори!

– Эта птица пьяна, как перепел.

– Пьяна?

– Да, опьянила от мускатных орехов. Я ее поймал под мускатным деревом: она сидела под ним и обедала. Подумайте-ка, друг Нед, чем откликается невоздержание!

– Тысячу чертей! – возразил канадец. – Это ко мне не относится, я целых два месяца ничего в рот не брал!

Я между тем рассматривал птицу. Консейль не ошибся. Она действительно ошелела от хмельного сока мускатных орехов, не могла лететь и с трудом шла, но меня это не беспокоило.

Эта птица принадлежала к лучшему из восьми видов, обитающих в Новой Гвинее и на соседних островах. Это была риская птица «большой изумруд» – самая редкая. Она имела в длину тридцать сантиметров, голова ее была относительно мала, глаза, посаженные близко к клюву, тоже маленькие. Однако ее оперение представляло превосходное сочетание цветов и оттенков: у нее был желтый клюв, коричневые лапки и когти, орехового цвета крылья с пурпурным окаймлением, хохолок и затылок желто-палевые, шея изумрудная, брюшко и грудь коричневые. Над хвостом поднимались два пушистых перышка, а хвост состоял из длинных, очень легких и удивительно тонких перьев.

Это была чудесная птичка! Туземцы имели основание назвать ее «солнечной». Мне очень хотелось привезти в Париж этот великолепный образец и подарить ее ботаническому саду, в котором до сих пор не было еще живой райской птицы.

— Это они такие редкие? — спросил канадец тоном охотника, который очень мало ценит дичь за красоту и изящество.

— Очень редкие, а главное, их очень трудно поймать живьем. Ими и мертвыми хорошо торгуют. Туземцы их подделывают, как жемчуг и алмаз.

— Что? — вскричал Консейль. — Делают чучела фальшивых райских птиц?

— Да, Консейль.

— Их честь знают, как это они ухитряются?

— Знаю. Райские птицы во время восточного муссона теряют свое великолепное хвостовое оперение. Эти самые перья туземцы подбирают и ловко приклеивают или вшивают в хвост какого-нибудь попугая, потом закрашивают швы, покрывают лжептичку лаком и сбывают в европейские музеи или европейским любителям.

— Ну что ж такое? — сказал Нед Ленд. — Если не сама птица, так ее перья настоящие, и если их покупают не на жаркое, так, по-моему, тут нет ничего страшного.

Мое желание овладеть райской птичкой было удовлетворено, но желание канадца еще не исполнилось. К счастью, около двух часов Нед убил превосходного кабана, который известен у натуралистов под именем «бариутанг». Нед Ленд был в восхищении от своего выстрела. Свинья, сраженная электрической пулей, упала замертво. Канадец содрал с нее шкуру, выпотрошил и нарезал для ужина с полдюжины антрекотов.

Затем снова охота возобновилась и вскоре ознаменовалась новыми охотничими подвигами Неда и Консейля.

Два приятеля, обшаривая кустарники, подняли целое стадо кенгуру, которые пустились от них бежать, прыгая на своих эластичных лапах, но, как бы быстро они ни бежали, электрические пули их настигли.

— Ах, профессор! — вскрикнул Нед. — Какая великолепная дичь! Особенно если из нее приготовить тушеное блюдо! Каков запас для «Наутилуса»! Две, три, пять штук убито! И как я подумаю, что мы съедим все это мясо! А те болваны и не покушают!

— Какие болваны, Нед? — спросил я.

— Да наши хозяева...

Я думаю, что в приливе радости канадец перебил бы все стадо! Но он удовольствовался дюжиной этих интересных животных, составлявших, как сказал наш Консейль, первый отряд млекопитающих.

Эти животные были невелики и принадлежали к роду кенгуру-кроликов, которые преимущественно живут в дуплах деревьев, быстро бегают, и хотя у них мало мяса, но зато оно считается одним из самых вкусных.

Мы остались довольны результатом нашей охоты. Счастливый Нед предполагал завтра опять вернуться на остров и истребить всех четвероногих, годных в пищу. Но Нед, как обычно, не рассчитывал на непредвиденные обстоятельства.

К шести часам вечера мы дошли до морского берега. Шлюпка стояла на обычном месте. «Наутилус» был похож на длинный подводный риф, выступавший из волн в двух милях от берега.

Нед Ленд немедленно занялся приготовлением обеда: он был отличным поваром и знал до тонкости кулинарное искусство. Отбивные из кенгуру скоро зашипели на углях и распространяли приятнейший запах.

Да простит читатель мой восторг перед жарким из свежего мяса! Да простит он его мне, как и я прощаю Ленду нашу общую слабость!

Одним словом, обед был превосходен. Два вяхиря довершили роскошное меню. Саговое тесто, хлеб, несколько манго, шесть ананасов и перебродивший сок кокосовых орехов привели нас в очень веселое расположение духа. Я даже подозреваю, что мысли моих достойных товарищих не имели желанной ясности.

— А что, если мы не вернемся сегодня на «Наутилус»? — спросил Консейль.

— А что, если мы никогда туда не вернемся? — прибавил Нед. — А что...

В это самое время к нашим ногам упал камень и прервал слова Неда.

Глава двадцать вторая Молния капитана Немо

Мы оглянулись по сторонам; я как нес в рот кусок, так рука у меня и замерла.

— Камни не падают с неба, — сказал Консейль, — а если падают, то это метеориты.

Второй камень, тщательно закругленный, выбил из рук Консейля вкусную ножку вяхирия.

Мы вскочили на ноги и схватились за ружья, приготовившись отражать нападение.

— Обезьяны это, что ли? — вскрикнул Нед Ленд.

— Почти что так, — отвечал Консейль, — это дикари!

— К шлюпке! — крикнул я и побежал к морю.

Приходилось быстро отступать: десятка два дикарей, вооруженных луками и прашами, высыпали на опушку леса и были всего в ста шагах от нас.

До шлюпки оставалось пробежать еще туазов десять, а дикари хотя и шагом, но все же приближались. Камни и стрелы сыпались как дождь.

Нед Ленд, несмотря на близкую опасность, не хотел бросать свои запасы и удирал со свиньей в одной руке, а с кенгуру — в другой.

В две минуты мы были на берегу. Нагрузить шлюпку провизией и оружием, оттолкнуть ее и схватить весла было для нас делом одной минуты.

Мы не успели отъехать еще и двух кабельтовых, как сотня дикарей, с воем размахивая руками, вошла по пояс в воду. Я смотрел на «Наутилус», надеясь, что крики туземцев заставят кого-нибудь выйти наверх, — но палуба была совершенно пуста.

Минут через двадцать мы причалили к судну, люк был открыт. Прикрепив шлюпку, мы вошли вовнутрь «Наутилуса».

Я побежал в салон, откуда раздавались звуки рояля, и застал там капитана: он сидел, склонившись над клавишами, и, казалось, был погружен в мир музыки.

— Капитан! — вскрикнул я. — Капитан!

Но он не слыхал меня.

— Капитан! — повторил я, дотрагиваясь до его руки.

Он вздрогнул и обернулся.

— А! Это вы, профессор! — сказал он. — Ну что, удачна была ваша охота? Много набрали для гербария?

— Да, капитан, да, — отвечал я, — но, к несчастью, мы приманили за собой группу двухногих!

— Каких двуногих?

— Дикарей!

— Дикарей! — сказал капитан с легкой улыбкой. — И вы удивляетесь, профессор, что, выйдя на землю, вы встречаете дикарей?.. Дикари! Да где же их нет? Разве здешние хуже других?

— Но, капитан....

— По-моему, профессор, дикари повсюду. Я встречал их везде.

— Положим, что так, — отвечал я, — но если вы не желаете видеть их на «Наутилусе», то не лишним было бы принять некоторые меры предосторожности.

— Успокойтесь, профессор, тут ничего нет опасного.

— Но их очень много!

— Сколько вы их насчитали?

— Не менее сотни.

— Профессор. — отвечал капитан, не отнимая пальцев от клавишей рояля, — если бы все жители Новой Гвинеи выступили на берег, то и тогда «Наутилус» нечего бояться их нападения.

Пальцы капитана опять забегали по клавишам, и тут я заметил, что он играл только на черных клавишах, что придавало его мелодиям шотландский оттенок. Скоро он, казалось, забыл обо мне и погрузился в музыку. Я его оставил в покое и опять ушел на палубу.

Ночь уже наступила, потому что под этими широтами солнце быстро заходит и сумерек не бывает. Я еще видел, но уже не так ясно, остров Гвебороар. Бесчисленные костры освещали берег: это доказывало, что туземцы и не думают расходиться.

Я оставался в одиночестве несколько часов. То я думал об этих дикарях, но уже не боялся их: непоколебимая уверенность капитана передалась и мне, — то забывал о них и любовался великолепием тропической ночи. Воспоминания занесли меня во Францию вслед за зодиакальными созвездиями, которые через несколько часов должны были засиять над моей родиной. Луна взошла среди созвездий, и я подумал о том, что этот верный и служильный спутник нашей планеты послезавтра приподнимет морские волны и поможет вытащить «Наутилус» из его кораллового ложа.

Около полуночи, убедившись, что все спокойно и на темных волнах, и под прибрежными деревьями, я отправился в свою каюту и сладко заснул.

Ночь прошла без приключений. Дики боялись, без сомнения, самого вида лежащего на мели чудовища, потому что люк был открыт и они легко пробрались бы вовнутрь судна.

В шесть часов утра 8 января я снова вышел на палубу. Утренний туман рассеивался, и скоро показался остров — сначала берег, а потом и вершины гор.

Туземцы все еще были на берегу, их теперь было гораздо больше, чем накануне, — человек пятьсот. Некоторые из них, воспользовавшись отливом, забрались на рифы в двух кабельтовых от «Наутилуса».

Я ясно различал их лица. Это были настоящие папуасы, атлетического сложения, красивые, с широким крутым лбом, с большим, но не приплюснутым носом и белыми зубами. Их курчавые волосы, выкрашенные в красный цвет, резко оттенялись на фоне черной и блестящей, как у нубийцев, кожи. На вытянутых, разрезанных надвое мочках ушей висели костяные серьги. Все дики большей частью были нагие. Между ними я увидел также несколько женщин, одетых от талии до колен в настоящие травяные кринолины, которые поддерживались поясом, сплетенным из водорослей. У некоторых мужчин на шее висели ожерелья из белых и розовых стеклянных бус. Почти все были вооружены луками, стрелами и щитами, а за спиной они носили сетку с округлыми камнями — оружие, которое они так искусно кидали.

Один папуас довольно близко подошел к «Наутилусу» и рассматривал его с большим вниманием. Надо думать, что это был вождь, потому что он был одет в циновку из банановых листьев, выкрашенную в яркие цвета и с зубцами по краю. Дикарь стоял так близко, что я без труда мог бы его убить, но подумал, что лучше подождать нападения с его стороны. Между европейцами и туземцами должна быть разница: европейцу следует только защищаться, а не нападать.

Все время отлива туземцы бродили около «Наутилуса», но были тихими и смиренными. Я слышал, как они часто произносили слово «assai», и по их жестам понял, что меня приглашают сойти на берег.

Но я отклонился от приглашения.

В этот день шлюпка не трогалась с места, что очень огорчало Неда Ленда.

— Сколько я теперь запасов бы набрал! — говорил он. — Надо ведь было этим обезьянам явиться!

Он утешался тем, что готовил к хранению прежде запасенное мясо и муку.

Около одиннадцати часов, как только прилив начал накрывать верхушки коралловых рифов, дикари возвратились на берег. Но я видел, что их становится все больше и больше. Вероятно, они пришли с соседних островов или с Новой Гвинеи, а между тем я не заметил ни одной туземной пироги.

«Дел никаких нет, — подумал я. — Пожалуй, надо исследовать морское дно. Сегодня последний день, если только исполнится обещание капитана Немо и «Наутилус» выберется из пролива в открытое море».

Вода в этом месте была до того чиста, что на дне ясно были видны все раковины, зоофиты и водоросли.

Я позвал Консейля, и он принес мне маленький легкий черпак, несколько похожий на тот, каким ловят устриц.

— С позволения их чести, — сказал Консейль, — эти дикари, кажется, вовсе не злы!

— А между тем это людоеды, Консейль.

— Можно быть людоедом и добрым человеком, — отвечал Консейль. — Разве лакомка не может быть честным человеком? Одно не мешает другому.

— Хорошо придумано, Консейль! Я соглашаюсь, что эти честные людоеды честно едят своих пленников. Но так как я не желаю быть съеденным, хотя бы даже честно, то я буду держаться настороже, потому что капитан «Наутилуса» не хочет принимать никаких мер предосторожности. А теперь за работу!

В продолжение двух часов наша ловля шла успешно, но не принесла никаких редкостей. Черпак наполнялся «ушами Мидаса», арфами, гарпами и, главное, множеством молотков, красивее которых я никогда не видел. Мы поймали также несколько жемчужных раковин и с дюжину маленьких черепах, которых отдали корабельному повару.

И вот, когда я меньше всего ожидал, мне попало в руки чудо, или, вернее сказать, «уродство» природы, которое встречается очень редко. Консейль вынул черпак, нагруженный обычными раковинами, я посмотрел на них и быстро достал одну раковину, испустив конхиологический крик, самый пронзительный, какой только может произвести человеческое горло.

— Что приключилось с их честью? — спросил удивленный Консейль. — Их честь что-нибудь укусило?

— Нет, дружок, нет! Хотя я бы охотно поплатился целым пальцем за эту находку!

— За какую находку, с позволения их чести?

— Вот она! — сказал я, показывая ему раковину.

— Да ведь это простая пурпурная улитка, род улиток, отряд гребенчатожаберных, класс брюхоногих моллюсков...

— Да, Консейль, но вместо того чтобы завиваться справа налево, эта улитка завивается слева направо!

— Возможно ли? — вскрикнул Консейль.

— Да, дружок, да! Это раковина-левша!

— Раковина-левша! — повторил Консейль.

— Посмотри-ка на ее спираль!

— Ах, их честь не поверят, — сказал Консейль, принимая драгоценную раковину дрожащей рукой, — но я никогда еще так не волновался!

И было от чего волноваться!

Все знают по наблюдениям натуралистов, что движение справа налево — закон природы. Светила с их спутниками движутся с востока на запад. Человек действует лучше правой, чем левой рукой, поэтому инструменты, приборы, лестницы, замки, пружины часов и многое другое сделано таким образом, чтобы действовать справа налево. Природа преимущественно следует этому же закону и в отношении раковин. У них завиток завернут справа

налево, исключения очень редки, и если попадается раковина-левша, то знатоки ценят ее на вес золота.

Мы с Консейлем были поглощены созерцанием нашего сокровища, и я уже мечтал обогатить ею наш Парижский музей, как вдруг камень, метко брошенный туземцем, разбил эту драгоценность в руках Консейля.

Я испустил крик отчаяния. Консейль схватил мое ружье и прицелился в дикаря, который раскачивал свою пращу всего в десяти метрах от нас. Я хотел остановить Консейля, но он уже выстрелил и разбил браслет с амулетами, висевший на руке дикаря.

— Консейль! — закричал я. — Консейль!

— Что угодно их чести? Разве их честь не видят, что людоеды первыми начали атаку?

— Раковина не стоит жизни человека! — сказал я ему.

— Ах, негодяй! — вскрикнул Консейль. — Я скорей бы его простил, если бы он перебил мне плечо!

Я оглянулся и тут только заметил, что к нам подобрались непрошеные посетители. Примерно двадцать туземных пирог окружали «Наутилус».

Эти пироги, выдолбленные древесные стволы, — длинные, прямые и хорошо приспособлены для плавания. Они никогда не опрокидываются, потому что равновесие поддерживается с помощью двойного бамбукового шеста, который плывет по поверхности. Я не без тревоги смотрел, как пироги, управляемые ловкими полунагими гребцами, приближаются к нам все ближе и ближе.

Очевидно, что эти папуасы уже имели сношения с европейцами и знали их суда. Но что они должны были думать об этом длинном металлическом цилиндре без мачт и без труб?

Вероятно, сначала он их испугал, потому что они держались некоторое время в почти-тельном отдалении от него; но, видя неподвижность судна, они мало-помалу перестали бояться и отыскали теперь случай с ним познакомиться.

Это знакомство и следовало отвратить. Наши ружья стреляли бесшумно и не могли произвести на них никакого впечатления, потому что они боялись только трескучего оружия. Гроза без раскатов грома мало пугает людей, хотя опасность заключается в молнии, а не в громовом трескe.

Пироги приблизились к «Наутилусу», и в него посыпалась тучи стрел.

— Град идет! — сказал Консейль. — И, возможно, град отправленный!

— Надо предупредить капитана Немо! — сказал я, сбегая с трапа.

В салоне я никого не нашел и постучался в каюту капитана.

— Войдите! — ответили мне.

Я вошел и застал капитана за какими-то вычислениями, где преобладали иксы и другие алгебраические знаки.

— Я помешал вам? — спросил я из приличия.

— Да, господин Аронакс, помешали, — отвечал капитан, — но я думаю, что у вас на это серьезная причина?

— Очень серьезная. Нас окружили пироги туземцев, и через несколько минут на нас, вероятно, нападут несколько сотен дикарей!

— А! — сказал спокойно капитан Немо. — Так они приплыли в пирогах?

— Да, капитан, в пирогах!

— Ну так мы закроем люк, профессор.

— Да, надо закрыть, капитан, я за этим и пришел...

— Сейчас закроют, — сказал капитан и, нажав на кнопку звонка, передал приказ экипажу. — Исполнено! — сказал он мне через несколько секунд. — Надеюсь, вы не опасаетесь, что эти господа пробьют обшивку, которую не могли повредить снаряды вашего фрегата?

— Нет, капитан, не опасаюсь, но ведь еще остается опасность!

— Какая, профессор?

— Такая, что завтра, в этот же час, надо будет открыть люк, чтобы закачать свежий воздух в «Наутилус»!

— Разумеется, профессор, потому что «Наутилус» дышит, как китообразные животные.

— А если в это время папуасы вскарабкаются на палубу, как вы их остановите?

— Так вы думаете, что они заберутся на борт «Наутилуса»?

— Я в этом уверен!

— Ну, пусть себе забираются. Я не вижу причины мешать им. Я не хочу, чтобы моя остановка у острова Гвебороара стоила жизни хотя бы одному из них.

Я хотел уйти, но капитан удержал меня и пригласил сесть около него. Он с интересом расспрашивал меня о нашей прогулке по острову, об охоте и никак не мог понять нашей потребности в мясе, которая была так развита у Неда Ленда. Затем разговор коснулся разных других предметов. Капитан хотя и не был откровенным, но показался мне гораздо любезнее.

Между прочим мы заговорили о положении «Наутилуса», севшего на мель на том же самом месте, где чуть не погиб Дюмон-Дюрвиль.

— Этот Дюмон-Дюрвиль — один из великих моряков, — сказал капитан, — один из самых страстных и просвещенных мореплавателей. Это французский капитан Кук. Несчастный, он преодолел сплошные льды Южного полюса, коралловые рифы Океании, увернулся от людоедов Тихого океана, и все это для того, чтобы погибнуть при крушении поезда! Если бы этот энергичный человек мог размышлять в последнюю минуту своего существования, то представьте, каковы должны были быть его переживания!

Говоря это, капитан заметно волновался.

Затем мы взяли карту и проследили маршруты всех экспедиций французского мореплавателя. Мы вспомнили его кругосветные путешествия, его попытки проникнуть к Южному полюсу, что привело к открытию земель Адели и Луи-Филиппа, наконец, его гидографические съемки главных островов Океании.

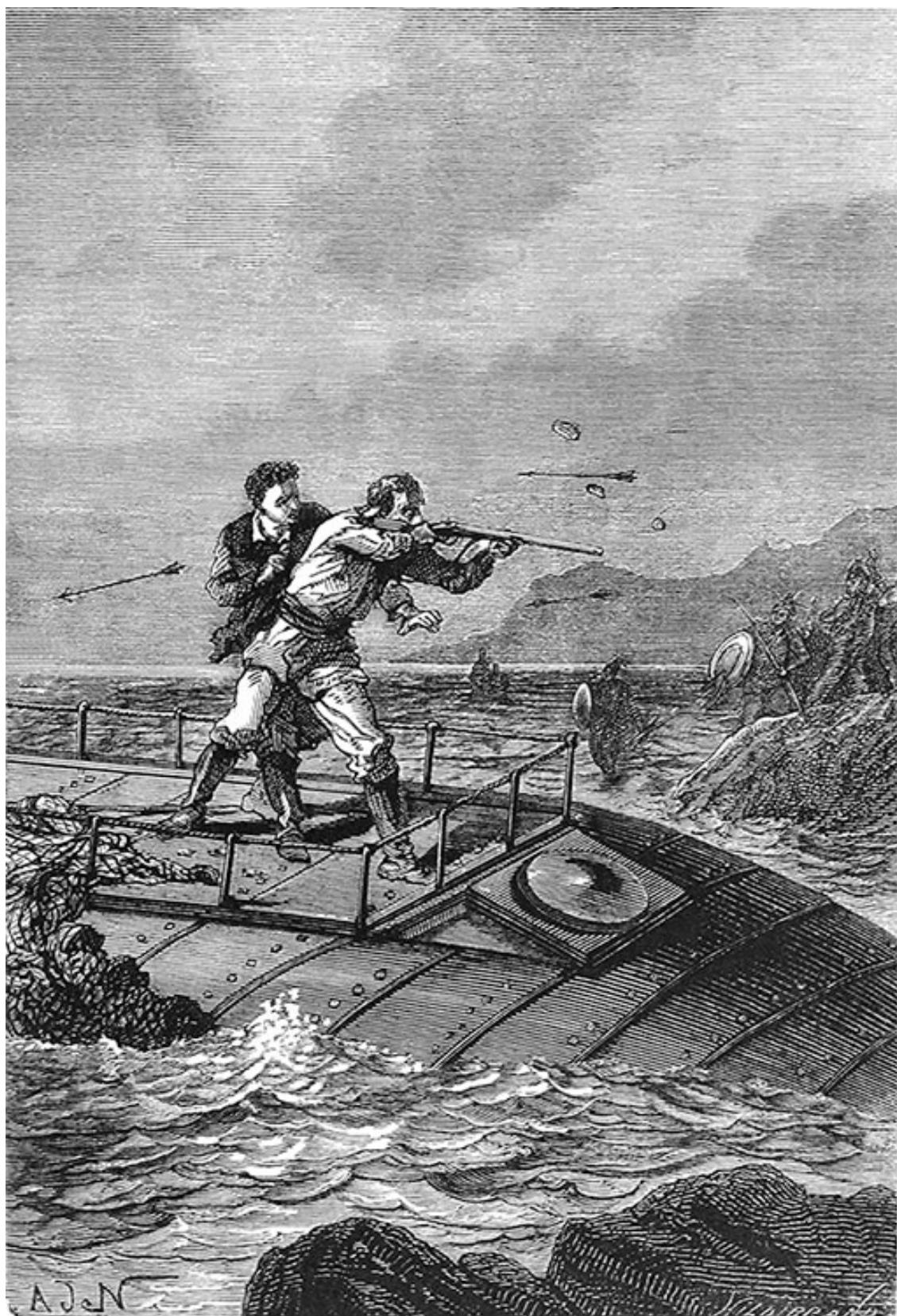
— То, что сделал Дюрвиль на поверхности морей, — сказал капитан Немо, — я сделал внутри океана, и сделал легче и точнее. «Астролябия», беспрестанно боровшаяся с ураганами, не могла равняться с «Наутилусом» — с этим спокойным рабочим кабинетом, настоящим подводным домом.

— Однако, капитан, — сказал я, — все-таки есть сходство между корветами Дюмон-Дюрвилля и «Наутилусом».

— Какое, профессор?

— Такое, что «Наутилус», как и они, сел на мель.

— «Наутилус» не садился на мель, — ответил холодно капитан. — «Наутилус» может спокойно оставаться на коралловом рифе, и мне не придется истощать экипаж мучительными работами, как пришлось Дюмон-Дюрвиллю. «Астролябия» и «Зеле» погибли, а мой «Наутилус» не подвергается никакой опасности. Завтра в предсказанный день и час прилив тихо поднимет его, и он снова поплынет под морскими волнами.

— Капитан, — сказал я, — я не сомневаюсь...
— Завтра, — прибавил капитан, вставая, — завтра днем, в два часа сорок минут, «Наутилус» всплынет и без всяких повреждений покинет Торресов пролив.

Сказав эти слова, капитан слегка поклонился. Это был знак, что разговор окончен. Я вернулся в свою каюту. Здесь меня дожидался Консейль, желавший знать результат моего свидания с капитаном.

— Что капитан сказал их чести? — спросил Консейль.

— Друг мой, — отвечал я, — когда я сказал капитану, что «Наутилус» угрожает опасность, он высмеял меня. Остается одно — довериться ему и пожелать себе спокойной ночи!

— Я не понадоблюсь их чести?

— Нет, мой друг. А что делает Нед Ленд?

— Нед Ленд, с позволения их чести, готовит паштет из кенгуру, — отвечал Консейль. — Он говорит, что паштет этот будет чудесный.

Оставшись один, я лег спать, но спал довольно плохо. Я слышал, как дикие толпились на палубе и время от времени оглушительно кричали. Таким образом прошла ночь. Экипаж «Наутилуса» не вышел из своей обычной неподвижности. Его так же мало беспокоило присутствие людоедов, как мало беспокоят солдат в бронированном форте муравьи, которые ползают по броне.

В шесть часов утра я проснулся и встал. Люк не открывали, так что запас кислорода не возобновлялся, но запасные резервуары выпустили несколько кубических метров кислорода, освежив воздух «Наутилуса».

До двенадцати часов я работал в своей каюте и капитана не видел. На судне, казалось, не делалось никаких приготовлений к отъезду.

Подождав еще некоторое время, я пошел в салон. Часы показывали половину третьего. Через десять минут прилив должен был достигнуть предела своей высоты, и если только капитан не ошибся, то «Наутилус» снимется с мели. Если же, напротив, ожидание это не исполнится, то пройдет много месяцев, пока он покинет свое коралловое ложе.

Вдруг корпус «Наутилуса» начал вздрогивать, предвещая скорое освобождение, и я услышал, как заскрежетала его обшивка на известковых шероховатостях кораллового dna.

В два часа тридцать пять минут капитан появился в салоне.

— Мы сейчас сдвинемся, — сказал он.

— А! — ответил я на это.

— Я отдал приказ открыть люк.

— А папуасы?

— Папуасы? — повторил капитан, слегка пожав плечами.

— Они не войдут вовнутрь «Наутилуса»?

— Как же они могут войти?

— Через открытый люк!

— Господин Аронакс, — отвечал спокойно капитан Немо, — через люк «Наутилуса» не всегда можно войти, даже если он открыт.

Я посмотрел на капитана.

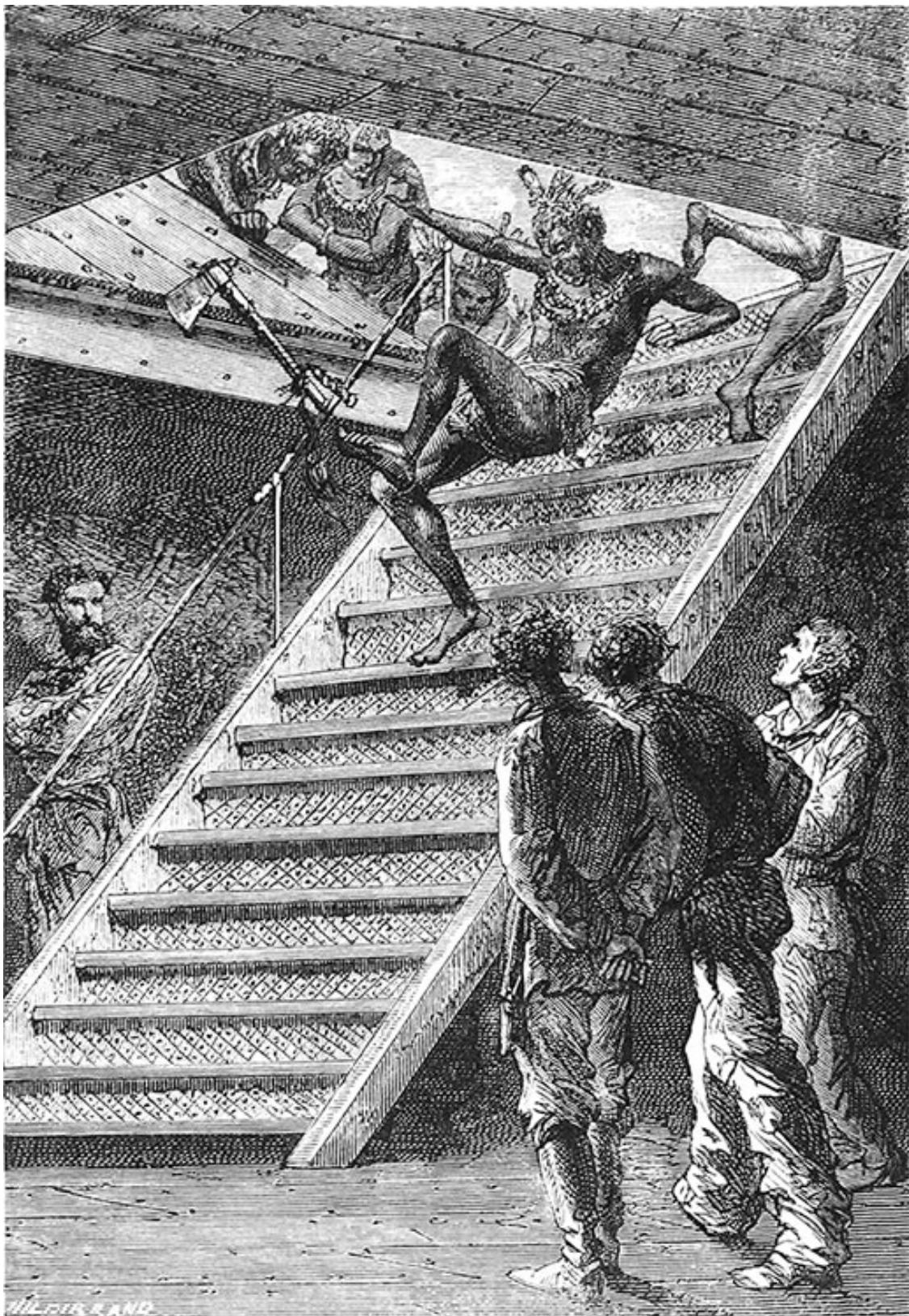
— Вы меня не понимаете? — спросил он.

— Совсем не понимаю.

— Прошу вас следовать за мной, и вы увидите!

Я пошел за ним к центральному трапу, где Нед Ленд и Консейль с любопытством наблюдали, как несколько матросов открывали люк. Сверху между тем раздавались яростные крики и вопли.

И вот крышка люка откинулась наружу. Вскоре в отверстии показались примерно двадцать страшных лиц. Но первого же туземца, который взялся рукой за поручни трапа, отбросило невидимой силой, он перевернулся, приподнялся и побежал без оглядки, испуская пронзительнейшие крики. Десять его сородичей кинулись к трапу, но их постигла та же участь.

Консейль был в восторге. Буйный Нед Ленд бросился в погоню за дикарями, но только он схватился рукой за поручень, как его точно так же отбросило.

— Тысяча чертей! — закричал он. — В меня ударила молния!

Это слово объяснило мне все. Металлические поручни превратились в толстый оголенный электрический провод. Каждый, кто дотрагивался до них, чувствовал сильное сотрясение, и это сотрясение могло быть смертельным, если бы капитан Немо пустил по ним ток высокого напряжения.

Перепутанные, приведенные в неописуемый ужас туземцы ретировались. Мы не без смеха успокаивали и растирали Неда Ленда, который ругался как одержимый.

В это время «Наутилус», приподнятый приливом, оставил свое коралловое ложе, именно в два часа сорок минут, как предсказал капитан Немо. Лопасти винта стали разбивать волны с величественной медлительностью. Скорость корабля малопомалу возрастала, и, держась на поверхности океана, он целым и невредимым прошел опасные места Торресова пролива.

Глава двадцать третья *Aegri somnia (Беспокойные сны)*

На следующий день, 10 января, «Наутилус» снова пустился в подводное плавание. Он плыл со скоростью тридцать пять миль в час. Винт вращался так быстро, что я не мог ни уследить за его оборотами, ни сосчитать их.

Когда я думал, что электричество – эта чудесная сила, – давая движение, тепло и свет «Наутилусу», еще и защищает его от нападения и превращает в заветный ковчег, к которому безнаказанно не может прикоснуться ни один нарушитель святыни, то мое восхищение не имело границ. Я восхищался и нашим подводным кораблем, и инженером, который его создал.

Мы шли прямо на запад и 11 января обогнули острова и мыс Уэссел, лежащие на 135° долготы и 10° северной широты; этот мыс образует восточную оконечность залива Карпентария. Рифы были еще многочисленны, но попадались сравнительно реже, и все они были обозначены на карте с величайшей точностью. «Наутилус» легко обошел Монейские рифы слева и рифы Виктории справа, лежащие на долготе 130°, на десятой параллели, которой мы строго придерживались.

13 января капитан Немо вступил в Тиморское море. По правому борту мы увидели остров того же названия, лежащий на долготе 122°.

Этот остров простирается на тысячу шестьсот двадцать пять квадратных лье, и управляют им раджи. Эти князья выдают себя за сыновей крокодилов, то есть за особ самого высокого происхождения, какое только возможно смертному. Их чешуйчатые предки в изобилии кишат в реках острова и считаются существами особого поклонения. Им покровительствуют, их балуют, им дают в пищу молодых девушек – и горе тому иностранцу, который занесет руку на священную ящерицу!

Тимор показался только на одно мгновение в полдень, в то время когда помощник «Наутилуса» определял положение корабля. Так же мельком я видел островок Ротти, который входит в ту же группу. На этом островке женщины славятся своей красотою, и роттских уроженок очень ценят на малайских рынках.

Тут направление «Наутилуса» несколько изменилось, он направился на юго-восток. Куда еще увлечет нас фантазия капитана Немо? Плынет он к берегам Азии? Приблизится ли он к берегам Европы? Но вряд ли! Зачем туда пойдет человек, который избегает населенных континентов? Может, он поплынет на юг? Или он обогнет мыс Доброй Надежды, потом мыс Горн и направится к антарктическому полюсу? Возвратится ли он в моря Тихого океана, где его «Наутилус» легче и лучше всего плавать? Ничего нельзя было сказать наверное.

Надо было ожидать, что покажет будущее.

Пройдя рифы Картье, Гиберния, Серингапатам и Скотт, мы 14 января вышли в Индийский океан. «Наутилус» шел на умеренной скорости, то опускаясь в морские глубины, то всплывая на поверхность.

В это время капитан Немо производил любопытные опыты, определяя температуру Мирового океана в разных слоях. В обычных условиях для этих наблюдений употребляют довольно сложные приборы, термометрические зонды например, стекла которых часто не выдерживают давления воды. Результаты, полученные таким образом, не могут быть проверены. Но капитан Немо сам измерял температуру в глубинах моря, и его термометры, соприкасавшиеся с различными слоями воды, давали ему бесспорно точные показания.

Опыты эти производились с помощью специальных резервуаров, когда «Наутилус» достигал глубины трех, четырех, пяти, семи, девяти и десяти тысяч метров. Так капитан Немо сделал окончательный вывод, что океан под всеми широтами на глубине тысяча метров

имеет постоянную температуру 4,5°. (Это правильно лишь для широкого экваториального пояса.)

Я следил за опытами с живейшим интересом. Капитан Немо производил их с истинной страстью. Часто я спрашивал себя, с какой целью он делает эти наблюдения. Было ли это для пользы человечества? Невероятно, потому что рано или поздно его открытия должны были погибнуть вместе с ним в каком-нибудь неизвестном море. Вот разве только он посвящает меня в эти опыты для того, чтобы я передал их результаты куда следует?

Это значило допустить, что мое подводное путешествие имело предел... Я этого предела еще не видел.

Как бы там ни было, капитан Немо сообщил мне все полученные им числовые значения, определяющие плотность воды во всех главных морях земного шара.

Утром 15 января капитан, с которым я прохаживался по палубе, спросил меня, знаю ли я плотность морской воды на различных глубинах. Я ответил отрицательно и добавил, что науке еще недостает неоспоримых наблюдений по этому поводу. — Я сделал эти наблюдения, — сказал он мне, — и могу доказать их точность.

— Отлично! — сказал я. — Но «Наутилус» — это отдельный мир, и тайны его ученых никогда не дойдут до земли!

— Вы правы, профессор, — ответил капитан после нескольких минут молчания. — Здесь обособленный мир! Он так же чужд земле, как и планеты, сопровождающие земной шар вокруг Солнца. Конечно, на земле никогда не узнают моих открытий, как и открытий ученых с Сатурна и Юпитера. Но так как случай связал наши две жизни, то я могу сообщить вам результат моих наблюдений.

— Я вас слушаю, капитан.

— Вы знаете, профессор, что морская вода плотнее пресной, но плотность эта не однакова. Если я приму за единицу плотность пресной воды, то плотность воды в Атлантическом океане будет равна 1,028, в Тихом океане — 1,026, в Средиземном море — 1,030, в Ионийском море — 1,018 и в Адриатическом — 1,029.

Значит, «Наутилус» бывал и в морях, часто посещаемых европейцами! Из этого я заключил, что когда-нибудь и мы — а может, даже и скоро — будем у берегов более цивилизованных. Я подумал, что Нед Ленд узнает это с особенным удовольствием.

Мы с капитаном целые дни проводили за опытами, определяя соленость воды, ее прозрачность, окраску и электризацию на различных глубинах. Во всех этих случаях капитан Немо выказывал удивительную находчивость и сообразительность.

Затем, когда опыты были окончены, я не видел его несколько дней и снова жил отшельником на «Наутилусе».

16 января «Наутилус», казалось, заснул в нескольких метрах под поверхностью воды. Электрические машины бездействовали, винт был неподвижен, и судно тихонько скользило по произволу течения. Я предположил, что экипаж занят каким-нибудь ремонтом внутри корабля.

В этот же день мы стали свидетелями любопытного зрелища. Иллюминаторы в салоне оставались открытыми, и так как прожектор «Наутилуса» не был включен, то посреди вод господствовала темнота. Небо, покрытое облаками, слабо освещало верхние слои океана.

Самые большие рыбы казались теперь едва обозначенными тенями. Вдруг стало очень светло. Сначала я подумал, что включили прожектор и что его лучи освещают океанские глубины, но я ошибся и вскоре понял свое заблуждение.

«Наутилус» плыл в светящемся потоке воды, который в окружающей темноте казался ослепительным. Свет этот происходит от мириадов фосфоресцирующих микроскопических животных, их блеск увеличивался от соприкосновения с металлическим корпусом «Наутилуса». Посреди светящейся водной массы прорывались огненные полосы, словно ручьи рас-

плавленного в горниле свинца или нити металла, раскаленного добела, взметая тысячи искр. Нет, это было не ровное слияние лучей нашего обыкновенного электрического освещения! Здесь были сила и движение – необыкновенные. Этот свет можно было назвать живым. Это было бесчисленное скопление инфузорий – светящихся ночесветок класса жгутиковых.

– Что это такое, с позволения их чести? – спросил Консейль.

– Что ж это за инфузории? – спросил Нед Ленд. – Опишите-ка их, господин профессор.

– Это шарики из прозрачного желе, снабженные нитеобразными щупальцами. В тридцати кубических сантиметрах воды их насчитывают до двадцати пяти тысяч.

– Ишь как светятся! – заметил Нед.

Сияние ночесветок увеличивалось от блеска медуз, мерцания морских звезд, фолад и множества других фосфоресцирующих зоофитов, напитанных жиром органических веществ, разлагаемых морем и, может быть, слизью, отделяемой рыбами.

В продолжение нескольких часов «Наутилус» плыл в светящихся блестящих водах, и наше удивление еще увеличилось, когда мы увидели больших морских животных, игравших там, как саламандры. Я видел в этом огне, который не жжет, элегантных и быстрых дельфинов, неутомимых морских клоунов, и меч-рыб длиной в три метра, смышленых предвестников урагана, порой задевавших о стекла своими страшными копьями. Потом показались более мелкие рыбы – различные спинороги, макрели-прыгуны, хирурги носачи и сотни других – все это кружилось и сновало в ярком свете.

Что это было за волшебное зрелище!

Может быть, некоторые атмосферные условия умножали силу этого света? Может, на поверхности океана разразилась буря? Но «Наутилус» на глубине нескольких метров не чувствовал ее ярости и мирно покачивался посреди спокойной воды.

Мы плыли все далее, и нас беспрестанно поражали новые чудеса. Консейль наблюдал и классифицировал зоофитов, членистоногих, моллюсков и рыб.

Дни быстро проходили, и я их уже не считал. Нед хлопотал о своих съестных припасах и жаловался на однообразие корабельного стола. Мы жили, как настоящие улитки, приспособившись к своим раковинам, и я могу засвидетельствовать, что в улитку превратиться совсем не трудно. Такое существование уже стало нам казаться легким и естественным, и мы уже стали забывать, что есть другая жизнь на поверхности земного шара. Но одно проишествие напомнило нам о странности нашего положения.

18 января «Наутилус» находился на 105° долготы и 15° южной широты. Надвигался шторм, море кипело и волновалось. Дул сильный ветер с востока. Барометр, который уже несколько дней падал, возвещал приближение сильной бури.

Я вышел на палубу в ту минуту, когда помощник капитана, как всегда, исследовал горизонт.

«Вот сейчас он скажет свою ежедневную фразу!» – подумал я.

Однако на этот раз обычная фраза была заменена другой, которой я тоже не понял. Едва лейтенант успел ее произнести, появился капитан Немо с подзорной трубой и стал вглядываться в горизонт. Несколько минут он оставался неподвижен, глядя в какую-то точку на горизонте. Потом он обменялся несколькими словами с лейтенантом, который, казалось, был в большом волнении, которое тщетно старался скрыть. Капитан владел собой гораздо лучше и сохранял обычное хладнокровие. Он, по-видимому, высказывал какие-то соображения, которые его помощник опровергал. По крайней мере, я так понял по их тону и жестам.

Я очень пристально всматривался в том направлении, но ничего не приметил. Небо и водасливались на туманной линии горизонта – вот и все.

А капитан Немо ходил взад и вперед по палубе. Он не смотрел на меня, даже, может быть, и не замечал. Шаги его были уверенными, но не такими размеренными, как обычно. Иногда он останавливался и, скрестив на груди руки, вглядывался в океан.

Чего искал он на этом огромном пространстве? «Наутилус» находился тогда в нескольких сотнях миль от ближайшего берега.

Помощник капитана снова взял подзорную трубу и стал рассматривать горизонт, он ходил, топал ногами и, очевидно, все более и более волновался.

«Что все это значит? – думал я. – Ну когда-нибудь эта тайна да откроется. И даже, по всей вероятности, очень скоро, потому что по распоряжению капитана Немо «Наутилус» увеличил скорость».

В эту самую минуту помощник снова указал на что-то капитану. Капитан Немо остановился и навел трубу на означенную точку за горизонтом. Он долго наблюдал.

Тем временем я, чрезвычайно заинтересованный, принес из салона великолепную подзорную трубу, которой обычно пользовался, и, облокотясь на штурвальную рубку, приготовился наблюдать небо и океан. Но не успел я приставить трубу к глазам, как ее быстро вырвали у меня из рук.

Я обернулся: передо мной стоял капитан Немо, но я не узнал его. Лицо его преобразилось: глаза блестели мрачным огнем, брови сдвинуты, кулаки сжаты, голова откинута назад – казалось, ненависть обуяла все его существо. Моя труба покатилась к его ногам. Чем я вызвал этот гнев? Не вообразил ли он, что я открыл какую-то тайну, которую не должны были знать гости «Наутилуса»? Нет! Этот гнев возбудил не я, он даже не смотрел на меня – взор его был прикован к горизонту.

Наконец капитан Немо пришел в себя, его лицо приняло обычный спокойный вид. Он сказал помощнику несколько слов на своем языке, а затем обратился ко мне.

– Господин Аронакс, – сказал он повелительным тоном, – я требую от вас исполнения обязательства, которым вы связаны.

– В чем дело, капитан?

– Вы и ваши спутники обязаны побывать взаперти до тех пор, пока я найду возможность возвратить вам свободу.

– Вы здесь хозяин, – отвечал я, пристально глядя на него. – Только вы позволите мне задать вам один вопрос?

– Ни одного!

После такого ответа спорить было нельзя, бесполезно, пришлось повиноваться.

Я пошел в каюту Неда Ленда и Консейля и объявил им приказание капитана. Я представляю читателям судить, как подобное известие было принято канадцем.

Четыре матроса дожидались у дверей и проводили нас в ту каюту, в которой мы провели первую ночь на «Наутилусе». Нед Ленд хотел протестовать, но вместо ответа его легко толкнули, и дверь захлопнулась.

– Что это значит, с позволения их чести? – спросил меня Консейль.

Я рассказал своим собеседникам, что произошло. Они были так же удивлены, как и я, и так же терялись в догадках.

Я погрузился в размышления, разгневанное лицо капитана Немо не выходило у меня из головы. Мысли у меня как-то путались, я ничего не мог сообразить.

Вдруг Нед Ленд вскрикнул:

– Смотрите! Завтрак готов!

В самом деле, стол был уставлен разными блюдами. Очевидно, капитан отдал приказ о завтраке в то же время, когда отдавал приказ об ускорении хода «Наутилуса».

– С позволения их чести, – сказал Консейль, – я желал бы сказать, что я думаю...

– Скажи, Консейль, – отвечал я.

– По-моему, их чести следовало бы позавтракать. Позавтракать теперь очень благородно, ведь кто знает, что может случиться?

– Ты прав, Консейль.

— К несчастью, — сказал Нед Ленд, — они нам подали свою стряпню! Ни кусочка мяса!

— Друг Нед, — возразил Консейль, — что бы вы сказали, если бы нам совсем ничего не дали?

Мы сели за стол и позавтракали молча. Я мало ел, Консейль ел через силу из благородства, один Нед не страдал отсутствием аппетита. Когда завтрак окончился, каждый из нас прилег в своем углу. В это время матовый светильник на потолке погас, и мы остались в полной темноте. Нед Ленд сразу заснул, но меня удивило, что и Консейль тотчас же погрузился в тяжелую дремоту.

«Отчего это его так обуял сон?» — подумал я.

Однако меня самого клонило ко сну, веки мои тяжелели, я чувствовал себя пьяным. Напрасно открывал я глаза и старался держать их открытыми, — они сомкнулись, несмотря на все мои усилия. У меня начиналась какие-то тяжелые, болезненные галлюцинации. Очевидно, в наш завтрак было подмешано снотворное.

Капитану для сохранения тайны недостаточно было нашего заключения, ему нужен был еще наш сон!

Я слышал, как закрылся люк. Легкая боковая качка прекратилась. Покинул ли «Наutilus» поверхность океана, опустился ли он в его глубины?

Я пробовал еще бороться с одолевающим меня сном, но бороться было невозможно. Дыхание мое ослабело. Смертельный холод охватил и как бы парализовал мои члены. Мои веки упали, как налитые свинцом, на глаза, и я не мог более их поднять. Я погрузился в болезненный сон, мне стали сниться кошмары... Потом видения исчезли, и я потерял сознание.

Глава двадцать четвертая Коралловое царство

На другой день я проснулся без всякой головной боли и чувствовал себя очень хорошо. К великому моему изумлению, я за ночь очутился в своей каюте. Без сомнения, и мои спутники тоже были перенесены обратно в их каюту, а что произошло ночью, они, вероятно, не знали, как не знал и я.

«Нечего ломать теперь голову напрасно, – убеждал я себя. – Надо терпеливо ждать: случай откроет все эти секреты».

Мне захотелось подышать свежим воздухом. Но могу ли я выйти – это еще вопрос. Очень может быть, что меня опять заперли на ключ! Я толкнул дверь, она открылась, я поднялся по центральному трапу и через открытый люк вышел на палубу.

Нед Ленд и Консейль уже ждали меня. Я на всякий случай расспросил их, как они провели ночь. Они ответили, что спали глубоким сном, совершенно ничего не помнят, и были очень удивлены, проснувшись в своей каюте.

Что касается «Наутилуса», он был тих и таинственен, как всегда. Он плыл по поверхности океана с умеренной скоростью. По-видимому, на судне ничего не изменилось.

Нед Ленд напрасно впивался своими зоркими глазами в горизонт: океан представлял собой безбрежную пустыню, не было видно ни паруса, ни земли. Дул сильный западный ветер, и «Наутилус» переваливался с одной волны на другую.

– Сегодня-таки покачивает. – заметил Консейль.

«Наутилус» снова погрузился метров на пятнадцать, так что мог в случае надобности очень быстро выплыть на поверхность. Он выплывал против обыкновения несколько раз в этот день, 19 января. Лейтенант выходил тогда на палубу и произносил свою традиционную фразу.

Капитан Немо не показывался. Из экипажа я видел только одного молчаливого стюарда, который прислуживал нам с обычной своей аккуратностью и обычным безмолвием.

Около двух часов я пошел в салон и стал приводить в порядок свои записки. Вдруг капитан Немо отворил дверь и вошел. Я ему поклонился, он почти неприметно ответил мне тем же, не сказав ни слова. Я снова принялся за работу, втайне надеясь, что он мне объяснит события прошедшей ночи. Но он молчал.

Я посмотрел на него – он казался усталым, глаза у него покраснели, видимо, он провел бессонную ночь. Лицо его выражало глубокую грусть, настоящее горе. Он ходил, садился, вставал, брал первую попавшуюся книгу и тотчас ставил ее на место, смотрел на свои приборы, не делая обычных наблюдений. Казалось, он не мог найти себе места.

Наконец он подошел ко мне.

– Вы доктор, господин Аронакс? – спросил он.

Вопрос был так неожидан, что я в недоумении молча смотрел на него некоторое время.

– Вы доктор? – повторил он. – Я знаю, многие ваши коллеги получили медицинское образование – Грасиоле, Мокен-Тандон и другие.

– Действительно, – отвечал я, – я работал врачом в госпитале. Я практиковал много лет, прежде чем поступил в музей.

– Очень рад, профессор.

Мой ответ, кажется, совершенно удовлетворил капитана. Не зная, почему он меня об этом спросил, я дожидался нового вопроса.

– Господин Аронакс, – сказал капитан, – согласитесь ли вы посмотреть одного из моих матросов?

– У вас больной?

– Да.

– Я готов следовать за вами.

– Пойдемте.

Признаюсь, сердце мое сильно билось. Не знаю почему, но я предполагал связь между болезнью этого человека и приключениями прошедшей ночи. И тайна, и больной очень меня занимали и интересовали.

Капитан провел меня на корму «Наутилуса» и впустил в каюту, находящуюся рядом с кубриком. Там, на кровати, лежал человек лет сорока с энергичным лицом ангlosаксонского типа. Я наклонился над ним. Он был не просто болен, но и ранен. Его голова, перевязанная окровавленными бинтами, лежала на подушках. Сняв повязку и осмотрев рану, я понял, что ничего не смогу сделать. Рана была ужасной. Из черепа, пробитого каким-то тупым орудием, выглядывал мозг. Запекшаяся кровь превратилась в твердую массу которая приняла цвет винного осадка. Дыхание больного было затрудненным, и спазмы искаjали лицо. У него было воспаление мозга.

Я взял руку раненого и нашупал пульс – сердце работало с перебоями. Человек был уже слаб, конечности начали холodеть, смерть приближалась. Я сделал перевязку, поправил изголовье и обратился к капитану.

– От чего эта рана? – спросил я.

– Не все ли равно! – уклончиво ответил капитан. – «Наутилус» сильно качнуло, от этого толчка сломался один рычаг машины и ударил этого человека по голове. Как вы думаете, можно ему помочь?

Я колебался в ответе.

– Вы можете говорить, – сказал мне капитан, – этот человек не понимает по-французски.

Я еще раз посмотрел на раненого и сказал:

– Через два часа он умрет.

– Ничто не может спасти его?

– Ничто!

Рука капитана Немо судорожно сжалась в кулак, и несколько слез выкатились из его глаз. А я думал, что эти глаза не способны плакать!

Несколько минут я еще смотрел на умирающего. Жизнь мало-помалу его оставляла, бледность еще более увеличивалась от электрического света, освещавшего смертный одр. Я смотрел на его смыщенное, умное лицо, изборожденное преждевременными морщинами. Морщины эти, возможно, были давно проведены невзгодами и лишениями. Я надеялся найти разгадку его жизни в последних предсмертных словах.

– Вы можете удалиться, – сказал мне капитан.

Я оставил капитана в каюте умирающего и возвратился к себе, очень расстроенный этой сценой. Мрачные предчувствия тревожили меня весь день. Ночью я спал плохо, беспрестанно просыпался, мне слышались отдаленные тяжелые вздохи и даже чудилось погребальное пение.

На другой день утром я вышел на палубу. Капитан Немо уже был там и сразу подошел ко мне.

– Профессор, – сказал он мне, – не угодно ли вам принять участие в подводной прогулке?

– С товарищами? – спросил я.

– Если они захотят.

– Мы к вашим услугам, капитан.

– Так оденьтесь в скафандры.

Об умирающем или умершем он не сказал ни одного слова.

Я сходил за Недом Лендом и Консейлем и передал им предложение капитана. Консейль, разумеется, радостно принял это приглашение, да и Нед на этот раз был согласен следовать за нами.

Было восемь часов утра. В половине девятого мы были уже облачены в скафандры и вооружены дыхательными аппаратами и фонарями. Двойная дверь открылась, и, сопровождаемые капитаном Немо, за которым следовали человек двенадцать экипажа, несшие какой-то продолговатый предмет, мы вышли из «Наутилуса» на каменистое дно на глубине десять метров.

Легкая покатость привела нас к довольно глубокой впадине. Здесь дно совершенно отличалось от того грунта, по которому нам довелось ходить во время прогулки под водами Тихого океана. На дне Индийского океана не было ни мелкого песка, ни подводных лугов, ни зарослей из водорослей. Я тотчас же узнал область чудес, в которую на этот раз проводил нас капитан Немо. Это было царство кораллов!

Среди зоофитов в классе коралловых полипов особенно примечательны горгоневые, или роговые, кораллы. Они делятся на три группы: горгонии, белые кораллы и благородные, или красные, кораллы. Кораллы последней группы – любопытные существа, которые причислялись то к минералам, то к растениям, то к животным. У древних они считались лекарством, в средневековую эпоху – жемчугом, и только в 1694 году ученый Пейсоннель причислил их окончательно к животным.

Кораллы – это известковые скелеты живых существ, коралловых полипов. Каждая особь живет отдельной жизнью, но жизнь каждой особи способствует жизни общей. Это род естественной коммуны.

Ничего не могло быть для меня интереснее, как посетить один из этих окаменелых лесов, которыми природа засадила морское дно.

Мы зажгли фонари, когда проходили вдоль кораллового рифа, который, надо полагать, со временем закроет эту часть Индийского океана. Дорога была окаймлена непроходимыми чащами диковинных кустарников, покрытых маленькими «цветками» – белыми звездочками с шестью лучами. Но в противоположность земным растениям эти коралловые деревца, прикрепленные к скалам на дне океана, росли сверху вниз.

Свет наших фонарей играл на ярко-красных ветвях, создавая изумительные эффекты. Мне казалось, что эти перепончатые и цилиндрические трубочки дрожат от движения воды. Быстрые рыбы с легкими плавниками мелькали в этом цветнике, как порхающие птицы. Я не раз забывал, где нахожусь, и протягивал руку, желая сорвать свежие венчики, украшенные нежными щупальцами; одни «цветки» только что распустились, другие только начали зарождаться. Но едва моя рука дотрагивалась до этих живых «недотрог» – тотчас же вся колония приходила в движение. Белые венчики втягивались в свой красный футляр, цветы мгновенно пропадали, и кустарник превращался в груду пористых каменистых бугорков.

Случай позволил мне увидеть самые драгоценные образцы этих животных-цветов. Эти благородные кораллы ничем не уступали тем, которые добывают в Средиземном море, у берегов Франции и Италии. Своим ярким цветом они оправдывали поэтические названия «красный цветок» и «красная pena», которыми купцы окрестили лучшие из этих произведений. Цена таких кораллов доходит до пятисот франков за килограмм, а в этом месте океанская вода скрывала несметные коралловые богатства. Я даже приметил здесь великолепный образец розового коралла.

Скоро коралловые кустарники стали гуще и выше. И, наконец, перед нами возникли настоящие окаменелые леса и длинные причудливые аллеи. Капитан Немо вступил в одну из темных аллей, мы за ним. Дорога шла под уклон и привела нас на глубину сто метров. Наши фонари освещали шероховатые ярко-красные коралловые своды – и они в ответ сверкали, как драгоценные камни.

Между коралловыми деревьями я заметил и другие, не менее любопытные полипы: милиты и ириды зеленого и красного цвета. Они похожи были на водоросли, облепленные известкой. Естествоиспытатели после долгих споров окончательно причислили их к растительному миру; и, по глубокомысленному замечанию одного ученого, «здесь может быть именно тот предел, где жизнь только начинает пробуждаться».

Наконец после двухчасовой ходьбы мы достигли глубины около трехсот метров. Здесь уже не было ни одиноких кустиков, ни маленьких деревцев – тут был дремучий лес огромных окаменелых деревьев, переплетенный легкими гирляндами изящных плюмариев, этих морских лиан, сверкающих всеми цветами и оттенками. Мы свободно проходили под высокими коралловыми ветвями, теряющимися во мраке волн. Под нашими ногами красные меандрины, астреи, тубипоры, фунгии и другие полипы из семейства коралловых расстилались, как цветочный ковер, усеянный блестящими бутонами.

Неописуемое зрелище! Были минуты, когда я чуть-чуть не пожелал обратиться в амфибию, чтобы свободно жить и на земле, и в воде.

Вдруг капитан Немо остановился, мы последовали его примеру. Повернувшись, я увидел, что матросы расположились позади своего начальника полукругом. Вглядевшись получше, я заметил, что четверо из них держат на плечах какой-то продолговатый предмет.

Мы стояли как раз посреди большой лужайки, окруженной высокими деревьями, которые казались высеченными из камня. Фонари слабо освещали это место, и тени наши непомерно удлинялись. Далее, за лужайкой, была глубокая тьма, в которой только изредка поблескивали красные искорки света, отражавшегося на гранях кораллов.

Нед Ленд и Консейль стояли около меня. Мы глядели во все глаза и ждали, что будет дальше. То тут, то там я увидел небольшие холмики, покрытые известковым слоем и расположенные с той правильностью, которая обнаруживала работу человека.

Посередине на пьедестале из коралловых обломков возвышался коралловый крест, казалось, раскинувший в стороны свои длинные, как бы окровавленные руки.

По знаку капитана Немо один матрос приблизился к кресту, вынул из-за пояса кирку и начал рыть яму.

Я понял: здесь было кладбище, это роют могилу, а продолговатый предмет – тело умершего ночью раненого человека. Капитан Немо и его люди пришли хоронить своего товарища на братском кладбище на дне недоступного океана.

Могилу рыли медленно. Потревоженные рыбы сновали туда-сюда. Беспрестанно раздавался глухой стук железной мотыги, иногда она ударялась о кремень, и тогда летели вверх искры. Яма становилась все глубже и шире и скоро была достаточно широка и глубока, чтобы вместить тело.

Тогда приблизились носильщики. Тело, покрытое тканью из белого виссона, опустили в темную мокрую могилу... Затем могилу засыпали и немного подровняли образовавшийся холмик.

Когда все было кончено, капитан и его товарищи приблизились к могиле и поклонились ей в знак последнего прощания.

Затем все отправились обратно к «Наутилусу» и снова прошли под сводами кораллового леса, мимо зарослей коралловых кустарников, теперь уже поднимаясь в гору. Наконец вдали показались огни, путеводный свет привел нас к «Наутилусу». Переодевшись, я вышел на палубу и сел около прожектора. Много мыслей – и мыслей довольно мрачных – теснилось у меня в голове.

Вскоре ко мне присоединился капитан Немо. Я встал и сказал ему:

– Значит, мое предсказание исполнилось: этот человек умер ночью?

– Да, Аронакс, – отвечал капитан.

– И теперь он похоронен среди своих товарищей на коралловом кладбище?

— Да, профессор. Мы вырыли могилу, а полипы замуруют мертвого в прочную гробницу.

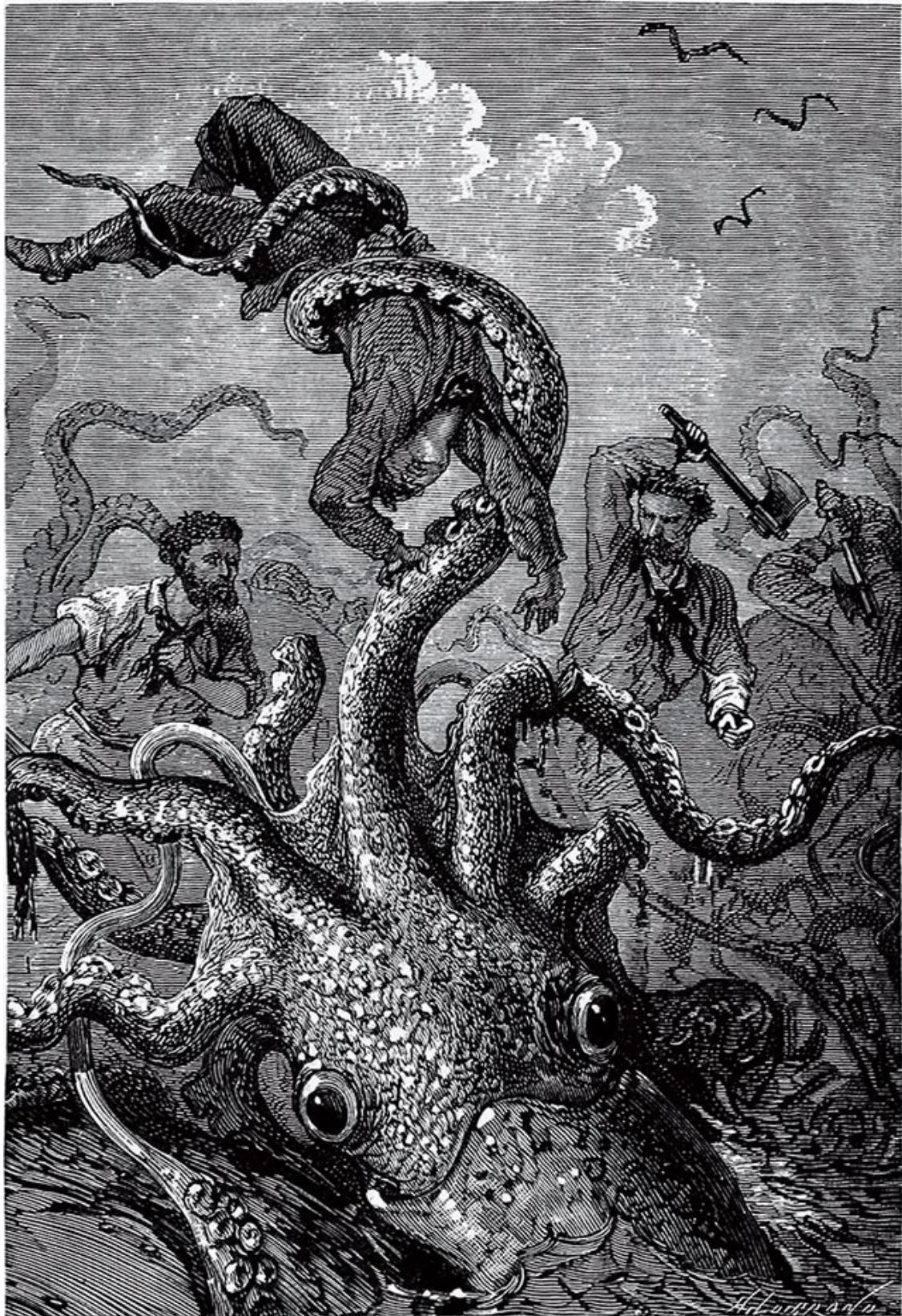
Капитан вдруг закрыл лицо руками, напрасно стараясь сдержать рыдание. Овладев собой, он добавил:

— Это наше мирное кладбище на глубине нескольких сот футов под морскими волнами!

— Ваши мертвые, капитан, спят там спокойно, не боясь акул!

— Да, профессор, — ответил с горечью капитан Немо, — ни акул, ни людей!

Часть вторая

Глава первая Индийский океан

Коралловое кладбище произвело на меня глубокое впечатление. Капитан Немо не только жил под морскими волнами, но и устроил себе могилу в безднах океана. Там, на дне пропасти, никакое морское чудовище не нарушит последнего сна хозяина «Наутилуса». «И ни один человек!» – как сказал капитан.

Во всем проявлялись у него горькое недоверие и ненависть к людям.

Что это был за человек?

Консейль видел в нем непризнанного ученого – одного из тех «огорченных», которые платят людям презрением за равнодушие.

– Это какой-нибудь гений, с позволения их чести, – говорил достойный парень, – никто его на земле не понял, он этим огорчился и вот ушел под воду. «Если они меня не поняли, – думает он, – так я уже не хочу теперь их знать, – буду сидеть в воде и тут делать ученые открытия!»

Я не возражал Консейлю, но не вполне разделял его мнение на этот счет.

Мне не давали покоя последние происшествия.

Зачем нас заточили в каюту на ночь? И не только заточили, но даже усыпили снотворным? Почему капитан Немо вырвал у меня из рук подзорную трубу, когда я хотел посмотреть на горизонт? Каким образом получил смертельную рану тот человек, которого мы похоронили?

Все это наводило меня на самые неутешительные мысли. Быть может, капитан Немо не только избегает людей, но и при случае жестоко мстит им?

Все это были, разумеется, только предположения. Я нахо дился, как говорится, во мраке и видел только кое-какие слабые проблески, пока ничего не разъясняющие.

«Нечего делать! – думал я. – Будем писать под диктовку событий!»

Нас ничто не связывало с капитаном Немо. Он отлично знал, что убежать с «Наутилуса» невозможно. Мы не можем, значит, считаться связанными никакими обязательствами.

Мы просто были пленниками, а гостями нас называют только из любезности. Нед Ленд прямо заявил, что воспользуется первым удобным случаем для побега. Я, без сомнения, поступлю точно так же.

Однако я подумал, что почувствую что-то вроде сожаления, когда придется навсегда расстаться с этим таинственным человеком. И как решить, надо ли его ненавидеть или ему удивляться? Кто он – палач или жертва?

К тому же, признаюсь, мне очень хотелось завершить кругосветное подводное путешествие, увидеть все чудеса, таящиеся в безднах Мирового океана. Ведь до сих пор я, собственно говоря, очень мало что видел и мало что открыл. Что мало! Я ничего не открыл! Мы всего-навсего прошли шесть тысяч лье по Тихому океану! Правда, за эти открытия можно поплатиться жизнью. Но отчего же ею и не поплатиться, если это стоит того?

Мне было известно, что «Наутилус» приближается к обитаемым землям, и если представится удобный случай для побега, я не имею никакого права приносить своих товарищей в жертву моей страсти к естественным наукам. Надо будет следовать за ними, даже, может быть, показывать им дорогу.

Но представится ли когда-нибудь такой случай?

Во мне словно было два человека: один, лишенный свободы, хотел бежать из плена, другой, любопытный ученый, боялся минуты, когда появится такая возможность.

21 января в полдень лейтенант по обыкновению вышел на палубу и занялся наблюдениями. Я тоже поднялся наверх, закурил сигару и стал следить за его действиями. Очевидно,

этот человек ни слова не понимал по-французски. Я несколько раз громко сделал кое-какие замечания, которые непременно обратили бы на себя его внимание, если бы он понимал смысл моих слов, но он пропускал их мимо ушей, как бессодержательные звуки, и оставался нем и невозмутим.

В это время на палубу вышел матрос – тот самый крепыш, который ходил с нами на подводную охоту, на остров Креспо, и начал чистить стекла прожектора. Я подошел поближе, чтобы хорошо рассмотреть устройство этого прибора. Сила света увеличивалась благодаря расположению черепицеобразных стекол, как в маяке, концентрируя световые лучи. Вольтова дуга находилась в безвоздушном пространстве, что обусловливала равномерность и силу света.

«Наутилус» приготовился к погружению, и я поспешил спуститься в салон. Корабль направился курсом на запад.

Мы плыли по волнам Индийского океана. Индийский океан простирается на пятьсот пятьдесят миллионов гектаров, и воды его до того прозрачны, что кружится голова, если наклониться над их поверхностью и смотреть вглубь.

«Наутилус» шел на глубине от ста до двухсот метров. Так продолжалось несколько дней.

Любой другой человек на моем месте очень бы скучал, и путешествие показалось бы ему очень длинным, однообразным, томительным, но я, как страстный поклонник моря, ничуть не тяготился своим положением. Ежедневные прогулки на палубе, где меня оживлял и укреплял свежий воздух, созерцание морских чудес, чтение в библиотеке – все это меня чрезвычайно занимало. Я также продолжал вести свои путевые записи.

Мы все были совершенно здоровы. Корабельная, «водяная», как выражался Нед Ленд, пища шла нам впрок, и я нисколько не прельщался разными кухонными ухищрениями канадца. При постоянно одинаковой температуре на «Наутилусе» можно было не опасаться даже насморка или легкой простуды. Впрочем, на «Наутилусе» был достаточный запас мадрепоровых кораллов, известных в Провансе под именем «морского укропа»; сочная мякоть этого полипа служит пре восходным лекарством от кашля.

В продолжение нескольких дней мы видели великое множество водоплавающих птиц – чаек-поморников. Нескольких птиц мы подстрелили и приготовили, и на вкус они нам показались недурны. Среди крупных птиц, которые совершают дальние перелеты между материками и садятся отдохнуть на волнах, я заметил великолепнейших альбатросов семейства трубконосых. Их крик не очень благозвучен и напоминает ослиное гиканье. Представителями семейства веслоногих явились быстрые фрегаты, которые проворно хватали рыб на поверхности воды, и многочисленные фаэтоны, между которыми я увидел фаэтон алохвостого величиной с голубя, оперение у него было белое с розовым отливом, а крылья черноватые.

Сети «Наутилуса» выловили различных морских черепах, в их числе были каретты с выпуклым панцирем. Этот род черепах очень ценится. Эти пресмыкающиеся легко ныряют и могут очень долго держаться под водой, закрыв клапан, который находится у них около наружного носового отверстия. Многие из пойманых каретт еще спали в своей броне, прикрываясь ею от нападения морских животных. Мясо этих черепах не особенно приятно на вкус, но яйца бесподобны.

Мы по-прежнему целыми часами смотрели сквозь иллюминаторы и любовались рыбами. Многих рыб до сих пор мне еще не случалось видеть.

Я назову только твердокожих кузовков, которые преимущественно водятся в Тихом и Индийском океане. Рыбы эти защищены панцирем, подобно черепахам, броненосцам, морским ежам, ракообразным. Панцирь у них костяной, из плотно прилегающих трех-, четырех– или шестигранных пластинок.

Я заметил несколько кузовков длиной пять сантиметров. Мясо их полезно и превосходно на вкус. К хвосту они коричневого цвета, а у плавников – желтого.

– Вот бы пересадить их к нам во Францию! – сказал я Консейлю.

Консейль только вздохнул.

– С позволения их чести, они бы скоро привыкли к новому климату? – спросил он.

– Я полагаю, что скоро. Их, по-моему, можно было бы пустить в речную воду. Многие морские рыбы отлично привыкают к пресной воде.

Между кузовками были четырехрёгие, у которых на спине возвышались четыре больших бугорка; были кузовки крапчатые, испещренные белыми пятнышками, которых можно приручать, как птиц. Мы видели тригонов, или хвостоколов, рода скатов, с длинным тонким хвостом с иглой, которые испускают особый звук, похожий на хрюканье, за что им дали кличку «морские свиньи», а также «дромадеров», с большим конусообразным горбом на спине, отличающихся твердым и жестким мясом.

Консейль, со своей стороны, заметил некоторых рыб из семейства иглобрюхих (скалозубовые), свойственных этим морям, красноспинок с белым брюхом, с тремя рядами продольных полосок на спине, и ярко окрашенных электрических рыб длиной семь дюймов.

Консейль усмотрел также образцы других родов: коричневатого рогозуба, исчерченного белыми полосками; бесхвостую еж-рыбу, которая обильно снабжена колючками и может, когда находит это нужным, свертываться в колючий клубок; летучих пегасов с грудными плавниками в виде крыльев, которые позволяют им если не летать, то, по крайней мере, высакивать в воздух; плоскоголовиков, у которых хвост покрыт многочисленными чешуйчатыми кольцами; длинночелюстных макрогнатусов (хоботнорылов), прекрасных рыб длиной двадцать пять сантиметров; бледно-синих индийских плоскоголовиков с шероховатой головой; целые мириады рыб-собак, испещренных черными полосками, с длинными плавниками, скользящих с удивительной быстротой по поверхности воды; прелестных хирургов парусников, которые надувают свои плавники, как яхты – пару са; великолепных морских дракончиков, сияющих желтым, небесно-голубым, серебром и золотом; гурами с волокнистыми плавниками; рявецов из семейства бычковых, всегда покрытых тиной и издающих при трении жабер шум, похожий на журчанье; жесткощеких триглов – жир этой рыбы считается ядовитым; каменных окуней с подвижными веками; наконец, брызгунов с длинным трубчатым рылом. Каплей воды, с силой выстреленной изо рта с расстояния пятидесяти сантиметров, эта рыба убивает насекомых, сидящих на листьях прибрежных растений.

– Вот ружьёцо-то, Консейль! – сказал я. – Стоит изобретения Шаспо и выдумки Ремингтона!

– Это их честь справедливо изволили заметить, – отвечал довольный Консейль.

Из восемьдесят девятого рода рыб, по классификации Ласепеда, принадлежащего ко второму подклассу костищих, отличающихся жаберной крышечкой и горловой перепонкой, я заметил скорпену, или морского ерша, с головой чудовищной формы и сильно развитым колючим спинным плавником. Эти рыбы покрыты мелкой чешуей или голые в зависимости от вида.

Мы нашли много видов странной рыбы, известной под названием морской жабы, у которой огромная голова вся в бугорках и впадинах, с неправильно расположеными безобразными тупыми шипами. Сама рыба покрыта колючками и усеяна бугорками, а хвост словно в мозолях; колючки ее наносят опасные раны. Рыба эта отвратительна и страшна на вид.

С 21 по 23 января «Наутилус» шел со скоростью двести пятьдесят лье в сутки, или двадцать две мили в час. Множество рыб, привлеченных электрическим светом, плыло за нами. Большая часть из них не могла угнаться за «Наутилусом» и отстала, лишь немногие рыбы могли соревноваться с нами.

Утром 24 января мы увидели остров Килинг на $12^{\circ}5'$ южной широты и $94^{\circ}33'$ долготы. Остров этот кораллового происхождения и весь зарос великолепнейшими кокосовыми пальмами.

— Этот остров посещали Дарвин и капитан Фиц-Рой, — сказал я Консейлю.

— И я бы хотел его посетить, с позволения их чести, — ответил мой достойный товарищ. «Наутилус» прошел вблизи от пустынных берегов.

Мы засеяли почву в этом месте и выловили многочисленные образцы полипов, иглокожих и раковин моллюсков. Несколько драгоценнейших раковин дельфинок пополнили коллекцию, или, лучше сказать, сокровищницу, капитана Немо. Я, со своей стороны, преподнес ему один звездчатый коралл, который часто присасывается к раковинам двустворчатых моллюсков.

Скоро остров Килинг исчез из виду, и «Наутилус» повернулся на северо-запад, к южной оконечности Индийского полуострова.

— Знаете, профессор, — сказал мне Нед Ленд, — цивилизованные земли, по-моему, будут лучше папуасских островов, где встречаешь больше дикарей, чем диких коз. Там есть шоссе, железные дороги, английские, французские и индусские города и поселения. Там можно пройти всего каких-нибудь шесть миль и встретить земляка. Вы как полагаете, профессор, не пора ли нам раскланяться с капитаном Немо?

— Нет, Нед, нет, я не согласен. Пожалуйста, погодите. «Наутилус» приближается к населенным континентам. Он направляется к Европе. Пусть он нас туда доставит. Когда мы войдем в европейские моря, мы тогда посмотрим, как быть и что делать. К тому же, я думаю, капитан Немо не отпустит нас охотиться на Малабарских или Коромандельских берегах.

— А если мы обойдемся без его позволения, профессор?

Я не ответил на это. Я не желал затевать спора, но внутренне я твердо решился отговорить канадца, насколько хватит сил и уменья, от всех поползновений к побегу.

После удаления от острова Килинга скорость «Наутилуса» уменьшилась. Мы часто погружались на глубину от двух до трех километров. Но мы не могли проверить максимальную глубину Индийского моря: зонды в тринадцать тысяч метров не доставали до дна. Что же касается температуры нижних слоев, термометр неизменно показывал 4° выше нуля. Я только заметил, что в верхних слоях вода была гораздо холоднее, чем в других морях.

25 января «Наутилус» весь день шел по поверхности, поднимая каскады брызг своим мощным винтом. Я провел три четверти этого дня на палубе. Ничего не было на горизонте. Только около четырех часов вечера я увидел вдали длинный пароход, который быстро шел к западу от нас. Я видел его всего одну минуту — затем он снова исчез. Я подумал, что этот пароход ходит между Цейлоном и Сиднеем.

В пять часов вечера мы с Консейлем были свидетелями очень любопытного явления.

Существует одно прелестное животное, встречу с которым древние считали счастливым предзнаменованием. Аристотель, Афеней, Плинний и Аппиан изучали этого моллюска и в своих описаниях истощили весь запас поэтических эпитетов. Они называли его *Nautilus* и *Pompylius*. Но современная наука не утвердила этих названий, и теперь он известен как аргонавт, или кораблик.

Если бы кто-то спросил Консейля о моллюсках, то узнал бы тотчас, что моллюски разделяются на пять классов, что первый класс включает головоногих моллюсков, что они бывают голые и раковинные и делятся на два подкласса — двужаберных и четырехжаберных, двужаберные — это осьминоги, кальмары и каракатицы. Аргонавты принадлежат к роду осьминогов. Самка аргонавта имеет тончайшую раковину, как бы из матового стекла, а самец похож на всех остальных осьминогов.

Итак, мы сидели и глядели на море, когда вдруг появился целый отряд аргонавтов. Это были так называемые бугорчатые аргонавты, свойственные Индийскому океану.

Эти изящные моллюски двигались посредством своей воронки, выкидывая ею воду, которую в себя вбирали при дыхании. Из их восьми щупальцев шесть, длинных и тонких, плыли по воде, а двое остальных надувались, как легкие паруса. Я отлично мог рассмотреть их спиралевидную раковинку, которую Кювье сравнил с изящной лодочкой. Эта лодочка переносит своего строителя без всякой заботы с его стороны.

— Аргонавт мог бы покинуть свою раковинку, — сказал я Консейлю, — а ведь никогда не покидает!

— Он как капитан Немо, с позволения их чести: такой же нрав имеет. И, по-моему, капитану следовало бы назвать свое судно «Аргонавтом».

Около часа «Наутилус» плыл под эскортом моллюсков. Вдруг, неизвестно почему, они все переполошились. Паруса мгновенно свернулись, щупальца втянулись в раковину, раковины опрокинулись, и вся флотилия исчезла под водой. Никогда ни одна эскадра не отличалась большей быстротой и ловкостью в маневрах.

В эту самую минуту зашло солнце и наступила темнота. Океан был спокойным, и волны тихо струились за кормой.

На следующее утро, 26 января, мы пересекли экватор на восемьдесят втором меридиане и вступили в Северное полушарие.

В этот день за нами погнался громадный отряд акул. Здешние моря кишат этими зубастыми страшилищами, и потому плавание по ним небезопасно.

— Каковы, Консейль? — говорил я своему верному слуге.

— Первый сорт, с позволения их чести! — отвечал Консейль.

И мы указывали друг другу то на ту, то на другую акулу.

Тут были акулы с темной спиной и белым брюхом, снабженные одиннадцатью рядами зубов, были акулы очковые, у которых шея помечена большим черным пятном с белым ободком, очень похожим на глаз, были акулы голубые, с округленным рылом, испещренным темными точками. Часто эти зубастые хищники изо всей силы набрасывались на стеклянные иллюминаторы.

— Ах вы, бестии! — вскрикивал Нед Ленд, который был вне себя. — Ах вы, наглые твари! Ну повезло вам, что я сижу здесь как привинченный, а то бы я вам задал перцу!

Особенно его раздражали гладкие акулы, у которых пасть была утыкана зубами, словно выложена мозаикой, и тигровые акулы длиной пять метров.

Но вскоре «Наутилус» прибавил ход и оставил позади самых резвых акул.

27 января при входе в Бенгальский залив нам стали встречаться плавающие трупы.

— Встреча не веселая! — сказал Нед Ленд.

То были покойники индийских городов, унесенные течением Ганга в открытое море.

— Нет чтобы зарыть! — сказал Нед Ленд, когда навстречу снова попались несколько трупов.

— Там не зарывают, — сказал я ему, — там об усопших заботятся одни грифы. А кого они не успеют расклевывать, тех докончат акулы.

Около семи часов вечера мы вдруг увидели, что «Наутилус», поднявшись на поверхность, плывет по молочному морю. Океан на необозримом пространстве превратился, казалось, в молоко. Что это такое? Игра лунного света?

Нет, потому что молодой месяц еще не взошел на горизонте. Все небо, хоть и освещенное звездным сиянием,казалось совершенно темным в сравнении с белизной вод.

Консейль не верил своим глазам.

— С позволения их чести, — спросил он, — что это такое?

К счастью, я мог ему разъяснить, в чем дело.

— Это то, что называют молочным морем, — отвечал я, — такое обширное пространство белых волн часто видят у берегов Амбиона и в этих широтах.

— С позволения их чести, — возразил Консейль, — я бы желал знать, отчего волны побе-ли. Ведь вода не превратилась в молоко, как вы сказали?

— Нет, друг мой, нет, — отвечал я. — Белизна эта вызвана присутствием мириад инфузорий, маленьких с ветяющихся червячков, студенистых, бесцветных, толщиной в волосок и длиной в одну пятую миллиметра. Эти инфузории слепляются между собой и образуют сплошные поля в несколько лье.

— Несколько лье! — вскрикнул Консейль.

— Да, дружище, многих лье. Ты не старайся вычислять, сколько здесь этих инфузорий: понапрасну время потратишь. Если я только не ошибаюсь, некоторым мореплавателям случалось плыть по таким молочным волнам более сорока миль.

Не знаю, послушался ли Консейль моего совета, но он умолк, глубоко задумавшись. Что же касается меня, то я продолжал наблюдать это любопытное явление.

В продолжение нескольких часов «Наутилус» разбивал носом беловатые, словно мыльные, волны. Он скользил без всякого шума, точно плыл среди пены, которая образуется при встрече двух течений.

Около полуночи море снова приняло свой обычный цвет, но позади нас еще долго отражалась на темном небе белизна волн, и это отражение несколько напоминало неясный свет северного сияния.

Глава вторая Капитан Немо делает новое предложение

28 января в полдень «Наутилус» всплыл на поверхность океана. Мы находились на $9^{\circ}4'$ северной широты. В виду у нас была земля, лежавшая в восьми милях к западу. Я различил какое-то скопление гор, высотой около двух тысяч футов, очень причудливой формы. Скоро я узнал, что мы находились около острова Цейлон.

Я отправился в библиотеку и стал искать какую-нибудь книгу, где бы можно было почерпнуть сведения об этом острове, который считается самым плодородным на свете. Я нашел, что искал — книгу Сирра «Цейлон и сингальцы», — и узнал, что остров лежит между $5^{\circ}55'$ и $9^{\circ}49'$ северной широты и $79^{\circ}42'$ и $82^{\circ}4'$ долготы на восток от гринвичского меридиана, что в длину он простирается на двести семьдесят пять, а в ширину на полтораста миль, что его площадь около шестидесяти шести тысяч квадратных километров.

Я стоял с картой в руке, когда появился капитан Немо со своим помощником.

— Остров Цейлон знаменит своей жемчужной ловлей, профессор, — сказал капитан Немо. — Не угодно ли вам ее посетить?

— Разумеется, я буду рад, капитан, — ответил я. — Очень рад!

— Это легко устроить. Но вот в чем дело: мы только место увидим, а не ловцов. Сезон ловли жемчуга еще не начался. Ну да ничего. Я распоряжусь, чтобы «Наутилус» направили к Манарскому заливу. Ночью мы туда приедем.

Капитан Немо сказал несколько слов своему помощнику, и тот вышел из салона. Вскоре «Наутилус» погрузился в водную стихию. Манометр показывал, что он придерживается тридцатифутовой глубины.

Я снова взял карту и начал искать Манарский залив. Он находился на девятой параллели, у северо-западных берегов Цейлона. Залив этот образуется продолговатой линией маленького острова Манар. Чтобы достигнуть залива, надо было обогнуть весь западный берег Цейлона.

— Профессор, — сказал капитан Немо, — вы знаете, что жемчуг добывают в Бенгальском заливе, в Индийском море, в Китайском и Японском море, в морях Южной Америки, в Панамском и Калифорнийском заливе, но на острове Цейлон самый знаменитый промысел морского жемчуга. Мы приедем туда, правда, немного раньше времени. Ловцы жемчуга появляются в Манарском заливе только в марте и целых тридцать дней занимаются добыванием морских сокровищ. Обыкновенно в Манарском заливе собирается до трехсот лодок. На каждой лодке десять гребцов и десять водолазов. Водолазы разделяются на две партии и ныряют поочередно. Они опускаются на глубину двенадцать метров с помощью тяжелого камня, который они сжимают между ног и который прикреплен к лодке веревкой.

— Еще до сих пор употребляют этот первобытный способ?

— До сих пор, — ответил капитан Немо, — хотя здешние жемчужные россыпи принадлежат самой промышленной стране в мире — Англии. В 1802 году она получила их по Амьенскому договору.

— Мне кажется, ваши усовершенствованные скафандры оказали бы большую помощь при этих операциях.

— Да! Эти бедняки не могут долго оставаться под водой. Правда, англичанин Персиваль в своем «Путешествии по Цейлону» рассказывает про какого-то кафра, который будто бы оставался целых пять минут под водой, но факт этот кажется мне очень сомнительным. Я знаю, что некоторые ныряльщики могут пробыть под водой пятьдесят семь секунд, а самые выносливые — до восьмидесяти семи секунд. Однако, когда они возвращаются в лодку, у них начинает изо рта и ушей литься вода с кровью. Я полагаю, что в среднем ныряльщики

остаются тридцать секунд под водой. В эти тридцать секунд они торопливо собирают в свою сетку раковины жемчужниц, которые им удается найти. Эти водолазы-ныряльщики почти никогда не доживаются до старости; зрение у них ослабевает, глаза гноятся, на теле образуются язвы, и очень часто они умирают на дне морском от кровоизлияния в мозг.

— Да, — сказал я, — это невеселый промысел. И служит он только для удовлетворения женских прихотей! Скажите, капитан, сколько раковин можно приблизительно выловить в день?

— От сорока до пятидесяти тысяч. Говорят даже, что в 1814 году английское правительство устроило такую ловлю, что за двадцать дней добыто было семьдесят шесть миллионов раковин.

— Что ж, ловцы много получают?

— Очень немного, профессор. В Панаме они едва-едва зарабатывают один доллар в день. Обыкновенно они получают одно су за каждую жемчужину. А сколько таких раковин попадается, в которых жемчужин нет!

— Одно су! Ничего не скажешь, справедливый дележ! Это просто отвратительно!

Несколько минут мы молчали, потом капитан сказал:

— Итак, решено, профессор: вы с вашими товарищами посетите Манарскую мель, и если туда уже прибыл какой-нибудь нетерпеливый искатель жемчуга, мы увидим, как он будет его добывать.

— Решено, капитан.

— Кстати, Аронакс, вы акул не боитесь? — Акул? — вскрикнул я.

Вопрос этот показался мне неуместным.

— Да, акул, — повторил капитан Немо. — Не боитесь?

— Говоря откровенно, капитан, я еще не освоился с этим родом рыб.

— А мы уже привыкли к ним. — отвечал капитан Немо. — Со временем освоитесь и вы. Да к тому же мы примем все меры предосторожности и будем вооружены. Может быть, по дороге удастся поохотиться на какую-нибудь зубастую неприятельницу. Охота на акул очень интересна. Ну так до завтра, профессор. Завтра будьте готовы пораньше.

С этими словами капитан раскланялся со своей обычной любезностью и ушел.

Если вас приглашают охотиться на медведя в швейцарских горах, вы можете сказать: «Очень хорошо, завтра пойдем на медведя!» Когда вас приглашают охотиться на льва в атласских долинах или на тигра в индийских джунглях, вы можете ответить: «А! Так мы идем на тигра или льва!» Но когда вас приглашают поохотиться на акул в их родной стихии, вы, прежде чем ответить, должны потратить несколько минут на размышление.

Что касается меня, то я, признаюсь, сильно струсили. На лбу у меня выступили капельки холодного пота.

«Обдумай хорошенько! — сказал я самому себе. — Спешить некуда. Охотиться за морскими выдрами, как мы охотились в лесах острова Креспо, — это еще ничего. Но бродить по морскому дну, когда знаешь, что того и гляди появится зубастая красавица, — дело другое. Я знаю, что в некоторых местах, например на Андаманских островах, негры, не задумываясь, нападают на акул с кинжалом в одной руке и петлей в другой, но я знаю также, что многие из этих смельчаков отправляются к праотцам. К тому же я не негр, да если бы я даже был негром, то небольшое колебание в подобном случае мне можно простить».

Я стал размышлять об акулах, мне представлялись их громадные челюсти, вооруженные многочисленными рядами зубов, — челюсти, которые могут перекусить человека пополам. Думал я, думал и додумался до того, что уже начал чувствовать боль в пояснице.

Кроме того, меня возмущала беспечность, с какой капитан Немо пригласил меня на эту охоту. Я не мог примириться с его спокойствием. Со стороны можно было подумать, что он пригласил поохотиться на какую-нибудь безобидную лисицу!

Утешал себя я тем, что Консейль, видимо, не захочет идти и его отказ избавит меня от этой приятной прогулки. Что касается Неда Ленда, то я не был уверен в его благородстве. Опасность всегда его не отталкивала, а привлекала. И чем опасность была больше, тем привлекала сильнее.

Я попробовал опять читать книгу Сирра, но перелистывал я ее теперь машинально. Между строк мне виделись зубастые разверстые пасти.

Вдруг вошли Консейль и Нед Ленд, спокойные и даже веселые. Вероятно, они еще не знали, на какое веселье их пригласили!

— А я вам скажу, профессор, — начал Нед Ленд, — что этот капитан Немо — чтобы ему провалиться! — сделал нам сейчас любезное предложение...

— А! — перебил я. — Вы уж знаете...

— С позволения их чести, — сказал Консейль, — капитан Немо нам сказал: «Приглашаю вас посетить завтра, вместе с профессором, знаменитые цейлонские жемчужные промыслы». Он сказал это очень учитиво, очень ласково и показал себя настоящим джентльменом.

— Больше он вам ничего не сказал?

— Ничего, — ответил канадец, — только прибавил, что он вам уже говорил про эту прогулку.

— Он точно мне говорил... и он ничего вам не сказал об одном обстоя...

— Ничего, профессор, ничего. Что ж, вы согласны?

— Я-то? Разумеется... Я вижу, что вы всем этим очень довольны, Ленд.

— О, это очень занятно, профессор!

— И очень, может быть, опасно! — заметил я с ударением.

— Опасно! — вскрикнул Нед Ленд. — Нашли опасность!

Побывать там, где ловят жемчуг, что ж тут такого?

Очевидно, капитан Немо не счел нужным сказать моим товарищам об акулах. Я встрепененно смотрел на них, и мне казалось, что у них уже недостает руки или ноги.

Должен ли я их предупредить или нет? Разумеется, должен, но как это сделать лучше?

— С позволения их чести, — сказал Консейль, — я бы послушал историю о том, как добывают жемчуг. Я бы хотел, чтобы их честь изволили поподробнее рассказать про ловлю жемчуга.

— Рассказать тебе про саму ловлю, Консейль, — спросил я, — или про разные случаи?..

— Про ловлю, про ловлю! — перебил канадец. — Если хочешь отправиться в путь, так прежде нужно узнать дорогу.

— Ну так садитесь, друзья мои, и я вам расскажу все, что сам вычитал в книге англичанина Сирра.

Нед и Консейль уселись на диван, и тотчас же канадец задал мне вопрос:

— Профессор, что такое жемчужина?

— Любезный друг, — отвечал я ему, — поэт называет жемчужину слезой моря, восточные народы считают жемчужину отвердевшей каплей росы, для женщин — это украшение, небольшой камень овальной формы с перламутровым блеском, который они носят на шее, в ушах или на пальцах, для химики — смесь фосфорнокислой соли и углекислого кальция, и, наконец, для натуралиста — это просто болезненный нарост внутри некоторых двустворчатых раковин, представляющий собой шаровидный наплыв перламутра внутри мягкой ткани мантии моллюска.

— Класс моллюски двустворчатые, или безголовые, — сказал Консейль.

— Точно так, Консейль, — ответил я ему. — Ну, вот между этими моллюсками, способными образовывать жемчужины, кроме настоящей морской жемчужницы, есть пинны, морские ушки, турбо, тридакны — одним словом, все выделяющие перламутр, то есть орга-

ническое вещество, отливающее голубым, голубоватым, фиолетовым, розовым или белым блеском, устилающее внутренность их створок.

— Значит, и съедобные ракушки тоже могут производить жемчуг? — спросил канадец.

— Да. Например, ракушки, которые водятся в некоторых водах Шотландии, Уэльса, Ирландии, Саксонии, Богемии и Франции.

— Ну это хорошо, что вы сказали, я теперь на эти воды буду глядеть повнимательнее, если случится там побывать.

— Главным образом производит жемчуг моллюск, известный под названием жемчужница, *meleagrina margaritifera*, — драгоценная перловка. Жемчужина — это не что иное, как перламутровое сгущение сферической формы. Оно или прилепляется к створкам, или пристает к самому моллюску. На створках жемчужина прилеплена крепко, а на моллюске она только чуть держится. Но у нее всегда есть ядро — инородное тело, песчинка или паразит, попавшее в раковину или ткань моллюска. Вокруг него и нарастает перламутровое вещество в продолжение многих лет тонкими концентрическими слоями.

— Много находят жемчужин в одной раковине? — спросил Консейль.

— Много, друг мой. В некоторых раковинах попадается по целому ожерелью. Говорят, что когда-то была найдена раковина, где было сто пятьдесят акул.

— Акул? — вскрикнул Нед Ленд.

— Разве я сказал «акул»? — вскрикнул я, смущившись. — Неужели я сказал «акул»? Я хотел сказать — жемчужин. При чем здесь акулы? Это не имеет никакого смысла!

— Их честь это справедливо изволили сказать, — ответил Консейль. — А теперь, с позволения их чести, желательно бы узнать, каким способом вынимают жемчужины.

— Есть много разных способов. Часто, когда жемчужины чересчур крепко пристали к створкам, так их вырывают щипчиками. Обычно же раскладывают раковины на плетеных циновках из испанского драка, который растет по берегам. Моллюски умирают на воздухе и через десять дней уже находятся в требуемом состоянии разложения. Тогда раковины погружают в огромные резервуары с морской водой, потом открывают и промывают. Самые крупные жемчужины выбирают вручную. Затем начинается работа сортировщиков. Прежде всего они отделяют перламутровые пластинки, известные под названием «настоящей серебристой», «белого дичка» и «черного дичка», и раскладывают их по ящикам весом от ста двадцати до ста пятидесяти килограммов. Потом они вынимают из раковин ноздреватое вещество — паренхиму, кипятят его и процеживают, чтобы извлечь самые мелкие жемчужинки.

— Как же ценятся эти жемчужины — по величине? — спросил Консейль.

— Не только по величине, — отвечал я, — но и по форме, по цвету, по блеску, по игре. Самые ценные жемчужины те, которые образуются в ткани самого моллюска, поодиночке. Они обыкновенно бывают белые, большей частью непрозрачные, но иногда попадаются такие, которые отличаются какой-то особой, опаловой прозрачностью. Они или шаровидные, или грушевидные. Из шаровидных делают браслеты, а из грушевидных — подвески. Грушевидные встречаются реже и поэтому продаются дороже и поштучно. Жемчужины, которые снимают с раковин, имеют неправильную форму и продаются на вес. Наконец, есть еще низший сорт жемчуга, мелкие жемчужинки, известные под названием «бисер». Этот жемчуг продается мерками и идет большей частью на вышивание церковных покровов и украшений.

— А ведь отбирать крупный жемчуг от мелкого — работа долгая и трудная! — сказал Консейль.

— Нет, Консейль, вовсе не такая долгая и трудная, как ты полагаешь. У сортировщиков есть особые сита. Дырочки на них различной величины, и всего их одиннадцать номеров. Самый крупный жемчуг остается в сите, где имеется от двадцати до восьмидесяти дырочек, — это самый первый сорт. Второй сорт жемчуга остается на решете, в котором от ста до

восьмисот дырочек. Наконец, третий сорт остается на решете, имеющем до тысячи отверстий.

— Хитро придумано! — сказал Консейль. — А какой, с позволения их чести, получается доход с этой жемчужной ловли?

— Если верить книге Сирра, так цейлонские жемчужные поля ежегодно приносят три миллиона акул.

— Акул!.. — вскрикнул Нед Ленд.

— Франков, с позволения их чести, — заметил Консейль.

— Да, франков! Три миллиона франков, — поправился я. — Но я думаю, что все-таки теперь жемчужные промыслы приносят меньше, чем прежде. Да вот вам пример: американские жемчужные промыслы приносили в царствование Карла V четыре миллиона франков, а теперь всего две трети этой суммы. Общий доход с жемчужной ловли можно оценить в девять миллионов ежегодно.

— А вот я слышал, с позволения их чести, что бывали такие жемчужины, которые очень высоко ценили! — сказал Консейль.

— Бывали, Консейль. Говорят, Цезарь подарил Сервилии жемчужину, которая стоила сто двадцать тысяч франков на наши деньги.

— А я так слыхал, что одна дама растворяла жемчуг в уксусе и пила, — сказал Нед Ленд.

— Клеопатра! — заметил Консейль.

— Чего только эти штучки не выдумают! Ведь у такого жемчужного напитка, должно быть, кошмарный вкус! — сказал Нед Ленд.

— Разумеется, Нед, — отвечал Консейль, — верно, и она не находила в нем ничего хорошего, зато ей было лестно, что она может выпить рюмочку такого уксуса, который стоит сто пятьдесят тысяч франков.

— Очень мне жаль, что не я женился на этой лакомке, — сказал канадец, делая такое движение рукой, которое без слов выражало его мысль.

— Вы? — вскричал Консейль. — Вы — муж Клеопатры!

— Что ж? — отвечал канадец. — Ничего, можете смеяться. Я ведь собирался один раз жениться, и если не женился, так это не моя вина. Я даже купил невесте жемчужное ожерелье — ее звали Кэт Тендер, невесту, — только она вышла за другого. А знаете, сколько я заплатил за эти бусы? Жемчуг был крупный, — такой крупный, что одна жемчужина не прошла бы и в двадцатидырочное решето! Я заплатил за них всего-навсего полтора доллара!

— Дружище Нед, — ответил я, смеясь, — вы купили искусственный жемчуг, простые стеклянные шарики, намазанные жемчужной эссенцией!

— Что ж, эта эссенция, надо полагать, дорого стоит?

— Ничего не стоит! Это просто серебристое вещество с чешуи рыбы уклейки, растворенное в азотной кислоте. Оно ничего не стоит!

— Может, поэтому Кэт Тендер и вышла за другого! — сказал канадец со спокойствием философа.

— Да, вот мы говорим про дорогие жемчуга, а я и забыл сказать, что у капитана Немо есть диковинная жемчужина.

Я полагаю, что подобной никогда и никто не имел.

— Вот эта? — спросил Консейль, указывая на великолепный перл под стеклом.

— Она самая, — ответил я. — Могу сказать, что она стоит два миллиона...

— Франков? — поспешил подсказать Консейль.

— Да, два миллиона франков, — повторил я. — А капитану, вероятно, стоило только потрудиться поднять ее!

— А может быть, завтра и мы наткнемся на такую же! — вскрикнул Нед Ленд.

— Ну вот у вас и бредни, Нед! — сказал Консейль.

— Да почему же нам не найти, Консейль? Ведь находили же другие! — настаивал Нед Ленд.

— И зачем нам здесь, на «Наутилусе», понадобятся миллионы? — спросил Консейль.

— Здесь не понадобятся, так понадобятся, когда мы будем в другом месте!

— В другом месте! — произнес Консейль и покачал головой в знак того, что он очень сомневается, что мы будем когда-нибудь «в другом месте».

— Что ж, — сказал я, — Нед отчасти прав. А знаете, если бы мы в самом деле привезли в Европу жемчужину за несколько миллионов, так это придало бы большую достоверность нашим рассказам и большую цену нам самим.

— Я полагаю, что так, — ответил канадец.

— А что, с позволения их чести, ловля жемчуга очень опасна? — спросил Консейль.

— Нет, — оживился я. — Нет... если принять кое-какие меры предосторожности...

— А мне кажется, тут нет никакой опасности, — сказал Нед Ленд. — Рискуешь хлебнуть два-три лишних глоточка морской воды, вот и все.

— Разумеется, Нед, — сказал я, стараясь подражать беспечному тону капитана Немо. — А что, вы не боитесь акул, Нед?

— Я? — ответил канадец. — Знаменитому гарпунеру да бояться акул! Плевать мне на них!

— Да ведь тут дело не в том, чтобы бросить в акулу гарпун, зацепить ее багром, втащить на борт, отрубить ей хвост, выпотрошить, вынуть сердце и бросить его в море! — Значит, придется... — Именно!

— В воде?

— В воде!

— Ну что ж, лишь бы хороший гарпун в руки, так все пойдет как по маслу. Вы знаете, профессор, эти твари неловкие животные. К примеру, хотят они вас схватить, так им непременно надо сначала перевернуться, а вы тем временем...

Нед Ленд как-то так произнес слово «схватить», что меня мороз пробрал по коже.

— Ну а ты, Консейль, — спросил я своего верного слугу, — ты что об этом думаешь?

— Я, с позволения их чести, буду говорить прямо, без утайки...

Я решил, что Консейль отказывается идти, и у меня отлегло от сердца.

— Коли их честь решается идти, так почему бы не пойти и мне, верному слуге их чести?

Я пойду.

Глава третья Жемчужина ценой в десять миллионов

Наступила ночь, и я лег спать. Спал я довольно плохо. Акулы играли главную роль в моих сновидениях.

На следующий день в четыре часа утра меня разбудил матрос, приставленный ко мне капитаном Немо. Поспешно вскочив и одевшись, я пошел в салон, где меня уже ждал капитан Немо.

- Аронакс, – сказал он мне, – вы готовы в путь?
- Я готов, капитан.
- Не угодно вам ли в таком случае следовать за мной?
- А мои товарищи, капитан?
- Они уже ждут нас, профессор.
- А мы не наденем скафандры, капитан?

– Пока нет. «Наутилус» не очень близко подошел к берегу, и Манарская мель еще находится от нас на порядочном расстоянии. Я распорядился, что мы сядем в шлюпку, которая доставит нас как раз к отмели. Мы возьмем с собой все свое подводное снаряжение и потом переоденемся.

Мы с капитаном по центральному трапу поднялись на палубу, где стояли Нед Ленд и Консейль. Оба они были в радостном предвкушении от предстоящей прогулки.

Шлюпка качалась у борта, в ней сидело пять матросов с веслами в руках.

Было еще довольно темно. Облака застилали небо, и между ними только изредка проблескивали звезды. Я искал глазами землю, но мог различить на горизонте только темноватую, чуть видную полоску, идущую с юго-запада на северо-запад. «Наутилус» за ночь обогнулся восточный берег Цейлона и находился теперь недалеко от бухты, или, точнее говоря, залива, образуемого островами Цейлон и Манар. Там, под темными водами, лежала жемчужная мель, неистощимое поле жемчужин, простирающееся почти на двадцать миль в длину.

Капитан Немо, я, Консейль и Нед Ленд сели в шлюпку. Рулевой взялся за руль, матросы взмахнули веслами, и мы отчалили. Шлюпка направилась к югу. Гребцы не торопились. Я заметил, что весла их ударяли по воде один раз в десять секунд, как принято на военном флоте. Шлюпка легко скользила по волнам, с весел скатывались водяные брызги и падали на темную поверхность воды, как растопленное олово. Море чуть-чуть волновалось, и шлюпку слегка покачивало.

Мы все молчали. О чем думал капитан Немо? Может, о земле, к которой мы приближались? Может быть, он уже жалел, что поехал?

Что касается Неда Ленда, то он едва мог усидеть на месте от нетерпения. Консейль был, по обыкновению, сдержан, хотя с любопытством вглядывался в слабо различимую полоску земли на горизонте.

Около половины шестого небо посветлело, и берег стал виден гораздо лучше.

До этого берега, довольно низменного на востоке и холмистого на юге, еще оставалось миль пять.

Море было пустынно: ни парусов, ни лодок, ни ныряльщиков. Место сбора искателей жемчуга представилось нам глухим уединенным уголком. Впрочем, капитан Немо справедливо заметил, что мы явились сюда на целый месяц раньше срока.

В шесть часов совершенно рассвело. Свет озарил нас мгновенно, как это всегда бывает в тропических странах, где нет ни утренней зари, ни вечерних сумерек. Солнечные лучи вдруг пронзили темную завесу облаков, и лучезарное дневное светило ярко засияло на небосводе. Я теперь очень ясно видел землю, на которой кое-где росли деревья.

Шлюпка приблизилась к острову Манар. Капитан Немо встал со скамьи и стал пристально вглядываться в прибрежные воды. Потом он подал знак матросам, и они тотчас бросили якорь.

— Здесь глубина-то не особенная, — сказал Нед Ленд, — всего метр, а может, и того меньше.

— Мы пристали там, где дно особенно высокое, — ответил капитан Немо, — в других местах гораздо глубже.

— Ну, Консейль! — крикнул Нед Ленд. — Теперь мы погуляем!

— Вот мы и приехали, Аронакс, — сказал мне капитан Немо. — Видите эту бухту? Она как будто огорожена со всех сторон. Через месяц здесь соберется множество лодок с ловцами жемчуга, и тысячи людей станут целыми днями нырять за «драгоценными перлами». Полезная работа, нечего сказать! И благодарная тоже! По счастью, эта бухта защищена горами от сильных ветров, и море здесь никогда не штормит, что очень благоприятно для ныряльщиков. Теперь, если вам угодно, мы наденем свои скафандры и отправимся на прогулку.

Я ничего не ответил и начал одеваться, все время поглядывая на подозрительные воды. Капитан Немо, Консейль и Нед Ленд тоже одевались.

Кроме самого капитана, никто с «Наутилуса» не участвовал в этой экскурсии.

Скоро мы очутились в резиновых «футлярах», и на спину нам повесили баллоны со сжатым воздухом. Однако фонарь Румкорфа не было, и я сказал об этом капитану.

— Фонари нам не понадобятся, — ответил капитан Немо. — Мы на большую глубину не пойдем, значит, солнечные лучи будут хорошо освещать нам дорогу. Да и неосторожно было бы брать с собой электрический фонарь: как раз его свет может привлечь какого-нибудь характерного местного обитателя.

Пока капитан говорил, я обернулся, чтобы посмотреть на Неда и Консейля, но они оба уже надели металлические шлемы и не могли ни слышать нас, ни говорить.

— А где же наши ружья, капитан? — спросил я.

— Зачем нам ружья, профессор? — отвечал он. — Ведь горцы ходят же на медведя с кинжалом в руках! Разве сталь не надежнее свинца? Вот отличный клинок! Прицепите его к поясу — и вперед!

Я посмотрел на своих товарищей. Они тоже были вооружены «сталью». Кроме того, у Неда Ленда был в руках огромный гарпун, которым он с удовольствием размахивал.

Мы с капитаном надели шлемы и привели в действие дыхательные аппараты. Через минуту мы очутились на глубине полтора метра и стояли на песчаном ровном дне. Капитан Немо сделал нам знак следовать за ним. Мы пошли по пологому спуску, и вскоре волны накрыли нас с головой.

Тут я вдруг успокоился. Все мои тревоги и страхи рассеялись, и я забыл про всех акул на свете.

Солнечные лучи, проникая сквозь прозрачную воду, достаточно ясно освещали морское дно. Были видны даже малейшие раковинки. Мы шли минут десять и были уже на глубине пяти метров; дно становилось ровнее.

Перед нами, как вспугнутые бекасы, вспорхнула стайка рыб из рода одноперых, имеющих только хвостовой плавник. Я приметил также явансскую змею длиной восемьдесят сантиметров. Брюшко у нее синевато-белесого цвета, и если бы не золотистые полоски на боках, то ее можно бы спутать с морским угрем. Из рода строматид я встретил ярких ленточниц с серповидным спинным плавником. Этих рыб сушат и маринуют; приготовленные таким образом, они очень вкусны.

Солнце поднималось все выше, и лучи его все ярче освещали морские глубины. Грунт мало-мало менялся. Прежде мы шли по мелкому ровному песку, а теперь по какому-то каменистому шоссе, устланному ковром из моллюсков и зоофитов. Между образцами этих

двух особей я заметил устричные раковины, свойственные Красному морю и Индийскому океану, шарообразные раковины оранжевых луцин, семейства сердцевидок, шиловок, персидских багрянок, из которых капитан Немо добывал отличную пурпурную краску, рогатых каменок длиной пятнадцать сантиметров, которые словно вытягивали руки, готовые вас схватить, роговидных кубаревиков, покрытых шипами, двустворчатые раковины лингул, съедобных моллюсков, светящихся пелагий и, наконец, бесподобных веерообразных глазчаток.

Посреди этих зоофитов под сенью водорослей копошились членистоногие. Особенно много было ракообразных с панцирем, имеющим вид несколько выпуклого трехугольника, — раков-отшельников, свойственных этим водам, и отвратительных, страшных партеноп из семейства треугольных крабов.

Мне не раз попадалась еще одна противная тварь — громадный краб, которого описал Дарвин. Этот краб питается кокосовыми орехами. Он карабкается на прибрежные пальмы, сталкивает кокос, который при падении трескается, и раскрывает его своими мощными клемшнями. Здесь, в прозрачной воде, этот великан бегал с изумительным проворством. Он составлял совершенную противоположность морским черепахам, которые медленно передвигались между скал.

Около семи часов мы наконец достигли отмели, где жемчужницы встречались целыми миллионами. Эти драгоценные моллюски прикрепляются к скалам с помощью прочных коричневатых волокон — биссуса, что не позволяет им передвигаться с места на место.

Раковины жемчужницы имеют округлую форму, толстые, почти ровные створки и очень ребристую поверхность. Некоторые раковины были исчерченены зеленоватыми полосками, которые лучеобразно расходились от верхушки. Это были молодые раковины. Другие — твердые, почерневшие, лежали здесь, вероятно, лет десять, а может, и больше, и имели до пятнадцати сантиметров в ширину.

Капитан Немо указал мне на это невероятное скопление раковин, и я понял, что сокровищница в самом деле неистощима: творческая сила природы превосходит инстинкт разрушения, которым одарен человек! Нед Ленд, верный этому инстинкту разрушения, поспешно хватал самых лучших моллюсков и набивал ими сетку, висевшую у его пояса.

Но надолго останавливаться было нельзя. Надо было идти следом за капитаном, который, казалось, вел нас по знакомой ему дороге.

Дно начало заметно подниматься, иногда я поднимал руку вверх, и рука моя высвечивалась над поверхностью моря. Затем вдруг под ногами оказывалась глубокая впадина. Часто приходилось обходить высокие утесы, похожие на остроконечные пирамиды. В темных расщелинах сидели огромные ракообразные с неподвижными глазами. А под нашими ногами копошились нереиды, глициеры, ариции и другие кольчатые, которые вытягивали свои щупальца и длинные усики.

Вдруг перед нами возник огромный грот между живописно нагроможденных скал, устланных всеми произведениями морской флоры. В первую минуту грот этот показался мне очень темным. Солнечные лучи, казалось, здесь угасали.

Капитан Немо вошел в грот, и мы вошли за ним следом. Я скоро освоился с относительной темнотой этого места и начал различать окруженный купол свода, который поддерживался толстыми гранитными столбами, напоминающими тяжелые колонны тосканской архитектуры.

Зачем наш таинственный капитан привел нас в эту подземную пещеру?

Мы спустились по довольно крутому склону и очутились на дне какого-то круглого колодца. Здесь капитан Немо остановился и указал на предмет, который я сразу не заметил. Это была раковина необычайной величины, гигантская тридакна, или кропильница, куда

вошло бы целое озеро святой воды. Она имела более двух метров в диаметре, значит, была еще больше той, которая украшала салон на «Наутилусе».

Я приблизился к этому невероятному моллюску. Он прикреплялся своим биссусом к гранитному пласту и развивался здесь в одиночестве в спокойных водах грота. По моим соображениям, тридакна эта весила около трехсот килограммов. В такой раковине, вероятно, было около пятнадцати килограммов мякоти. Дюжину подобных устриц не одолел бы и самый знаменитый обжора – Гаргантюа!

Капитан Немо, очевидно, знал о существовании этой двустворчатой раковины и не в первый раз посещал грот. Я думал, что он пришел сюда для того, чтобы показать нам это чудо природы, но я ошибся.

Капитан пришел сюда и по своему делу. Створки моллюска были полуоткрыты. Капитан подошел и осторожно вложил кинжал между створками, чтобы они не закрылись, потом приподнял бахромчатый край мантии.

Я увидел там жемчужину величиной с кокосовый орех. Жемчужина эта была безупречно круглой, чистейшей воды, бесподобной игры и блеска – одним словом, сокровище. В порыве любопытства я протянул руку и хотел ее схватить, взвесить, пощупать, но капитан Немо меня остановил, сделав отрицательный знак, и быстро вынул лезвие кинжала из раковины. Створки тотчас же закрылись.

Я тогда понял замысел капитана Немо. Он оставлял здесь эту жемчужину для того, чтобы она постепенно увеличивалась. С каждым годом выделения моллюска прибавляли к ней новые концентрические слои. Капитан один знал, где «зреет» этот удивительный плод, он его воспитывал, так сказать, а со временем, вероятно, хотел перенести его в свой роскошный музей.

Могло быть и так, что капитан Немо, по примеру китайцев и индусов, сам подготовил образование этой жемчужины, положив в складки мантии моллюска бусинку из стекла или шарик из металла, который мало-помалу и покрылся перламутром.

Как бы то ни было, приравняв эту жемчужину ко всем прежде виденным, я решил, что она стоит не менее десяти миллионов франков.

Это было изумительное произведение природы, неоценимая драгоценность, но как украшение эта жемчужина не годилась: никакое ухо не могло бы выдержать ее тяжесть.

Надо было расстаться с тридакной. Капитан Немо вышел из грота, и мы опять пошли к жемчужной отмели сквозь воды, еще не взбаламученные ловцами жемчуга, прозрачные и спокойные.

Мы шли довольно далеко друг от друга, каждый из нас останавливался или шел в сторону по своему усмотрению. Я не только не боялся теперь, но даже подсмеивался над своими прежними страхами. Подводная гора вела нас к поверхности моря, и скоро моя голова высунулась из воды.

Консейль подошел ко мне и, приставив свой металлический шлем к моему, приветствовал меня каким-то странным, даже несколько диким движением, которым, вероятно, хотел выразить свои дружеские чувства.

Но плоскогорье, на которое мы вышли, простипалось всего на несколько метров, и скоро мы снова скрылись под водой, вступив в свою стихию. Я полагал, что имею уже право называть эту стихию своей?

Мы шли уже минут десять, как вдруг капитан Немо остановился. Я подумал, что он хочет вернуться назад, но ошибся. Он сделал нам знак войти в расщелину скалы, вошел сам и указал мне наверх.

Я посмотрел. В пяти метрах от меня появилась какая-то тень, мелькнула и опустилась на дно. Тревожная мысль об акулах мелькнула у меня в голове. Но нет, это не акула. Это был человек, живой человек, индус, бедняк, которого, вероятно, нужда заставила начать

ловлю жемчуга раньше времени. Я видел дно его лодки, привязанной к скале в нескольких футах над его головою. Он то погружался в воду, то выплывал. Между ног он сжимал камень в форме конуса, привязанный веревкой к лодке, этот камень помогал ему быстрее погружаться. Это было его незамысловатое снаряжение.

Опустившись на дно, метров на пять, он выпускал камень, бросался на колени и торопливо кидал в свой мешок попадавшиеся под руку раковины, потом выплывал, опорожнял мешок, вытягивал из воды камень и снова начинал ту же операцию, продолжавшуюся всего секунд тридцать.

Этот человек нас не видел. Мы притаились за выступом скалы. Да бедняге и в голову не могло прийти, что люди, живые люди находятся под водой и наблюдают за ним.

Много раз он погружался и всплывал, всплывал и погружался. Он захватывал не больше десятка раковин за один раз, потому что их надо было отрывать от скалы, к которой они крепко пристали. И сколько этих раковин были пустыми!

Я внимательно следил за ним. Он все нырял и вспыпал, и мне уже начинало это нырянье надоедать, как вдруг индус, стоявший на коленях, содрогнулся, вскочил и сделал попытку всплыть.

Я понял его испуг. Гигантская тень появилась над головой несчастного ныряльщика. Это была огромная акула. Она плыла прямо на него с открытой пастью.

Я замер от ужаса и словно прирос к месту.

Страшная тварь немного приостановилась, а затем ринулась на индуса. Индус успел отскочить в сторону и увернулся от ее зубов, но она ударила его хвостом в грудь, и он упал.

Все это произошло в несколько мгновений. Акула снова направилась к индусу, перевернулась на спину... Я подумал, что сейчас она перекусит его пополам. В эту минуту капитан Немо выхватил свой кинжал и пошел навстречу чудовищу.

Акула тотчас же увидела нового противника и кинулась на него. Капитан с изумительным проворством отскочил в сторону, увернулся от удара и всадил ей в брюхо кинжал по самую рукоятку. Но битва этим еще не окончилась. Завязалась страшная борьба.

Акула испустила что-то похожее на рыканье. Кровь лила ручьем из ее раны. Море окрасилось алым цветом, и я несколько секунд ничего не видел. Когда вода очистилась, мы увидели, что неустрашимый капитан Немо повис на плавнике акулы, нанося ей в брюхо рану за раной, но все-таки не может нанести окончательный удар, то есть не может попасть в самое сердце. Растрескавшаяся акула билась со страшной силой и так колыхала воду вокруг себя, что я едва мог устоять на месте.

Я хотел броситься на помощь капитану, но от волнения, ужаса и страха не мог сделать ни шагу и только смотрел в полной растерянности на этот поединок.

Вдруг капитан Немо упал, опрокинутый тяжестью огромной туши. Пасть акулы раскрылась... И все было бы кончено для капитана, если бы в эту минуту ловкий Нед Ленд с гарпуном в руке не подскочил к акуле и не ударил бы ее как следует.

Волны снова потемнели от хлынувшей крови. Акула бешено забилась в агонии. Нед Ленд не промахнулся: попал прямо в сердце. Акула билась в предсмертных конвульсиях, описывая круги среди вспененной воды. Волны были такие сильные, что опрокинули Консейля.

Тем временем Нед Ленд освободил капитана из-под чудовища. К счастью, капитан не был ранен. Он встал, кинулся к индусу, проворно перерезал веревку, которая привязывала несчастного к камню, обхватив его руками, оттолкнулся от дна и выплыл на поверхность. Мы всплыли за ним следом и через несколько секунд достигли лодки ныряльщика.

Первой заботой капитана было привести индуса в чувство. Я очень сомневался, что это ему удастся, правда, индус недолго пробыл под водой, но акула ударила его хвостом, и

удар мог быть смертельным. Капитан и Консейль принялись растирать утопленника, и он постепенно начал приходить в чувство и открыл глаза.

Каково должно было быть его изумление, даже испуг, когда он увидал склонившиеся над ним четыре металлические головы!

Особенно, надо полагать, он удивился, когда капитан Немо вынул из кармана мешочек с жемчугом и подал ему. Индус принял этот дар дрожащими руками. По его испуганному лицу можно было видеть, что он не мог сообразить, что это за сверхъестественные существа его окружили.

Капитан сделал нам знак, и мы направились обратно к жемчужной отмели и потом по знакомой дороге шли до нашей шлюпки.

Мы сняли с помощью матросов свои тяжелые скафандры и сели в шлюпку.

Первые слова капитана Немо были обращены к канадцу:

– Спасибо, мистер Ленд.

– Не за что, капитан, – ответил канадец. – Это был мой долг.

Легкая, чуть заметная усмешка мелькнула на губах капитана Немо.

– К «Наутилусу»! – приказал он.

Шлюпка полетела по волнам. Через несколько минут мы увидали труп акулы, выплыvший на поверхность. По черной оторочке плавников я узнал страшную акулу-людоеда Индийского океана. Она была более двадцати пяти футов в длину, а огромная пасть занимала треть ее тела.

– Это не молоденькая акула, – сказал Нед Ленд, – уже взрослая. Видите зубища-то? Целых шесть рядов зубов в форме треугольника торчат на верхней челюсти.

Консейль страстными глазами впился в акулу и (я это очень хорошо видел) мысленно причислял ее к подклассу пластиноjabерных класса хрящевых рыб, надотряду акул.

Пока мы рассматривали эту тушу, около дюжины других прожорливых акул выплыли на поверхность. Но на нас они не обратили внимания, а набросились на своего безжизненного ближнего и начали рвать его на куски.

В половине девятого мы уже были на «Наутилусе».

Я долго размышлял о том, что случилось во время нашей экскурсии на Манарскую отмель.

Что за человек этот капитан Немо! Какова отвага, какова ловкость, каково хладнокровие! Он говорит, что отрекся от человеческого общества, ненавидит людей, – но все это одни слова! Ему не удалось убить в себе чувство сострадания. При первом же случае он бросается спасать человека, рискуя своей собственной жизнью!

– А ведь вы себе противоречите, капитан, – сказал я.

– В чем противоречу?

Я высказал ему свое мнение.

Он ответил мне несколько взволнованным голосом:

– Этот индус – житель угнетенной страны, профессор, а я за угнетенных. Я всегда был и до последнего вздоха буду их защитником!

Глава четвертая Красное море

29 января мы потеряли из вида остров Цейлон, и «Наутилус», идя со скоростью двадцать миль в час, вступил в лабиринт каналов, отделяющих Мальдивские острова от Лаккадивских. Он прошел мимо острова Киттан; этот остров кораллового происхождения, открытый Васко да Гама в 1499 году, – один из главных девятнадцати островов Лаккадивского архипелага, лежащего между 10° и $14^{\circ}30'$ северной широты и 69° и $50^{\circ}72'$ восточной долготы.

Мы прошли, значит, шестнадцать тысяч двести двадцать миль, или семь тысяч пятьсот лье с тех пор, как выплыли из Японского моря.

На следующий день, 30 января, когда «Наутилус» всплыл на поверхность океана, уже не было никакой земли в виду.

«Наутилус» направлялся на север-северо-запад, к Оманскому заливу, который находится между Аравией и Индийским полуостровом и служит входом в Персидский залив.

Куда же вел нас капитан Немо?

Я никак не мог этого сообразить, и моя несообразительность не нравилась Неду Ленду.

– Куда его несет? – повторял он с неудовольствием. – Куда мы плывем?

– Туда плывем, Нед, куда угодно капитану, – отвечал я.

– Ох уж мне этот капитан! Ну куда нас он мчит? А впрочем, не дальше Персидского залива, если мы туда войдем, так скоро повернем обратно!

– Ну что же, Нед, повернем так повернем. А если из Персидского залива «Наутилус» пойдет в Красное море, так к его услугам Баб-эль-Мандебский пролив, – отвечал я.

– Позвольте, профессор, – горячо возразил Нед Ленд, – ведь Красное море, как и Персидский залив, не имеет другого выхода! Ведь Суэцкий перешеек еще не прорыт! Да и будь он прорыт, так такое секретное судно, как «Наутилус», не пойдет по каналам, где на каждом шагу все шлюзы и шлюзы. Значит, Красное море не приведет нас в Европу!

– Да разве я вам говорил, что мы идем в Европу?

– Так куда ж мы пойдем? Что вы об этом думаете?

– Я думаю, что «Наутилус» посетит любопытные берега Аравии и Египта, спустится по Индийскому океану, может, через Мозамбикский пролив, может, мимо Маскаренских островов и достигнет мыса Доброй Надежды.

– Ну а когда достигнем мыса Доброй Надежды, тогда что?

– А тогда мы, может быть, выйдем в Атлантический океан. Это было бы отлично! Атлантический океан почти неизвестен... Послушайте, Нед, неужели вам уже надоело подводное путешествие? По-моему, это так увлекательно!.. Я бы очень огорчился, если бы меня сейчас высадили на какой-нибудь берег.

– Да знаете ли вы, господин Аронакс, что вот уже скоро три месяца, как мы в плену на этом «Наутилусе»?

– Не знаю, Нед, и не хочу знать! Я здесь не считаю ни дней, ни часов!

– Да чем же все это кончится?

– Всему свое время. Да из-за чего мы спорим? Мы ведь ничего не можем сделать, значит, всякие споры бесполезны и ни к чему не ведут. Если бы вы мне сказали: «Вот я нашел способ побега!», тогда еще можно было бы поговорить, но у вас ничего нет. Знаете что? Говоря откровенно, я не думаю, что когда-нибудь капитан Немо рискнет пойти в европейские моря.

Мы еще долго говорили в таком духе. Наконец Нед Ленд оборвал разговор такими словами:

– Нет, профессор, если меня держат на привязи, так никакое удовольствие мне не в радость!

В продолжение четырех дней, до 3 февраля, «Наутилус» плыл по Оманскому заливу с разной скоростью и на различной глубине. Казалось, он не знает дороги, идет на ощупь или колеблется в выборе пути. Я, однако, заметил, что он не пересекал тропик Рака.

Выходя из Оманского залива, мы увидели Маскат, главный город Омана. Город этот построен среди черных скал, на их фоне резко выделялись белые дома и крепость. Я различил выпуклые купола мечетей, изящные шпили минаретов и зеленеющие террасы, спускавшиеся к самому морю. Но я едва успел на все это полюбоваться: «Наутилус» вскоре погрузился в темные глубины.

Мы проплыли, держась в шести милях, вдоль аравийских берегов. Берега эти были местами гористы, и на горах виднелись иногда развалины древних храмов.

5 февраля мы наконец вошли в Аденский залив. Этот залив можно сравнить с воронкой, которая вставлена в горлышико Баб-эль-Мандебского пролива, чтобы воды Индийского океана вливались в воды Красного моря.

6 февраля «Наутилус» шел в виду города Адена.

Город Аден гнездится на скале, далеко выдающейся в море и соединенной с континентом узким перешейком, как настоящий аравийский Гибралтар. В 1839 году им завладели англичане, укрепили его, и теперь он превратился в неприступную крепость. Я различил восьмиугольные минареты и вспомнил, что когда-то, если верить историку Эдризи, этот город был самым оживленным и богатым торговым пунктом на побережье.

Я думал, что капитан Немо, дойдя до этих мест, повернет назад, но, к величайшему моему изумлению, он не повернулся!

На следующий день, 7 февраля, мы вошли в пролив Баб-эль-Мандеб, что значит на арабском языке «Врата слез». При ширине двадцать миль пролив имеет длину всего пятьдесят два километра. «Наутилус» на полном ходу за один час пролетел это пространство. Но мне ничего не удалось увидеть.

Я не увидел даже острова Перим, который тоже принадлежит англичанам. Множество французских и английских пароходов сновали по проливу. Одни шли из Калькутты, другие – в Мельбурн, третьи – из Суэца в Бомбей или на Мадагаскар, так что «Наутилус» не мог показаться на поверхности и держался под водой.

Наконец, в полдень мы вступили в воды Красного моря.

Красное море, о котором так часто упоминается в библейских преданиях, вот оно!

Консейль, как и я, тоже смотрел на него не без волнения. Над этим морем никогда не идут дожди, ни одна река в него не впадает, оно подвержено беспрестанным, очень сильным испарениям и понижается на целых полтора метра в год. Будь это море замкнуто со всех сторон, оно, может статься, совершенно высохло бы.

Красное море имеет две тысячи шестьсот километров в длину и двести сорок в ширину. Во времена Птолемеев и римских императоров оно было, по выражению одного ученого, «главной артерией всемирной торговли». Возможно, открытие Суэцкого канала вернет ему его прежнее значение. Суэцкие железные дороги уже отчасти сделали это.

Я никак не мог понять, зачем капитан Немо вошел в этот залив, но я был этим очень доволен. «Наутилус» шел на небольшой скорости, то выплывая на поверхность океана, то погружаясь, если показывалось какое-нибудь судно на горизонте. И я мог наблюдать это любопытное море и в глубинах, и на поверхности.

8 февраля рано утром мы завидели Мокку. Город этот теперь разорен – говорят, стены его рушатся от одного звука пушечного выстрела. Он казался очень тихим, кое-где среди развалин росли тенистые финиковые пальмы.

Когда-то Мокка тоже имела торговое значение; здесь было шесть рынков, двадцать шесть мечетей, и ее защищали укрепленные стены четырнадцати фортов.

«Наутилус» приблизился к африканским берегам, где море было гораздо глубже, и остановился в прозрачной как стекло воде; и мы могли любоваться бесподобными ярко-красными коралловыми кустарниками и подводными скалами, сплошь устланными мягкими бархатными зелеными коврами из водорослей.

Но самое незабываемое зрелище ожидало нас у восточных берегов, около Тихама. Здесь не только под волнами красовались самые редкие зоофиты, но они образовывали живописные гирлянды и над поверхностью моря, возвышаясь саженей на десять. Они не были такими яркими, как подводные, но формы их отличались еще большей причудливостью.

Сколько приятных часов я провел у иллюминатора! Сколько новых образцов подводных флоры и фауны я видел при свете прожектора!

Тут были и грибовидные кораллы, актинии аспидного цвета, восьмилучевые кораллы, похожие на флейты, мадрепоровые кораллы, свойственные этому морю, наконец, тысячи видов морской губки.

Губка – вовсе не растение, как предполагают еще некоторые натуралисты, но многоклеточное животное примитивного типа. Нельзя даже допустить мнение древних, которые считали губку чем-то средним между растением и животным. Впрочем, естествоиспытатели так и не пришли к согласию насчет строения губок. Одни считают ее колонией микроскопических организмов, а другие – и между этими другими Мильн-Эдвардс – признают ее за отдельное, живущее особняком животное.

Класс губок включает около трехсот видов, которые встречаются почти во всех морях, даже в некоторых реках попадаются пресноводные губки. Но главным образом они водятся в водах Средиземного моря, около греческого архипелага, у берегов Сирии и Красного моря. Там добываются мягкие нежные туалетные губки, которые иногда продаются по сто пятьдесят франков за штуку: сирийская губка, твердая берберийская и др.

Я не мог изучать зоофитов Леванта, от которого мы были отделены Суэцким перешейком, и утешался тем, что наблюдал их в водах Красного моря. Вместе с Консейлем мы смотрели в иллюминатор, пока «Наутилус», держась на глубине от восьми до девяти метров, медленно проплыval мимо живописных подводных утесов восточного берега.

Тут росли всевозможные виды: губки ветвистые, губки листовидные, губки шаровидные и губки лапчатые. Своей формой они оправдывали названия «корзиночек», «чашечек», «прялок», «лосьюго рога», «львиной лапы», «павлиньего хвоста», «нептуновой перчатки», которыми окрестили их рыбаки и ловцы губок. Из их волокнистой ткани, насыщенной полу-жидким студенистым веществом, беспрестанно выделялись тоненькие струйки воды, орошая каждую клеточку, а затем клеточки сжимались и вытесняли оттуда воду. Студенистое вещество разлагается после смерти губки и истлевает, выделяя аммиак. Остаются только роговидные волокна, из которых состоит губка; они постепенно приобретают рыжеватый оттенок и мягкость. По степени своей эластичности, упругости и проницаемости губка употребляется для разных целей.

Губки лепились к подводным скалам, раковинам и даже к стеблям водорослей. Они гнездились в расселинах, стлались, ползли вверх или свисали, как коралловые ветви.

– С позволения их чести, как добывают эти губки? – спросил Консейль.

– Добывают их или черпаком, или вручную, – ответил я. – Для ловли руками надо нырять, но зато губка отрывается осторожнее, ткани ее не портятся, и, следовательно, она ценится дороже.

Вокруг зарослей губок кишили другие зоофиты, преимущественно медузы. Представителями моллюсков были кальмары и каракатицы, которые, по данным д'Орбиньи, харак-

терны для Красного моря. Из пресмыкающихся здесь водились морские черепахи из разряда каретт, которые стали нам к обе ду отличным блюдом.

Что касается рыб, то их попадалось множество, и между ними были весьма замечательные образцы. Наши сети захватывали скатов кирпичного цвета, усеянных неровными голубыми пятнышками, с двойным иглообразным шипом или с серебристой спиной, или с колючим хвостом, аодонов, совсем не имеющих зубов, принадлежащих к отделу хрящевых рыб, кузовков-дромадеров из семейства твердокожих, у которых горб оканчивается загнутым шипом длиной полтора фута, ошибней из семейства угревидных с серебристым хвостовым плавником, голубоватой спиной, фиатол, исчерченных узкими золотистыми полосками и украшенных тремя цветами Франции, великолепных караксов, или толстоголовок, помеченных семью поперечными полосками черного цвета и голубыми и желтыми плавниками, с золотой и серебряной чешуей, султанок с желтыми плавниками, зеленобрюшек, губанов, спинорогов, колбней и многих других рыб.

9 февраля «Наутилус» плыл между Суакином и Кунфудом; здесь Красное море имеет сто девяносто миль в ширину.

В полдень капитан Немо вышел на палубу. Я поджидал его, потому что дал себе слово до тех пор от него не отставать, пока хотя бы приблизительно не узнаю, куда он хочет направить «Наутилус». Увидав меня, капитан Немо тотчас же подошел, любезно предложил мне сигару и сказал:

— Что ж, профессор, нравится вам Красное море? Как вы находите его рыб, зоофитов, цветники из губок и леса из кораллов? Заметили вы города по берегам?

— Да, капитан, — ответил я. — Такие чудеса можно увидеть только с «Наутилуса». Что это за умный корабль, если можно так выразиться!

— Да, Аронакс, умный, отважный и неуязвимый! Он не боится ни страшных бурь Красного моря, ни его течений, ни его подводных скал.

— Да, — сказал я, — это море считается одним из самых бурных, если я не ошибаюсь, в древние времена у него была самая плохая слава.

— Да, очень плохая. Греческие и латинские историки отзываются о нем не очень лестно, а Страбон говорит, что во время пассатных ветров и в период дождей оно особенно неприятно. Араб Эдризи, который описал его под названием Кользумского залива, рассказывает, что корабли во множестве погибали, разбиваясь о подводные скалы, и что никто не решался плавать по нему ночью. Он говорит, что на этом море беспрестанно бушуют страшные ураганы, оно усеяно неприступными островами и «нет в этом море ничего хорошего, ни в глубине, ни на поверхности». Такое же мнение выражают Арриан, Агатархид и Артемидор.

— Видно, эти историки не плавали на «Наутилусе», — сказал я.

— Само собой, — усмехнулся капитан. — В постройке кораблей наши современники не очень далеко ушли от древних. Сколько веков прошло, пока открыли механическую силу пара. Кто знает, появится ли второй «Наутилус» даже через сто лет? Прогресс идет медленно, Аронакс.

— Да, — отвечал я, — ваш «Наутилус» опередил на целый век свое время, может быть, даже на несколько веков. Как жаль, что подобное открытие должно умереть вместе с изобретателем!

Капитан Немо ничего не сказал на последнее замечание. Помолчав несколько минут, он продолжил:

— Мы говорили о невыгодном мнении, которое имели древние о Красном море?

— Да, — отвечал я, — но они чересчур преувеличивали опасность...

— И да и нет, Аронакс, — сказал капитан, который, казалось, знал Красное море, как свои карманы. — То, что не представляет никакой опасности для современного корабля или парохода, представляло для судов древних очень большую опасность. Наши корабли постро-

ены прочно, оснащены отлично, управляются с помощью пара, а ведь первые мореплаватели пускались в плавание на деревянных барках, сшитых пальмовыми веревками, проконопаченных древесной смолой и обмазанных жиром дельфина. У них не было даже никаких приборов для определения курса корабля, и они плавали по воле ветров и течений, которые едва знали.

При таких условиях кораблекрушения были и должны были быть многочисленны. В наше время пароходам, плавающим между Суэцем и южными морями, нечего бояться этого моря, несмотря на противные ветры. Теперь капитан и пассажиры перед отплытием не приносят очистительных жертв и по возвращении не идут в храм благодарить богов, украшая себя гирляндами цветов и золотыми повязками.

— Это так, — сказал я. — Пар, мне кажется, убил всякую признательность в сердцах моряков. Очевидно, что вы хорошо изучили это море, капитан, и знаете все, что к нему относится. Не можете ли вы мне сказать, почему это море называют Красным?

— По этому поводу есть много разных толкований. Угодно вам знать мнение летописца XIV века?

— Скажите, капитан.

— Этот выдумщик уверяет, что название Красное было дано морю после перехода израильтян, когда преследовавший их фараон погиб в его волнах. Он говорит: «В знак этого чуда море приняло алый цвет, и никто после этого не мог его иначе называть, как только Красным морем».

— Ну, бог с ним! Я на поэтов в этом случае не полагаюсь. Вы лучше скажите, что вы об этом думаете?

— Я думаю, что это название — перевод еврейского слова *Edom* и что древние называли так море потому, что его воды отличаются особой окраской.

— Однако до сих пор я не вижу никакой особой окраски, капитан: волны прозрачны и совершенно такие же, как в других морях.

— Да, пока еще нет ничего особенного, но когда мы войдем в глубину залива, вы заметите большое различие. Я помню, в бухте Тор вода однажды была совершенно красной — точно кровавое озеро.

— Чему же вы приписываете эту красноту: присутствию микроскопических водорослей?

— Да, это слизистое пурпуровое вещество, выделяемое микроскопическими растенными организмами, называемыми триходесмия. На один квадратный миллиметр приходится сорок тысяч таких организмов. Когда мы войдем в бухту Тор, вы, быть может, увидите их.

— Значит, вы не в первый раз плывете на «Наутилусе» по Красному морю?

— Не в первый, профессор.

— Вы упомянули о переходе израильтян через Красное море и о несчастии, которое постигло египтян. Позвольте вас спросить, капитан, вы не полюбопытствовали исследовать место этого замечательного происшествия?

— Нет, профессор, и я имел на это достаточную причину.

— Какую же?

— Такую, что именно то самое место, где Моисей прошел со своим народом, так теперь обмелело, что вода едва покрывает копыта верблюдов. Понятно, что мой «Наутилус» не может там плавать.

— А где это место, капитан?

— Это место находится немного выше Суэца, в рукаве, который в те времена, когда Красное море простипалось до Горьких озер, образовывал глубокий лиман. Надо ли приписать сверхъестественному чуду переход израильтян или нет, это другой вопрос, но израиль-

тяне прошли в Землю обетованную, а войско фараона погибло именно здесь. Я полагаю, что при раскопках этих песков нашлось бы множество египетского оружия и инструментов.

— Это можно сказать наверное. Надеюсь, что рано или поздно археологи возьмутся за эти раскопки. Дайте только построить город на этом перешейке! А города построят, как только будет прорыт Суэцкий канал. Мне кажется, что этот канал бесполезен для вашего «Наутилуса», капитан.

— Для моего «Наутилуса» бесполезен, профессор, зато полезен для целого мира. Еще древние хорошо понимали, как важно для развития торговли установить сообщение между Красным и Средиземным морем. Но им не пришло в голову прорыть прямой канал через Суэцкий перешеек, и они устроили сообщение через Нил. Канал, соединявший Нил с Красным морем, если верить преданию, начали строить в царствование Сезостриса. Верно то, что за шестьсот пятнадцать лет до Рождества Христова фараон Нехо велел рыть канал, соединяющий Нил с Красным морем. Подразумевалось, что суда будут проходить по каналу за четыре дня и что ширина его позволит двум триремам, или трехвёсельным галерам, проходить рядом. Рытье этого канала продолжил Дарий, сын Гистаспа, и окончил его, вероятно, Птолемей II. Страбон видел, как по каналу плавали суда, но недостаточная глубина от Бубасты до Красного моря привела к тому, что плавать по каналу можно было только несколько месяцев в году. Канал служил торговым сообщением до века Антонинов. Потом он был заброшен, и его занесло песком. По повелению калифа Омара его восстановили, и, наконец, в 761-м или в 762 году канал был окончательно засыпан калифом Альманзором, который хотел отрезать подвоз хлебных припасов в войска возмущившегося Мохаммеда-бен-Абдуллы. Генерал Бонапарт напал во время своего Египетского похода на следы этого канала в Суэцкой пустыне и, застигнутый приливом, чуть не погиб на том самом месте, где Моисей три тысячи триста лет назад стоял лагерем.

— Что не придумали или не решались сделать древние, то сделает Лессепс. Молодец! Ведь это соединение двух морей сократит путь из Кадикса в Индию на девять тысяч километров! Он превратит Африку в громадный остров!

— Да, Аронакс! Вы имеете право гордиться своим соотечественником. Это человек начал дело и, несмотря на препятствия, помехи и неприятности, доводит его до конца. Честь и слава господину Лессепсу! Только одно печально... — Что же, капитан?

— А то, что великие предприятия редко интересуют правительства. Кто знает, если бы не Лессепс, дело, может быть, так бы и забросили.

Меня очень удивил тон капитана Немо.

— К сожалению, профессор, — начал снова капитан Немо, — я не могу провести вас через Суэцкий канал, но послезавтра мы войдем в Средиземное море, и вы оттуда увидите длинную дамбу около Порт-Саида.

— Мы войдем в Средиземное море? — вскричал я.

— Да, профессор, это вас удивляет?

— Меня удивляет, что мы будем там послезавтра.

— Вот оно что!

— Да, капитан. Хотя тем, кто плавает на «Наутилусе», пора бы перестать чему бы то ни было удивляться.

— Вы, собственно, почему удивляетесь?

— Ведь чтобы в один день обойти Африку и обогнуть мыс Доброй Надежды, корабль должен идти со скоростью...

— Да кто же вам говорит, профессор, что мы будем обходить Африку и огибать мыс Доброй Надежды?

— Да как же иначе? Ведь «Наутилус» не поплынет по земле, не пойдет по Суэцкому перешейку?

– А под перешейком?

– Под перешейком?

– Разумеется, – спокойно отвечал капитан Немо. – Природа давным-давно устроила под этой полоской земли то, что люди теперь устраивают на ее поверхности.

– Что вы! Неужто есть проход?

– Да, есть подземный проход. Я его назвал Аравийским тоннелем: он начинается под Суэцем и доходит до Пелусия.

– Но ведь перешеек состоит из наносных песков?

– Только на известную глубину, на пятьдесят метров, а дальше лежит гранитная скала.

– Вы случайно открыли этот проход, капитан?

Я был до крайности удивлен.

– И случайно и нет, профессор. Я даже могу сказать, что я открыл его не случайно.

– Капитан, я не верю своим ушам!

– Ax, профессор! *Aures habent et non audient* (Есть у них уши, но не слышат). Этот проход не только существует, я даже не раз через него проходил. Не будь его, я не решился бы теперь войти в Красное море.

– Не будет ли с моей стороны нескромностью, если я спрошу вас, каким образом вы открыли Аравийский тоннель?

– Профессор, – отвечал капитан Немо, – зачем же секретничать с людьми, с которыми мы никогда не расстанемся? Я ничего не ответил на этот намек и ждал рассказа.

– Итак, я тоже немного натуралист, и разные соображения навели меня на мысль о существовании этого прохода. Я заметил, что в Красном и Средиземном море попадаются совершенно одинаковые виды рыб – ошибни, фиатолы, радужные губаны, долгоперы из семейства щуковидных и некоторые другие. Я подумал, что, вероятно, между этими морями существует какое-нибудь сообщение. Затем я сказал себе, что если оно существует, то подводное течение должно идти от Красного моря к Средиземному. Я поймал множество рыб около Суэца, прикрепил к хвосту каждой рыбки медные колечки и выпустил их в море. Через несколько месяцев я поймал у сирийских берегов несколько рыб, помеченных моими колечками. Сообщение между морями было доказано. Я стал его разыскивать, разыскал проход и решил по нему проплыть. А вот теперь очень скоро буду иметь честь переправить и вас этим путем.

Глава пятая Аравийский тоннель

Я в тот же день передал Консейлю и Неду Ленду содержание своего разговора с капитаном. Когда я им объявил, что через два дня мы будем в водах Средиземного моря, Консейль захлопал в ладоши, а канадец пожал плечами.

— Подводный тоннель! — вскрикнул он. — Сообщение между морями! Как это можно! Это неслыханное дело!

— Друг Нед, — возразил Консейль, — а вы когда-нибудь слышали про «Наутилус»? Нет! Однако «Наутилус» существует! Так что вы не пожимайте плечами и не кричите, что этого нет потому, что вы об этом не слышали.

— Поживем — увидим! — прорычал Нед Ленд. — Что ж, пусть будет так! Я буду рад, если капитан вправду проведет нас по этому проходу в Средиземное море.

В тот же вечер «Наутилус» приблизился к аравийскому берегу. Мы плыли по поверхности моря, и я смог различить город Джидда, главный торговый пункт Египта, Сирии, Турции и Индии. Я довольно хорошо видел городские постройки, суда, пришвартованные вдоль набережной, и корабли, стоявшие на рейде. Солнце, стоявшее довольно низко на горизонте, освещало дома, ослепляющие своей белизной. За городом виднелись деревянные хижины и тростниковые шалаши бедуинов.

Скоро Джидда исчезла в вечернем сумраке, и «Наутилус» быстро погрузился.

На следующий день, 10 февраля, вдали показалось несколько судов. «Наутилус» снова поплыл под водой, но в полдень все суда скрылись из виду и он снова поднялся на поверхность.

Я, Нед Ленд и Консейль вышли на палубу. Восточный берег чуть-чуть обозначался в тумане.

Мы сидели и беседовали на разные темы, как вдруг Нед Ленд протянул руку, указывая на какую-то точку в море, и сказал:

— Видите, профессор? Вон там, там!

— Не вижу, Нед! Вы ведь знаете, у меня не ваши глаза.

— Смотрите хорошенъко: вон там, впереди, почти против прожектора! Видите, что-то движется? Видите?

— Да, да, точно, — ответил я после внимательного наблюдения. — Я как будто вижу какое-то темное тело на поверхности вод.

— Второй «Наутилус»? — сказал Консейль.

— Нет, — ответил канадец. — Это, надо полагать, какое-нибудь морское животное.

— С позволения их чести, киты водятся в Красном море? — спросил Консейль.

— Да, иногда попадаются, — отвечал я.

— Только это не кит, — сказал канадец, не сводивший глаз с темной массы. — Мы с китами старые знакомые. Я их узнаю издали.

— Подождем — увидим, — сказал Консейль. — «Наутилус» идет прямо туда.

«Наутилус» действительно шел в направлении заинтересованного нас черноватого тела. Оно походило на верхушку подводной скалы.

— Что бы это такое было? — сказал я. — Не могу определить.

— А! Двигается! Ныряет! — вскрикнул Нед Ленд. — Тысячу чертей! Что это еще за животное? Хвост не раздвоенный, как у китов и кашалотов, а плавники словно обрублены!

— В таком случае, — сказал я, — это...

— Кувырк! Перевернулось на спину и выставило сосцы на груди, — вскрикнул канадец.

— Это сирена! — закричал Консейль. — Это, с позволения их чести, настоящая сирена!

Животное точно принадлежало к отряду сиреновых, которых в древности считали полуженщинами, полурыбами.

— Нет, — сказал я Консейлю, — это не сирена, а другое очень любопытное животное, которое теперь еще изредка попадается в Красном море. Это дюгонь, животное из семейства травоядных китов.

— Отряд сирен, группа рыбовидных, класс млекопитающих, отдел позвоночных, — забормотал Консейль.

Нед Ленд не сводил глаз с животного. Глаза канадца так и горели. Он поднимал руку, словно хотел метнуть гарпун.

— Что, Нед? — спросил я.

— Ах, профессор, — ответил Нед, — в такую штуку мне еще не доводилось попадать!

В эту минуту капитан Немо вышел на палубу; он тотчас заметил дюгона, понял волнение канадца и сказал ему:

— А что, мистер Ленд, хорошо бы бросить в него гарпун?

— Уж и не говорите, капитан! — ответил канадец.

— Вы не прочь поохотиться?

— Не прочь! Не прочь!

— Ну что ж, если не прочь, то поохотьтесь.

— Благодарю покорно, капитан! — радостно ответил Нед.

Глаза у него так и загорелись.

— Только смотрите, — сказал капитан, — не промахнитесь. Советую вам в ваших же интересах.

Нед Ленд только пожал плечами.

— А дюгонь очень опасное животное? — спросил я.

— Да, — ответил капитан. — Случается, что животное кидается на китобоев и опрокидывает лодку. Впрочем, мистеру Ленду нечего бояться, у него верный глаз и твердая рука. Я ему советую не промахнуться, потому что он может упустить вкусное блюдо. Мистер Ленд, я знаю, порядочный лакомка.

— А! — сказал канадец. — Так у дюгона вкусное мясо?

— Очень вкусное, — отвечал капитан, — похоже на говяжье мясо, и в Меланезии его подают только к княжескому столу. А так как у князей аппетит хороший, то за этим бедным животным постоянно охотятся, так что дюгонь, как и его родственник ламантин, становится редкостью.

— Так, может, лучше не охотиться, капитан? — сказал Консейль. — Вдруг это самый последний? Надо бы его оставить на развод в интересах науки...

— Да будет вам, Консейль! — вскрикнул Нед. — Вы все о науке, а в интересах кулинарии за ним следует поохотиться!

— Итак, за охоту, мистер Ленд, — сказал капитан.

В эту минуту на платформу вышли семь человек из экипажа. Все они были немы и бесстрастны, как всегда. Один из них держал гарпун на веревке, какая обычно употребляется при ловле китов. Шлюпку спустили на море. Шестеро гребцов сели на весла, седьмой взялся за руль. Нед, Консейль и я поместились на корме.

— А вы, капитан? — спросил я.

— Нет, я не поеду. Счастливой охоты!

Шлюпка отчалила, гребцы дружно взялись за весла, и мы полетели навстречу дюгоню, который плавал милях в двух от «Наутилуса».

Приблизившись к китообразному, шлюпка пошла медленнее, и весла бесшумно опускались в спокойные воды. Нед Ленд с гарпуном в руке встал на носу.

К гарпуну, которым бьют кита, обыкновенно привязывают длинный канат, свернутый в клубок, он быстро разматывается, когда раненое животное увлекает его за собой. Но у Неда Ленда канат был всего саженей десять в длину, и к концу его был прикреплен маленький пустой бочонок. Если бы животное утянуло канат, бочонок всплыл бы на поверхность и таким образом обозначил бы путь дюгоня под водой.

Я привстал, подошел к краю шлюпки и внимательно рассмотрел противника Неда Ленда.

— Знаешь, — сказал я Консейлю, — этот дюгонь очень похож на ламантина. Тело у него продолговатое, с очень длинным хвостом, а на боковых плавниках — настоящие пальцы. Различие с ламантином только в том, что у него на верхней челюсти сидят два длинных и острых клыка, расходящиеся в разные стороны.

— С позволения их чести, — сказал Консейль, — в нем будет более семи метров длины.

Дюгонь не двигался и, казалось, спал на поверхности воды.

— Хорошо, что он спокоен, — сказал я, — так будет легче с ним справиться.

Шлюпка осторожно подошла сажени на три к животному, гребцы оставили весла. Нед Ленд, откинувшись немного назад, метнул свой гарпун.

— Сразу видно мастера! — сказал я Консейлю.

Раздался свист, и дюгонь исчез. Гарпун былпущен с большой силой, но, по-видимому, Нед промахнулся.

— Тысяча чертей! — закричал взбешенный канадец. — Я промахнулся.

— Нет, — вскрикнул я, — животное ранено! Вот его кровь!

Только орудие в нем не осталось...

— Гарпун! — кричал Нед Ленд. — Надо поймать гарпун!

Матросы начали грести, а рулевой направил шлюпку к плавающему бочонку. Поймав гарпун, мы стали преследовать животное.

Дюгонь выплыval время от времени на поверхность моря, чтобы подышать. Рана не лишила его сил, поэтому он плыл удивительно быстро. Стараниями гребцов шлюпка летела по следам животного. Не раз мы нагоняли его очень близко: канадец замахивался, но дюгонь внезапно нырял, и дело оканчивалось ничем.

Можно себе представить, как злился и бушевал нетерпеливый Нед Ленд. Он ругал увертливое животное самыми крепкими словами, какие только существуют на английском языке. Я хотя и молчал, но, признаюсь, меня тоже начинала разбирать досада.

Мы преследовали дюгона целый час. Я уже начал думать, что ничего из нашей охоты не выйдет путного, как вдруг животное решило изменить тактику. Дюгонь повернулся и ринулся прямо на шлюпку. Но это движение не ускользнуло от зоркого канадца.

— Теперь глядите в оба! — сказал он.

Рулевой произнес несколько слов на своем странном наречии, вероятно, он предупредил матросов о предстоящей опасности.

Дюгонь подлетел футов на двадцать к шлюпке, вдруг остановился, втянул воздух своими огромными ноздрями, которые находятся у него не внизу, а наверху морды, а затем бросился на шлюпку.

Шлюпка не смогла увернуться от удара и чуть не опрокинулась, зачерпнув воду, но благодаря проворству и искусству рулевого все обошлось благополучно.

Нед Ленд, уцепясь за форштевень, бил гарпуном громадное животное, которое, вонзив клыки в планшир, приподнимало шлюпку, как лев козленка. Мы повалились друг на дружку.

«Ну, Пьер Аронакс, — думал я, — пришел твой час!»

Однако страх этот был напрасным: канадец наконец справился с животным.

Я услышал, как заскрежетали зубы по железу: дюгонь исчез и унес гарпун с собой. Но бочонок скоро выплыл на поверхность, а минуту спустя мы вытянули и дюгона, взяли его на буксир и направились к «Наутилусу». Консейль даже вздохнул от удовольствия.

Пришлось пустить в ход самые крепкие тали, чтобы поднять дюгона на платформу. Он весил пять тысяч килограммов! Тушу разрубили под надзором Неда Ленда.

В тот же день мне подали к обеду жаркое. Корабельный повар был мастером своего дела и беспроблемно приготовил это блюдо. Мясо дюгона показалось мне вкуснее телятины, пожалуй, оно не уступало и говядине.

На следующий день, 11 февраля, кухня наша обогатилась еще и превосходной дичью. Стая морских ласточек опустилась на палубу «Наутилуса».

— С позволения их чести, какая это птичка? — спросил Консейль.

— Это род *Sterna nilotica*. Они водятся преимущественно в Египте. Видишь, клюв у них черный, голова серая в крапинках, глаз окружен белыми точками, спина, крылья и хвост сероватые, брюшко и горло белые, а лапки красные.

Нам удалось также убить несколько дюжин нильских уток. Эти нильские утки — премиальные птички: горло и верхняя часть головы у них белые и усеяны черными пятнами, мясо их чрезвычайно вкусно.

«Наутилус» шел средним ходом. Он, так сказать, прогуливался. Я заметил, что чем мы ближе подходили к Суэцу, тем вода Красного моря становилась менее соленой.

Около пяти часов вечера мы завидели на севере мыс Рас-Мухаммед. Этот мыс образует оконечность Синайского полуострова, лежащего между городами Суэцем и Акабой. Когда «Наутилус» через пролив Губаль вошел в Суэцкий залив, я смог ясно различить высокую гору, возвышающуюся между двумя заливами. Это была гора Орив, библейский Синай, на вершине которого Моисей встретился, по преданию, лицом к лицу с Богом.

В шесть часов «Наутилус», то погружаясь, то всплывая, прошел мимо города Тора. Вода в этом месте залива была заметно красноватой, словно окрашенной алой краской.

Наступила ночь, и вокруг воцарилась тишина, изредка нарушающаяся криком пеликанов или какой-нибудь другой ночной птицы, шумом прибоя у скал да гудками далеких пароходов.

От восьми до девяти часов «Наутилус» оставался под водой. По моим расчетам, мы уже были очень близко от Суэца. Сквозь иллюминаторы я видел основания прибрежных скал, ярко освещенных нашим прожектором. Мне казалось, что пролив все более и более суживается.

В четверть десятого «Наутилус» выплыл на поверхность. Я поспешил на палубу. Мне не терпелось добраться до Аравийского тоннеля капитана Немо.

Мне не сиделось на месте, и, не будь свежего ночного ветерка, я бы не знал, куда мне деваться.

Вскоре я заметил бледный, тусклый огонек на расстоянии мили, казалось, он был прикрыт какой-то туманной дымкой.

— Плавучий маяк! — сказал кто-то позади меня. Я обернулся и увидел капитана.

— Это плавучий маяк Суэца, — продолжил он. — Мы скоро будем у входа в тоннель.

— А входить туда, должно быть, не так просто, капитан?

— Нелегко, профессор, и поэтому я всегда в этом месте сам управляю судном. Теперь, Аронакс, не угодно ли вам будет спуститься вниз? «Наутилус» сейчас погрузится в воду и выплынет на поверхность, уже пройдя Аравийский тоннель.

Я последовал за капитаном Немо. Когда я направился в свою каюту, капитан остановил меня.

— Профессор, вы хотели бы побывать со мной в штурвальной рубке?

— Я и не смел вас об этом просить, — сказал я, — очень хочу...

— Так пойдемте. Вы увидите все.

— Это плавание и подводное, и подземное, — сказал я.

— Пожалуй, что так, — ответил капитан.

Капитан Немо провел меня к центральному трапу, поднявшись на несколько ступеней, он открыл боковую дверь, прошел по верхнему коридору, в конце которого находилась рубка, которая, как уже было сказано, выходила на нос судна.

Рубка имела форму квадрата со стороной шесть футов и несколько напоминала рубки на пароходах, ходивших по Миссисипи и Гудзону. Посередине стоял штурвал, соединенный штуртросами с рулем управления, они шли до самой кормы «Наутилуса». Четыре иллюминатора в перегородках рубки давали рулевому возможность смотреть на все четыре стороны.

В рубке было темно, но мои глаза скоро освоились с этой темнотой, и я разглядел штурмана, державшего штурвал двумя руками. Море ярко освещалось электрическим светом прожектора.

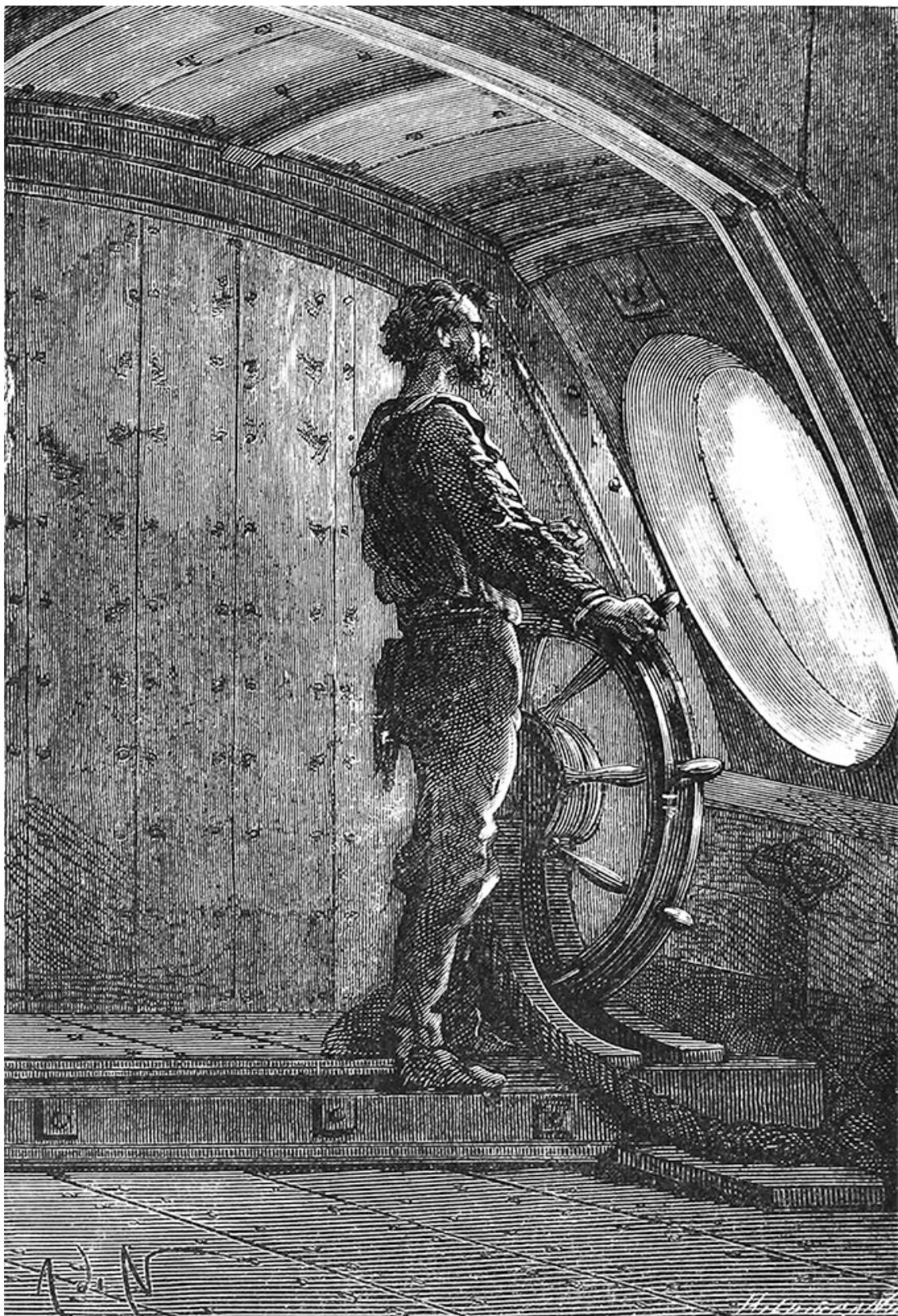
— Ну, — сказал капитан Немо. — Пора приниматься за работу!

Рубка соединялась с машинным отделением электрической проволокой, и капитан Немо мог одновременно управлять и направлением, и скоростью «Наутилуса». Он нажал одну кнопку, и тотчас же корабль пошел медленнее.

Я смотрел на высокую, отвесную гранитную стену, мимо которой мы плыли. Эта скала служила подножием наносным пескам. Мы шли мимо нее около часа и очень близко — всего в нескольких метрах. Капитан Немо не сводил глаз с компаса. Время от времени он подавал знак штурману, который тотчас менял направление «Наутилуса».

Я поместился у правого иллюминатора, любясь великолепнейшими вереницами кораллов, зоофитов, водорослей и ракообразных, которые населяли все выпуклости и впадины в скалах.

В четверть одиннадцатого капитан Немо сам взялся за руль. Широкая галерея, темная и глубокая, открылась перед нами. «Наутилус» смело вошел в нее. Тотчас же раздался шум, словно кругом закипели котлы. Это воды Красного моря стремились в Средиземное. «Наутилус», увлекаемый течением, полетел как стрела, хотя его насколько возможно сдерживали судовые машины. По стенам узкого прохода я видел только ослепительные полосы, зигзаги и пятна света. Сердце у меня так билось, что я прижал к нему обе руки.

В тридцать пять минут одиннадцатого капитан Немо передал штурвал рулевому и, обратясь ко мне, сказал:

— Средиземное море!

«Наутилус», подхваченный течением, за двадцать минут прошел Суэцкий перешеек.

Глава шестая Греческий архипелаг

На следующий день, 12 февраля, на рассвете «Наутилус» выплыл на поверхность. Я кинулся на палубу. На севере, в трех милях, обозначался неясный силуэт древнего Пелузума. Подземный поток перенес нас из одного моря в другое. В Средиземное море мы пронеслись по течению, по пологому спуску, но вернуться в Красное море против течения было невозможно.

Пока я об этом рассуждал, на платформе появились Нед Ленд и Консейль.

Было уже около семи часов. Они, по-видимому, всю ночь спокойно проспали.

— Ну что ж, профессор, где же ваше хваленое Средиземное море? — шутливо спросил канадец.

— Мы плывем по нему, Нед.

— О! — сказал Консейль. — С позволения их чести, мы в одну ночь, в несколько минут перешли неперходимый Суэцкий перешеек?

— Я этому не верю! — вскричал канадец.

— Напрасно не верите, Нед, — сказал я. — Посмотрите, этот низкий берег, что виднеется на юге, — это египетский берег.

— Поберегите свои басни для других, профессор, — перебил меня Нед Ленд.

— Да ведь их честь прямо вам говорит, Нед, что это египетский берег, — сказал Консейль. — Как вы можете не верить? — Смею вас заверить, Нед, — сказал я, — что я видел собственными глазами, как мы пролетели через туннель. Капитан Немо сам управлял «Наутилусом» во время этого перехода, и я был вместе с ним в штурвальной рубке.

— Слышите, Нед? — сказал Консейль.

— Вы такой зоркий, Нед, — продолжал я, — так что посмотрите хорошенко — и увидите сами гавань Порт-Саида, вон она!

Канадец начал пристально вглядываться в указанном направлении.

— Ваша правда, профессор, — сказал он, — и ваш капитан — мастер! Мы точно в Средиземном море. Ну и отлично! Теперь, если вам угодно, надо потолковать о наших делах, только так, чтобы никто не подслушал.

Я очень хорошо понимал, куда клонит канадец, и решил, что во всяком случае будет лучше, если он выскажетя. Мы пошли и сели около прожектора, где нас не так захлестывала волнной.

— Ну, Нед, мы слушаем, — сказал я. — Что скажете хорошего?

— А вот что я скажу: мы в Европе, и теперь надо ковать железо, пока оно горячо! Откладывать нечего: вдруг капитан Немо опять повернет куда-нибудь к черту на кулички! Надо бежать!

Меня, признаюсь, всегда смущали подобные речи. Я нисколько не желал стесняться товарищем в их действиях, но в то же самое время мне было бы тяжело расстаться с капитаном Немо. Благодаря капитану, благодаря его чудесному подводному кораблю я каждый день мог изучать морские бездны и писать свою книгу. Где и когда мне представится еще случай наблюдать чудеса, скрытые в океане? Нигде, никогда! Я не хотел покидать «Наутилус», не завершив свои океанологические исследования.

— Нед, скажите мне откровенно, вы очень скучаете на борту «Наутилуса»? Вы очень жалеете, что судьба бросила вас в руки капитана Немо?

Канадец промолчал несколько минут. Потом, скрестив руки на груди, проговорил:

— Откровенно говоря, я не жалею, что совершил подводное путешествие. Оно занято, слов нет. Да ведь всему есть конец. Ну покатались, и довольно. Пора этому подводному плаванью кончиться!

— Оно кончится, Нед.

— Где и когда?

— Где? Я не знаю где. Когда? Я не могу сказать. То есть я предполагаю, что оно окончится тогда, когда мы осмотрим все и они откроют нам свои тайны. Все, что имеет начало, имеет и конец, Ленд. Это давно всем известно!

— Я, с позволения их чести, тоже так думаю, — сказал Консейль. — И еще я думаю...

— Что, Консейль? Чего вы запинаетесь?

— А то, что капитан Немо повозит-повозит нас по всем морям, а потом и отпустит нас на свободу...

— Отпустит? — вскрикнул канадец. — Как бы не так! Даст свободу? Вышвырнет...

— Постойте, Ленд, постойте! — возразил я. — Капитана Немо нам бояться нечего, это правда, но я не согласен, однако, с Консейлем: вряд ли он нас отпустит. Мы нечаянно завладели его тайной — тайной для него очень важной, и хотя капитан Немо отличный человек, но все-таки не допустит, чтобы мы рассказали всему свету о его «Наутилусе».

— Так чего вы ждете? На что надеетесь? — спросил канадец.

— Надеюсь, что обстоятельства будут благоприятнее, и тогда мы ими воспользуемся. Что теперь невозможно, станет возможным через шесть месяцев.

— Через шесть месяцев! — вскрикнул Нед Ленд. — А где мы будем через шесть месяцев?

— Может, здесь, может, в Китае, Нед. Вы же знаете «Наутилус». Он проносится по океанам, как быстрокрылая ласточка по воздуху или как скорый поезд по рельсам. Он не боится появляться и в европейских морях. Очень может быть, что он пристанет к берегам Франции, Англии или Америки, — тогда нам будет гораздо легче бежать, чем теперь.

— Профессор, в ваших доводах нет здравого смысла. Вы все говорите: «Мы будем там, мы будем здесь!» А я говорю:

«Мы сейчас здесь, и надо бежать отсюда!»

Я не знал, что ему ответить. Доводы Неда Ленда были логичны, и я почувствовал себя побежденным.

— Послушайте, профессор, — продолжал он, — ответите вы мне прямо, по совести?

— Отвечу, Нед!

— Если бы капитан Немо сегодня сказал вам: «Вы свободны! Идите себе на все четыре стороны», вы бы рады были?

Приняли бы его предложение?

— Не знаю, Нед.

— А если бы он прибавил, что вот сегодня он это вам разрешает, а завтра уже не позволит?

Я промолчал.

— А что думает Консейль? — спросил канадец.

— Консейль никак не думает, — спокойно ответил достойный Консейль. — Ему это все равно. Он холост. Ни жена, ни дети не ждут его на родине. Он служит их чести, он думает, как их честь, говорит, как их честь, и, к великому его сожалению, у него нет права голоса. Значит, только двое будут спорить — Нед Ленд и их честь, а Консейль будет только слушать.

Я невольно улыбнулся, слушая речь Консейля, а Нед Ленд был доволен, что ему придется воевать не с двумя, а с одним противником.

— Ну, ладно, — сказал Нед Ленд. — Если Консейль отказывается участвовать в споре, то решать надо нам с вами, профессор. Вы слышали, что я сказал, так давайте ответ!

— Вот мой ответ, Нед: вы говорили основательно, а я нет. Капитан Немо нас не отпустит, на это смешно и рассчитывать. На его месте любой осторожный и рассудительный человек никогда не решится дать нам свободу. Из этого следует, что надо воспользоваться первым удобным случаем и бежать с «Наутилуса».

— Умные речи приятно и слушать! — сказал Нед Ленд.

— Только я вот что прибавлю, Нед: надо выждать действительно благоприятный момент. Если побег не удастся сразу, так не удастся совсем. Капитан Немо никогда нам этого не простит.

— Все это справедливо, — отвечал канадец, — только ведь осторожность надо все равно соблюдать, как теперь, так и через два года. Значит, при первом удобном случае надо бежать.

— Хорошо. А что вы подразумеваете под удобным случаем, Нед?

— А вот будет темная ночь, да «Наутилус» подойдет поближе к какому-нибудь европейскому берегу.

— Так вы думаете пуститься вплавь?

— Да, если только мы будем близко от берега и если «Наутилус» будет на поверхности моря.

— А если мы будем далеко от берега и «Наутилус» будет держаться под водой?

— Ну так я попробую стащить шлюпку. Я знаю, как ею управлять. Мы проберемся внутрь, отвинтим затворы и благополучно выплыем на поверхность.

— Отлично, Нед! Подстерегайте такой случай, только помните, что при неудаче нам придется плохо.

— Я этого не забуду, профессор.

— Теперь, Нед, хотите я вам скажу, что я думаю насчет вашего плана?

— Скажите, профессор.

— Я думаю, что такого удобного случая не представится.

— Почему?

— А потому, что капитан Немо очень хорошо понимает, что мы желаем на волю, и у европейских берегов будет нас стеречь.

— Я, с позволения их чести, тоже так думаю, — сказал Консейль.

— Увидим, увидим! — сказал Нед Ленд.

— А теперь, Нед, мы больше об этом говорить не будем, — сказал я. — Когда будете готовы, вы нас предупредите, и мы за вами последуем. Я полагаюсь на вас.

Этим разговор и окончился.

К великому огорчению канадца, я, кажется, был прав. Капитан Немо держался почти все время под водой и близко к берегу не подходил. «Наутилус» или немного всплывал на поверхность, или погружался очень глубоко, между Греческим архипелагом и Малой Азией; мы, опускаясь на две тысячи метров, не достигали дна.

Я так и не увидел остров Карпатос, один из группы островов Южные Спорады. В утешение капитан Немо, указав пальцем на какую-то точку на карте, продекламировал мне стих Виргилия:

Est in Carpathio Neptuni gurgite vates
Coeruleus Proteus...¹⁰

А мне очень хотелось посмотреть на этот легендарный остров — местопребывание Протея, старого пастуха Нептуновых стад. Теперь остров называется Скарпантон, он лежит

¹⁰ «В бездне морской у Карпафа живет тайновидец Нептунов. Это — лазурный Протей...» (Виргилий. «Георгики», кн. IV). (Пер. С. Шервинского)

между Родосом и Критом. К сожалению, я видел сквозь иллюминаторы «Наутилуса» только его гранитное основание!

На следующий день, 14 февраля, я хотел посвятить несколько часов изучению рыб архипелага, но по неизвестной мне причине иллюминаторы были герметически закрыты. Я определил, что «Наутилус» направляется к старинному острову Крит.

В то время как я отплывал на «Аврааме Линкольне», я слышал, что этот остров восстал против турецкого деспотизма. Но что было дальше, продолжалось восстание или окончилось, я не знал. Несколько раз я хотел спросить об этом у капитана Немо, но откуда же знать ему подобные вещи? Капитан Немо давно разорвал все связи с землей.

Как-то вечером я встретился с капитаном в салоне. Он казался мрачным и озабоченным. Приказав открыть иллюминаторы, капитан ходил между ними и пристально вглядывался в водную массу.

«Что это он так вглядывается? – думал я. – Хотел бы я знать!»

Я не стал гадать и в свое удовольствие принялся наблюдать за рыбами, проносившимися мимо.

Я заметил бычков-афизов, упоминаемых Аристотелем и известных в просторечии под названием морских выюнов, которые преимущественно встречаются в соленых водах близ дельты Нила. Среди них были пагры, или серебристые караси. Египтяне причисляли этих фосфоресцирующих рыб к священным животным, появление их в водах Нила предвещало разлив реки и хороший урожай. Я видел хейлин длиной тридцать сантиметров. Это костиные рыбы с прозрачной чешуей синеватого цвета с красными пятнами, они большие любители морских водорослей и потому сами чрезвычайно вкусны; их очень ценили гурманы Древнего Рима: внутренности рыб, смешанные с молоками мурены, мозгом павлинов и языками фламинго, составляли то «божественное» блюдо, которым так восхищался Вителлий.

Еще один обитатель этих морей привлек мое внимание и воскресил в памяти легенды о древних временах. Это была рыба-прилипала, которая путешествует, прилепляясь к брюху акулы. По преданиям, эта рыбка, уцепясь за подводную часть корабля, могла его остановить. Одна из них остановила таким образом барку Антония и помогла Августу победить врага в битве при Актиуме.

От чего только не зависят судьбы народов!

Я видел также великолепных антиасов, священную рыбу греков, которые приписывали ей способность изгонять морских чудовищ из тех вод, где они появлялись. Их название означает цветок, и они оправдывают его, переливаясь всеми цветами красной гаммы, от бледно-розового до темно-малинового.

Я не мог оторвать глаз от этих морских чудес!

Вдруг в воде показался человек, водолаз с кожаной сумкой у пояса. Сначала я подумал, что это мертвое тело. Но нет, это был живой человек. Он плыл, рассекая воду сильными взмахами рук, выплывал на поверхность передохнуть и снова погружался.

– Человек! – вскрикнул я. – Капитан! Вы видите – человек тонет! Надо его спасти, капитан! Во что бы то ни стало надо его спасти!

Капитан бросился к иллюминатору.

Человек поравнялся с нами и, прижав лицо к стеклу, смотрел на нас. К величайшему моему изумлению, капитан Немо сделал ему какой-то условный знак. Водолаз ответил ему кивком головы, тотчас же всплыл на поверхность и больше не показывался.

– Не беспокойтесь, профессор, – сказал мне капитан. – Это Николай с мыса Матанан, по прозвищу Рыба. Он известен здесь на всех островах. Отличный пловец! Смел удивительно! Вода – его стихия. Он больше живет в воде, чем на земле, беспрестанно переплывает с одного острова на другой, и так до самого Крита.

– Вы его знаете, капитан?

— Немного знаю, Аронакс.

Сказав это, капитан Немо подошел к шкафу, стоящему около левого иллюминатора. Рядом со шкафом находился сундук, окованный железом, на крышке блестела медная пластина с гравированным вензелем «Наутилуса» и его девизом «Mobilis in mobilie».

Капитан, не обращая внимания на мое присутствие, открыл шкаф, наполненный слитками. Золотыми слитками! Откуда у него столько драгоценного металла? Что он с ним делает, на что тратит?

Я молча наблюдал за его действиями.

Капитан Немо вынимал из шкафа слиток за слитком и аккуратно укладывал их в сундук. По моим расчетам, здесь было более тысячи килограммов золота, то есть около пяти миллионов франков.

Затем он запер сундук и написал на крышке какой-то адрес. Мне показалось, что он писал на новогреческом языке. Сделав это, капитан нажал кнопку электрического звонка. Появились четверо матросов и не без труда вынесли сундук из салона.

Затем я услышал, как они поднимают его по железному трапу.

В эту минуту капитан Немо обратился ко мне.

— Вы что-то сказали? — спросил он.

— Я ничего не говорил, капитан.

— Тогда позовите пожелать вам добной ночи.

И с этим пожеланием капитан вышел из салона.

Я тоже отправился в свою каюту. Разумеется, меня разбирало любопытство, и я напрасно пытался заснуть. Что может быть общего между Николаем-Рыбой и этими золотыми слитками?

Вскоре я почувствовал, что «Наутилус» слегка покачивается, и догадался, что мы выплыли на поверхность. Затем послышался топот ног на палубе. Я понял, что шлюпку спускают на воду. Через минуту шлюпка слегка толкнулась о борт «Наутилуса», и шум прекратился.

Через два часа опять зашумели и заходили наверху. Шлюпку подняли на борт и снова установили на место, и «Наутилус» опять погрузился под воду.

Итак, эти миллионы были доставлены по адресу! Куда? Кому? Кто этот приятель или банкир капитана Немо?

На другой день я рассказал Консейлю и Неду Ленду все, что видел, слышал и предполагал. Они удивились не меньше меня.

— Где он берет эти миллионы? — спросил Нед Ленд.

Мы с Консейлем, конечно, не могли ему на это ничего ответить.

После завтрака я отправился в салон и принялся за работу. До пяти часов вечера я писал свои заметки. В пять часов мне вдруг стало так жарко, что я вынужден был снять свою виссоновую куртку.

«С чего это такая жара? — думал я. — Мы, кажется, далеко от тропиков, а на «Наутилусе» температура не должна повышаться!»

Я посмотрел на манометр, он показывал глубину шестьдесят футов. На таких глубинах повышение атмосферного давления и температуры воздуха не оказывает никакого действия.

Я хотел опять приняться за работу, но жара делалась совершенно невыносимой.

— Пожар, что ли, на «Наутилусе»? — проговорил я. — Надо пойти посмотреть!

Я только хотел открыть дверь, как на пороге появился капитан Немо. Он подошел к термометру, посмотрел и, обращаясь ко мне, сказал:

— Сорок два градуса!

— Я это замечаю, капитан, — ответил я. — И если еще хоть чуть-чуть эта жара усилится, мы не в состоянии будем ее переносить.

– О, профессор, эта жара не усилится, если мы не захотим!
– Так вы можете командовать ею по вашему усмотрению, капитан?
– Нет, но я могу удалиться от ее источника.
– Так, значит, это не в «Наутилусе», а снаружи?..
– Без сомнения. Мы плывем в кипящей воде.
– Не может быть! – вскрикнул я.
– Посмотрите.

Иллюминаторы открылись, и я увидел, что море вокруг «Наутилуса» совершенно белое. Вода кипела, как в котле, выделяя клубы сернистых паров. Дотронувшись до стекла, я быстро отдернул руку: было очень горячо.

– Где мы находимся? – спросил я.

– Около острова Санторин, профессор, – отвечал мне капитан, – а именно в канале, который отделяет Неа-Камени от Палеа-Камени. Мне хотелось показать вам любопытный образец подводного извержения вулкана.

– А я думал, что образование новых островов уже окончено! – сказал я.

– В вулканических областях нет ничего завершенного, – отвечал капитан Немо. – Подземный огонь непрерывно совершает свою работу. По свидетельству Кассиодора и Плиния, еще в девятнадцатом году нашей эры на том самом месте, где недавно образовались эти островки, появился новый остров, названный Божественным – Тея. Он вскоре исчез и снова появился в шестьдесят девятом году, потом опять скрылся под волнами. С той поры до настоящего времени вулканическая работа приостановилась, но 3 февраля 1866 года около Неа-Камени в клубах серных паров возник новый островок, названный островом Георгия, и уже 6 февраля он слился с Неа-Камени. Ровно через неделю, то есть 13 февраля, появился островок Афроесса, образовав между собой и Неа-Камени пролив шириной десять метров. Во время этих вулканических явлений я находился в этих водах и потому мог следить за всеми изменениями. Округлый островок Афроесса имел около трехсот футов в диаметре и тридцать в высоту, он состоял из смеси черной стекловидной лавы и обломков полевого шпата. Наконец, 10 марта появился еще один островок, поменьше, названный Рэка, эти острова, слившись с Неа-Камени, составляют одно целое.

– А где же пролив, в котором мы сейчас находимся? – спросил я.

– Вот он, – отвечал капитан Немо, показывая на карту Греческого архипелага. – Видите, я обозначил здесь и новые острова.

– А этот пролив, мне кажется, со временем исчезнет?

– Очень может быть, Аронакс; с 1866 года напротив порта Св. Николая на Палеа-Камени возникло восемь островков вулканического происхождения. Весьма вероятно, что в скором времени Неа и Палеа сольются в одно целое. Если в Тихом океане кораллы образуют материки, то здесь то же самое совершается вулканическими извержениями. Взгляните-ка, какая кипучая работа происходит под волнами!

Я подошел к иллюминатору. «Наутилус» стоял неподвижно, жара становилась невыносима, белая вода приобрела красный оттенок, свидетельствовавший о присутствии железистых солей. Несмотря на герметические рамы, чувствовался удущливый серный запах. Я заметил, что из-за багрового пламени, вспыхивавшего порой, не стало видно электрического света прожектора.

Пот струился градом по моему лицу, воздуха не хватало, я чувствовал, что сейчас сварюсь.

– Однако нет никакой возможности оставаться в этом кипятке! – сказал я.

– Да, это было бы с нашей стороны большим риском! – ответил бесстрастный капитан Немо.

Тотчас был отдан приказ, и «Наутилус» удалился от этой раскаленной печи, где для него было небезопасно находиться.

Через четверть часа мы вздохнули свободно, очутившись на поверхности моря. Я подумал, что если бы Неду Ленду удалось привести в исполнение план бегства и он избрал бы для побега эту область, то живыми мы бы не выбрались из этого огненного моря.

На другой день, 16 февраля, мы покинули этот бассейн, глубина которого между Родосом и Александрией доходит иногда до трех тысяч метров. «Наутилус», обогнув мыс Матапан, вышел в открытое море, оставив позади себя Греческий архипелаг.

Глава седьмая

Через Средиземное море за сорок восемь часов

Средиземное море, или Голубое море, Великое море у евреев, Mare nostrum¹¹ у римлян, обрамленное пальмами, апельсиновыми рощами, алоэ, кактусами, наполненное благоуханием миртовых деревьев, окруженное высокими горами, насыщенное чистым, прозрачным воздухом, но непрестанно подверженное вулканическим извержениям, справедливо можно назвать полем битвы, на котором до сих пор происходит борьба Нептуна с Плутоном за обладание земным шаром. «На нем и на его берегах, – говорит Мишле, – человек погружается в самый благотворный климат всего земного шара».

Несмотря на всю красоту Средиземноморья, мне удалось сделать лишь весьма быстрый обзор этого бассейна, поверхность которого занимает два миллиона квадратных километров. Я даже лишен был возможности обратиться с расспросами к капитану Немо, так как эта загадочная личность ни разу не показалась за весь наш молниеносный переход по Средиземному морю. Я полагаю, что «Наутилус» сделал под водой около шестисот лье, и путь этот он совершил за двое суток: 16 февраля мы покинули берега Греции, а 18-го с восходом солнца прошли уже Гибралтарский пролив.

Очевидно, что Средиземное море, окруженное со всех сторон землей, не нравилось капитану Немо: слишком много воспоминаний, если не сожалений, пробуждали в нем эти волны. Ему здесь было тесно, и его «Наутилусу» тоже не хватало простора между сдвинутыми берегами Европы и Африки.

Таким образом, скорость, с которой мы шли, равнялась двадцати пяти милям в час, или двенадцати лье, по четыре километра каждое.

Нечего и говорить, что Нед Ленд, к великому своему сожалению, должен был отказаться от намерения сбежать с «Наутилуса». Лодкой нельзя было воспользоваться, так как судно неслось со скоростью от двенадцати до тринадцати метров в секунду. При таких условиях сойти с «Наутилуса» значило бы спрыгнуть с поезда, несущегося на всех парах, что было бы весьма неблагоразумно. Вдобавок корабль наш поднимался на поверхность воды только по ночам, чтобы запастись свежим воздухом, и следовал по указаниям компаса и лага.

В Средиземном море мне удалось видеть только то, что может уловить глаз пассажира скорого поезда из того ландшафта, который мелькает перед ним: отдаленные предметы были доступнее глазу, чем предметы более близкие, которые мелькали, как молния, перед глазами. Мы с Консейлем ухитрились, однако, рассмотреть некоторых рыб, которые, благодаря силе своих плавников, несколько минут соперничали в скорости с «Наутилусом» и плыли наравне с ним. Сидя у иллюминатора, мы делали наблюдения. Те заметки, которые я успел наскоро набросать, позволяют мне сделать короткий обзор рыб, обитающих в этом море.

Некоторых я успел разглядеть, других видел лишь мельком, о тех же, которых мне невозможно было рассмотреть, я не стану и упоминать. Говоря о них, позвольте мне придерживаться совершенно произвольной классификации, с помощью которой мне будет легче передать мои наблюдения.

Среди водной массы, освещаемой электрическим светом прожектора, мелькали миноги длиной в метр, свойственные почти всем морям. Длиннорылые скаты шириной в пять футов, с белым брюхом и пятнистой, пепельно-серой спиной, расстилались наподобие огромных платков, унесенных быстрым течением. Другие скаты мелькали так быстро перед глазами, что я не мог даже заключить, оправдывают ли они название морских орлов, которое

¹¹ Mare nostrum (*лат.*) – наше море.

дали им древние греки, или же их лучше назвать крысами, жабами или летучими мышами, как прозвали их новейшие рыбаки.

Собачьи акулы в двенадцать футов длиной, особенно страшные для водолазов, плыли наперегонки друг с другом. Морские лисицы, длиной восемь футов, одаренные замечательно тонким обонянием, словно какие-то синеватые привидения, мелькали перед глазами. Дорады из семейства морских карасей, длиной около тринадцати дециметров, блестали своим серебристо-лазоревым одеянием, опоясанным поперечными полосками, ярко выступавшими на темном фоне плавников, глаза у них оттенены золотистыми бровями. В древности эта рыба была посвящена Венере и до сих пор сохранила свою первобытную красоту, несмотря на то, что происхождение ее относится к отдаленнейшей геологической эпохе. Это одна из тех драгоценных пород, которые водятся во всех водах, в любом климате. Великолепные осетры, длиной от девяти до десяти метров, быстро двигаясь, сильно ударяли своими хвостами по нашим иллюминаторам, показывая свои голубоватые, испещренные коричневыми пятнами спины. Они очень похожи на акул, но уступают им в силе. Встречаются осетры повсюду. Весной они плывут обыкновенно вверх по большим рекам и любят бороться с течением Волги, Дуная, По, Рейна, Луары и Одера. Несмотря на то, что они принадлежат к классу хрящевых рыб, мясо их очень нежно. Их обыкновенно употребляют в пищу свежими, копченными, маринованными или солеными. Некогда осетры подавались с большой торжественностью на пиршествах Лукулла.

Из всех разнообразных пород рыб, обитающих в Средиземном море, которых мы заметили в то время, когда «Наутилус» поднимался на поверхность, лучше всего я разглядел представителей шестьдесят третьего рода костистых рыб. Это были тунцы, с темно-голубой спиной, серебристым брюхом, сверкающие в воде блестящими плавниками. Говорят, что они обыкновенно сопутствуют судам, стараясь под их защитой укрыться от раскаленного солнца тропических стран. Действительно, они гнались за «Наутилусом» точно так же, как гнались некогда за кораблями Лаперуз.

В продолжение нескольких часов они не уступали в скорости нашему судну. Я не мог налюбоваться этими милыми животными. Их строение вполне соответствовало быстроте передвижения: голова у них маленькая, тело гладкое и веретенообразное, грудные плавники сильно развиты и хвост раздвоенный. Длина некоторых тунцов доходила до трех метров. Плыли они треугольником, как известные перелетные птицы, которым они не уступают в скорости, поэтому древние народы обыкновенно говорили, что этим рыбам хорошо известны геометрия и стратегия. Тем не менее провансальцы, которые ценят тунца не менее жителей древней Пропонтиды и Италии, приспособились ловить его: безрассудные рыбы тысячами попадают в сети марсельцев.

Назову еще тех рыб Средиземного моря, которых нам с Консейлем удалось разглядеть. Беловатые морские угри мелькали неуловимою тенью перед нами. Извивались змееобразные мурены в три-четыре метра длиной, окрашенные в зеленые, голубые и желтые цвета. Проплывали мерланы, длиной в три фута, печень которых считается очень лакомым блюдом. Проносились триглы, которых поэты называют «рыба-лира», а моряки – морским петухом. Рот триглы оканчивается двумя треугольными пластинками, вырезанными наподобие кружева, которые имеют некоторое сходство с лирой Гомера. Триглы-ласточки плыли со скоростью птиц, отчего они и получили это название. Красноголовые морские судаки показывали свои спинные плавники, разукрашенные нитевидными волокнами. За ними шла сельдь-железница, испещренная черными, коричневыми, голубыми, желтыми и зелеными пятнами, чуткая к серебристому звуку колокольчика. Были здесь и великолепные палтусы, которых по справедливости можно назвать фазанами моря, ромбовидной формы, с желтоватыми плавниками в коричневых пятнышках, сверху их бока окрашены обыкновенно в коричневые и желтые цвета, что придает им вид мрамора. Наконец, проплыли целые стаи барабулек, этих

морских райских птичек, за которых римляне когда-то платили по десять тысяч сестерций за штуку. С большим удовольствием они следили, как эти рыбы, умирая на столе перед их глазами, постепенно меняют свою окраску, переходя от красного цвета горной киновари в мертвеннобледный.

Бешеная скорость «Наутилуса» была причиной того, что я не мог разглядеть ската-мирале, спинорогов, морских коньков, камбал, султанок, губанов, летучек и других рыб, живущих в водах Атлантического океана и Средиземного моря.

Что касается морских млекопитающих, то нам попались при входе в Адриатическое море три или четыре кашалота, с одним спинным плавником, как у всех кашалотовых, несколько дельфинов, свойственных Средиземному морю; передняя часть их головы разливнована маленькими светлыми полосками. Заметил я еще около дюжины тюленей с б ельм брюхом и черной шерстью, длиной не более трех метров. Их часто называют монахами, и действительно они напоминают доминиканцев.

Консейль успел разглядеть одну шестифутовую черепаху, снабженную на панцире тремя продольно выдающимися гребнями. Я очень сожалел, что упустил из виду это пресмыкающееся. По описанию Консейля, это был, по всей вероятности, редкий вид черепахи (*Testudo coriacea*). Самому мне удалось заметить лишь нескольких съедобных черепах, с удлиненным панцирем.

В продолжение нескольких минут удалось также полюбоваться и зоофитами. Одна великолепная оранжевая галеолярия зацепилась за иллюминатор – это было длинное волокно, ветвящееся бесчисленным множеством отростков-щупальцев, имевших вид тончайшего кружева; сомневаюсь, чтобы соперники Арахны – пауки могли сплести что-нибудь подобное. К сожалению, невозможно было выловить этот замечательный экземпляр.

Вероятно, мне не удалось бы увидеть других животных и растений, если бы «Наутилус» не снизил внезапно свою скорость. И вот почему.

В ту минуту мы плыли между Сицилией и берегом Туниса. В этом узком месте между мысом Бон и Сицилией дно моря внезапно поднимается на большую высоту, так что глубина составляет не более семнадцати метров, тогда как с обеих сторон этой возвышенности она равна ста семидесяти. «Наутилусу» для того, чтобы не наткнуться на эту подводную преграду, пришлось принять меры предосторожности, поэтому он и пошел медленнее.

Я указал Консейлю на карте Средиземного моря то место, где находится этот подводный хребет.

– Да это, с позволения их чести, настоящий перешеек, соединяющий Европу с Африкой, – заметил Консейль.

– Да, мой друг, – отвечал я, – он совершенно преграждает Тунисский пролив, и измерения Сmita доказали, что материки некогда соединялись между собой в том месте, где находятся мысы Бон и Фарин.

– Это очень вероятно, – сказал Консейль.

– Я полагаю, что подобная преграда существовала между Гибралтаром и Сеутой, в геологическую эпоху она замыкала вход в Средиземное море.

– А что, если, с позволения их чести, теперь вулканические силы опять поднимут эту преграду над поверхностью моря? – вскрикнул Консейль.

– Это невозможно, – возразил я.

– Пусть их честь позволяет мне докончить: если бы это случилось теперь, то господин Лессепс, который прорывает перешеек, был бы очень недоволен этим!

– Конечно, но, повторяю, подобный феномен невозможен в наше время. Сила магмы постепенно уменьшается. Вулканы, столь многочисленные прежде, мало-помалу угасают, внутренний жар уменьшается. Теперь можно даже вычислить, насколько снизилась темпе-

ратура внутренних слоев земного шара в течение столетия. Это составляет большой ущерб для нашей планеты, ибо теплота – ее жизнь.

– А солнце?

– Одного солнца недостаточно для этого, Консейль. Разве оно может оживить мертвца?

– Не думаю!

– Следовательно, друг мой, и земля наша когда-нибудь уподобится охладевшему телу. Она станет так же необитаема, как необитаема Луна, которая уже давно утратила свою жизненную теплоту.

– А сколько для этого понадобится веков? – спросил Консейль. – Когда это может случиться?

– Через несколько сотен тысячелетий.

– Стало быть, – отвечал Консейль, – времени нам хватит, чтобы закончить наше подводное путешествие, если только Нед Ленд нам не помешает!

И успокоенный Консейль принял снова наблюдать неровное дно, пользуясь тем, что «Наутилус» из предосторожности шел на средней скорости.

Там, на скалах вулканического происхождения, распустился целый цветник морских губок, голотурий, прозрачных как стекло, ктенофор-цидиппов, называемых гладкими, с красноватыми усиками и легким фосфоресцирующим блеском; ктенофор обыкновенных, известных также под названием морских огурцов, подвижных морских лилий-коматул, пурпур которых окрашивал воду, древовидных лилий-эвриалий красоты необыкновенной, длинноветвистых павоний, морских ежей, употребляемых в пищу, и зеленых актиний с сероватым стволом и коричневым диском, теряющимся в массе своих щупальцев оливкового цвета.

Внимание Консейля преимущественно направлено было на моллюсков и членистоногих, и хотя номенклатура их и страдает неполнотой, тем не менее, желая отдать должное доброму малому, я привожу его личные наблюдения.

Делая обзор моллюсков, он называет многочисленные семейства двустворчатых: гребневидных, лазурных спондилов, громоздящихся друг на друге; треугольных донаций; трехзубых стеклушек с желтыми плавниками и прозрачными раковинами; оранжевых плевробранхий; яйцевидок, усеянных зеленоватыми точками; аплизий, известных также под названием морских зайчиков; скоблюшек; мясистых ацеров-зонтичников, характерных исключительно для Средиземного моря: морских ушек-галиотис, раковина которых производит довольно ценный перламутр; морских гребешков, которых ландексы, говорят, предпочитают устрицам; кловисов бородавчатых, столь ценимых марсельцами; крышчатых гребешков с раковинами самых разнообразных цветов, углубившихся в свои норы морских фиников-литофагов, на вкус как бы приправленных перцем; морщиноватых сердцевидок с раковиной, выгнутой на верхушке и выпуклой по краям; цинтий, сплошь покрытых пурпурными пузырьками; карниарий, своей загнутой верхушкой напоминающих легкие гондолы; венценосных феролов; атлантов с раковиной спиральной формы; серых с белыми пятнами фетид, одетых в свои бахромчатые покрывала; эолисов, похожих на небольших слизней; каволин, ползающих на спине; аурикул, скалярий, кабашонов, пандор и многих других.

Членистоногих Консейль в своих записках совершенно правильно разделил на шесть классов, из которых половина принадлежит морю.

Ракообразные, в свою очередь, подразделяются на девять отрядов, и первый из них включает десятиногих, то есть животных, голова и грудь которых большей частью слиты, ротовой аппарат состоит из нескольких пар члеников и которые имеют пять пар лапок, служащих им для передвижения. Консейль, согласно учителю нашему Мильн-Эдварду, разделил этот отряд на три подотряда: короткохвостых, длиннохвостых и среднехвостых.

Названия эти звучат несколько дико, но они понятны и точны. Между короткохвостыми Консейль называет крабов-аматов, вооруженных двумя большими, расходящимися на лбу шипами, крабов-инахусов, неизвестно почему служивших грекам символом мудрости, некоторых видов шлемоносных ламбров, вероятно, случайно попавших в этот неглубокий район, ибо обыкновенно они предпочитают большие глубины. Он включил сюда также пилумний, зубчатых корнетов, эбалий, кораллин и других.

Среди длиннохвостых Консейль видел лангустов обыкновенных, мясо которых известно своим вкусом, или так называемую морскую саранчу, прибрежных гебий и многие другие виды употребляемых в пищу ракообразных, не упоминая, однако, о семействе обыкновенных омаров, или морских раков вообще. Наконец, среди среднехвостых он наблюдал дроцин обыкновенных, обживающих покинутые раковины раков-отшельников, порцелланов и других.

На этом работа Конселя остановилась. Он не успел пополнить класс ракообразных обзором ротоногих, разно- и равноногих, бокоплавов и других видов. А в дополнение к изучению морских членистоногих он должен был упомянуть и о кольчцах, которых, в свою очередь, пришлось бы разделить на трубчатых и на свободноживущих.

Но «Наутилус», миновав неровное дно Тунисского пролива, вышел в более глубокие воды и пошел, как обычно, очень быстро. С этих пор не видно было уже ни моллюсков, ни членистоногих, ни других зоофитов. Кое-где подобно теням мелькали огромные рыбы.

В ночь с 16 на 17 февраля мы вступили во второй бассейн Средиземного моря, наибольшая глубина которого достигает трех тысяч метров. «Наутилус», повинуясь рулю глубины, скользя наклонными плоскостями, опустился в недра морских вод. Здесь, как бы взамен чудес естественных, я увидел следы человеческих бедствий.

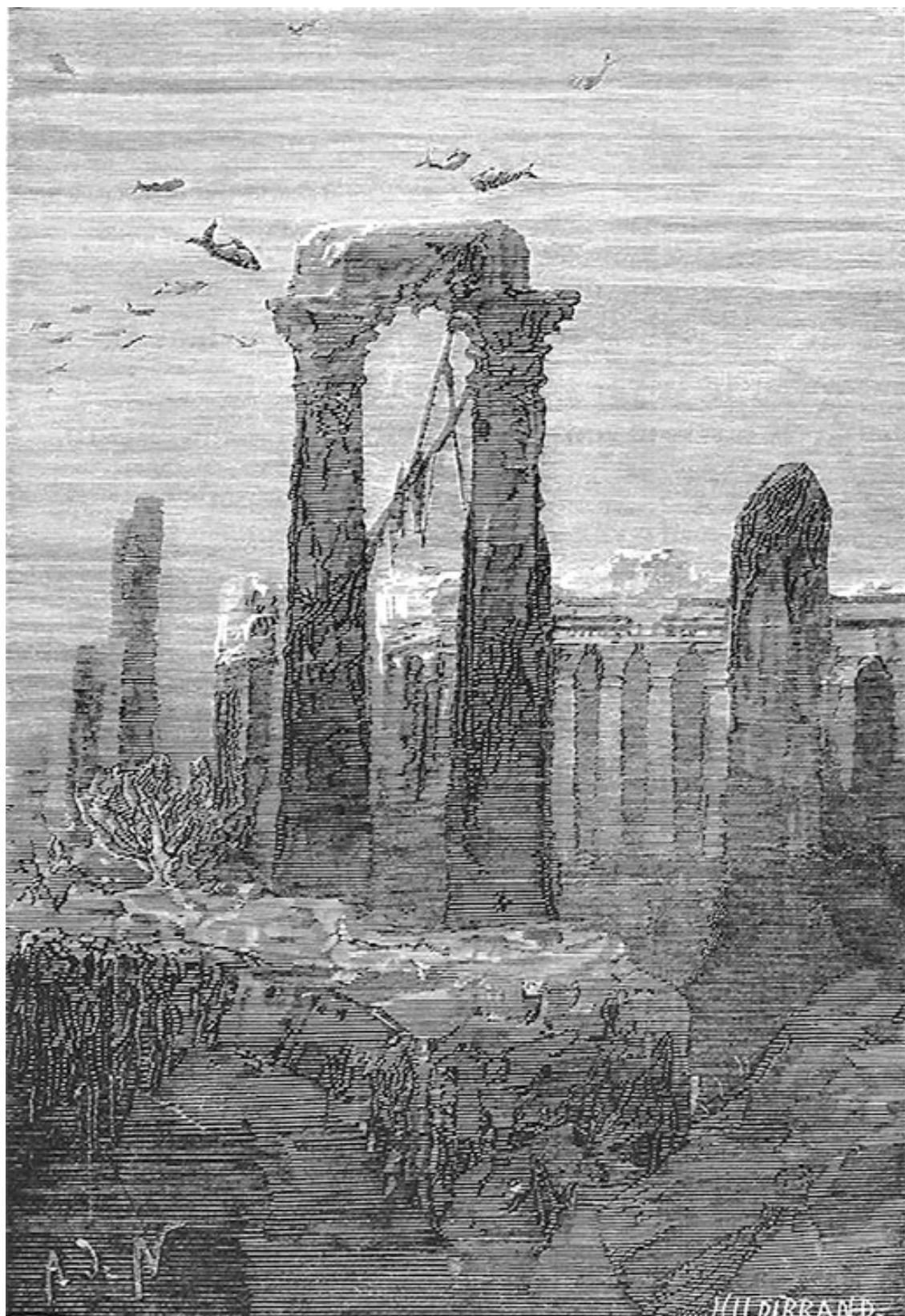
Мы находились в той части Средиземного моря, которая так обильна катастрофами. Сколько кораблей здесь потерпело крушений, сколько судов бесследно исчезло между берегов Алжира и Прованса! В сравнении с громадным бассейном Тихого океана Средиземное море представляется не более как озером, но озером капризным, с изменчивыми волнами. Сегодня оно благосклонно и ласково к хрупкому судну, скользящему как бы по воздуху между небом и водой, а завтра яростное, бурное, вздывающееся от шторма, разрушающее самые крепкие корабли частыми ударами без устали бьющих о них громадных волн.

Во время этой быстрой подводной прогулки сколько ужасающих картин разрушения представлялось моим глазам! Здесь на дне покоились различные обломки кораблей, одни уже опутанные кораллами, другие покрыты только ржавчиной — якоря, пушки, ядра, разные железные корабельные украшения, пароходные винты, обломки машин, разбитые цилиндры, котлы с выбитым дном, корабельные остовы, покачивающиеся водой.

Все эти потерпевшие крушение корабли погибли при столкновении или разбились о подводные скалы. Некоторые затонули совершенно отвесно, с уцелевшими мачтами, с такелажем, окостеневшим от морской воды. Казалось, они стояли на якоре в этой огромной пристани и ждали сигнала к отплытию. Когда «Наутилус» проходил между ними, освещая их своим электрическим светом, чудилось, что вот-вот эти корабли будут приветствовать его и выкинут свои флаги! Но нет, безмолвие и смерть царили в этой области бедствий!

Я заметил, что морское дно по мере приближения «Наутилуса» к Гибралтарскому проливу все более и более покрыто этими зловещими останками. Здесь берега Африки и Европы теснее сближаются между собой, и в этом узком пространстве столкновения судов случаются очень часто. Я видел множество железных остовов, фантастических развалин пароходов. Одни из них совсем опрокинулись, другие еще стояли, изображая собой каких-то приводящих в ужас животных. Один из таких пароходов, с пробоиной в борту, согнутой трубой, колесами, от которых остался один только обод, рулем, оторванным от ахтерштевня, но висящим еще на железной цепи, задним планширом, изъеденным морскими солями, представлял

ужасный вид! Сколько погибших, сколько жертв принесло это кораблекрушение! Спасся ли хоть один матрос, чтобы рассказать об ужасном бедствии, или волны хранят роковую тайну? Не знаю почему, но у меня мелькнула мысль, что этот погруженный в морскую бездну пароход тот самый «Атлас», исчезнувший бесследно лет двадцать тому назад! Что за ужасное повествование получилось, если бы можно было рассказать о всех тайнах пучины Средиземного моря, этой необозримой могилы, где погибло столько богатств, где столько жизней обрели вечный покой!

Между тем «Наутилус» быстро и равнодушно мчался среди этих развалин. 18 февраля около трех часов утра он прибыл ко входу в Гибралтарский пролив.

Там находятся два течения: течение верхнее, известное издавна, несущее волны океана в бассейн Средиземного моря, и течение встречное, нижнее, существование которого доказано ныне научным путем. Действительно, уровень воды Средиземного моря, непрерывно

пополняемый водами Атлантического океана и реками, впадающими в него, должен бы ежегодно повышаться, ибо одних испарений его недостаточно для сохранения равновесия. Естественно, следовало предположить существование нижнего течения, которое через Гибралтарский пролив несет избыток вод Средиземного моря в бассейн Атлантического океана.

Факт доказанный. Этим-то встречным течением воспользовался «Наутилус», быстро проходя через узкий пролив. Перед моими глазами промелькнули чудесные развалины храма Геркулеса, если верить Плинию и Авиценне, погребенного вместе с островом, на котором он был сооружен. Спустя несколько минут мы уже неслись по волнам Атлантического океана.

Глава восьмая Залив Виго

Атлантический океан! Это необозримое громадное пространство воды, поверхность которой занимает двадцать пять миллионов квадратных миль, длиной девять тысяч миль, а шириной две тысячи семьсот. Море очень важное по своему значению, о котором, однако, мало знали древние, за исключением, может быть, карфагенян, этих голландцев Древнего мира, которые в своих торговых странствованиях объездили западные берега Европы и Африки! Океан, береговые извилины которого имеют громаднейший периметр. Водоем, в который впадают величайшие в мире реки: Святого Лаврентия, Миссисипи, Амазонка, Ла-Плата, Ориноко, Нигер, Сенегал, Эльба,盧ара, Рейн, орошающие страны, как самые цивилизованные, так и самые дикие! Величественная водная равнина, несущая корабли всех наций, охраняемая силами всего мира и заканчивающаяся двумя ужасными точками, наводящими страх на мореплавателей, – мысом Горн и мысом Доброй Надежды!

«Наутилус» прошел около десяти тысяч лье за три с половиной месяца. Куда теперь мы направимся? Что ожидает нас в будущем?

Выходя из Гибралтарского пролива, «Наутилус» вступил в открытый океан и всплыл на поверхность. Таким образом, наши ежедневные прогулки по палубе возобновились.

Я сразу поспешил туда в сопровождении Неда Ленда и Консейля. На расстоянии двенадцати миль неясно обрисовывался мыс Сан-Винсенте, который является крайней юго-западной точкой Пиринейского полуострова. Дул довольно сильный южный ветер. Океан бушевал, и «Наутилус» шел, переваливаясь с волны на волну. Оставаться на платформе было почти невозможно: ее каждую минуту захлестывало водой, обдавая нас морской пеной и брызгами. Мы снова спустились вниз, успев подышать свежим воздухом.

Я отправился в свою каюту. Консейль пошел к себе, но канадец, чем-то озабоченный, последовал за мной. Наш быстрый переход по Средиземному морю не позволил ему привести в исполнение свои планы, и он нисколько не скрывал своего неудовольствия.

Когда дверь моей каюты закрылась, он сел и молча стал смотреть мне в глаза.

– Друг Нед! – сказал я ему. – Я вас понимаю, но вы ни в чем не можете себя упрекнуть. При тех условиях, при которых «Наутилус» плавал до сих пор, думать о побеге было бы безумием!

Нед Ленд ничего не ответил. Губы его были сжаты, брови нахмурены.

– Послушайте, Нед, – продолжал я, – отчаиваться еще рано. Мы идем вдоль берегов Португалии. Недалеко от нас Франция, Англия, где мы легко можем найти убежище. Другое дело, если бы «Наутилус» по выходе из Гибралтара направился на юг, где нет материков, тогда и я разделял бы ваше беспокойство. Но мы теперь видим, что капитан Немо не уходит от морей цивилизованных стран, и через несколько дней, я полагаю, вы можете более или менее безопасно устроить...

Нед Ленд еще пристальнее на меня посмотрел, разжал губы и произнес:

– Сегодня вечером.

Я вскочил с места. Признаюсь, подобное известие стало для меня полной неожиданностью. Я хотел ответить канадцу, но слова замерли у меня на языке.

– Мы условились ждать удобного случая, – продолжал Нед Ленд. – Случай этот представляется. Сегодня вечером мы будем в нескольких милях от испанского берега. Ночь темная. Ветер с открытого моря. Вы дали честное слово, Аронакс, и я рассчитываю на вас.

Я все еще молчал, канадец встал, подошел ко мне и произнес:

– Сегодня вечером, в девять часов. Я предупредил Консейля. В это время капитан Немо запрется в своей каюте и, вероятно, ляжет спать. Ни механики, ни матросы не смогут нас

увидеть. Консейль и я сейчас проберемся к центральному трапу. Вы останетесь в библиотеке, в двух шагах от нас, и подождете моего сигнала. Весла, мачта и парус в шлюпке. Я отнес туда немного провизии и достал ключ, которым можно отвинтить крепеж шлюпки. Стало быть, все готово. До сегодняшнего вечера.

— Море неспокойно! — сказал я.

— Согласен с этим, — ответил канадец, — но приходится рисковать. Это стоит того. К тому же шлюпка надежная, и несколько миль при попутном ветре не составят труда. Нечего откладывать! Кто поручится, что завтра мы не будем на сто лье в открытом море? Если все пойдет благополучно, к одиннадцати часам, может, пристанем уже к какому-нибудь клочку земли. Итак, до вечера.

Сказав это, канадец ушел. Я был ошеломлен. Я предполагал, что случай бежать представится не скоро, что я буду иметь время все обдумать и обсудить. Упрямый товарищ не давал мне на это времени. Да, в конце концов, что я ему могу возразить? Нед Ленд вполне прав. Представлялся случай, он пользовался им. Мог ли я, действуя в личных интересах, брать на себя ответственность за будущее своих спутников? Завтра капитан Немо разве не может выйти в открытое море?

В эту минуту довольно сильный свист дал мне знать, что резервуары наполнились воздухом и «Наутилус» погружается в океанские глубины.

Я не пошел в салон и остался в своей каюте, желая избежать встречи с капитаном и опасаясь, что не сумею скрыть своего волнения.

Так провел я томительный день, колеблясь между желанием получить свободу и сожалением, что покину этот чудесный «Наутилус», не закончив свои подводные исследования!

Покинуть таким образом океан, «мою Атлантику», как я любил называть его, не заглянув в его сокровенные недра, не вырвав у него ни одной из тех тайн, которые открыли мне Индийский и Тихий океан! Мой роман ускользнул от меня с первого же тома, страница обрывалась на самом интересном месте, мои мечты прерывались в самый прекрасный момент!

Как мучительно тянулось время. Я то видел себя в безопасности на сушке с моими товарищами, то желал, вопреки рассудку, чтобы какое-нибудь непредвиденное обстоятельство помешало осуществлению планов Неда Ленда. Два раза я заходил в салон, желая проверить по компасу, действительно ли «Наутилус» шел близ берегов Португалии или же отдался от них. Но нет, «Наутилус» продолжал держаться около португальских берегов, направляясь на север.

Как бы то ни было, но надо было готовиться к побегу. Багаж мой не был тяжелым: одни записки и более ничего.

А капитан Немо? Что он подумает, какие заботы, какой вред может причинить ему наш побег и как он поступит в случае, если этот побег не удастся? Конечно, у меня не было причин быть недовольным им, напротив, никогда гостеприимство не было более искренним. То, что я покидал его, не могло быть приписано неблагодарности. Никакая клятва не связывала меня: я даже не давал ему никаких обещаний. Он полагался не на нас, не на наше слово, а на силу обстоятельств. Но намерение держать нас пленниками на своем судне оправдывало искушение бежать.

Я не видел капитана со времени нашего посещения острова Санторин. Не сведет ли нас до побега какая-либо случайность?

Я желал встречи и в то же время боялся. Я прислушивался, не раздаются ли шаги в его каюте, смежной с моей, но не улавливал никаких звуков. В каюте, видимо, никого не было.

Тут мне пришла мысль: а на борту ли таинственный капитан?

С той ночи, когда шлюпка отправилась для исполнения какого-то секретного поручения, я стал иначе думать о капитане. Теперь я подозревал, что у него сохранились кое-какие связи и с землей, и с людьми. Кто знает, может быть, он часто отлучается с «Наутилуса»?

Случалось, что проходили целые недели, в продолжение которых я ни разу с ним не встречался. Что делал капитан Немо в это время, где был? Я раньше думал, что он страдает припадками мизантропии, но очень может быть, что он в это время был далеко, выполняя тайную миссию...

Но что это за миссия, чем он занимался? Подобные мысли осаждали меня. Поле для догадок при том странном положении, в котором мы находились, было обширно. Я испытывал мучительное беспокойство. Часы ожидания казались мне вечностью.

Обед мне подали, как и всегда, в мою каюту. Но есть я не мог и встал из-за стола в семь часов. Сто двадцать минут – я считал их – отделяли меня от того мгновения, когда я должен был присоединиться к Неду Ленду. Волнение мое возрастало. Пульс бился учащенно. Я не мог сидеть спокойно, ходил взад и вперед по каюте. Мысль о неудаче мало меня заботила, но при мысли, что наши намерения будут открыты раньше, чем мы покинем «Наутилус», что нас приведут к раздраженному или, еще хуже, огорченному капитану Немо, сердце мое трепетало.

Мне захотелось заглянуть в салон в последний раз. Я пришел в этот музей, где провел столько полезных и приятных часов. Я смотрел на все собранные здесь богатства, на все эти сокровища как человек, который завтра должен отправиться в вечное изгнание и никогда их более не увидит.

Я прощался с этими чудесами природы и произведениями искусства, около которых столько дней была сосредоточена моя жизнь, я должен был их покинуть, покинуть навсегда! Я хотел посмотреть на воды Атлантики, но иллюминаторы были герметически закрыты и ставни из листовой стали отделяли меня от этого океана, который мне был еще совсем незнаком.

Прохаживаясь таким образом по салону, я подошел к потайной двери в стене, которая вела в каюту капитана Немо.

К моему большому удивлению, дверь была полуотворена. Я невольно отступил от нее. Если бы капитан Немо был в своей каюте, он мог увидеть меня. Но все было тихо. Я подошел ближе – каюта была пуста. Толкнув дверь, я вошел внутрь и огляделся – все то же суровое жилище отшельника.

Несколько гравюр на стенах, которых в первый визит я не заметил, бросились мне в глаза. Это были портреты великих исторических личностей, всецело посвятивших себя служению человечеству. Здесь был и Костюшко – герой, павший с криком «Конец Польше!», Боцарис – Леонид современной Греции, О'Коннел – борец за независимость Ирландии, Вашингтон – основатель Североамериканского союза, Манин – итальянский патриот, Линкольн – павший от пули рабовладельца, и, наконец, мученик, боровшийся за освобождение негров, Джон Браун, вздернутый на виселице, – страшный рисунок в карандаше, выполненный Виктором Гюго.

Какая связь существовала между этими героями и капитаном Немо? Была ли возможность, исходя из этого собрания портретов, разгадать тайну его жизни? Был ли он защитником угнетенных народов, освободителем невольников? Участвовал ли он в последних политических или социальных волнениях нашего века? Был ли он одним из героев гражданской войны в Америке, войны прискорбной и памятной?

Вдруг часы пробили восемь. Первый же удар прервал мои мысли. Я вздрогнул и бросился вон из каюты капитана. В салоне глаза мои остановились на компасе. Мы все еще плыли на север. Лаг показывал умеренную скорость, манометр – глубину около шестидесяти футов. Обстоятельства, стало быть, благоприятствовали планам канадца.

Я вернулся в свою каюту, надел теплую одежду, морские сапоги, шапку из кожи выдры, куртку из биссуса, подбитую тюленьей шкурой, и стал ждать. Только стук работающей машины нарушал глубокое безмолвие, царившее на «Наутилусе».

Я напряженно прислушивался: вдруг услышу шум голосов, который мне скажет, что намерение Неда Ленда бежать открыто? Смертельная тревога овладела мной. Тщетно старался я обрести хладнокровие.

В девять часов без нескольких минут я приложил ухо к двери каюты капитана. Ни единого звука! Я снова отправился в салон, погруженный в полутьму и по-прежнему пустой.

Я открыл дверь в библиотеку. Та же полутина, то же безмолвие. Затем я отправился к двери, выходившей к центральному трапу, и стал ждать сигнала Неда Ленда. В эту минуту сотрясения корпуса судна стали уменьшаться и, наконец, совсем прекратились. Почему мы остановились? Хорошо это или плохо для планов Неда Ленда?

Тишина нарушилась теперь лишь биением моего сердца.

Внезапно я почувствовал легкий толчок. Я понял, что «Наутилус» опустился на дно океана. Беспокойство мое усилилось. Канадец не подавал никаких сигналов. Я охотно отправился бы к нему и предложил отложить побег до другого раза, так как наше плавание совершилось теперь не в обычных условиях.

В эту минуту дверь открылась, и на пороге появился капитан Немо. Увидев меня, он любезно сказал:

— А я вас искал, профессор. Знакомы ли вы с историей Испании?

Можно основательно знать историю своего отечества и все-таки при том волнении, какое я испытывал, не ответить и растеряться. Так со мной и случилось.

— Что же? — продолжал капитан. — Вы слышали мой вопрос?

— Очень плохо, — отвечал я.

— Вот вам и учёные! — произнес капитан. — Садитесь, я вам расскажу любопытный эпизод из истории Испании.

Капитан расположился на диване, я машинально сел около него.

— Профессор, — сказал он, — слушайте меня внимательно. История эта заинтересует вас потому, что она вам ответит на один вопрос, который, без сомнения, вы еще не решили.

— Я вас слушаю, капитан, — сказал я, не зная, на что он намекает, и спрашивая себя, не относится ли этот случай к задуманному нами побегу.

— Профессор, — продолжал капитан Немо, — если вам угодно, мы начнем с 1702 года. Вам небезызвестно, что в это время французский король Людовик XIV посадил на испанский престол своего внука, герцога Анжуйского. Принц этот, царствовавший под именем Филиппа V, должен был вести войны с сильными внешними врагами. Еще в 1701 году царствующие дома Голландии, Австрии и Англии заключили в Гааге договор с целью отнять корону Испании у Филиппа V, чтобы возложить ее на голову одного эрцгерцога, которого они называли Карлом III.

Испания была вынуждена бороться против этой коалиции. У нее почти не было ни армии, ни флота. В деньгах, однако, недостатка не было, если только испанским галионам, привозившим из Америки золото и серебро, удавалось входить беспрепятственно в порты. В конце 1702 года ожидался богатый транспорт,escortируемый французской эскадрой из двадцати трех кораблей под командованием адмирала Шато-Рено. Конвой испанских судов объяснялся присутствием в водах Атлантического океана кораблей коалиции.

Транспорт ждали в Кадиксе, но когда адмирал узнал, что англичане крейсируют около этих мест, он решил войти в один из французских портов. Испанские капитаны воспротивились этому намерению: они потребовали, чтобы транспорт непременно ввели в испанский порт, если не в Кадикс, то хотя бы в гавань Виго, на северо-западном берегу Испании, еще не занятую неприятелем.

Адмирал Шато-Рено малодушно согласился на их требование, и испанский флот вошел в гавань Виго. К несчастью, эта гавань представляла собой открытый рейд, непригодный

для обороны. Так что надо было быстрее разгружать суда до прихода вражеских кораблей. Времени было достаточно.

Но дело затянуло ничтожный спорный вопрос.

— Следите вы за ходом событий? — спросил вдруг капитан Немо.

— Разумеется, капитан, — отвечал я, еще не понимая, по какому поводу мне давали урок истории.

— Я продолжаю. Вот что случилось. Кадикские негоцианты пользовались привилегией принимать все товары, прибывающие из Вест-Индии. А разгрузка судов с золотом в Виго означала нарушение их прав. Они обратились с жалобой в Мадрид, и слабовольный Филипп V отдал приказ, чтобы суда не разгружали до тех пор, пока из Кадиса не удалится вражеский флот.

Тем временем английские корабли подошли к бухте Виго. Это было 22 октября 1702 года. Адмирал Шато-Рено отбивался храбро, несмотря на превосходящие силы противника. Когда же он увидел, что вверенные ему богатства могут достаться врагам, он поджег и затопил свой флот, и все галионы затонули вместе со всеми несметными сокровищами.

Капитан Немо умолк. Сознаюсь, я еще не понимал вывода из всей этой истории.

— Что же дальше? — спросил я.

— А то, Аронакс, что мы сейчас находимся именно в гавани Виго, — ответил мне Немо, — и вы можете, если хотите, взглянуть на тайны, скрытые под здешними водами.

Он встал и попросил меня следовать за собой. К этому времени я уже взял себя в руки и спокойно пошел за капитаном.

В салоне было темно, но сквозь иллюминаторы блестели океанские воды. Освещаемая прожектором на полукилометр вокруг «Наутилуса» вода сверкала электрическимиискрами. Ясно было видно чистое песчаное дно. Матросы в скафандрах раскапывали полуусгнившие бочки, продавленные ящики и прочий груз, почерневший от времени. Из этих ящиков и бочексыпались слитки золота и серебра, лился дождь пиастров и драгоценных камней. На песке лежали груды этих сокровищ. Нагрузившись ценной кладью, матросы шли к «Наутилусу», складывали там свой груз и снова возвращались к неисчерпаемому источнику.

Я понял, что здесь было место сражения 22 октября 1702 года. Здесь были затоплены галионы с золотом для испанского правительства. Сюда капитан Немо приходил за миллионами для пополнения запасов «Наутилуса». Ему одному Америка доставила эту дань. Он стал единственным наследником всех богатств, отнятых у инков и ацтеков, побежденных Кортесом.

— Известно ли вам было, профессор, что в море скрывалось такое богатство? — спросил меня, улыбаясь, капитан Немо.

— Я знал, что приблизительно два миллиона тонн серебра в растворенном виде содержится в морской воде.

— Да, но выделять это серебро из воды — игра не стоит свеч. А я лишь собираю то, что люди потеряли, и не только в бухте Виго, но еще и в других местах кораблекрушений, обозначенных на моей подводной карте. Понимаете ли вы, что богатство свое я могу исчислять миллиардами?

— Понимаю, капитан. Но позвольте вам заметить, что эксплуатацией этой гавани вы опередили труд целой акционерной компании.

— Какой компании?

— Той самой, которая купила у испанского правительства привилегию на право работ по розыску этих затонувших галионов. Акционеры рассчитывают на громадные доходы, так как сокровища оцениваются более чем в пятьсот миллионов.

— Пятьсот миллионов! — вскрикнул капитан. — Да, тут было пятьсот миллионов, но теперь их уже нет!

— Это верно, — отвечал я. — И мне кажется, не мешало бы предупредить об этом акционеров. Неизвестно, впрочем, как бы они это восприняли. Игрок обыкновенно меньше горюет о проигрыше, чем о крушении надежд на выигрыш. Я, по правде сказать, больше жалею тех несчастных бедняков, которых могло бы спасти правильное распределение этих богатств. Да! Много добра можно было бы сделать с помощью этих богатств, а теперь они потеряны.

Сказав это, я тотчас почувствовал, что капитан Немо оскорбился.

– Потеряны! – повторил он с живостью. – Вы полагаете, профессор, что эти сокровища потеряны, потому что они попали в мои руки? Вы думаете, что я ради собственной выгоды подбираю эти слитки и камни? Кто вам сказал, что я не употребляю их на доброе дело? Разве вы думаете, я не знаю, что есть обездоленные люди, угнетенные народы? Что много несчастных требуют утешения, многие жертвы еще не отомщены? Понимаете вы…

Капитан Немо замолчал, не окончив фразы. Может быть, он пожалел, что сказал лишнее, но я и так все понял.

Какие бы причины ни заставили его уйти от людей и искать независимости в морских глубинах, он все-таки остался человеком. Страдания человеческие были ему близки, он горячо сочувствовал всем порабощенным и угнетенным, оказывая им помощь.

Я понял, кому предназначались «бесполезные», как я прежде думал, миллионы, отправленные в сундуке капитана Немо, когда «Наутилус» вступил в воды острова Крит, охваченного восстанием.

Глава девятая Исчезнувший материк

На другой день, 19 февраля, ко мне вошел Нед Ленд. Я ждал его. Он, видимо, был очень огорчен и раздосадован.

– Ну что, профессор? – спросил он меня.

– Что делать, Нед! Вчера случай нам не благоприятствовал!

– Да! И надо же было этому окаянному капитану остановиться именно в тот час, когда мы задумали бежать!

– У него было дело к банкиру, Нед.

– К банкиру?

– Вернее сказать, ему надо было побывать в банке. Океан – это его банк, и я полагаю, что здесь его богатства гораздо целее, чем в государственном банке...

Я рассказал канадцу про вчерашний случай, втайне надеясь этим соблазнить его и незаметно привести к мысли никогда не покидать капитана, но мой рассказ пробудил в Неде только сожаление.

– Эх, мне бы туда! Я бы им задал маху! Я бы... – Помилуйте, Нед, – говорю ему.

– Ну да ничего! – прервал он меня. – Не все еще потеряно. Раз оборвалось, в другой, может, повезет! С нынешнего вечера надо...

– Куда теперь направляется «Наутилус»? – спросил я.

– Не знаю, – отвечал Нед.

– Ну в полдень мы это узнаем.

Канадец отправился к Консейлю, а я оделся и пошел в салон. Компас показывал, что «Наутилус» направляется на юго-запад.

Мы, значит, повернулись спиной к Европе! Я не без волнения ожидал отметки координат на карте. Около половины двенадцатого наш корабль выплыл на поверхность океана.

Я бросился на палубу, но Нед Ленд уже опередил меня.

Никакой земли в виду! Ничего, кроме необозримого океана. Несколько парусов на горизонте – наверно, суда, которые идут до мыса Сан-Роке, чтобы обогнуть мыс Доброй Надежды.

Погода пасмурная.

Нед был взбешен. Он пытался, напрягая зрение, проникнуть взглядом сквозь туман на горизонте. Он надеялся, что за этим туманом лежит желанная земля.

В полдень солнце показалось лишь на одно мгновение. Лейтенант воспользовался этим и определил его высоту. Начинался шторм, и мы спустились с платформы, люк закрыли.

«Наутилус» снова ушел под воду.

Через час, взглянув на карту, я увидел, что «Наутилус» находится на $16^{\circ}17'$ долготы и $33^{\circ}22'$ широты, в ста пятидесяти лье от ближайшего берега.

О побеге нечего было и думать. Я предоставляю вам судить, как рассердился канадец, когда я сообщил ему о положении корабля. Я, со своей стороны, не очень отчаялся. Я словно освободился от тяжкого груза и мог заняться своими обычными работами спокойно; разумеется, спокойствие это было относительным.

Около одиннадцати часов вечера меня совершенно неожиданно посетил капитан Немо. Он очень любезно спросил, не чувствую ли я усталости после вчерашней бессонной ночи. Я отвечал отрицательно.

– В таком случае, Аронакс, я вам предложу любопытную экскурсию.

– Хорошо, капитан.

— Вы посещали подводные глубины только днем, при свете солнца. Не хотите ли их увидеть в темную ночь?

— С большим удовольствием.

— Предупреждаю вас, что эта прогулка будет очень утомительной. Надо будет идти долго и взбираться на гору. Дороги там не совсем исправны.

— Все, что вы мне говорите, капитан, только удваивает мое любопытство. Я готов следовать за вами.

— Только сначала, профессор, надо надеть скафандры.

В гардеробной товарищей моих не было. В этот раз капитан не предложил мне, как прежде, пригласить с собой Неда или Консейля.

Через несколько минут мы были уже готовы. На спину нам прикрепили резервуары с запасом воздуха, но электрических фонарей не дали.

— А электрические фонари? — спросил я.

— Они будут бесполезны, — отвечал капитан.

Я подумал, что плохо расслышал, но не мог уже переспросить его, потому что голова капитана исчезла в металлическом шлеме. Я тоже заключил свою голову в медный шар, мне вложили в руки палку с железным наконечником, и через несколько минут мы ступили на дно Атлантического океана на глубине трехсот футов.

Приближалась полночь. В воде было совершенно темно, но капитан Немо показал мне на красноватую точку вдали — какое-то светлое мерцание милях в двух от «Наутилуса». Огонь? Что это был за огонь? Какое вещество могло светиться в жидкой среде — я не мог себе объяснить. Как бы то ни было, этот огонек освещал нам путь. Светил он, правда, неярко, но я быстро освоился в этих, так сказать, темно-пурпурных сумерках.

Мы с капитаном шли рядом, держа путь прямо на этот свет. Плоское дно постепенно повышалось. Несмотря на большие шаги, которые мы могли делать с помощью палок, мы все-таки двигались медленно, потому что ноги часто вязли в каком-то месиве из водорослей и мелких камней.

Вдруг над головой послышался мелкий частый стук. Временами он переходил в какую-то барабанную дробь. Скоро я понял, что это дождь.

«Теперь я промокну до костей!» — невольно подумал я.

Но я опомнился и расхохотался. Промокну от дождя в воде! Под толстым скафандром не чувствуешь, что находишься в воде, и только ощущаешь, что окружающая среда немного плотнее воздуха, — вот и все.

После полуторачасовой ходьбы почва стала каменистее. Медузы, микроскопические ракообразные, морские водоросли излучали слабый фосфоресцирующий свет. Я замечал груды камней, покрытых миллионами причудливых зоофитов и водорослей. Ноги часто скользили по вязкому ковру водорослей, и без железной палки я бы очень часто падал. Обращаясь, я все еще видел беловатый свет прожектора «Наутилуса», который уже бледнел вдали.

Груды камней, о которых я только что говорил, были расположены с некоторой геометрической правильностью, которую я не мог объяснить. Гигантские борозды терялись в темноте, были также и другие странности. Мне казалось, что мои тяжелые сапоги со свинцовой подошвой раздавливали подстилку из костей. Но как они могли здесь оказаться? Я хотел спросить капитана, но еще не освоил разговор знаками, который он употреблял со своими товарищами во время подводных прогулок.

Между тем красноватый свет, руководивший нами в пути, становился все ярче, словно зарево пожара. Этот свет, этот огонь среди водной стихии сильно меня заинтриговал. Приближался ли я к феномену, еще неизвестному ученым земли? Или это устроили руки человеческие? Не люди ли поддерживали это пламя? Может, я встречу в этих подводных глуби-

нах товарищей, друзей капитана Немо, живущих, как и он, своеобразной жизнью, которых капитан хотел навестить? Может, я встречу там целую колонию изгнанников, нашедших независимость в глубине океана?

Все эти безумные мысли преследовали меня, и мало-помалу я так замечтался, что мне уже казалось естественным встретить в океанских глубинах один из тех подводных городов, о которых когда-то упоминал капитан Немо.

Становилось все светлее. Беловатый свет истекал из-за горы высотой около восьмисот футов. Хотя то, что я видел, было только отражением света, преломленным в воде. Сам очаг этого необъяснимого сияния находился на противоположном склоне горы.

По лабиринту камней, который загромождал дно Атлантического океана, капитан Немо шел без всякого колебания. Он знал эту дорогу, без сомнения, часто по ней ходил и не мог заблудиться, так что я шел за ним с непоколебимым доверием. Он казался мне гением морей, и, когда он шел передо мной, я любовался его высокой фигурой, резко выделявшейся на фоне зарева.

К часу ночи мы подошли к первым горным склонам, но чтобы приблизиться к ним, надо было пройти по чуть заметной тропинке среди густой чащи. Это была чаща мертвых деревьев, окаменевших от действия морской воды. Они стояли без листвьев, без жизненных соков, то там, то здесь возвышались гигантские ели.

Это была какая-то каменноугольная копь, совершенно цельная, не слежавшаяся. Деревья еще держались за почву корнями, окаменевшие ветви вырисовывались на светлом фоне воды, как узорчатые вырезки из черной бумаги. Представьте себе лес Гарца, но лес затопленный. Тропинка заросла водорослями, между которыми копошились ракообразные. Я взбирался на гору, шагая через поваленные стволы, разрывая морские лианы, качавшиеся между деревьями, разгоняя рыб, перелетавших с ветки на ветку, как птицы.

Увлекшись, я не чувствовал усталости и шел вслед за своим неутомимым вожатым.

Какое зрелище! Как передать его? Как нарисовать вид этого подводного леса и этих подводных скал, их темные подошвы, крутые уступы, вершины, окрашенные пурпурным светом? И слева, и справа зияли мрачные темные галереи, в которых терялся взгляд. Иногда вдруг перед нами открывались огромные лужайки, как будто расчищенные рукой человека, и я думал, что вот-вот сейчас покажется какой-нибудь подводный житель.

Капитан Немо все шел вверх, я не хотел отставать и бодро следовал за ним. Моя палка оказывала мне большую услугу. Каждый неверный шаг мог быть весьма опасен на этих узких тропах по краям пропасти, но я шагал уверенно, не чувствуя головокружения. То я перепрыгивал через расщелины, то переходил по стволам, переброшенным через бездонные пропасти, стволы эти гнулись подо мной, но я не смотрел под ноги и нисколько не боялся.

Будь все это на земле, я не был бы таким храбрецом!

Гигантские утесы наклонялись так, что, казалось, готовы были рухнуть, но держались вопреки закону равновесия. В расщелинах стояли деревья, громадные скалы нависали над ними, но не падали! Несмотря на тяжелую одежду, на металлический шлем и свинцовые подошвы, я не чувствовал тяжести земного тяготения из-за плотности водной среды и поднимался на скалы с легкостью серны.

Мой рассказ об этой подводной экскурсии может показаться неправдоподобным. А между тем я передаю то, что видел собственными глазами.

Вскоре мы миновали полосу деревьев. В ста футах над нашими головами возвышалась остраконечная горная вершина, отбрасывающая тень. Кое-где виднелись окаменелые кустарники, рыбы косяками поднимались из-под наших ног, как птицы, застигнутые в высокой траве. Повсюду непроходимые трещины, глубокие пещеры, бездонные щели.

Кровь застыла у меня в жилах, когда мне загораживали дорогу громадный рог, чудовищное щупальце или страшная клешня, а потом с шумом втягивались в глубину тем-

ных гротов. Тысячи светящихся точек поблескивали в полумраке – то были глаза гигантских ракообразных, которые жались по норам, исполинских омаров, которые поднимались, словно воины, вооруженные алебардами, и, пошевеливая клешнями, производили не то скрежет, не то визг, точно отодвигали железные засовы, огромных крабов, которые стояли на своих лапах, как пушки на лафетах, и страшных осьминогов, щупальца которых были похожи на клубок живых змей.

Я не мог надолго останавливаться; капитан Немо, привыкший ко всем этим ужасам и чудесам, шел вперед, и мне надо было не отставать от него. Мы дошли таким образом до плоскогорья, где меня ожидали новые сюрпризы.

Здесь мне представились живописные развалины, которые были творением человеческих рук, а не чудом природы. Можно было еще угадать архитектурные формы дворцов, храмов и домов, покрытых пестрым ковром зоофитов и обвитых водорослями вместо плюща.

Какая это часть земного шара была поглощена наводнением? Где я? Куда привела меня фантазия капитана Немо?

Я догнал капитана Немо, схватил его за руку и остановил, но он указал мне на вершину горы, как бы желая сказать:

«Иди! Иди вперед! Выше!»

Я поспешил за ним, и через несколько минут мы взобрались на горный пик, который возвышался метров на десять над всей каменистой массой.

Я посмотрел в ту сторону, откуда мы только что пришли: гора возвышалась футов на семьсот или на восемьсот, но с противоположной стороны она была вдвое выше, поднимаясь отвесно над впадиной Атлантического океана. Перед моими глазами расстипалось огромное пространство, озаренное ярким светом.

Это был вулкан.

В пятидесяти футах ниже, среди дождя камней и шлака из широкого кратера извергались ручьи лавы, которые рассыпались огненным каскадом в лоно воды. Вулкан, как огромный факел, освещал равнину у своего подножия до самой границы горизонта.

Я сказал, что подводный кратер извергал расплавленную лаву, а не пламя. Для пламени нужен кислород, а его не может быть под водой, но потоки раскаленной добела лавы, соприкасаясь с водой, образуют пар. Пар быстро рассеивается, а ручьи лавы текли до низа горы, как при извержении Везувия на Торре дель Греко.

Перед моими глазами расстипался разрушенный, исковерканный, низвергнутый и мертвый город; вот обрушившиеся стены, обвалившиеся крыши, поверженные храмы, разбитые своды, лежащие на земле колонны, вот гигантский остов водопровода, следы набережной, вот длинный ряд рухнувших зданий, широкие пустынные провалы бывших улиц – одним словом, новая Помпейя, скрытая под водой, которую капитан Немо воскресил перед моими глазами.

Где я? Где? Я хотел это знать, хотел даже сорвать медный шлем с головы, чтобы спросить капитана. Но он сам подошел ко мне и знаком остановил меня. Затем он поднял кусок мелового камня, приблизился к базальтовой черной скале и начертал одно слово: «Атлантида».

Я едва устоял на ногах от волнения.

Атлантида!

Исчезнувший материк, существование которого отрицали Ориген, Порфирий, Ямблих, д'Анвиль, Мальбрэн, Гумбольдт, считая его историю легендой, и который признавали Посидоний, Плиний, Аммиан Марцеллин, Тертуллиан, Энгель, Шерер, Турнефор, Бюффон, д'Аvezак. Теперь Атлантида лежала перед моими глазами, представляя неопровергимые свидетельства катастрофы! Известно было, что она находилась между Европой, Азией и Ливией, по ту сторону Геркулесовых Столбов! Вот там жило могущественное племя атлантов, с которыми греки вели свои первые войны!

Платон рассказал о великих делах этих героических времен. Его повествование о Тимее и Критии написано, так сказать, под влиянием Солона, поэта и законодателя.

Однажды Солон беседовал с несколькими учеными старцами из Саиса, города, насчитывающего уже тогда около восьми столетий, о чем свидетельствовали летописи, высеченные на священных стенах храмов. Один из этих старцев рассказал историю одного города, который был древнее Саиса на тысячу лет. Этому афинскому городу было девятьсот столетий, когда на него напали атланты и частично его разрушили. Эти атланты, говорил старец, занимали огромный материк, который был больше Африки и Азии, взятых вместе, и простирался от 12° до 40° северной широты. Власть атлантов распространялась даже на Египет. Они хотели подчинить себе и Грецию, но отступили перед неукротимыми эллинами. Пропали века. Землетрясения и наводнения обрушивались на нашу планету. В одни сутки Атлантида была уничтожена. Только самые высокие вершины – Мадейра, Азорские и Канарские острова, острова Зеленого Мыса – видны и теперь.

Я все это вспомнил при виде надписи капитана Немо.

Так вот куда привела меня судьба. Я стоял на вершине горы загадочного материка. Я дотрагивался рукой до развалин зданий, современных геологическим эпохам! Я шел по тем же местам, по которым ходили современники первого человека! Я давил тяжелыми подошвами кости животных, живших в баснословные времена под сенью деревьев, теперь превращенных в камни.

Ах! Я не мог здесь походить, посмотреть, как хотелось! С какой радостью я спустился бы по крутому откосу, прошел весь этот огромный материк, который, без сомнения, соединял Африку с Америкой, и посетил эти допотопные города! Там, может быть, я увидел бы единственный Махимос, благочестивый Эусебес, где гиганты жили целые века и обладали такой силой, что могли сложить в груды эти скалы! Когда-нибудь, может статься, сила извержения снова поднимет на поверхность эти развалины, погребенные под водой! В этой части океана много подводных вулканов; многие суда, плавая в этих неспокойных водах, ощущали силь-

ные толчки, сотрясавшие их корпус. Одни слышали глухой шум, другие видели вулканический пепел, выбрасываемый со дна моря. Вся эта часть нашей планеты, вплоть до самого экватора, коробится еще от действия плутонических сил. И кто знает, когда-нибудь, не скоро, разумеется, вулканические извержения и накопляющиеся слои лавы приведут к тому, что вершины огнедышащих гор снова появятся на поверхности Атлантического океана!

Пока я мечтал таким образом и старался хорошо запомнить все, что видел, капитан Немо, облокотясь на памятник, поросший мхом, стоял неподвижно, как бы окаменев от немого восторга.

Может быть, он думал об исчезнувшем поколении или искал здесь разгадку тайн человеческих судеб?

Чего бы не дал я за то, чтобы узнать его мысли, понять их и разделить с ним!

Мы оставались на этом месте целый час, созерцая раскинувшуюся у наших ног огромную равнину при блеске раскаленной лавы, временами блеск этот становился ослепительным. От внутреннего клокотания по поверхности горы пробегала дрожь. Глухой гул вулкана отдавался в жидкой среде.

В это время сквозь толщу воды на минуту проглянула луна, бросив свои бледные лучи на затонувший континент. Что это было за зрелище! Капитан встал, бросил последний взгляд на огромную равнину и подал мне знак следовать за ним.

Мы быстро сошли с горы. Миновав ископаемый лес, я увидел вдали прожектор «Наутилуса», который блестел как звезда. Капитан прямо пошел на этот свет. Мы взошли на борт судна в то самое время, когда первые лучи восходящего солнца коснулись поверхности океана.

Глава десятая Подводные каменноугольные копи

На другой день, 20 февраля, я проснулся очень поздно. Ночная усталость продлила мой сон до одиннадцати часов. Я быстро оделся и поспешил узнать направление «Наутилуса». Приборы показывали, что мы плыли на юг со скоростью двадцать миль в час на глубине сто метров.

Когда пришел Консейль, я рассказал ему о ночной прогулке, и так как иллюминаторы были открыты, он смог мельком увидеть часть затопленного материка.

«Наутилус» плыл всего в десяти метрах над Атлантидой, как воздушный шар, который ветер проносит над земными лугами, вернее сказать, мы сидели у иллюминаторов, как в вагоне курьерского поезда.

На первом плане мы видели скалы фантастической формы, деревья, перешедшие из царства растительного в царство ископаемых, их неподвижные окаменелые силуэты дрожали иискажались набегавшими волнами. Груды камней скрывались под ковром морских анемонов, ворсом которого были длинные вертикальные водоросли, наплывы лавы, странно искривленные, – все свидетельствовало о непомерной силе вулканических извержений.

Пока причудливые пейзажи проплывали перед нами в фокусе прожектора «Наутилуса», я рассказывал Консейлю об атлантах, история которых так вдохновила Балья.

Я говорил ему об Атлантиде, как человек, который уже не сомневается в ее существовании. Но Консейль слушал меня довольно невнимательно, впрочем, его рассеянность вскоре объяснилась.

Множество рыб привлекли его внимание, а при виде рыб Консейль обычно погружался в дебри классификации и уносился за пределы действительности. Мне оставалось только последовать его примеру и заняться вместе с ним ихтиологией.

Впрочем, рыбы Атлантического океана не слишком резко отличались от тех, которых мы уже видели в других морях. Здесь были скаты-гиганты диаметром пять метров; большая мышечная сила позволяет им выбрасываться из воды, а потом они с шумом падают на ее поверхность. Голубая акула, в пятнадцать футов длиной, с острыми треугольными зубами, была почти незаметна в морской воде. Коричневые морские караси держались стайками. Осетры были похожи на осетров Средиземного моря. Морские рыбы-иглы длиной в полтора фута, желто-коричневые, с маленькими серыми плавниками, без зубов и без языка, извивались в воде, как змеи.

Среди костистых рыб Консейль заметил черноватую мечрубу длиной три метра, с острым мечом на верхней челюсти. Его заинтересовала ярко окрашенная рыба, известная во времена Аристотеля под названием морского дракона; прикасаться к ее спинным колючкам очень опасно. Корифена, или золотая макрель, показывала свою коричневую с голубыми полосками спину. Луна-рыба, похожая на диск, отливалась серебром и лазурью. Саблянки длиной восемь метров плавали группами, грудные и спинные плавники у них в виде серпов, а хвостовой плавник длиной шесть футов имеет форму полумесяца. Эти животные, скорее травоядные, нежели рыбоядные, повиновались малейшему знаку своих самок, как хорошо вышколенные мужья.

Наблюдая различные образцы океанской фауны, я не переставал рассматривать равнины Атлантиды. Иногда «Наутилус» замедлял ход и скользил с ловкостью китообразного по узким проходам между холмами. Случалось, этот лабиринт становился непроходимым, и тогда подводный корабль поднимался, как аэростат, перелетал препятствие и снова опускался, чтобы плыть в нескольких метрах над уровнем дна. Это удивительное и увлекатель-

ное плавание напоминало полет на воздушном шаре, с той только разницей, что «Наутилус» повиновался руке рулевого.

Около четырех часов вечера грунт, состоящий главным образом из густого ила, смешанного с минерализованными ветками, мало-помалу становился более каменистым, усеянным конгломератами, базальтовыми туфами и кусками лавы. Я подумал, что горы скоро придут на смену равнине. В самом деле, я увидел, что горизонт загорожен высокой горной стеной, которая, казалось, закрывала все выходы. Ее вершина, очевидно, была выше уровня океана. Возможно, это было подножие материка или по меньшей мере острова – одного из Канарских островов или островов Зеленого Мыса.

Координаты местности не были нанесены на карту – может статься, умышленно, – и я не знал, где именно мы находимся. Во всяком случае, эта стена показалась мне концом Атлантиды, весьма малую часть которой нам довелось обозреть.

Ночь не прервала моих наблюдений. Я остался один, Консейль ушел в свою каюту. «Наутилус», уменьшив ход, плыл или, лучше сказать, вился над неясно обозначавшимися массивами, то чуть не касался почвы, как будто собирался сесть на дно, то всплывал на поверхность. Сквозь прозрачную воду я мельком увидел несколько созвездий – пять или шесть зодиакальных звезд, которые составляют хвост Ориона.

Долго еще я оставался у иллюминатора, любуясь красотами моря и неба, пока не задви-нулись металлические жалюзи.

В это время «Наутилус» приблизился к высокой стене. Какие маневры капитан Немо использовал, чтобы преодолеть гранитную преграду, я не знаю. Пришлось отправиться в свою каюту. «Наутилус» не двигался. Я лег с твердым намерением проспать несколько часов.

На другой день я вошел в салон в восемь часов. Манометр показывал, что «Наутилус» всплыл на поверхность океана. Я слышал шум шагов на платформе, но корабль стоял неподвижно, так как не ощущалось никакой качки.

Я поднялся по трапу, люк был открыт. Но вместо дневного света, который я ожидал увидеть, меня окружила глубокая темнота.

Где мы? Не ошибся ли я? Может, еще ночь не кончилась? Нет! Ни одной звезды на небе, к тому же ночью не бывает такой абсолютной тьмы.

Я не знал, что и думать. Вдруг около меня раздался голос:

– Это вы, профессор?

– А! Капитан Немо! – вскрикнул я. – Где мы?

– Под землей, профессор.

– Под землей! – вскрикнул я. – И «Наутилус» все плывет?

– Он всегда плывет.

– Но я не понимаю!

– Подождите несколько минут. Сейчас включат прожектор, и если вы больше любите свет, чем темноту, то будете удовлетворены.

Я вышел на палубу и стал ждать. Тьма была такая, что я даже не видел капитана Немо, а между тем у себя над головой я замечал какой-то свет, вернее, полусвет, который, казалось, падал из круглой щели.

В эту минуту зажгли прожектор, и меня залило таким ярким сиянием, что я на секунду даже закрыл глаза.

«Наутилус» стоял неподвижно около крутого берега, похожего на набережную. Море преобразилось здесь в озеро, заключенное в кольцо каменных стен диаметром две мили, или шесть миль в окружности. Высокие наклонные стены образовывали что-то вроде свода с круглым отверстием, через которое проникал рассеянный дневной свет.

Прежде чем внимательнее исследовать внутреннее устройство этой огромной пещеры и доискиваться, была ли это работа природы или рук человеческих, я подошел к капитану Немо.

— Где мы находимся? — спросил я.

— В самой середине потухшего вулкана, — отвечал мне капитан, — море, вероятно вследствие какого-нибудь землетрясения, залило его. Пока вы спали, профессор, «Наутилус» про ник в эту лагуну через естественный канал, открытый в десяти метрах ниже поверхности океана. Здесь наша пристань, надежная, удобная, скрытая от всех и укрывающая от плохой погоды и от всех ветров.

— В самом деле, — сказал я, — здесь вы в безопасности, капитан. Кто может найти вас в этом центре вулкана? Но в его вершине, кажется, есть отверстие?

— Да, это кратер, когда-то извергавший лаву, пар и пламя.

Теперь он пропускает свежий воздух, которым мы дышим.

— Но что это за вулкан? — спросил я.

— Он принадлежит к бесчисленным островкам вулканического происхождения, которыми усеяны эти воды. Для других судов это просто подводный риф, а для нас — огромная пещера. Мне открыл ее случай, чем оказал большую услугу.

— А нельзя ли спуститься сюда через кратер вулкана?

— Невозможно. Нельзя даже подняться. На сто футов от основания горы еще можно забраться, а затем стены становятся неприступными.

— Я вижу, капитан, что природа всегда и везде служит вам. На этом озере вы в безопасности, никто, кроме вас, сюда не проникнет. Но к чему вам это убежище? «Наутилус» не нуждается в гавани.

— Да, профессор, в гавани не нуждается, но нуждается в электричестве для своего плавания. А чтобы добить электричество, нужны элементы, которые необходимо снабдить натрием, а чтобы добить натрий, нужен уголь, а для добывания угля нужны каменноугольные копи. Здесь море скрывает целые леса, затопленные еще в геологические эпохи. Они теперь минерализовались и превратились в каменный уголь и служат мне неисчерпаемым источником топлива.

— Ваши матросы, значит, исполняют должность рудокопов, капитан?

— Именно. Эти копи простираются под водой, как и угольные шахты Ньюкасла. Одетые в скафандры, с кирками и лопатами в руках, матросы добывают каменный уголь, который я не должен выпрашивать у земли. Когда я зажигаю уголь, чтобы получить натрий, дым вырывается из кратера и придает горючий вид еще действующему вулкану.

— И мы увидим ваших матросов за этой работой?

— Нет, по крайней мере на этот раз, потому что я должен продолжать кругосветное путешествие... За один день мы погрузим на «Наутилус» хранящиеся здесь запасы, а затем пойдем дальше. Если вы хотите осмотреть эту пещеру и обойти лагуну, то воспользуйтесь сегодняшним днем.

Я поблагодарил капитана и пошел искать Неда и Консейля, которые еще не выходили из своей каюты. Я пригласил их с собой, не объясняя, где мы находимся. Когда мы вышли на палубу, Консейль, который ничему не удивлялся, нашел очень естественным заснуть под водой, а проснуться под горой. Нед Ленд думал только о том, не имеет ли эта пещера несколько выходов.

После завтрака, около десяти часов, мы сошли на берег.

— Вот мы опять на земле! — сказал Консейль.

— Я не хочу говорить, что мы на «земле»! — заметил канадец. — Мы скорее под землей, чем на земле!

Между подошвой горы и озером находился песчаный берег, который в самом широком месте имел около пятисот футов. По этой ровной полосе песка можно было обойти вокруг озера. У самой скалы почва была усеяна живописными грудами вулканических осколков и огромными кусками пемзы. От действия подземного огня все это словно покрылось лаком и сверкало в свете электрического фонаря. Слюдянистая пыль поднималась под нашими ногами и разлеталась облаком искр.

Дно пещеры за полосой песка заметно повышалось, и мы скоро дошли до извилистых уступов, тянувшихся вверх наподобие лестницы. Подниматься по ним было чрезвычайно трудно. Надо было осторожно идти среди груд конгломератов, ничем не скрепленных между собой, и ноги скользили на этих стекловидных трахитах, состоявших из кристаллов, полевого шпата и кварца. Вулканическая природа этих огромных пещер подтверждалась.

— Представьте себе, — сказал я своим спутникам, — что здесь было, когда этот кратер наполнялся кипящей лавой и когда уровень этой жидкости, раскаленной добела, поднимался до самого жерла, как расплавленный металл в доменной печи.

— Я, с позволения их чести, себе это представляю очень хорошо, — отвечал Консейль, — только я не понимаю, почему остановилась эта плавка и почему горнило вулкана заменилось тихими водами этого озера?

— Очень вероятно, Консейль, что в результате землетрясений под поверхностью океана образовалось это отверстие, по которому прошел «Наутилус». Тогда воды Атлантического океана устремились внутрь горы, произошла страшная борьба двух стихий, и дело кончилось в пользу Нептуна. Но много веков прошло с тех пор, и затопленный вулкан преобразился в тихий грот.

— Все это отлично! — сказал Нед Ленд. — Только жаль, что это отверстие, про которое вы говорите, находится не на уровне моря!

— Но, друг Нед, — отвечал Консейль, — если бы этот проход не был подводным, то «Наутилус» не вошел бы в него.

— А я добавлю, мистер Ленд, что тогда вода не прошла бы под гору и вулкан остался бы вулканом. Итак, ваши сожаления напрасны.

Мы продолжали подъем в гору. Уступы становились все круче и все более суживались. Иногда их перерезали глубокие трещины, через которые надо было перескакивать. Приходилось обходить выступающие острые камни, взбираться на четвереньках, ползти на животе. Но благодаря ловкости Консейля и силе Неда Ленда все препятствия были преодолены.

На высоте около тридцати метров почва изменилась: место конгломератов и трахитов занял черный базальт.

Между базальтовыми глыбами извивались длинные ручьи застывшей лавы, покрытые смолистыми полосами, местами стлались широкие серные ковры. Свет, проходя сквозь кратер, слабо освещал все вулканические извержения, погребенные в недрах погасшего вулкана.

На высоте примерно двухсот пятидесяти футов нас остановило непредвиденное препятствие. Стены пещеры стали отвеснее и начали переходить в свод, так что прямое восхождение уже было невозможно.

В этом месте царство растительное начинало спорить с царством минералов. Несколько кустов и даже небольших деревьев росло в трещинах между камнями.

Здесь рос молочай с едким соком. Гелиотропы, не оправдывавшие в этом месте своего названия, потому что солнечные лучи никогда не доходили до них, печально склоняли свои цветочки. Там и тут чахлые златоцветы робко выглядывали из-за алоэ с длинными болезненными листьями. Но между ручьями лавы цвели маленькие фиалки, испускавшие легкое благоухание. Я, признаюсь, с величайшим наслаждением вдыхал их аромат. Запах — это душа цветка, а морские растения, великолепные водоросли — бездушны!

Мы пришли к подножию роскошного драконового дерева, драцены драко, которое раздвигало утесы своими сильными корнями.

Вдруг Нед Ленд вскрикнул:

– Профессор! Улей!

– Улей! – отвечал я. – Что это вы, Нед, бредите?

– Улей! Улей! – повторял канадец. – И вокруг него жужжат пчелы!

Я подошел и должен был поверить в очевидное. В дупле драконового дерева ютилось несколько тысяч пчел. Пчелы вовсе не редкость на Канарских островах, и их продукция там очень ценится.

Совершенно ясно, что Ленд пожелал запастись медом, в чем я ему не препятствовал.

Охапка сухих листьев, смешанных с серой, вспыхнула от искр его огнива, и он начал выкуривать пчел. Жужжение мало-помалу прекратилось, улей опустел и предоставил нам несколько литров душистого меда, которым Нед Ленд наполнил свою сумку.

– Я смешаю этот мед с тестом из хлебного дерева и угощу вас таким пирогом, что просто объеденье! – сказал он.

– Это будет не пирог, – сказал Консейль, – а пряник!

– Пряник так пряник, – сказал я. – Однако пойдемте дальше.

Через несколько поворотов тропинки озеро показалось внизу во всей своей красе. Проектор освещал его спокойную поверхность, на которой не было ни ряби, ни зыби. «Наутилус» стоял неподвижно, на его платформе и на берегу двигались матросы, их черные тени резко выделялись на фоне освещенных скал.

Мы обогнули гряду скальных уступов, которые поддерживали свод, и я увидел, что не только пчелы были представителями животного царства в недрах этого вулкана. Хищные птицы парили и кружились над нами, с шумом вылетая из гнезд, прилепившихся в неприступных местах. Это были ястребы с белой грудью, крикливая пустельга и жирные дрофы.

Предоставляю вам судить, какая алчность обуяла Неда при виде вкусной дичи и как он сокрушался, что с ним нет ружья.

Он попробовал заменить свинец камнями и после многих неудачных попыток ранил великолепную дрофу. Если сказать, что он раз двадцать рисковал жизнью, чтобы завладеть ею, то это будет чистейшая правда, но он все-таки присоединил птицу к своей добыче.

Мы должны были спуститься на берег, потому что базальтовая гряда стала непроходимой. Над нашими головами зияющий кратер казался широким отверстием колодца. С этого места было видно небо, я даже видел, как по нему бежали рваные облака, причем неслышно они на небольшой высоте, потому что иногда они закрывали жерло, а вулкан поднимался под уровнем океана примерно на восемьсот футов.

Полчаса спустя после последнего подвига Неда Ленда мы достигли берега.

Здесь флору представляла камнеломка, или дикий укроп. Это мелкое зонтичное растение служит отличной приправой. Консейль собрал несколько пучков, благо ее здесь было много.

Что же касается фауны, то представителями ее явились тысячи ракообразных: омары, крабы-отшельники, мизиды, креветки, сенокосцы, галатеи, а также великое множество моллюсков, спрятанных в своих раковинах.

Мы нашли великолепный грот, вошли туда и с удовольствием растянулись на мягкем песке. Огонь отполировал базальтовые стены и посыпал их искрящейся слюдяной пылью.

Нед Ленд ощупывал стены и постукивал по ним, пытаясь определить их толщину, и я не мог удержаться от улыбки, наблюдая за ним.

Разговор зашел, по обыкновению, о побеге. Я счел возможным сказать, что капитан Немо повернулся на юг только для того, чтобы возобновить запас натрия, что теперь он, воз-

можно, пойдет к берегам Европы или Америки и что тогда удобнее будет исполнить задуманное.

Мы лежали в этом прелестном гроте уже час. Разговор, сначала очень оживленный, постепенно затих; нас клонило в сон. Спешить было некуда, и я не стал противиться сну.

Мне снилось – ведь сны себе выбирать нельзя, – мне снилось, что я превратился в моллюска, что этот грот не грот, а моя двустворчатая раковина… Меня разбудил голос Консейля.

– Скорей, скорей! – кричал он.

– Что случилось? – спросил я, приподнимаясь.

– Вода! Вода! Вода прибывает!

Я вскочил на ноги. Море врывалось в наше убежище, как прорвавший препятствие поток.

– Скорей! Скорей! – кричали мы друг другу.

Через несколько минут мы уже были в безопасности.

– Что это делается? – спросил Консейль. – Какой-нибудь новый феномен?

– Нет, – отвечал я, – это прилив, такой же прилив, какой застиг и героев Вальтера Скотта! Уровень океана поднимается, и поестественному закону равновесия уровень озера также повышается. Мы отделались ножной ванной! Теперь бегом к «Наутилусу»!

Через три четверти часа мы явились на корабль. Экипаж уже заканчивал погрузку, и «Наутилус» мог с минуты на минуту пуститься в путь.

Но капитан Немо не отдавал никакого приказа. Он хотел дождаться ночи и выйти незамеченным из этого подводного канала?

Может быть!

Как бы то ни было, на другой день «Наутилус» уже шел в открытом океане на глубине нескольких метров.

Глава одиннадцатая Саргассово море

Направление «Наутилуса» не менялось. Надежда на возвращение к берегам Европы рушилась. Капитан Немо держал курс на юг.

Куда он направлялся? Я не смел и думать об этом.

В этот день «Наутилус» прошел по теплому району Атлантического океана.

Все знают о существовании большого теплого течения Гольфстрим. От берегов Флориды оно направляется к Шпицбергену и Новой Земле. Но прежде чем войти в Мексиканский залив, примерно на 44° северной широты, течение разделяется на два рукава; один, главный, рукав идет к берегам Ирландии и Норвегии, а другой – на юг к Азорским островам, потом касается африканских берегов, описывает удлиненную дугу и возвращается к Антильским островам.

Этот второй рукав скорее похож на кольцо, чем на рукав, и окружает своими теплыми водами ту холодную, спокойную и неподвижную часть Атлантического океана, которую называют Саргассовым морем. Это поистине озеро посреди Атлантического океана, воды Гольфстрима обходят его окружность только за три года.

Саргассово море, собственно говоря, покрывает всю потопленную Атлантиду. Некоторые ученые даже считают, что многочисленные плавающие острова водорослей, которыми усеяно это море, раньше были прибрежными зарослями этого древнего материка. Но, вероятнее всего, эти водоросли приносятся в Саргассово море с берегов Европы и Америки течением Гольфстрим. Вид плавучей зелени заставил Колумба подозревать о существовании Нового Света. Когда суда смелого мореплавателя вошли в Саргассово море, то с большим трудом смогли пробраться среди множества водорослей. К великому ужасу экипажа, они боролись с ними три недели, пока выплыли.

Таково было море, где теперь находился «Наутилус», – настоящий луг, покрытый водорослями, так густо и так плотно, что форштевень судна с трудом прорезывал их.

Капитан Немо, опасаясь за целость винта, держался на глубине нескольких метров.

Название это море получило от испанского слова «*sargazzo*», что значит «водоросль». Плавучие водоросли образуют громадные растительные рифы. И вот почему, по замечанию Маури, автора «Физической географии земного шара», они соединяются в тихом бассейне Атлантического океана: «Если поместить в сосуде с водой соломинки или какие-нибудь плавающие тела и воде в сосуде сообщить круговое движение, то увидим, что разрозненные соломинки соединяются группой в центре сосуда, то есть в пункте меньшего колебания. Вообразите, что сосуд – Атлантический океан, круговое течение – Гольфстрим, а центр, где собираются плавающие тела, – Саргассово море».

Я разделяю мнение Маури и мог изучить этот феномен в условиях среды, обычно редко посещаемой судами.

Над нами плавали собранные в груду среди бурых водорослей стволы деревьев, поваленные бурей в Андах или в Скалистых горах и приплывшие по течению Амазонки или Миссисипи, многочисленные обломки кораблекрушений, остатки килей, части оснастки, вырванные обшивные доски, до того отягощенные раковинами, что не могли уже подняться на поверхность океана.

Время оправдает, возможно, и другое мнение Маури, что эти предметы, скапливающиеся таким образом в продолжение веков, превратятся в руду от действия морской воды и образуют тогда неистощимые залежи каменного угля. Драгоценный запас, который предусмотрительная природа подготовит к тому времени, когда люди исчерпают копи материков.

Среди непроходимой путаницы водорослей виднелись прелестные альционарии розоватого цвета, актинии с длинными щупальцами, красные, голубые, зеленые медузы, и между ними корнероты Кювье, синеватый диск которых окаймлен фиолетовыми зубчиками.

Весь день 22 февраля мы провели в Саргассовом море, где рыбы, большие охотницы до ракообразных и морских растений, находят себе обильную пищу. На другой день океан принял свой обычный вид.

С этой минуты, то есть с 23 февраля по 12 марта, в течение девятнадцати дней «Наутилус», держась середины Атлантического океана, нес нас с равномерной скоростью, доходившей до ста лье в сутки. Очевидно, капитан Немо задался целью в точности исполнить предназначеннную программу; я был убежден, что он намерен, обогнув мыс Горн, вернуться в южные воды Тихого океана.

Опасения Неда Ленда были обоснованны. Здесь, в открытом океане, совершенно лишенном островов, нечего было и думать о бегстве. Осталось лишь покориться своей участи.

Однако у меня была слабая надежда подействовать силой убеждения там, где хитрость и сопротивление ни к чему не вели. Не согласится ли капитан Немо по окончании путешествия освободить нас, взяв клятву никому не говорить о его существовании?

Приступить к этому нужно было очень осторожно. Надо было искусно воспользоваться благоприятной минутой, так как капитан в самом начале решительно объявил, что его тайна требует нашего вечного заточения на «Наутилусе». Теперь, вероятно, он был уверен, что мое четырехмесячное молчание было следствием того, что я совершенно покорился своей участи. Поднять этот вопрос теперь значило бы возбудить его опасения, а это могло только навредить осуществлению нашего замысла. Все это я взвесил и обдумал, а потом поделился своими соображениями с Консейлем, который был встревожен не менее меня. В конце концов, мы уже теряли всякую надежду когда-либо увидеть себе подобных людей, и эта мысль, несмотря на то, что я не склонен поддаваться унынию, приводила меня в содрогание, особенно теперь, когда капитан Немо на всех парах летел к южной части Атлантического океана!

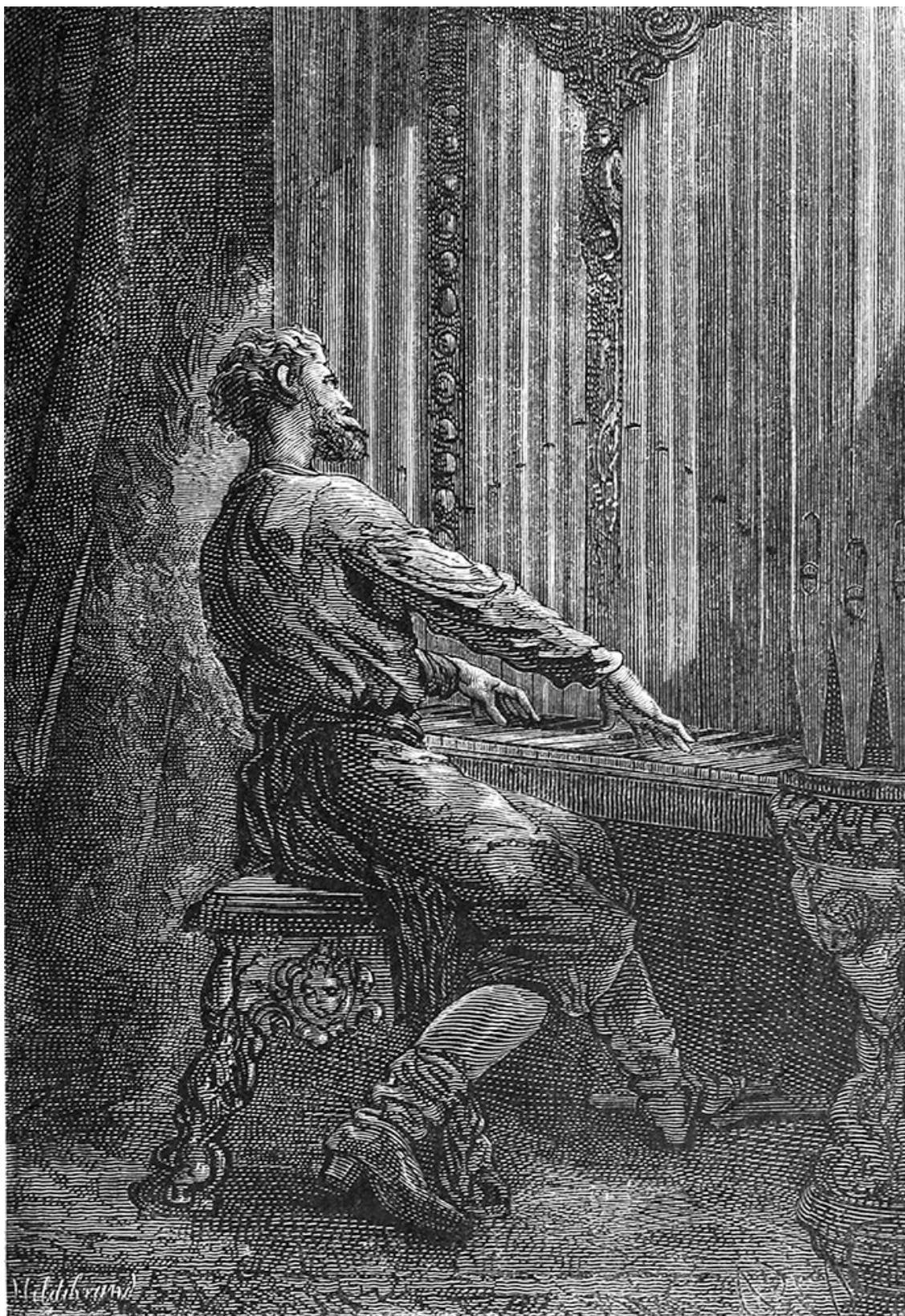
В течение девятнадцатидневного путешествия с нами не случилось ничего примечательного. Капитан редко показывался, он, по-видимому, занимался в библиотеке. Мне попадались на глаза раскрытые книги, преимущественно по естественной истории. Моя книга «Тайны морских глубин» была испещрена заметками, написанными на полях его рукой, иногда эти заметки противоречили моей теории и моей системе. Капитан очень редко входил со мной в прения по этому предмету и довольствовался беглой критикой. По временам раздавались звуки его органа, на котором он играл с большим чувством, но это происходило большей частью по ночам среди таинственного мрака, когда «Наутилус» успокаивался в пустынном океане.

Большую часть этого путешествия мы совершали по поверхности. Лишь изредка виднелись парусные корабли, направлявшиеся к мысу Доброй Надежды.

Однажды нас преследовало китоловное судно, вероятно, принявшее «Наутилус» за громадного кита. Капитан, для того чтобы охотники не теряли даром времени и не тешили себя пустой надеждой, резко прекратил эту охоту, мгновенно уйдя вглубь. Этот случай сильно заинтересовал Неда Ленда: он, наверное, сожалел, что китоловы не разбили своими гарпунами вдребезги наш железный китообразный корабль.

Рыбы, которых я и Консейль здесь видели, мало отличались от встреченных нами в других широтах. Самые замечательные образцы из страшного отряда хрящевых рыб-акул, подразделяющихся на три подотряда и заключающих в себе не менее тридцати двух семейств, – это полосатая акула, длиной пять метров, с округленными брюшными плавниками, на спине у нее шесть длинных черных, параллельно расположенных продольных полос; а также жем-

чужная акула, пепельно-серого цвета, с семью жаберными щелями, одним спинным плавником почти на самой середине туловища.

Попадались также так называемые морские собаки, самые прожорливые из всех акул. Нельзя, конечно, вполне доверять рыболовам, однако они рассказывают, будто в брюхе одной

такой акулы нашли однажды голову буйвола и целого теленка, в другой – матроса в форме, в третьей – вооруженного солдата, в четвертой, наконец, – всадника с лошадью. Я не мог проверить степень их прожорливости, так как ни одной акулы не попалось в сети «Наутилуса».

Нас неотступно сопровождали целые стаи дельфинов, всегда по пять-шесть особей. Они в прожорливости не уступают акулам, особенно если верить копенгагенскому профессору, который будто бы нашел в желудке дельфина тринадцать морских свиней и пятнадцать тюленей. Правда, ему попалась касатка, длина которой доходит до двадцати четырех футов. Встреченные нами здесь дельфины отличались необыкновенно длинным и узким рылом, примерно в четыре раза длиннее головы. Тело у них длиной три метра, спина черная, а брюхо розовато-белое, изредка испещренное маленькими пятнышками.

Упомяну еще о виденных мной замечательных умбрицах – рыбах из отряда колючеперых, принадлежащих к семейству горбылей. Некоторые писатели, скорее поэты, чем натуралисты, утверждают, что эти рыбы обладают мелодичным голосом и задают концерты не в пример лучше людских. Не смею отрицать это, скажу только, что нам они не соблаговолили спеть серенады.

Кроме того, Консейль распределил по разрядам всех летучих рыб, которые нам встретились. Очень любопытно было наблюдать, с какой ловкостью дельфины за ними охотились. Как бы высоко ни взлетала несчастная рыбка, какие бы зигзаги она ни выделяла в воздухе, всюду ее ожидала открытая пасть дельфина. Когда эти летучки со светящимися ртами ночью поднимаются в воздух и, сверкнув, снова погружаются в воду, они напоминают падающие звезды.

Наше путешествие продолжалось до 13 марта без особых приключений. Весь день 13 марта был занят промерами глубины, что живо меня заинтересовало.

Мы прошли около тринадцати тысяч лье с момента нашего выхода в Тихий океан. Мы находились на $46^{\circ}37'$ южной широты и $37^{\circ}53'$ западной долготы. В этих местах капитан «Геральда» Денхэм опускал зонд на четырнадцать тысяч метров и все-таки не достиг дна, а лейтенант Паркер с американского фрегата «Конгресс» так же безуспешно погрузил зонд на пятнадцать тысяч сто сорок метров.

Капитан Немо решил опуститься ко дну с целью установить точную глубину этой части Атлантического океана. Я приготовился записывать результаты этого опыта.

И вот «Наутилус» начал производить маневры, за ходом которых я следил с величайшим любопытством.

Мы с капитаном стояли в салоне и наблюдали за быстрым движением стрелки манометра. Вскоре мы оставили над собой слои воды, в которых живут почти все рыбы.

Большинство рыб может жить только у поверхности морей и рек, но другие, не столь многочисленные, живут на довольно значительной глубине. Среди последних я увидел одну акулу с семью жаберными щелями, рыб-телескопов с огромными глазами, кузовков с сероватым панцирем и, наконец, долгохвостов, выдерживающих давление сто двадцать атмосфер на глубине тысяча двести метров.

Я спросил капитана, видел ли он рыб на большей глубине.

– Редко, – ответил он. – Но что говорит об этом современная наука?

– А вот что. Нам известно, что в глубинах моря растительная жизнь прекращается быстрее жизни животной. Там, где отмирают последние растения, животные еще существуют. Устрицы, например, живут на глубине две тысячи метров, и Мак-Клинток, герой северных морей, вытащил живую морскую звезду с глубины двух тысяч пятисот метров. Экипаж английского фрегата «Бульдог» поймал звезду на глубине более одного лье. Но вы, капитан, пожалуй, все-таки станете утверждать, что мы еще ничего не знаем?

– О нет, профессор, – ответил капитан, – я ведь не такой невежа, как вы полагаете. Но позвольте спросить, как вы объясните, что животные могут существовать на такой глубине?

— Я объясняю это, — ответил я, — во-первых, тем, что вертикальные и горизонтальные течения, обусловливая перемещение масс воды с различной насыщенностью и плотностью, способствуют распространению организмов, например, поддерживают малосложную жизнь морских звезд и морских лилий.

— Это так, — заметил капитан.

— Во-вторых, тем, что кислород есть основа всей жизни, а известно, что чем глубже, тем больше в морской воде кислорода, который сжимается под давлением глубинных слоев воды.

— А! И это известно! — сказал капитан Немо с некоторым удивлением. — Позвольте вам сообщить, профессор, что так оно и есть на самом деле. Я добавлю, что в плавательном пузыре рыб, выловленных на поверхности воды, содержится больше азота, чем кислорода, а у тех, которые водятся на большой глубине, напротив, больше кислорода, чем азота. Это подтверждает вашу систему. Однако обратимся к нашим наблюдениям.

Я посмотрел на манометр — он показывал глубину шесть тысяч метров. Мы погружались уже целый час. Опустевшие воды были удивительно прозрачны. Еще через час мы были уже на глубине тринадцать тысяч метров (три лье с четвертью), а близость морского дна ничем не давала о себе знать.

На отметке четырнадцать тысяч метров я заметил темные силуэты горных вершин в прозрачной воде. Это могли быть горы повыше Гималаев или Монблана, потому что глубина пропасти оставалась неизмеримой.

Несмотря на огромное давление, «Наутилус» спускался все ниже. Корпус судна дрожал и скрипел, казалось, что иллюминаторы прогибаются под давлением воды. Капитан был прав, говоря, что его корабль вынослив, как скала.

В то время, когда «Наутилус» скользил, опускаясь, между склонами гор, затерянных в бесконечных глубинах океана, я замечал там кое-где некоторые раковины, несколько иглокожих и морских звезд.

Но и эти последние представители морской фауны исчезли, а мы очутились за пределами подводной жизни. Мы дошли до глубины шестнадцать тысяч метров, и «Наутилус» подвергался давлению воды тысяча шестьсот атмосфер, то есть тысяча шестьсот килограммов на каждый квадратный сантиметр своей поверхности!

— Каково! — вскрикнул я. — Мы находимся в местах, где никогда не бывал ни один человек! Посмотрите, капитан, на эти величественные скалы, на эти необитаемые пещеры, где жизнь уже невозможна! Как жаль, что от всех этих неизведанных мест у нас останутся одни воспоминания.

— Вы бы хотели, чтобы у вас осталось что-нибудь еще кроме воспоминаний?

— Что вы хотите этим сказать, капитан?

— Я хочу сказать, что нет ничего легче, как сфотографировать этот подводный пейзаж.

Не успел я выразить свое удивление, как капитан уже распорядился и нам принесли фотографический аппарат. Прозрачная водная среда, освещенная прожектором «Наутилуса», была хорошо видна в иллюминаторе и представляла собой прекрасный объект для съемки. Ни малейшей тени не отбрасывалось искусственным светом. Само солнце не могло лучше служить нашим целям.

«Наутилус» остановился, мы с капитаном навели объектив на облюбованный нами вид океанского дна и через несколько секунд получили великолепный негатив. Я сохранил этот снимок. С какой ясностью видны на нем огромные скалы, никогда не видевшие солнечного света, эти гранитные устои, на которых зиждется земной шар! А далее — как хорошо вышел этот гористый горизонт, волнообразная линия которого составляет фон пейзажа! Невозможно описать эти гладкие, черные, отполированные скалы, голые, без единого

пятнышка, даже без мха, а у их подножия песок расстипался ковром и блестел под лучами электрического света.

Сделав снимок, капитан сказал:

– Пора подниматься, профессор. Нужно удовольствоваться этим и не подвергать «Наутилус» слишком долго этому страшному давлению.

– Хорошо, капитан, – ответил я.

– Держитесь крепче.

Не успел я понять смысл предостережения капитана, как меня уже свалило с ног.

По приказу капитана «Наутилус» поднялся вверх с быстротой молнии. За четыре минуты он прошел все четыре лье, отделявшие нас от поверхности океана, и, вынырнув из воды подобно летучей рыбе, упал на воду, образовав огромный фонтан брызг.

Глава двенадцатая Киты и кашалоты

В ночь с 13 на 14 марта «Наутилус» снова взял курс на юг. Я предполагал, что он, оставив на западе мыс Горн, войдет в Тихий океан и этим закончит свое кругосветное путешествие. Этого, однако, не случилось.

Куда же держит путь капитан Немо?

К Южному полюсу?

Это было бы безумием! Я начинал думать, что Нед Ленд имеет некоторые основания смотреть на капитана как на тронутого.

С некоторого времени канадец ни слова не говорил мне о побеге. Он стал сдержаннее, мрачнее и молчаливее. Я ясно видел, как тяжелодается ему наше долгое заключение на «Наутилусе». Я чувствовал, как с каждым днем растет его раздражение. При встрече с капитаном глаза Неда вспыхивали мрачным огнем, губы сжимались, и я всегда боялся, что он вдруг вспыхнет и позволит себе какую-нибудь очень неприятную для всех выходку.

В тот день, 14 марта, Консейль и Нед Ленд неожиданно пришли в мою каюту.

— Хочу задать вам вопрос, профессор, — сказал Нед Ленд.

— Спрашивайте, Нед.

— Как вы полагаете, профессор, сколько человек на борту «Наутилуса»?

— Не знаю, Нед.

— Мне кажется, что такому судну не требуется большой экипаж.

— Мне тоже, Нед. По-моему, десяти человек совершенно достаточно.

— Так почему же их тут гораздо больше? — спросил Ленд.

— Почему? — переспросил я.

— Да, почему?

— Видите ли, Нед, сказать точно я ничего не могу, но мне кажется, что «Наутилус» не только корабль, но и убежище для тех, кто, подобно капитану Немо, прервал все отношения с обществом.

— Может быть, но, с позволения их чести, ведь «Наутилус» не может вместить всех, — сказал Консейль. — Пусть их честь нам скажут, сколько именно человек здесь может быть.

— Как же я могу это сказать, Консейль?

— Их честь могут рассчитать. Их честь знают, какое это судно, объем полезного воздуха. Их честь также знают, сколько каждый человек потребляет кислорода. Надо еще заметить, что «Наутилус» всплывает каждые двадцать четыре часа...

Речи Консейля не отличались особой ясностью, но я понял, что он хотел сказать.

— Я понимаю, Консейль, — сказал я. — Рассчитать это нетрудно, но вряд ли расчет будет верным.

— Ничего! — сказал Нед Ленд. — Вы все-таки рассчитайте!

— Извольте. Каждый человек употребляет в час весь кислород, содержащийся в ста литрах воздуха, или, говоря другими словами, за двадцать четыре часа поглощает кислород, содержащийся в двух тысячах четырехстах литрах. Надо, значит, разделить водоизмещение «Наутилуса» на две тысячи четыреста.

— Именно так, — сказал Консейль.

— Так как «Наутилус» вмещает полторы тысячи тонн, а в каждой тонне тысяча литров, значит, разделив на две тысячи четыреста, — я взял карандаш, — получим шестьсот двадцать пять. Таким образом, на «Наутилусе» воздуха достаточно примерно для шестисот двадцати пяти человек в течение суток.

— Шестисот двадцати пяти! — повторил Нед Ленд. — Это, пожалуй, много на троих!

— Да, много, Нед! Хотя нас здесь, вместе взятых, гораздо меньше, я могу вам только дать один совет: запаситесь терпением.

— И даже, с позволения их чести, не только терпением, но и смиренiem, — сказал Консейль. — Покоритесь судьбе, Нед!

— Впрочем, — сказал я, — капитан Немо не может же все время плыть на юг. Когда-нибудь он остановится! Его могут задержать льды, и он должен будет возвратиться... Тогда можно будет попытать счастья, Нед...

Канадец покачал головой, потер лоб рукой и удалился, не сказав ни слова.

— Этот бедный Нед, с позволения их чести, все думает о том, чего не может иметь, — сказал Консейль. — Он все вспоминает, что было в прошлой жизни, и обо всем жалеет. Каждую минуту он думает о разных таких вещах, и сердце у него надрывается каждый раз. Надо войти в его положение. Ему невесело здесь. Что ему тут делать? Нечего! Он не ученый, как их честь, и никогда не сможет увлечься, как мы, морскими чудесами. Он теперь только и думает, как бы убежать на родину и посидеть вечерком в какой-нибудь своей любимой таверне.

— Твоя правда, Консейль, твоя правда, — отвечал я.

В самом деле, однообразная жизнь на «Наутилусе», должно быть, была невыносима для канадца, который привык к жизни деятельной и свободной. Развлечения, доступные ему, были редки.

Впрочем, в этот день случилось происшествие, которое напомнило ему счастливые дни.

Около одиннадцати часов утра «Наутилус» выплыл на поверхность океана и очутился среди целого стада китов.

Киты играли очень значительную роль и оказали немалые услуги мореплавателям в эпоху географических открытий. Увлекая за собой сначала басков, потом астурийцев, англичан и голландцев, киты научили их пренебрегать опасностями и провели с одного конца земли до другого.

Старинные легенды уверяют, что они заводили китоловов почти до самого Северного полюса.

Мы сидели на палубе. Море было спокойно. Под этими широтами октябрь не похож на нашу осень — погода была великолепная.

Вдруг Нед преобразился.

— Что такое, Нед? — спросил я.

— Вон там, на востоке, вон там! Кит!

Присмотревшись внимательно, можно было различить вдали черноватый предмет, который то приподнимался, то опускался на волнах.

— Он далеко? — спросил Консейль.

— Милях в пяти, — отвечал я.

— Эх, если бы я был на китоловном судне, — вскрикнул Нед Ленд, — отвел бы я свою душу! Кит здоровенный. Смотрите, какие столбы воды он выбрасывает! Тысяча чертей с чертениями! За что я тут, как какая-нибудь каналъя, прикован!

— Неужто вы все еще не выбросили из головы китоловство, Нед? — спросил я.

— Что? Да какой же китолов может забыть свое ремесло?

После этого он не китолов, а скот...

— Вы никогда не охотились в этих морях, Нед?

— Никогда, профессор. Я охотился только в северных морях, от Берингова пролива до Девисова.

— Значит, с китами Южного полушария вы еще не знакомы. Вы до сих пор ловили ненастоящих китов — настоящие киты не переходят теплых вод экватора.

— Вы не шутите? — спросил Ленд, глядя недоверчиво мне в лицо.

— Нисколько не шучу, Нед.

— Чудно! А я вам доложу, профессор, что в шестьдесят пятом году, два с половиною года назад, я подцепил около Гренландии кита, и у этого кита в боку был гарпун с клеммом судна из Берингова пролива! Значит, это животное ранили на западе Америки, так или нет? А убито было на востоке. Как же оно там очутилось? Значит, обогнуло мыс Горн или мыс Доброй Надежды и перешло экватор.

— Я, с позволения их чести, придерживаюсь того же мнения, — сказал Консейль. — Что же их честь ответят на это?

— Их честь ответят, что разные виды китов живут в различных морях и никогда свои моря не покидают. И если какой-нибудь кит пожаловал из Берингова пролива в Девисов, так это потому, что, вероятно, существует проход из одних вод в другие.

— Где же этот проход?

— Или где-нибудь у берегов Америки, или у берегов Азии.

— Уж, право, не знаю, верить ли, — сказал Ленд, прищурившись.

— Надо верить их чести, — сказал Консейль.

— Так, значит, если я никогда в здешних морях не охотился, так здешних китов и не знаю?

— Как я уже вам говорил, Нед.

— Тем резоннее завести знакомство! — сказал Консейль.

— Смотрите! Смотрите! — вскричал канадец. — Он приближается! Прямо на нас идет, точно насмехается, бестия! Точно знает, что я ничего не могу сделать!

Нед Ленд гневно топнул ногой. Рука его поднялась, словно он хотел запустить гарпун.

— Эти киты такие же большие, как в северных морях, профессор? — спросил он меня.

— Почти одной величины, Нед.

— Я, надо вам сказать, видел здоровенных китов, профессор, в сто футов длиной. И я слышал даже, что у Алеутских островов попадаются киты в полтораста футов!

— Ну это, я полагаю, явное преувеличение, — отвечал я. — Ведь эти животные, снабженные спинными плавниками, как и кашалоты, меньше настоящих китов.

— А! — вскрикнул канадец. — Приближается! Совсем близко! — Затем он снова продолжил: — Вы говорите, что кашалоты маленькие? Да ведь есть кашалоты громадные! Послушали бы, что про них рассказывают! Эти животные умные. Говорят, они укрываются водорослями, и все принимают их за острова!

— За острова, Нед?

— Да, да, за небольшие острова! И пристают к ним, и располагаются на них, разводят огонь...

— Строят дома, — подхватил Консейль.

— А ты шутник! — ответил Нед Ленд. — Ну да, строят дома! А потом кашалот переворачивается — и фьють! Дома и жители — все в воде!

— Это как в «Путешествиях Синбада-морехода»! — засмеялся я. — Вы, Нед, очень любите необыкновенные истории, признаюсь, ваши кашалоты — молодцы хоть куда! Неужели вы верите, что...

— Профессор, — серьезно ответил Ленд, — когда дело касается китов, так всему надо верить... Нет, вы только поглядите! Совсем уже близко!.. Говорят, киты могут совершить кругосветное путешествие за пятнадцать дней!

— Не буду спорить, Нед.

— А вы знаете, профессор, что в старые времена, после сотворения мира, киты плавали еще проворнее?

— В самом деле? Почему же, Нед?

— А потому, что тогда хвосты у них были поперечными, как у рыб, и они виляли ими справа налево и слева направо. Ну, Бог увидел, что они очень быстро плавают, взял да и открутил им хвост. И с тех пор они хлопают хвостом по воде сверху вниз и плавают потише.

— Чудно! — улыбнулся я. — Надо ли этому верить?

— Я вам отвечу: не очень надо верить! Вот я еще слышал, что есть киты длиной триста футов, а весом сто тысяч фунтов, — и вы тоже поверите этому?

— Триста футов! — отвечал я. — Это уже чересчур! Правда, некоторые китообразные достигают значительной величины: есть такие, которые, говорят, дают около ста двадцати тонн жира.

— Это правда, я таких сам видел, — сказал Ленд.

— Верю, Нед, — ответил я. — Я также верю, что некоторые киты равны по величине сотне слонов. Представьте себе, что это такое, когда подобная машина пускается во всю прыть!

— Правда, что кит может потопить корабль? — спросил Консейль.

— Не думаю, — ответил я. — Впрочем, рассказывают, что в 1820 году именно в этих южных морях кит атаковал судно «Эссекс» и оно потонуло.

Нед лукаво на меня поглядел.

— Меня вот тоже однажды хватил кит хвостом в самую... в самую шлюпку. И меня, и товарищей подкинуло метров на шесть. Что ж, бывает! Если у профессора кит опрокидывает корабли, так шлюпку они могут хоть под облака подкинуть!

— А долго живут киты, с позволения их чести? — спросил Консейль.

— Тысячу лет! — ответил канадец без малейшего колебания.

— Откуда вы это знаете, Нед? — спросил я. — Почему?

— Говорят, — отвечал Нед Ленд.

— А почему говорят?

— Потому что знают.

— Нет, Нед, не знают, а только предполагают и вот на что в этом случае опираются. Примерно четыреста лет назад, когда китобои начали ловить китов, киты были гораздо больше теперешних. Из этого сделали вывод, что современные киты еще не достигли полного развития, что это только подростки. Поэтому Бюффон и сказал, что китообразные могут и даже должны жить тысячу лет. Поняли?

Нед Ленд меня уже не слушал. Кит все приближался, и канадец пожирал его глазами.

— А, — вскрикнул он, — да он не один! Два, три, десять!.. Двадцать! Это целое стадо! Господи! А я ничего не могу сделать! Я связан по рукам и ногам!

— Послушайте, Нед, — сказал Консейль, — отчего вы не попросите у капитана разрешения поохотиться?

Консейль еще не окончил фразы, а канадец уже побежал к трапу и исчез из виду. Через несколько минут он вернулся вместе с капитаном.

Капитан Немо стал рассматривать китов, которые резвились в миle от «Наутилуса».

— Это южные киты, — сказал он после наблюдения. — Целое стадо, и такое стадо, что могло бы обогатить флотилию китобоев.

— Ну вот я с этим стадом и справлюсь, капитан, — сказал Нед Ленд. — Я еще не совсем забыл, как метать гарпун!

— Странная охота! — ответил капитан Немо. — Нам китовый жир не нужен, значит, придется истреблять животных напрасно.

— Да ведь вы же разрешили в Красном море охотиться за тюленем, капитан! — возразил канадец.

— Тогда надо было достать свежего мяса для экипажа. Я не понимаю, что приятного убивать только для того, чтобы убивать. Человек очень часто присваивает себе это право, но... но я не желал бы допускать подобного варварского времяправождения. Истребляя

китов, безвредных и добрых животных, китобои поступают отвратительно, мистер Ленд. Они уже опустошили весь Баффинов залив и скоро истребят эту породу полезных животных. Оставьте лучше в покое несчастных китов. У них и без вас много врагов: пусть сражаются с кашалотами, с меч-рыбой, с рыбой-пилой.

Можно себе представить, как слушал канадец эту речь! Он во все глаза смотрел на капитана и, казалось, не понимал, о чем идет речь. А между тем капитан был прав: алчные китобои истребят со временем всех китов в океане.

Нед Ленд начал насвистывать какую-то песенку, засунул руки в карманы и повернулся к нам спиной.

Капитан Немо все еще смотрел на стадо китов.

— Я говорил, — сказал он, обращаясь ко мне, — что у этих животных кроме человека достаточно врагов в своей среде. Сейчас произойдет баталия. Посмотрите, Аронакс, видите вы вон там, в восьми милях от нас, как движутся черные точки?

— Вижу, капитан, — ответил я.

— Это кашалоты. С этими животными шутить нельзя. Мне случалось иногда встречать их стадами по двести-триста особей. Вот кашалотов следует истреблять, кашалоты — животные хищные, вредные...

Канадец быстро повернулся к нам.

— Что ж, время еще есть, капитан, — сказал я, — и в интересах китов...

— Зачем бесполезно подвергать себя опасности, профессор? «Наутилус» сам рассеет этих кашалотов. «Наутилус» вооружен стальным тараном, который, я полагаю, не уступит гарпуну мистера Ленда.

Ленд довольно презрительно пожал плечами, как бы не доверяя корабельному тарану.

— Погодите, — продолжал капитан Немо, — мы вам покажем такую охоту, какой вы еще не видели. К этим тварям я не имею ни малейшей жалости. Они представляются мне одной зубастой пастью: зубы и пасть — больше ничего!

Зубастая пасть! Лучше нельзя было обрисовать большеголового кашалота, который иногда достигает в длину более двадцати пяти метров. Громадная голова занимает около третьей части его тела. Кашалот — представитель подотряда зубастых китов. У беззубых китов верхние челюсти усажены только роговыми пластинками, которые называют китовым усом, а у кашалота двадцать пять цилиндрических, вверху заостренных зубов; каждый зуб весит два фунта и имеет высоту до двадцати сантиметров. В верхней части его огромной головы, в больших впадинах, разделенных хрящами, и находится от трехсот до четырехсот килограммов драгоценной маслянистой массы, называемой «спермацет». Кашалот очень неуклюж и безобразен. Он, как справедливо заметил Фредол, больше похож на головастика, чем на рыбу. Он какой-то уродливый, непропорционально сложен и видит только одним правым глазом.

Тем временем чудовищное стадо все приближалось. Кашалоты уже заметили китов и приготовились к нападению. Можно было заранее сказать, что победа останется на стороне кашалотов, потому что кашалоты не только вооружены лучше китов, но они, кроме того, могут дольше оставаться под водой.

Пора было поспешить на помощь китам.

«Наутилус» ушел под воду; Консейль, Нед Ленд и я расположились у иллюминаторов в салоне, а капитан Немо сам встал у руля. Вскоре вращение винта ускорилось, и «Наутилус» пошел быстрее.

Между китами и кашалотами уже произошла стычка, когда «Наутилус» врезался в стадо кашалотов.

Кашалоты сначала не очень встревожились при виде нового врага, но скоро им пришлось почувствовать силу его ударов. Что это была за битва!

Даже Нед Ленд, как бы сердит и огорчен он ни был, не утерпел и хлопал в ладоши.

В руках капитана Немо «Наутилус» превратился в грозный гарпун. Корабль рассекал кашалотов пополам, оставляя за собой трепещущие и окровавленные куски мяса. Страшные удары хвостом сыпались на его борта, но эти удары были ему нипочем. Уничтожив одного кашалота, он летел на другого, поворачиваясь направо, налево, отступал, погружаясь, когда кашалот нырял, всплыval за ним снова на поверхность, наносил удары сверху, поражал снизу, резал на части, уничтожал.

– Ну и резня! – говорил Нед Ленд. – Какой шум подняли!

Действительно, обезумевшие животные страшно взбаламутили океанские воды. Из их глоток вырывался пронзительный свист, сменявшийся предсмертным хрипением.

Целый час продолжалось это побоище. Несколько раз сразу десять или двенадцать кашалотов атаковали «Наутилус». Сквозь стекла мы видели их зубастые пасти, их страшные глаза. Они цеплялись за «Наутилус», как собаки за загнанного кабана. Но «Наутилус» то увлекал их вглубь, то поднимал на поверхность, нисколько не обращая внимания ни на тяжесть, ни на мощные удары животных.

Наконец кашалоты были рассеяны. Волны успокоились, и «Наутилус» выплыл на поверхность.

Мы тотчас же выбежали на палубу.

Море было покрыто обезображенными, изуродованными трупами. Самый ужасный взрыв не мог бы так исковеркать, искромсать, выпотрошить мясистые туши. Мы плыли среди огромных трупов.

– Спины у них голубоватые, – говорил Консейль, – брюхо беловатое, и все они покрыты выпуклостями.

Несколько перепуганных кашалотов обратилось в бегство. Вода на несколько миль вокруг окрасилась кровью; казалось, что «Наутилус» плыл по морю крови.

Капитан Немо тоже вышел на палубу.

– Ну как, мистер Ленд? – спросил он.

– Что же это за охота? – ответил канадец, который уже успел успокоиться. – Это и охотой нельзя назвать. Зрелище, конечно, страшное, да ведь я не мясник, я охотник, я китолов!

Это же просто резня, бойня!

– Это истребление вредных животных, мистер Ленд. «Наутилус» не похож на мясничий нож, вы напрасно его порочите!

– По-моему, гарпун лучше, – сказал Нед Ленд.

– Каждому свое, – ответил капитан, пристально глядя на Ленда.

– Разумеется! – сказал Нед Ленд.

Я уже начинал тревожиться, как бы канадец не сказал какой-нибудь дерзости, но, к счастью, внимание его было отвлечено видом кита, к которому подошел «Наутилус».

Животное не увернулось от зубастых кашалотов. Я тотчас же узнал южного кита, с совершенно черной, плоской, как бы вдавленной головой. Анатомически он отличается от белого и от нордкапского кита сращением семи шейных позвонков и тем, что у него на два ребра больше.

У несчастного кита, лежащего на боку, все брюхо было порвано, и он был мертв. На конце его изуродованного плавника висел маленький китенок, которого он не смог спасти. Из открытой пасти лилась вода, которая шумела в его усах, как в тростнике.

Капитан Немо направил «Наутилус» как раз к трупу животного. Двое матросов взобрались на него и, к великому моему удивлению, принялись доить кита. Они наделили около двух бочек молока.

– Не угодно ли вам попробовать, профессор? – спросил капитан Немо, предлагая мне чашку. Молоко было еще теплое.

– Ох, капитан! – сказал я. – Несмотря на всю мою любознательность...

— Молоко это отличное, Аронакс. Оно ничем не отличается от коровьего.

Я скрепя сердце отведал. Молоко в самом деле было отличное и совершенно могло заменить коровье.

— Можно сбить из него масло, капитан, сделать сыр, что будет приятным прибавлением к вашему столу. Я очень рад, что попробовал китового молока!

— А я рад, что дал вам возможность его попробовать, профессор, — ответил капитан.

С этого дня я заметил, что Нед Ленд стал очень косо поглядывать на капитана Немо, и решил наблюдать за канадцем, чтобы не допустить какого-нибудь скандала.

Глава тринадцатая Сплошные льды

«Наутилус» снова быстро пошел на юг.

Неужели он хочет достигнуть полюса?

Невероятно, чтобы капитан Немо стремился к полюсу, потому что до сих пор все попытки достичь этой точки земного шара оказались безуспешны. К тому же приближалось осенне время; у нас было 13 марта, что соответствует 13 сентября в Северном полушарии.

14 марта я заметил на широте 55° ледяные глыбы высотой от двадцати до двадцати пяти футов; эти льды образовали небольшие заторы, о которые с шумом разбивались волны.

«Наутилус» шел по поверхности океана.

Нед Ленд плавал в арктических морях, и льды не были для него редкостью, но мы с Консейлем видели их в первый раз и ахали по очереди.

– Что это такое, с позволения их чести? – спросил Консейль, указывая на горизонт.

По небосводу тянулась ослепительно белая блестящая полоса. Английские китоловы называют это «ice blink», то есть ледяной отблеск. Какими бы густыми ни были тучи, они никогда не затмевают этого сияния.

– Почему здесь этот отблеск, с позволения их чести?

– Потому что скоро покажутся ледяные горы, Консейль.

Действительно, скоро показались мощные скопления льдов – настоящие ледяные горы.

– Какая прелест! – вскрикнул я невольно.

Ледяные горы блистили, сверкали и переливались. Одни были изборождены зелеными прожилками, другие, похожие на громадные аметисты, просвечивали насквозь. Третий были словно усыпаны ледяными иглами, и в каждой игле отражались солнечные лучи, так что вся гора сверкала как алмаз. Четвертые были матового белого цвета, как будто из мрамора.

Чем дальше мы шли на юг, тем чаще попадались эти плавучие острова, тем больше увеличивались их размеры.

Полярные птицы гнездились на «ледянках», как называл ледяные горы канадец. Буревестники и глупыши оглушали нас своими криками. Иные принимали «Наутилус» за кита, спускались на него отдыхать и долбили клювом звонкую обшивку.

Во время нашего плавания среди льдов капитан Немо очень часто выходил на палубу. Я часто смотрел на него, когда он стоял и внимательно вглядывался в бескрайние ледовые поля. Иногда казалось, что его спокойные глаза словно вспыхивали от внутреннего огня. О чем он думал в это время? Может быть, он чувствовал себя хозяином этих антарктических вод, недоступных другим людям?

Капитан Немо ничего не говорил. Он или стоял неподвижно, или вставал за штурвал «Наутилуса». Правил он с необычайным искусством и ловкостью, «Наутилус» скользил как ни в чем не бывало между ледяными торосами и айсбергами длиной в несколько миль и высотой от семидесяти до восьмидесяти метров.

Вдали, казалось, путь совершенно загромождался льдами, и на широте 60° проход исчез.

– Ну тут встанем! – сказал Ленд.

Я был с ним согласен, но капитан Немо отыскал узкую щель и отважно проскользнул сквозь нее, очень хорошо зная, что вслед за «Наутилусом» льды тотчас же сомкнутся.

«Наутилус», управляемый искусственной рукой, прошел все льды, классификация которых по форме и размеру восхищала Консейля: айсберги, или ледяные горы, ледяные поля, дрейфующие льды, пак, кругляки и полосатки.

— Почему это называют их кругляками и полосатками, с позволения их чести? — спросил Консейль.

— Потому что первые имеют круглую форму, Консейль, а вторые — продолговатую.

— А! — сказал Консейль.

— Мудрено? — спросил канадец.

— Нет, я сразу не сообразил, — отвечал простодушный Консейль.

Температура воздуха была довольно низкая. Термометр показывал от 2° до 3° ниже нуля. Но мы не зябли: на нас была одежда из тюленьих шкур, которые отлично защищают от холода. «Наутилус» отапливался электрическими приборами, кроме того, стоило ему только погрузиться на глубину нескольких метров, как на судне устанавливались нормальные температурные условия.

— Плыви мы на этих широтах два месяца ранее, ночей бы не было, — сказал я.

— Почему? — спросил Ленд.

— Солнце не заходило бы, — ответил ученый Консейль. — Круглые сутки стоял бы день.

— А! — произнес канадец.

— Впрочем, и теперь еще ночи короткие, — сказал я, — всего три-четыре часа. А вот после ночь продлится целых шесть месяцев.

15 марта мы перешли широту Южных Шетландских и Южных Оркнейских островов.

Капитан Немо сказал мне, что здесь когда-то водилось множество тюленей, но американские и английские китобои перебили и детенышей, и самок, и самцов, истребив весь тюлений род.

16 марта около восьми часов утра «Наутилус» пересек Южный полярный круг. Льды окружали нас со всех сторон, преграждая нам путь. Но «Наутилус» искусно маневрировал, проскальзывая из прохода в проход, и плыл дальше.

— Куда же это он стремится? — спрашивал я.

— Вперед, с позволения их чести, — отвечал Консейль.

— Да куда?

— Вперед. Впрочем, когда уже нельзя будет плыть дальше, он остановится.

— Я даже и за это не поручусь! — отвечал я.

Мне, признаюсь, очень нравилось это опасное ненадежное плаванье. Невозможно выразить словами, до чего меня восхищала величавая красота этой новой для меня полярной страны.

Как хороши были эти льды! Какие причудливые формы они иногда принимали! То вы видели перед собой какие-то ледяные восточные города с бесчисленными минаретами и мечетями, то разрушенные землетрясением дворцы и храмы. И все это сияло и сверкало под лучами солнца, или заволакивалось, как дымкой, серым туманом, или едва мелькало в снежной пыли урагана. И внезапно со всех сторон слышались гром, треск, шум, визг — льдины сталкивались, рассыпались, ледяные утесы опрокидывались — и декорация сразу менялась.

Если «Наутилус» оказывался под водой в то время, когда падали ледяные утесы, грохот обвалов отдавался очень сильно и отчетливо, и падение ледяных гор вызывало опасные водовороты даже в глубоких слоях океана. Тогда «Наутилус» качался и вертелся, как деревяшка!

Часто я думал, что льды нас запрут окончательно, но капитан все-таки пробирался через ту или другую трещину. Он находил их по тонким струйкам синеватой воды, бороздившим ледяные поля. Иногда эти струйки обозначались как тоненькие ниточки, но капитан Немо не ошибался в выборе дороги.

— «Наутилус», видно, не впервые гуляет по здешним водам! — заметил Нед Ленд.

— Я в этом почти уверен, — сказал я. — Капитан Немо здесь как дома!

Однако 16 марта нас все-таки затерло во льдах.

— Что это, сплошные льды, с позволения их чести? — спросил Консейль.

— Нет, это пока еще обширные, сплотившиеся ледяные поля, — ответил я.

— Что теперь придумает капитан Немо? — сказал Ленд.

Капитан Немо направил «Наутилус» прямо на ледяную массу, корабль врезался в нее, как таран, сам прорубая себе канал среди ледяного поля. Иногда он взлетал на льдину и размальывал ее под собой, иногда, погружаясь в глубину, он просто раскалывал ее кильевой качкой. Осколки льда взлетали вверх, а затем градом падали вокруг нас.

Все эти дни бушевал беспрестанный шквал. Иногда туман до того сгущался, что с одного конца палубы не видно было другого. Снег, выпадавший ночью, покрывал «Наутилус» ледяной коркой, которую приходилось скалывать. При температуре 5° ниже нуля все наружные части «Наутилуса» обледеневали. Парусное судно не могло бы двигаться в таких условиях, потому что все тали застрияли бы в блоках. Только судно, снабженное электрическим двигателем, могло пуститься в плавание на этих широтах.

Барометр стоял очень низко. Стрелки компаса расте рянно метались по мере приближения судна к магнитному полюсу, который не следует смешивать с Южным полюсом. По Ганстену, этот полюс находится на широте 70° и долготе 130°, а по наблюдениям Дюперре — на долготе 135° и широте 70°30'. Приходилось вести контрольные наблюдения, перенося компас в различные части судна, и определять средние показания.

Наконец 18 марта «Наутилус» окончательно затерло во льдах. Все усилия капитана Немо были напрасны. Это были уже не кругляки, не полосатки, не ледяные поля, а бесконечная и неподвижная цепь сплотившихся ледяных гор.

— Сплошные льды! — сказал Нед Ленд. — Видите, профессор?

— Вижу, Нед.

Около полудня показалось солнце. Капитан Немо установил наши координаты, и оказалось, что мы находимся на 51°30' долготы и 67°39' южной широты. Итак, мы уже зашли в глубь Антарктики.

Свободного моря, то есть чистого водного пространства, не было и в помине. Перед «Наутилусом» расстилалась обширная холмистая равнина с хаотическими нагромождениями льдов, напоминавшая поверхность реки перед ледоходом. Несколько остроконечных скал, как обелиски, возвышались на высоту двухсот футов. Далее шли крупные торосы, которые, как зеркала, отражали солнечные лучи, прорывавшиеся сквозь туман. Повсюду царствовало мрачное ледяное безмолвие, изредка нарушающееся только хлопаньем крыльев буревестников.

— Вот сторонка! — сказал Нед Ленд. — Все замерзло!

И всякий шум замерз.

«Наутилус» вынужден был остановиться.

— Ну, профессор, — сказал Нед Ленд, — если ваш капитан Немо пойдет дальше... — Что же, Нед?

— Он будет молодцом!

— Почему, Нед?

— А потому, что никто еще не переходил сплошные льды и не перейдет! Конечно, капитан Немо силен, но не сильнее природы. Если она сама установила такой предел, дальше которого человеку нельзя ходить, так он и не пойдет!

— Неужели нет? А мне бы очень хотелось посмотреть, что находится за этими сплошными льдами. Терпеть не могу, когда вот так вдруг перед тобой вырастает стена!

— Это их честь справедливо замечают, — сказал Консейль, — стены только раздражают ученых... и не ученых тоже. Лучше, если бы стен нигде не было.

— Да ведь известно, что за этой стеной, то есть за сплошными льдами, — сказал Нед Ленд.

— Что же там такое, Нед? — спросил я.

— Лед, и больше ничего!

— Вы в этом уверены, Нед?

— Уверен, профессор.

— А я нет, и поэтому желал бы преодолеть эту стену и поглядеть.

— Послушайтесь меня, профессор, и выкиньте такие мысли из головы. Вы дошли до сплошных льдов, и будет с вас! Дальше вы не пойдете — ни вы, ни ваш капитан Немо, ни его «Наутилус». Хотите вы или нет, а мы постоим-постоим да и повернем на север!

Я должен был согласиться с Леном. Пока не изобрели такие корабли, которые могли бы преодолевать сплошные ледяные поля.

Несмотря на все усилия и все ухищрения капитана Немо, «Наутилус» не двигался вперед. Обычно если корабль не может идти вперед, он возвращается назад, но в наших условиях нельзя было ни идти вперед, ни отступать — проходы закрылись за нами. Если мы будем стоять на месте, то «Наутилус» вмерзнет в лед!

— Это еще ничего, что льдины сдвинулись, — сказал Нед Ленд, — а вот когда они начнут напирать на судно, тогда только держись.

Так и случилось. Около двух часов пополудни разводье во круг «Наутилуса» затянулось тонким льдом. Как я ни был пристрастен к капитану Немо, однако пришлось признать, что он действует очень неосторожно.

Я стоял на палубе, когда капитан Немо подошел ко мне и спросил:

— Что вы об этом думаете, профессор?

— Я думаю, что мы затерты льдами, капитан, — ответил я.

— Затерты льдами? Что вы под этим подразумеваете?

— То, что мы не можем двинуться ни вперед, ни назад, ни вправо, ни влево. Это, я полагаю, называется «затерты льдами»?

— Так вы считаете, что «Наутилус» не выберется из льдов?

— Очень трудно выбраться, капитан. Время года теперь такое, что на оттепель нечего рассчитывать.

— Ах, Аронакс, — сказал несколько насмешливо капитан, — вы вечно везде видите препятствия и препятствия! Смею вас уверить, что «Наутилус» не только выберется, но и пойдет дальше!

— Дальше на юг? — спросил я, пристально глядя на капитана.

— Да, к югу! Он пойдет к полюсу, профессор!

— К полюсу! — вскрикнул я.

— Да, к полюсу, — ответил капитан, не теряя хладнокровия, — к Южному полюсу, к неизвестной точке, где сходятся все меридианы земного шара. Вы должны бы уже знать, профессор, как я управляю «Наутилусом» и что за судно «Наутилус»!

Да, я хорошо это знал. Но пройти к Южному полюсу! Отважиться на такое мог только безумец. Впрочем, может быть, капитан Немо там уже был?

— Вы уже открыли Южный полюс, капитан? — спросил я.

— Нет, профессор. Мы с вами вместе его откроем. Что не удалось другим, то удастся мне. Я до сих пор еще никогда не заводил «Наутилус» так далеко, но, повторяю вам, я поведу его еще дальше!

— Я хотел бы вам верить, капитан, — сказал я с легкой ironией. — Я вам верю. Двинемся вперед! Для нас не существует никаких препятствий! Расколем эти сплошные льды! Взорвем их! А если они все-таки не поддадутся, так приделаем к «Наутилусу» крылья, и пусть он перелетит через льды!

— Зачем же ему лететь? — спокойно спросил капитан Немо. — Он лучше пройдет под льдами.

— Под льдами? — вскрикнул я.

— Ну да, под льдами.

Я понял, что задумал капитан Немо.

— Я вижу, что мы начинаем понимать друг друга, профессор, — сказал капитан, слегка улыбаясь. — Вы уже не отрицаете возможности попытки, вы даже надеетесь на ее успех! Вы знаете: то, что невозможно для другого корабля, для «Наутилуса» легко осуществимо. Если около полюса обнаружится материк, «Наутилус» остановится, если же океан свободен — мы дойдем до самого полюса!

— Пожалуй, вы правы, капитан, — сказал я. — Если поверхность океана покрыта льдом, то глубинные слои свободны. Если я не ошибаюсь, то надводная часть льда относится к подводной как один к четырем?

— Почти что так, профессор. Ледяные горы, возвышающиеся на один фут над уровнем моря, простираются на три фута вниз. Сплошные льды, перед которыми мы теперь стоим, не превышают ста метров, следовательно, они имеют не более трехсот метров в глубину. А что значит триста метров для «Наутилуса»?

— Ничего не значит, капитан.

— «Наутилус» может даже спуститься глубже и в нижних слоях нисколько не беспокоиться о том, что на поверхности тридцать-сорок градусов мороза.

— Справедливо, капитан, совершенно справедливо, — ответил я.

Я поддавался искушению!

— Затруднение только в том, — сказал капитан Немо, — что несколько дней нам придется пробыть под льдом, не возобновляя запасов воздуха.

— Какое ж тут затруднение? — возразил я. — У «Наутилуса» огромные запасные резервуары, мы их наполним до отказа, и они будут снабжать нас кислородом.

— Видите, как хорошо вы устраниете затруднение, Аронакс, — сказал, улыбаясь, капитан. — Но, чтобы вы потом не обвинили меня в сумасбродстве, я сразу скажу вам, чего еще можно опасаться.

— Да чего же можно еще опасаться?

— Очень возможно, что до самого полюса море сплошь сковано льдом, и тогда, пожалуй, мы не в состоянии будем выбраться на поверхность.

— Да разве вы забыли, капитан, каков таран у «Наутилуса»? Разве нельзя как-нибудь направить судно по диагонали и пробить тараном отверстие в ледяном потолке?

— Профессор, какие иногда у вас являются светлые мысли!

— Да и зачем предполагать непременно все плохое, — продолжал я, все более увлекаясь. — Очень может быть, что море свободно около Южного полюса точно так же, как оно свободно у Северного. Полюсы вечной мерзлоты и географические полюсы земли не совпадают ни в Южном, ни в Северном полушарии, и пока не доказано обратное, надо допустить, что там находится или материк, или море, совершенно свободное от льдов.

— Я сам думаю так же, Аронакс, — сказал капитан Немо. — Однако позвольте заметить, что вы уже не возражаете против моего проекта, напротив, вы его защищаете!

Капитан был прав: я точно защищал! Теперь уже не он меня, а я его увлекал к полюсу! Капитан Немо подсмеивался надо мной, на что имел полное право.

— Теперь примемся за дело, — сказал капитан Немо. — Нельзя терять ни минуты!

Он вызвал своего помощника. Они начали говорить на своем непонятном наречии. Помощник, по-видимому, считал намерение капитана вполне исполнимым, потому что нисколько ему не возражал и даже не удивлялся.

Но как бы ни был бесстрастен помощник капитана, он не превзошел моего достойного Консейля. Когда я объявил этому безмятежному парню, что мы намерены отправиться к Южному полюсу, он спокойно ответил мне своей обычной фразой:

— Как угодно будет их чести.

Что касается Неда Ленда, то он вздернул плечи так высоко и так презрительно, как, вероятно, еще ни один смертный не делал.

— Знаете что, профессор? — сказал он. — Мне вас жалко!

И вас, и вашего капитана!

— Да ведь мы пойдем к полюсу, Нед!

— Пойдете, слов нет, только назад не вернетесь!

С этими словами Нед Ленд оставил меня, не желая больше разговаривать.

Тем временем начались приготовления.

Около четырех часов капитан Немо объявил мне, что надо задвигать люк и, следовательно, пора уходить с палубы. Я бросил последний взгляд на сверкающие сплошные льды. Погода была ясная, воздух чистый, хотя довольно холодно -12° ниже нуля. Впрочем, ветер стих и мороз был не так чувствителен.

Десять человек из экипажа большими кирками стали разбивать лед вокруг «Наутилуса». После этого все спустились внутрь корабля, люк задраили, и «Наутилус» начал погружение.

Мы с Консейлем пошли в салон, чтобы через открытые иллюминаторы видеть нижние слои океана. Ртуть в термометре поднималась. Стрелка манометра отклонялась вправо. Капитан предсказал верно: опустившись на глубину триста метров, мы очутились под сплошными льдами. «Наутилус» опустился еще ниже. Он достиг глубины восемьсот метров. Температура воды была уже не 12° , как на поверхности моря, а всего 11° .

— Отлично поплыvем, с позволения их чести! — сказал Консейль.

— Надеюсь, дружище, — отвечал я, уверенный в этом.

«Наутилус» направился к полюсу. Оставалось пройти от $67^{\circ}30'$ до 90° широты, двадцать два с половиной градуса, то есть около пятисот лье. «Наутилус» шел со скоростью два дцать шесть миль в час, как курьерский поезд.

— Если он постоянно будет идти с такой скоростью, — сказал я, — то через сорок часов дойдет до полюса.

— Это их честь справедливо изволили рассудить, — ответил Консейль.

Мы с Консейлем допоздна сидели около иллюминатора. Вода, освещенная электрическим светом, была пуста: рыбы не обитали в этих закованных льдами водах. Только в определенное время они могли появляться здесь, направляясь в водоемы, свободные от льдов.

Мы шли очень быстро. Это чувствовалось по дрожанию корпуса «Наутилуса».

Около двух часов ночи я пошел спать. Консейль последовал моему примеру. Проходя по корабельным коридорам, я надеялся встретить капитана Немо, но, наверное, он сам стоял у штурвала.

На следующий день, 19 марта, уже в пять часов утра я был в салоне. Электрический лаг показывал, что мы идем с меньшей скоростью. «Наутилус» осторожно поднимался вверх.

Сердце у меня начало страшно биться. Удастся ли нам выйти на поверхность? Неужели мы выплыvем, найдем свободное море?

Нет! Меня уведомил об этом довольно сильный толчок. «Наутилус» стукнулся об лед, и, судя по глухому звуку, лед в этом месте был еще очень толстым. Мы находились на глубине тысяча футов, значит, над нами было около двух тысяч футов льда. Здесь льды были, следовательно, гораздо толще, чем в месте погружения.

«Плохо дело!» — подумал я.

В этот день «Наутилус» несколько раз пробовал подниматься, но всегда ударялся о ледяной потолок. Иногда лед встречался даже на глубине девятьсот метров, следовательно, толщина ледяного покрова была тысяча двести метров, считая и те триста метров, которые возвышались над уровнем моря.

Наступил вечер, но никаких перемен не произошло. Толщи на льда колебалась от четырехсот до пятисот метров. Разумеется, это было уже гораздо меньше, но все же от поверхности нас отделял еще очень толстый слой льда.

Было восемь часов. Уже четыре часа назад по принятому распорядку следовало выпустить свежий воздух в «Наутилус». Однако я нисколько не страдал от нехватки кислорода, хотя капитан Немо и не прибегал еще к запасам воздуха.

Я очень плохо спал эту ночь: меня то одолевал страх, то волновала надежда. Несколько раз я вскакивал с постели. Время от времени я слышал, как «Наутилус» ударялся о ледяной потолок.

Около трех часов утра приборы в салоне показали мне, что лед находится на глубине всего пятьдесят метров. Значит, около ста шестидесяти футов льда отделяли нас от поверхности моря. Сплошные льды, очевидно, превращались в ледяные поля. Ледяные горы переходили в долины.

Я не отрывал глаз от манометра. Мы поднимались по диагонали, следуя наклонному рельефу подводной части льдов. Льды становились все тоньше.

Наконец в шесть часов утра того памятного дня, 19 марта, дверь салона открылась и капитан Немо сказал: – Открытое море!

Глава четырнадцатая Южный полюс

Я побежал на палубу.

Да, море было свободно! Только кое-где плавали льдины, виднелись айсберги, вдали расстилалось огромное водное пространство. В воздухе кружилось бесчисленное множество птиц, а под волнами кишили рыбы. Море в зависимости от глубины переливалось от яркого голубого цвета до оливкового. Термометр показывал 3° ниже нуля по Цельсию. По эту сторону льдов была, можно сказать, весна!

— Мы у полюса? — спросил я капитана с замиранием сердца.

— Не знаю, — сказал капитан. — В полдень установим координаты.

— А как вы думаете, солнце покажется? — спросил я, глядя на серое облачное небо.

— Если оно покажется только на секунду, этого будет достаточно, — ответил капитан.

В десяти милях к югу от «Наутилуса» возвышался метров на двести одинокий островок. Мы направились прямо к этому островку, но шли очень осторожно. Море было совершенно незнакомое и, возможно, усеяно подводными рифами.

Через час мы достигли островка. Через два часа мы уже его обогнули. Он имел от четырех до пяти миль в окружности. Узкий пролив отделял его от земли. Границ этой земли не было видно, и потому мы не могли определить, что это — остров или материк.

— Маури, должно быть, прав!

Американский ученый Маури заметил, что между Южным полюсом и шестидесятой параллелью море покрыто плавучими льдинами громадных размеров, чего не встречается в северной Атлантике. Из этого факта он вывел заключение, что в зоне Южного полярного круга находится большая земля, так как сплошные льды образуются не в открытом море, а только у берегов. По его расчетам, ледяной массив, окружающий Южный полюс, достигает в ширину четырех тысяч километров.

«Наутилус», опасаясь сесть на мель, остановился в трех кабельтовых от берега, над которым возвышались живописные скалы.

Шлюпка была спущена на воду. Капитан, двое матросов, Консейль и я сели в шлюпку и направились к берегу. Было десять часов утра.

Я не раз оглядывался, надеясь увидеть Неда Ленда, но он не показывался. Вероятно, Ленд сердился, что его прогноз не оправдался и мы все-таки пришли к полюсу.

Шлюпка быстро пристала к берегу. Консейль хотел вы прыгнуть на землю, но я удерживал его.

— Капитан, — сказал я, — вам первому следует ступить на эту землю!

— Да, профессор, — отвечал капитан, — и я нисколько не колеблюсь, потому что до сих пор человеческая нога еще не ступала на полярные земли!

Сказав это, он легко спрыгнул на песок. Я видел, что капитан взволнован.

Он быстро взобрался на утес, возвышавшийся на окончности мыса, встал, скрестив руки, и огляделся вокруг. Фигура его выглядела очень величественно на этой высоте. Минут пять он молча осматривался, потом обратился ко мне.

— Выходите, профессор! — крикнул он.

Я тотчас же вместе с Консейлем вышел на берег.

Почва представляла собой красноватый туф, издали казалось, что она усыпана толченым кирпичом. Повсюду виднелись ручьи лавы, шлак и пемза, указывавшие на ее вулканическое происхождение. В некоторых местах я заметил дымовые фонтанчики, от которых пахло серой, — это обстоятельство доказывало, что подземный огонь еще не потух. Однако,

взобравшись на высокий утес и пристально оглядываясь вокруг, я не увидел ни одного вулкана.

Известно, что Джеймс Росс нашел два действующих вулкана – Эребус и Террор – на сто шестьдесят седьмом меридиане и на 77°32' широты.

Растительность этого материка показалась мне очень бедной. Некоторые мхи и лишайники из рода *Usnea melanoxantha* стлались по черным скалам. Были здесь еще микроскопические растенъица, примитивные диатомеи, зажатые между камнями, и длинные пурпурные и алые водоросли, вероятно, занесенные сюда волнами и выброшенные на берег прибоем.

Берег был усеян моллюсками, мелкими ракушками, морскими блюдечками, сердцевидками и особенно продолговатыми клионами, у которых голова состоит из двух округленных лопастей. Здесь я увидел целые мириады северных клионов, бесчисленное множество которых кит может проглотить за один раз. Эти прелестные крылоногие, словно морские бабочки, оживляли прибрежные воды.

Кое-где виднелись древовидные кораллы, которые, по наблюдениям Джеймса Росса, живут в южных морях на глубине до тысячи метров, потом маленькие восьмилучевые кораллы – альционарии, множество красновато-бурых астериасов, свойственных этому климатическому поясу, и других морских звезд.

Но где кипела жизнь, так это в воздухе. Тысячи птиц летали, порхали, кружились и оглушали нас своими криками. Пингвины тучами покрывали скалы, нисколько не пугаясь нашего присутствия и бесцеремонно разгуливая около нас. Легкие и проворные в воде, но неуклюжие и тяжелые на суще, они неугомонно издавали странные крики, скучивались в стаи, но держались смироно.

Среди птиц я заметил куликов из семейства белых ржанок, величиной с голубя, белоснежных, с коротким коническим клювом, глаза у них обведены красным ободком. Консейль наловил несколько таких птичек, их мясо, если его хорошо приготовить, очень вкусно.

В воздухе мелькали альбатросы, у которых ширина распостертых крыльев равнялась трем с половиной метрам, буревестники-великаны, с выгнутыми дугой крыльями, большие охотники до тюленей, снежные буревестники с серыми ногами и целое полчище глупышей – и белых, с коричневой каймой на крыльях, и голубых, свойственных островам Антарктики. Эти последние до того «маслянисты», что жители Фарерских островов привязывают к убитой птице фитиль и зажигают, как светильник.

– Еще бы немного, – сказал Консейль, которому я рассказал об этом, – и из них были бы настоящие лампы. Впрочем, нельзя же требовать, чтобы они выводились с фитилем.

Отойдя на полмили от берега, мы увидели, что вся земля совершенно усеяна гнездовыми ямками антарктических пингвинов. Капитан Немо потом устроил на них охоту, потому что их черное мясо очень недурно. Крик пингвинов чрезвычайно напоминает ослиное гиканье. Они высотой до семидесяти сантиметров, аспидного цвета, с белым брюхом и желтым ободком вокруг шеи. Эти птицы позволяли убивать себя камнями, нисколько не стараясь убежать.

Туман все не рассеивался. Было уже одиннадцать часов, а солнце еще не показывалось. Это очень меня беспокоило. Какие же могли быть наблюдения без солнца? Как узнать, у полюса мы или еще нет?

Я подошел к капитану Немо. Он стоял, облокотясь на обломок утеса, и глядел на небо. Он казался взволнованным и недовольным. Но что же делать? Надо покориться! С солнцем капитан Немо не мог справиться так, как он повелевал морской стихией.

Наступил и полдень, а дневное светило все не показывалось. Нельзя даже было определить высоту солнца из-за густого занавеса облаков. Вскоре пошел снег.

– До завтра! – коротко сказал капитан Немо.

Мы возвратились на «Наутилус».

Во время нашего отсутствия были закинуты сети, и я с большим интересом стал рассматривать пойманных рыб.

Антарктические моря служат местом миграции множества рыб, которые приплывают сюда, спасаясь от бурь более низких широт, чтобы попасться на зуб дельфинам и моржам.

Я заметил несколько южных бычков длиной в дециметр, белых с синеватыми поперечными полосками, снабженных маленькими колючими шипами. Были здесь и антарктические иглы длиной три фута, белокожие, гладкие, с серебристым отливом, голова у них округленная, и морда оканчивается трубой, или хоботом, который загибается ко рту, на спине три плавника.

Я потом попробовал их есть, но нашел, что они очень безвкусны, несмотря на уверения Консейля, что лучшего блюда не найти.

Снежная буря продолжалась до следующего утра. На палубе невозможно было оставаться. Я писал в салоне и слышал оттуда крики буревестников и альбатросов. «Наутилус», впрочем, не стоял на месте: он двигался вдоль берега и прошел еще около десяти миль к югу. Кругом царствовала полутьма или, лучше сказать, полусвет.

На следующий день, 20 марта, метель утихла, снег перестал идти, и стало немного холоднее. Термометр показывал два градуса ниже нуля. Туман поднялся, и я начал надеяться, что наконец можно будет установить наши координаты.

Капитан не выходил из своей каюты, но шлюпка была к нашим услугам. Мы с Консейлем сели в нее и благополучно переправились на берег.

Почва здесь была такая же, то есть вулканического происхождения. Повсюду видны были следы лавы, шлаки, базальты. Но кратера и здесь я не заметил, хотя тщательно осматривался.

Как и на острове, мириады птиц оживляли суровую местность. Кроме птиц мы увидели целые стада морских млекопитающих, которые глядели на нас кроткими, спокойными глазами. Это были различные виды тюленей. Одни лежали на земле или на льдинах, прибывших к берегу прибоем, другие входили в море или выползали из него. Они не пугались и не убегали при нашем приближении: видно было, что они не имели никаких дел с человеком.

– Сколько их! – сказал я Консейлю. – Можно нагрузить сотню промысловых судов!

– Их честь это справедливо изволили сказать, – отвечал Консейль. – Счастье, что Нед Ленд не пошел с нами!

– Почему же счастье, Консейль?

– Потому что он всех бы перебил, с позволения их чести.

– Всех не всех, Консейль, но многих он бы перебил, в этом нет сомнения. Капитан был бы недоволен, потому что он не любит проливать напрасно кровь безвредных животных.

– По-моему, капитан прав, с позволения их чести.

– Разумеется, прав, Консейль. Послушай, ты еще не классифицировал эти образчики морской фауны?

– Их чести известно, что я не очень-то силен на практике... Пусть их честь назовут мне этих животных...

– Это тюлени, моржи.

– Два рода, принадлежащие к отряду ластоногих, – поспешил ответил ученый Консейль, – к отделу плотоядных, к подклассу чревосумчатых, к классу млекопитающих, к типу позвоночных.

– Отлично, Консейль! Но роды разделяются на виды, и, если я не ошибаюсь, мы здесь найдем образцы для изучения. Пойдем вперед!

Было восемь часов утра. У нас еще оставалось четыре часа до полудня. Я надеялся, что в полдень можно будет определить, где мы находимся.

Мы направились к огромной бухте, врезавшейся в крутой гранитный берег.

Все вокруг было населено морскими млекопитающими. Я невольно искал глазами старого Протея, мифологического пастуха, который стерег Нептуновы стада.

Больше всего тут было тюленей. Они располагались группами; самцы заботливо оберегали свое семейство, самки кормили детенышней, а некоторые подростки играли или лежали в нескольких шагах от родителей.

Когда эти млекопитающие хотели перейти с места на место, они передвигались маленьными неуклюжими прыжками, плавники у них плохо развиты. Тюлени отлично плавают, а лежа на берегу, принимают очень грациозные позы. Древние за краткое выражение их прекрасных бархатистых глаз, грациозные движения и позы превратили их в мифологических тритонов и сирен.

— Посмотри, как развиты у них мозговые полушария! — сказал я Консейлю. — Ни у одного млекопитающего, кроме человека, нет столько мозга, как у тюленей. Они очень смышленые животные, их легко можно приручить. Некоторые натуралисты полагают, что если их хорошенько выдрессировать, так они бы могли оказывать большие услуги в рыбной ловле.

Большая часть тюленей спала на камнях или на песке. Между этими обыкновенными тюленями, у которых нет наружного уха, я заметил разновидности длиной три метра, с белой шерстью, голова у них напоминает голову бульдога, челюсти усажены десятью зубами — по четыре резца сверху и снизу и два больших клыка.

Между тюленями попадались северные морские слоны, с коротким и подвижным хоботом; это великаны, имеющие более пяти метров в длину, а окружность их равняется двадцати футам. При нашем приближении они даже не шевельнулись.

— Что, эти животные опасны? — спросил Консейль.

— Нет, не опасны, если только их не трогать. Когда тюлень защищает своих детенышней, то он опасен. В таком случае нередко разбивает в щепы рыбачье судно.

— Он, с позволения их чести, вправе так поступать, — сказал Консейль.

— Я не говорю, что не вправе.

Мы прошли еще мили две. Нам загородил дорогу скалистый мыс, который защищал бухту от южных ветров. Утес стоял над морем отвесно, волны разбивались и пенились у его подножия. За этим утесом слышен был ужаснейший рев, словно там находилось целое стадо жвачных животных.

— Вот тебе на, — сказал Консейль, — быки задают концерт.

— Нет, — отвечал я, — не быки, а моржи.

— Дерутся?

— Дерутся или играют.

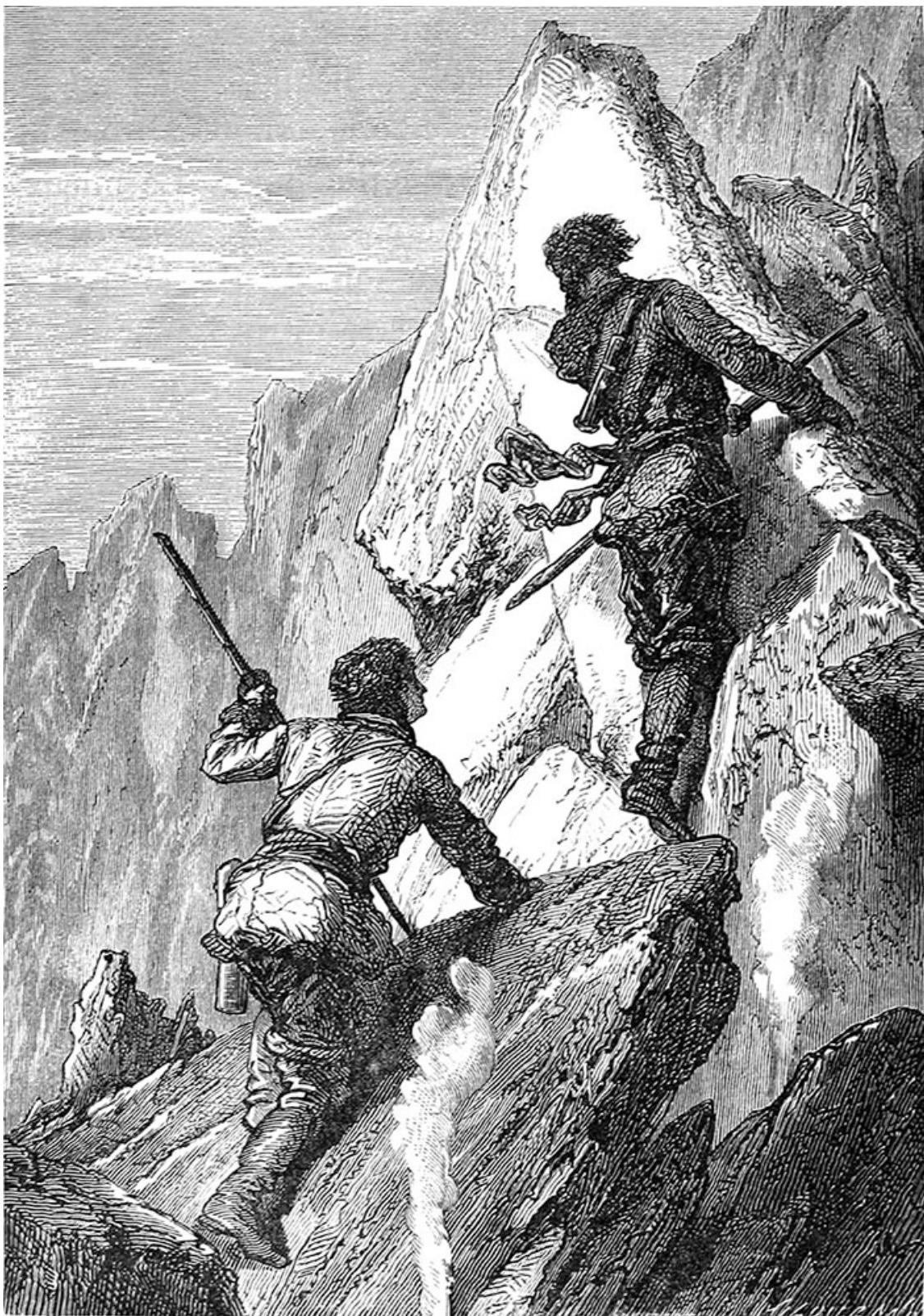
— Я желал бы, с позволения их чести, посмотреть на это.

Посмотреть следует...

— Следует, Консейль, следует. Мы посмотрим.

Мы начали взбираться на черноватые скалы. Обледенелые камни были очень скользкими, то и дело обрывались из-под ног и скатывались вниз. Я не раз тоже летел вниз, а потом, потирая ушибленные места, опять карабкался дальше. Консейль был гораздо осторожнее, не падал, приходил мне на помощь и поднимал меня, говоря:

— Если бы их честь потрудились пошире расставлять ноги, так их честь так часто бы не падали.

Наконец мы добрались до вершины, и я увидел обширную снежную равнину, покрытую моржами. Моржи не дрались, а играли, и рев был не гневным, а веселым.

Моржи формой тела и расположением конечностей очень схожи с тюленями, но у них нет ни резцов, ни коренных зубов на нижней челюсти, на верхней челюсти только два клыка — два бивня длиной восемьдесят сантиметров. Эти бивни гораздо крепче слоновых, не так быстро желтеют и очень высоко ценятся. Из-за этих ценных клыков охотятся за моржами с

таким усердием, что, вероятно, скоро совершенно их истребят. Безрассудные охотники бьют без разбора и самок и детенышней, каждый год уничтожается более четырех тысяч моржей.

Я мог свободно разглядывать этих животных: они нисколько не беспокоились и близко нас к себе подпускали. Кожа у них морщинистая, толстая, шерсть рыжеватая, короткая и не очень густая. Иные особи были четыре метра длиной. Моржи здесь гораздо беспечнее и смелее северных и не выставляли часовых около своего лагеря.

Наглядевшись на моржей, мы отправились в обратный путь.

Было уже одиннадцать часов. Я, впрочем, не надеялся, что покажется солнце. Облака заволакивали все небо. Казалось, завистливое светило не хотело указать смертным, где находится недоступная точка земного шара.

Мы повернули обратно и по узкой тропинке спустились с утеса. В половине двенадцатого мы уже были у нашей «пристани».

Я тотчас же увидел капитана Немо. Он стоял на базальтовом обломе, астрономические приборы лежали рядом с ним.

Глаза его были устремлены на север.

Я подошел, остановился около него и тоже стал ждать.

Наступил полдень. Солнце не показалось. Установить координаты опять не удалось. Если и завтра солнце не покажется, то придется отказаться от надежды узнать, где мы находимся.

«Сегодня 20 марта! – думал я с волнением. – Сегодня 20 марта! Завтра 21 число, начинается равноденствие, солнце исчезнет на шесть месяцев, и наступит долгая полярная ночь!»

Я не утерпел и высказал свои опасения капитану Немо.

– Вы правы, Аронакс, – ответил капитан Немо, – если и завтра мне не удастся определить высоту солнца, то придется ждать шесть месяцев. Но если завтра в полдень солнце выглянет, мне будет легко сделать вычисления, потому что я буду его делать 21 марта.

– Почему, капитан?

– Потому что когда дневное светило описывает удлиненную спираль, измерить его высоту над горизонтом очень трудно; поэтому может произойти ошибка.

– Что же вы будете делать завтра?

– Я воспользуюсь хронометром. Если завтра, 21 марта, в полдень солнечный диск будет пересечен точно пополам линией горизонта, значит, мы у Южного полюса.

– Однако, – возразил я, – это определение не совсем верно, потому что равноденствие начинается не в самый полдень.

– Разумеется, но мы ошибемся метров на сто, не более.

Это не имеет для нас значения.

Капитан Немо вернулся на корабль, а мы с Консейлем бродили до пяти часов по берегу, наблюдали, рассуждали, классифицировали.

Я нашел яйцо пингвина замечательно большого размера. Любитель редкостей, не задумываясь, дал бы за него тысячу франков. Яйцо это было синего цвета и все испещрено черточками, похожими на иероглифы.

Я вручил его Консейлю, и Консейль благополучно донес его, как драгоценную китайскую вазу, до «Наутилуса». Я поместил это яйцо, с разрешения капитана Немо, в его музей, под стекло вместе с другими редкостями.

Затем мы поужинали с большим аппетитом. На ужин нам была подана тюленья печенья, которая вкусом напоминала свежее свиное сало.

После ужина я лег спать. Но перед сном не хуже любого индуза долгое время взывал к лучезарному светилу, чтобы оно озарило нас своими животворными лучами.

На другой день, 21 марта, я с пяти часов утра вышел на палубу. Капитан Немо уже был там.

— Иногда немного проясняется, — сказал он. — Я надеюсь, что сегодня мы своего добьемся. После завтрака отправимся на берег и выберем пункт для наблюдения.

— Хорошо, капитан, — ответил я.

Я отправился к Неду Ленду и стал звать его с собой. Несмотря на все мои уговоры, упрямый канадец отказался. Он был очень мрачен и озлоблен.

«Впрочем, все к лучшему! — подумал я. — На берегу чересчур много тюленей, и канадец может затеять бойню!» После завтрака я отправился на берег.

«Наутилус» за ночь прошел еще несколько миль. Он теперь стоял в лье от берега, на котором возвышался остроконечный утес высотой четыреста-пятьсот метров.

Мы с капитаном Немо сели в шлюпку, разумеется, захватив с собой нужные приборы, то есть хронометр, подзорную трубу и барометр. Пока мы плыли к берегу, нам встретилось множество китов, принадлежащих к трем видам, свойственным южным морям: обыкновенного кита, у которого нет спинного плавника, горбача с огромными беловатыми плавниками, и коричнево-желтого финвала, известного у англичан как *fin back*, самого подвижного и проворного из китообразных. Издали можно услышать приближение этого могучего животного, потому что он очень высоко выбрасывает столбы воздуха и пара, которые похожи на столбы дыма.

Целые стада млекопитающих резвились в тихих спокойных водах. Бассейн Южного полюса служил, видимо, убежищем китообразным, которые спасались от ярости охотников.

Я также заметил сальпов, которые тянулись по воде длинными беловатыми цепочками, и огромных медуз, покачивающихся на волнах.

В девять часов мы причалили к берегу. Погода прояснялась. Облака бежали к югу. Туман поднимался с поверхности воды.

Капитан Немо направился прямо к утесу, выбранному им для наблюдений. Всходить на него было очень трудно — повсюду острые осколки лавы, пепла, к этому добавлялся еще и неприятный запах серы.

Капитан Немо быстро и легко взбирался по камням, хотя и говорил, что давным-давно отвык ходить по земле. Его ловкости мог бы позавидовать пиринейский охотник!

Целых два часа мы добирались до вершины. С высоты мы обозревали открытое море. Под нашими ногами расстилались снежные поля ослепительной белизны. Над головой у нас сияло бледно-голубое небо. На севере виден был солнечный диск, наполовину срезанный линией горизонта. Из глубины вод великолепными снопами поднимались сотни фонтанчиков. Вдали стоял «Наутилус», уснувший на волнах. Позади нас, к югу и востоку, лежала необозримая земля с нагромождениями утесов и льдин.

Капитан Немо, поднявшись на вершину, сразу определил высоту утеса над уровнем моря.

В три четверти двенадцатого солнце полностью выплыло из-за горизонта, как золотой шар, и осветило последними лучами уединенный материк и пустынные, никем не посещаемые воды.

Капитан Немо в подзорную трубу наблюдал светило, которое мало-помалу клонилось к горизонту, описывая удлиненную дугу.

Мое сердце учащенно билось. Капитан доверил мне держать хронометр.

Если солнечный диск наполовину закроется в полдень, то мы, значит, на полюсе!

— Полдень! — вскрикнул я. — Двенадцать часов!

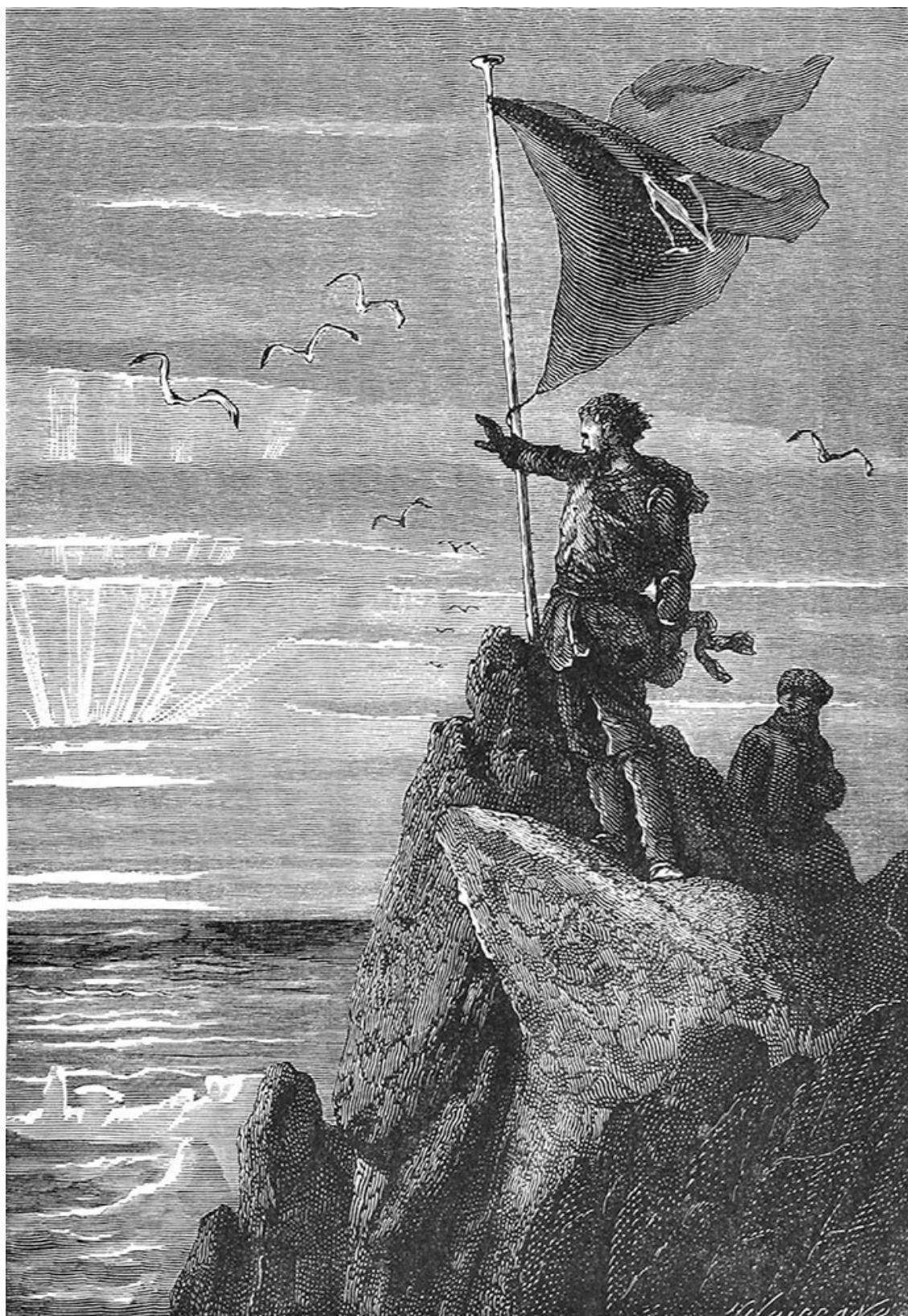
— Южный полюс! — торжественно сказал капитан Немо, передавая мне трубу.

Дневное светило перерезалось горизонтом как раз на две равные части!

Я смотрел, как последние лучи солнца золотили вершину утеса и как тени стали ложиться на его склоны.

В эту минуту капитан Немо положил руку мне на плечо и сказал:

– В 1600 году голландец Геритк, увлекаемый течениями и бурями, достиг 64° южной широты и открыл Южные Шетландские острова. В 1773 году 17 января знаменитый Кук достиг $67^{\circ}30'$, а в 1774 году 30 января – $71^{\circ}15'$ широты. В 1819 году русский исследователь Беллинсгаузен был на шестьдесят девятой параллели, а в 1821 году – на шестьдесят шестой под 111° западной долготы. В 1820 году англичанин Брансфилд дошел до 65° . В том же году американец Моррел – впрочем, его рассказы подлежат сомнению – открыл свободное от льдов море на $70^{\circ}14'$ широты. В 1826 году англичанин Пауэлл не смог из-за льдов перейти 62° . В том же году простой охотник за тюленями, англичанин Уэдделл, поднялся до $72^{\circ}14'$ широты на тридцать пятом меридиане и до $74^{\circ}15'$ по тридцать шестому. В 1829 году англичанин Форстер открыл Антарктический материк на $63^{\circ}26'$ широты и $66^{\circ}26'$ долготы. В 1831 году англичанин Биско открыл 1 февраля Землю Эндерби на $68^{\circ}50'$, в 1832 году 5 февраля – Землю Аделаиды на 67° , а 21 февраля – Землю Грэм на $64^{\circ}45'$ широты. В 1838 году француз Дюмон-Дюрвиль, остановленный сплошными льдами на $62^{\circ}57'$ широты, открыл Землю Луи Филиппа. Два года спустя тот же Дюмон-Дюрвиль открыл 21 января на $66^{\circ}30'$ Землю Адели и через восемь дней на $64^{\circ}40'$ – Землю Клэр. В 1838 году англичанин Уилкс дошел до шестьдесят девятой параллели. В 1839 году англичанин Баллени открыл острова Баллени на границе Южного полярного круга. Наконец, в 1842 году англичанин Джеймс Росс 12 января, плавая на «Эребусе» и «Терроре», открыл Землю Виктории на широте $76^{\circ}56'$ и $171^{\circ}7'$ восточной долготы. 23 числа того же месяца он был на семьдесят четвертой параллели – самой дальней точке, до которой до тех пор не доходили. 27 января он дошел до $76^{\circ}8'$, 28-го – до $77^{\circ}32'$, 2 февраля – до $78^{\circ}4'$.

В 1842 году он возвратился к 71° , дальше которого не мог пройти. Я, капитан Немо, 21 марта 1868 года дошел до Южного полюса, находящегося на 90° южной широты, и я завладеваю этой частью земного шара!

– От чьего имени завладеваете, капитан?

– От моего собственного!

С этими словами капитан Немо развернул черный флаг, на котором сверкала золотая буква «N». Затем, обращаясь к дневному светилу, которое уже почти скрылось и посыпало на землю только слабые лучи, он крикнул:

– Прощай, солнце! Исчезай, лучезарное светило! И пусть полярная ночь покроет мраком мои новые владения!

Глава пятнадцатая Несчастье или препятствие?

На следующий день, 22 марта, в шесть часов утра мы начали готовиться в обратный путь. Было темно и очень холодно. На небе ярко блестали звезды. В зените сверкал Южный Крест – Полярная звезда Антарктики.

Термометр показывал 12° ниже нуля. Временами дул холодный ветер. На море стало больше льдин. На поверхности воды виднелись черноватые пятна – признак, что скоро все затянутся молодым льдом.

Очевидно, бассейн Южного полюса, замерзающий на шесть зимних месяцев, был в это время недоступен.

Что же будет с китами зимой? Вероятно, они пробираются подо льдами в другие моря. Что касается тюленей и моржей, то они привыкли жить в холодном и суровом климате и оставались здесь, на ледяном побережье.

Эти животные проделывают дыры-отдушины в ледяных полях и заботятся о том, чтобы они не замерзали. В эти дыры они высовывают головы и дышат. Когда птиц спугнет холод и они улетят на север, тюлени и моржи остаются единственными хозяевами полярного континента.

«Наутилус» начал медленно погружаться. На глубине тысяча футов он пошел прямо на север со скоростью пятнадцати миль в час. К вечеру он уже плыл под сплошными льдами.

Иллюминаторы в салоне были задвинуты из предосторожности: корпус «Наутилуса» мог неожиданно наткнуться на случайную плавучую льдину, и тогда пришлось бы плохо. Так что я провел целый день, переписывая начисто свои заметки.

Итак, мы достигли Южного полюса!

Сколько чудес насмотрелся я за эти пять месяцев! Мы прошли четырнадцать тысяч лье. И что это было за путешествие! Я вспоминал охоту на острове Креспо, остановку в проливе Торреса, коралловое кладбище, ловлю жемчуга на Цейлоне, Аравийский тоннель, Санторинские огни, золотые запасы бухты Виго, Атлантиду, Южный полюс. Эти воспоминания всю ночь не давали мне спокойно заснуть.

В три часа утра меня разбудил сильнейший толчок. Кругом было темно. Я приподнялся на постели и стал прислушиваться, как вдруг меня сбросило с кровати на пол.

Очевидно, «Наутилус» наткнулся на что-то!

Я поднялся и, держась за стенки, кое-как добрался до са лона.

Вся мебель здесь была опрокинута. К счастью, стеклянные шкафы и витрины с редкостями остались на месте, потому что были прочно прикреплены к полу. Картины, висевшие по правому борту, сместились и плотно прилегали к стенке, а картины по левому борту отходили от стены на целый фут. Следовательно, «Наутилус» лежал неподвижно на правом борту.

Я слышал торопливые шаги и чьи-то голоса.

Капитан Немо не показывался.

В ту минуту, как я выходил из салона, пришли Нед Ленд и Консейль.

– Что случилось? – спросил я.

– Я, с позволения их чести, пришел спросить об этом, – сказал Консейль.

– Я хорошо знаю, что случилось! – закричал Нед Ленд, – «Наутилус» наткнулся на айсберг! И я полагаю, что теперь ваш капитан Немо так легко не выкарабкается из беды, как в Торресовом проливе!

– Он по крайней мере всплыл на поверхность? – спросил я.

– Мы не знаем, – ответил Консейль.

— Можно узнать, — сказал я.

Я посмотрел на манометр. К великому моему изумлению, он показывал глубину триста шестьдесят метров.

— Что это значит? — вскрикнул я.

— Надо бы спросить капитана Немо, — сказал Консейль.

— Да где его взять, вашего капитана Немо? — ответил Нед Ленд. — Он словно сквозь землю провалился.

— Пойдем его искать, — сказал я.

Мы вышли из салона.

В библиотеке ни души. На трапе ни души. На вахте никого.

— Верно, капитан Немо в кабине рулевого, — сказал я. — Надо подождать.

Мы вернулись в салон.

Я не буду перечислять все упреки и придиরки, которые Нед Ленд адресовал капитану Немо. Я дал ему полную свободу выкричаться, излить свое плохое настроение и не прерывал его ни единственным словом. Наконец он умолк. Минут двадцать мы сидели тихо, прислушиваясь к малейшему шуму.

Вдруг вошел капитан Немо. Нас он словно не заметил. Его лицо, всегда такое бесстрастное, выражало теперь некоторое беспокойство. Капитан внимательно посмотрел на компас, на манометр и отыскал на карте какую-то точку.

Я не хотел ему мешать и молчал. Но когда он, по-видимому, собирался уйти, я спросил его:

— Препятствие, капитан?

— Нет, Аронакс, на этот раз несчастный случай, — ответил капитан Немо.

— Тяжелый?

— Возможно.

— Опасность неминуема?

— Нет еще.

— «Наутилус» сел на мель?

— Да.

— И это произошло вследствие чего?

— Не от беспечности или неопытности человека, а от кризиса природы, Аронакс. Людские законы можно отвергать, можно им не повиноваться, но против законов природы не пойдешь!

«Нашел время для высказывания философских мыслей, — подумал я. — Это не ответ».

— Можете вы мне сказать, если так, что за причина...

— Перед нами перевернулась огромная льдина, профессор. Вы, вероятно, знаете, что вода мало-помалу подмывает основание ледяных гор и они опрокидываются, так как у них меняется центр тяжести. Это и случилось. Ледяная глыба перевернулась и толкнула «Наутилус», который плыл под водой, затем она очутилась ниже, скользнула под его корпус, приподняла и подкинула его выше, где он и засел, накренившись.

— Нельзя ли как-нибудь освободить «Наутилус»? Выкачать воду из резервуаров...

— Я уже распорядился. Слышите, как действуют насосы? Посмотрите на манометр — мы поднимаемся. Но ледяная глыба поднимается вместе с «Наутилусом», и до тех пор, пока что-нибудь ее не остановит, положение наше не улучшится.

Действительно, «Наутилус» поднимался с креном на правый борт. Без сомнения, он выровняется, если ледяная глыба остановится, но если она будет подниматься с нами до самых сплошных льдов? Тогда нас сплющит между двумя ледяными поверхностями! признаюсь, было о чем задуматься!

Капитан Немо часто поглядывал на манометр. Мы всплывали, сохраняя угол наклона, и поднялись уже футов на полтораста.

Вдруг мы почувствовали легкое сотрясение корпуса. Очевидно, «Наутилус» стал выпрямляться. Картину на стенах приняли нормальное положение.

Затаив дыхание, мы молчали, наблюдая, как выравниваются пол и стены.

Прошло десять минут.

– Наконец мы стали прямо! – воскликнул я.

– Да, – сказал капитан Немо и пошел к двери.

– А мы всплынем, капитан?

– Конечно, Аронакс. Когда выкачивают воду из резервуаров, мы поднимемся на поверхность.

Капитан ушел. Вскоре по его распоряжению «Наутилус» сбавил ход, чтобы не удариться о нижнюю часть торосов.

– Выскочили! – сказал канадец.

– Да! – отвечал я. – Нас могло сплющить между льдами, или, по крайней мере, мы рисковали очутиться в ледяной тюрьме. И тогда, без воздуха... Да, мы отделались благополучно!

– Если только отделались! – ворчливо сказал Нед Ленд.

Я не хотел вступать в бесполезный спор и ничего ему не ответил. К тому же в эту самую минуту открылись иллюминаторы и ослепляющий свет снаружи ворвался в салон.

Мы плыли между сверкающими ледяными стенами. Громадная подводная поверхность сплошных льдов расстилалась над нами, как гигантский потолок, а снизу под нами зацепилась за боковые стенки перевернувшаяся ледяная глыба. «Наутилус» шел по настоящему ледяному тоннелю около двадцати метров шириной в спокойной воде.

Льды переливались и сверкали в электрическом свете, как алмазы, сапфиры и изумруды. Это был ослепительный рудник различных самоцветов.

– Ах, какая красота! – говорил Консейль. – Ах, как прекрасно!

– Да, Консейль, прекрасное зрелище! – отвечал я. – Ведь прекрасно, Нед?

– Разумеется, прекрасно! – с гневом отвечал канадец. – Я ничего такого отроду не видывал! Да за это зрелище мы можем дорого поплатиться. Знаете что, господин Аронакс? Не следовало нам всего этого видеть: если Господь запрещает что-то показывать, так на то не следует глядеть!

Я хотел ему ответить, но Консейль мне помешал. Парень вдруг вскрикнул, и я невольно обернулся.

– Что с тобой, Консейль? – спросил я.

– Пусть их честь закроют глаза! – вскрикнул Консейль. – Пусть их честь не смотрят!

Консейль кричал, закрыв себе лицо руками.

– Да что с тобой, Консейль?

– Я не вижу, я ослеп!

Я невольно посмотрел в иллюминатор, но невыносимый блеск тотчас же заставил меня зажмуриться.

Я понял, в чем дело. «Наутилус» прибавил скорость и шел теперь чрезвычайно быстро. Стены, до сих пор сверкавшие ровным ярким светом, вдруг превратились в огненные полосы, и мы мчались словно обвитые молниями.

Иллюминаторы закрылись, но мы еще долго стояли, закрыв глаза руками.

– Ну! – сказал Консейль, оправившись. – Я бы этому не поверил!

– А я и сейчас не верю! – ответил Нед Ленд.

— Когда мы вернемся домой, на твердую землю, после зрелищ таких чудес природы, — добавил Консейль, — так уже там ничему не будем удивляться! Теперь твердая, обитаемая земля нам нипочем!

Эти слова достаточно показывали, до какой степени был возбужден невозмутимый фламандец.

Но Нед Ленд тотчас же постарался окатить нас холодной водой.

— Обитаемая земля! — сказал он. — Будьте уверены, приятель: нам на обитаемой земле уже не бывать!

Было пять часов утра.

Вдруг опять толчок!

Я догадался, что нос «Наутилуса» натолкнулся на льды.

— Наверно, капитан поворачивает в сторону, — сказал я, — возможно, тоннель в этом месте отклоняется в сторону...

Во всяком случае, мы пройдем...

Но, вопреки моему ожиданию, «Наутилус» дал задний ход.

— Мы назад идем? — спросил Консейль.

— Да, — ответил я, — назад... В этом месте, видимо, нет выхода из тоннеля.

— Что ж тогда делать, если нет выхода и...

— Мы повернем назад и выйдем через южный выход. Вот и все!

Я, говоря это, вовсе не был спокоен, но постарался принять вид человека, уверенного в успехе.

«Наутилус» все шел назад.

— Вот и задержка! — сказал Нед Ленд.

— Не беда! — отвечал я ему. — Два-три лишних часа промедлим и выберемся!

— Да, если только выберемся! — сказал канадец.

Несколько минут я ходил взад и вперед, из салона в библиотеку и обратно. Нед Ленд и Консейль сидели молча. Наконец я сел на диван, взял книгу и начал ее машинально пробегать глазами.

Через четверть часа Консейль подошел ко мне и спросил:

— Что их честь изволят читать? Очень это интересно?

— Очень интересно, Консейль, — отвечал я.

— Еще бы! Их честь изволят читать книгу их же чести!

Свою книгу!

— Разве?

Действительно, я держал в руках свое собственное произведение «Тайны морских глубин».

Я отбросил книгу и снова стал расхаживать по комнате.

Нед Ленд и Консейль встали, собираясь уйти.

— Останьтесь, друзья! — сказал я. — Лучше сидеть вместе, пока... пока не выберемся из этого тупика.

— Как угодно будет их чести, — ответил Консейль.

Прошло несколько часов. Я часто смотрел на приборы, развешанные по стенам. Манометр показывал, что «Наутилус» держится на глубине триста метров; компас указывал, что он направляется к югу, а лаг — что он идет со скоростью двадцать миль в час.

В таком узком пространстве — и такая скорость! Капитан Немо понимал, что надо спешить и что каждая минута дорога.

В двадцать пять минут девятого опять толчок! На этот раз удар пришелся по корме.

Я побледнел. Нед Ленд и Консейль подошли ко мне. Я схватил Консейля за руку. Мы молча переглянулись, словно задавая друг другу вопросы, на которые у нас не было ответа.

В эту минуту появился капитан. Я кинулся к нему и спросил:

– Дорога к югу тоже заграждена?

– Да, заграждена. Ледяная глыба, перевернувшись, загородила последний выход.

– Мы, значит, заперты в этом тоннеле? – Заперты.

Глава шестнадцатая Воздуху!

Затерты во льдах! Мы стали пленниками ледяных торосов. Нед Ленд ударили по столу своим громадным кулаком. Консейль молчал и стоял спокойно.

Я посмотрел на капитана. Лицо его приняло обычное бесстрастное выражение. Он стоял, скрестив по привычке руки на груди, и о чем-то раздумывал.

«Наутилус» не двигался.

Наконец капитан заговорил.

— Господа, — сказал он спокойным ровным голосом, — при данных обстоятельствах мы можем умереть двумя способами.

Он говорил так, словно объяснял нам какой-нибудь урок!

— Во-первых, нас может раздавить между льдами, а во-вторых, мы можем задохнуться от недостатка воздуха. О возможности умереть с голоду я не говорю, потому что у нас еще очень много съестных припасов. Займемся вопросом о возможности быть раздавленными или задохнуться.

— Задохнуться мы не задохнемся, капитан, — сказал я, — потому что ведь запасные резервуары...

— Запасов воздуха хватает всего на два дня, господин Аро накс. Мы уже тридцать восемь часов находимся под сплошными льдами. Разве вы не чувствуете, что уже трудно становится дышать? Через несколько часов весь наш запас истощится.

— Так надо постараться выбраться за несколько часов, капитан! — вскрикнул я.

— Мы попробуем, Аронакс. Я хочу попытаться пробить ледяную стену.

— С какой стороны, капитан?

— А вот сейчас узнаем, что покажет зонд. Я посажу «Наутилус» на ледяное подножие, а экипаж, одетый в скафандры, станет пробивать лед в том месте, где он окажется податливее и тоньше.

— Можно открыть иллюминаторы?

— Можно. Мы ведь теперь стоим на месте.

Капитан Немо ушел.

Скоро я услыхал шипение воды, наполняющей резервуары. «Наутилус» начал медленно погружаться и сел на ледяное дно на глубине трехсот пятидесяти метров.

— Друзья! — сказал я Неду и Консейлю. — Время трудное, но я надеюсь на ваше мужество и энергию.

— Я, господин Аронакс, готов что угодно сделать для общего спасения, — ответил канадец. — И если капитану нужен еще работник, так я в его распоряжении. Я могу справиться с киркой и гарпуном.

— Капитан будет очень рад, Нед, — сказал я, пожимая ему руку. — Пойдемте к нему!

Я проводил Неда в помещение, где экипаж одевался в скафандры. Капитан был здесь и принял предложение канадца очень благосклонно. Через несколько минут Нед Ленд уже переоделся и отправился вместе с экипажем на работу.

Я вернулся в салон и, встав вместе с Консейлем у иллюминатора, начал рассматривать льды, окружавшие «Наутилус».

Вскоре мы увидели, как двенадцать человек вышли на лед.

— Вон Нед! — сказал я Консейлю. — Он выше всех.

Капитан Немо тоже был с рабочими.

Сначала попробовали прозондировать верхние льды, но они оказались чересчур толстыми. По распоряжению капитана проверили нижние пласти. Зонд показал, что здесь всего

десять метров отделяют нас от воды. Значит, надо было вырубить около тысячи пятисот кубических метров льда, чтобы образовать отверстие, через которое мог бы пройти «Наутилус».

Работа началась и продолжалась с большим усердием. Кирки мощно врезались в массу льда, откалывая от нее большие глыбы. После двух часов напряженной работы Нед Ленд пришел к нам отдохнуть. Он был совершенно без сил.

На место прежних рабочих пришли новые, к которым присоединились и мы с Консейлем. Руководил работами помощник капитана. Сначала мне было очень холодно, но, поработав киркой, я согрелся.

Мы тоже проработали два часа, а потом пошли отдыхать.

Воздух на «Наутилусе» не обновлялся уже целых сорок восемь часов, и дышать становилось трудно. А между тем, рассчитывая, как шла наша работа, нам надо было проработать еще пять ночей и четыре дня, чтобы выбраться из ледяной западни.

— Пять ночей и четыре дня! — сказал я своим товарищам. — А у нас запасов воздуха всего только на два дня!

— Вы еще и то не забывайте, — добавил Нед Ленд, — что если мы и выберемся из этой проклятой ледяной тюрьмы, мы все-таки останемся под сплошными льдами, значит, дышать свежим воздухом все-таки будет нельзя!

Нед был прав. Не задохнемся ли мы раньше, чем «Наутилус» выплынет на поверхность? А вдруг он будет погребен в этой ледяной могиле?

Всю ночь работа не прекращалась.

Утром я надел скафандр и пошел поглядеть, насколько продвинулись работы. Вообразите мой ужас, когда я увидел, что вода в нашем тоннеле начинает замерзать!

Я ничего не сказал об этой новой беде ни Консейлю, ни Неду Ленду. Зачем было их тревожить без всякой пользы?

Но капитана Немо я уведомил немедленно.

— Я знаю, Аронакс, — сказал он со своим обычным спокойствием. — Я знаю, но я не в силах этому помочь. Остается одно: спешить! Надо, так сказать, обогнать мороз!

Обогнать мороз! Этот человек мог еще шутить!

Весь этот день я ревностно работал киркой. Работа меня ободряла и поддерживала. Кроме того, на работе дышалось свободнее, так как из дыхательного аппарата поступал свежий воздух.

К вечеру отверстие прорубили еще на один метр.

Когда я вернулся на «Наутилус», то воздух был уже таким спертым, что я задыхался. Вечером капитан Немо вынужден был открыть краны запасных резервуаров и впустить немного свежего воздуха.

На следующий день, 26 марта, я опять вышел на работу. Вода все больше и больше замерзала. Боковые стены стали заметно толще. Было очевидно, что они сойдутся раньше, чем мы закончим прорубать отверстие для прохода «Наутилуса».

Признаюсь, я не раз приходил в отчаяние и думал: «К чему выбиваться из сил? Все равно тут задохнемся!»

Раз, когда капитан Немо проходил мимо меня, я остановил его за руку и указал на вновь образовавшиеся льдины. Капитан понял, что я хочу сказать, и сделал знак следовать за собой. На борту мы сняли скафандры и затем прошли в салон.

— Аронакс, — сказал капитан, — надо предпринять что-нибудь решительное, иначе мы замерзнем в этой воде!

— Да, надо предпринять... Но что, капитан?

— Если бы мой «Наутилус» мог выдержать это давление...

— Так что же? — спросил я, не понимая, что он хочет сказать.

— Тогда бы это замерзание нас спасло. Вновь образовавшийся лед разорвал бы старые льды и заставил бы их раз даться!

— Да, капитан... может быть... но ведь «Наутилус» не выдержит этого давления, его расплющит!

— Знаю, Аронакс. Надо во что бы то ни стало помешать обледенению, потому что оно охватывает «Наутилус» со всех сторон.

— А на сколько хватит запасов воздуха? — спросил я.

Капитан посмотрел на меня.

— Послезавтра, — сказал он, — резервуары уже будут пустыми.

Я похолодел, хотя такой ответ не должен был удивить меня.

Капитан Немо между тем о чем-то раздумывал, казалось, у него возникла какая-то новая мысль, но он еще колебался, еще не был уверен... Наконец он сказал:

— Кипяток.

— Кипяток? — вскрикнул я.

— Да, Аронакс. Мы заключены сравнительно в малом пространстве. Если насосы «Наутилуса» будут постоянно выливать на лед горячую воду, то температура здесь повысится, что задержит процесс оледенения.

— Надо попробовать! — вскрикнул я.

— Попробуем, профессор, — отвечал капитан.

Мы тотчас же отправились на камбуз, где находились дистилляционные аппараты для получения питьевой воды. Через несколько минут вода нагрелась до ста градусов. Ее подали к насосам, а аппараты снова наполнились морской водой.

— Поливай! — крикнул капитан.

Приказ его тотчас был исполнен. Через три часа термометр показывал вместо семи градусов ниже нуля только шесть.

Еще через два часа термометр показывал только четыре.

— Ситуация улучшается, капитан! — сказал я.

— Думаю, что так, Аронакс, — ответил капитан.

В продолжение ночи температура воды поднялась до одного градуса ниже нуля. Но морская вода замерзает только при двух градусах ниже нуля, и поэтому я не отчаялся.

На следующий день, 27 марта, прорублено было уже шесть метров льда. Оставалось работы всего на сорок восемь часов.

Запасного воздуха уже не было, и с каждой минутой дышать становилось все труднее и труднее. Я еле держался на ногах. От постоянной зевоты сводило челюсти, чувство тоски достигло предела. Невыносимая тяжесть в теле угне тала меня. Около трех часов пополудни мне сделалось совсем нехорошо. Я уже не мог ходить и лежал без движения, почти без сознания.

Консейль хотя сам страдал не меньше моего, однако не отходил от меня ни на шаг. Он брал меня за руку, говорил мне что-то в утешение, обмахивал меня платком.

С каким наслаждением теперь каждый из нас надевал на себя скафандр и принимался за работу! Кирки неустанно стучали по льду. Руки страшно болели у всех, некоторые даже поранились, зато здесь можно было дышать!

Рабочие чередовались. Каждый в свою очередь брал и потом отдавал другому животворный дыхательный аппарат. Капитан Немо первым подчинялся этой строгой дисциплине.

В этот день работы еще продвинулись. Оставалось вынуть всего два метра льда. Только два метра отделяли нас от свободной воды!

Когда я вернулся на борт, то чуть не задохнулся.

Что за ужасную ночь мы провели! Я этого не могу описать. На следующее утро к головной боли присоединились одуряющие головокружения. Все испытывали такие же страдания.

Это был уже шестой день нашего заточения во льдах!

Капитан Немо придумал еще один способ. Нравственной силой подавляя свои физические страдания, этот человек нисколько не падал духом, размышлял, действовал!

– Знаете, что я хочу сделать, Аронакс? – сказал капитан.

– Что, капитан?

– Я хочу проломить лед «Наутилусом». Нас теперь отделяет от воды только один метр льда.

Капитан отдал приказ к всплытию. «Наутилус» приподнялся со своего ледяного пьедестала и встал точно над огромным отверстием, прорубленным нами во льду. Скоро мы услышали, как вливалась вода в резервуары, увеличивая вес судна. «Наутилус» опустился в выемку, точно соответствующую очертанию его ватерлинии.

Несмотря на то что я лежал почти без сознания, вскоре я услышал треск под «Наутилусом».

Наконец лед подался, и «Наутилус» вдруг осел.

– Выбрались, с позволения их чести! – проговорил Консейль, наклоняясь к моему уху.

Я уже не мог ему ответить, только схватил его руку и конвульсивно ее сжал.

Вдруг «Наутилус» словно провалился в пропасть. Тотчас же стали выкачивать воду из резервуаров, и падение затормозилось. Вскоре судно снова начало подниматься, и мы с огромной скоростью понеслись к северу.

Сколько еще времени придется плыть под ледяной корой?

Еще целый день?

А я уже задыхаюсь!

Я уже ничего не видел, ничего не слышал, ничего не понимал. Сколько прошло таким образом часов, я не знаю. Я чувствовал, что у меня начинается агония, что я умираю...

Вдруг я пришел в себя от нескольких глотков свежего воздуха. Неужели мы выбрались на поверхность?

Нет! Это Консейль и Нед приставили ко мне свой дыхательный аппарат, где еще оставалось немного воздуха.

Я посмотрел на часы. Было уже одиннадцать часов утра.

Значит, уже 28 марта.

«Наутилус» шел со скоростью сорок миль в час.

Где был капитан Немо? Или он сам задохнулся? Что стало с его экипажем?

Манометр показывал, что мы были всего в двадцати футах от поверхности. Нас отделяло от нее только ледяное поле. Нельзя ли было как-нибудь проломить его?

«Наутилус» сделал эту попытку. Я почувствовал, что он принимает наклонное положение, опустив корму и приподняв кверху нос.

Я прислушивался, как он то отплывал, то снова таранил лед, как трещало ледяное поле...

Наконец лед был пробит, и мы очутились на поверхности!

Чистый морской воздух хлынул в салон.

Глава семнадцатая От мыса Горн до Амазонки

Я не помню, кто меня вытащил на палубу.

Все мы словно ошалели от наслаждения. Все вдыхали полной грудью живительный воздух.

— Ах, как хорош кислород! — говорил Консейль. — Как хорош! Пусть их честь изволят вволю дышать: теперь его хватит на всех!

Что касается Неда Ленда, то он ничего не говорил, но так широко открывал рот, что ему могла бы позавидовать любая акула.

Скоро мы совершенно пришли в себя.

Оглянувшись кругом, я увидал, что мы одни. Ни единой души из экипажа. Нет даже капитана Немо. Странные моряки «Наутилуса», видимо, удовлетворялись тем воздухом, который циркулировал внутри судна.

Я начал благодарить Неда и Консейля.

— Вы сохранили мне жизнь, — сказал я. — Спасибо вам: вы сами рисковали задохнуться, а мне отдали свой воздух!

— Не стоит и говорить об этом. Ведь ваша жизнь нужнее, профессор, — ответил Нед, — потому что она полезнее. Вы человек полезный, а мы...

— Нет, Нед! Ваша полезнее! Вы человек добрый, честный, благородный...

— Хорошо, хорошо, профессор, — отвечал смущенный канадец, — хватит.

— А ты очень страдал, Консейль? — спросил я.

— Не очень, с позволения их чести. Конечно, я задыхался, но со временем, я полагаю, к этому бы привык.

— Друзья мои! — сказал я. — Теперь мы навсегда... теперь мы никогда... Одним словом, я ваш должник!

— Мой, Аронакс? — спросил Нед Ленд. — Ну так я вами распоряжусь!

— Как? — спросил Консейль.

— А так, что утащу вас с этого проклятого «Наутилуса»!

— А куда мы идем? — спросил Консейль.

— Мы направляемся к солнцу, а здесь солнце — это север.

— Это верно, — подтвердил Нед Ленд. — Но вопрос в том, идем мы к Тихому океану или к Атлантическому, иначе говоря, к морям судоходным или безлюдным?

На это ответить я не мог, опасаясь, что капитан Немо поведет нас к тому обширному океану, который омывает Азию и Америку. Он этим путем завершил бы свое кругосветное подводное путешествие и пришел бы обратно в те воды, где «Наутилус» пользовался полной свободой. Если же мы направляемся к Тихому океану и окажемся вдали от обитаемой земли, что станется с проектами Неда Ленда?

В этом нам предстояло вскоре удостовериться. «Наутилус» шел быстро, мы перешли Южный полярный круг, обогнули мыс Горн и 31 марта в семь часов вечера очутились против южной оконечности Америки.

Все выстраданное к этому времени было забыто. Долгое пленение среди льдов изгладилось из нашей памяти, и мы стали думать о будущем. Капитан Немо не появлялся ни в гостиной, ни на палубе. Я следил за направлением «Наутилуса» по отметкам на карте, которые делал помощник капитана, и в тот вечер, к великой моей радости, стало очевидным, что мы возвращаемся на север по Атлантике.

Я сообщил Неду и Консейлю о результате своих наблюдений.

— Хорошая новость, — сказал канадец. — А куда идет «Наутилус»?

– Не знаю, Нед.

– Неужели капитан после Южного полюса захочет попасть на Северный и вернется в Тихий океан через знаменитый Северо-Западный проход?

– От него всего можно ждать, – сказал Консейль.

– В таком случае мы ему не спутники! – заметил канадец.

– Как бы то ни было, – продолжал Консейль, – капитан Немо – молодец, и мы не пожалеем, что были с ним знакомы!

– Особенно когда с ним расстанемся! – добавил Нед Ленд.

На следующий день, 1 апреля, «Наутилус» всплыл на поверхность. За несколько минут до полудня мы видели берег на западе. Это была Огненная Земля, открытая Магелланом и названная им так по обилию столбов дыма, которые поднимались из туземных хижин. Огненная Земля – архипелаг, раскинувшийся лье на тридцать в длину и на восемьдесят в ширину, между 53° и 56° южной широты и 67°50' и 77°15' западной долготы. Берег показался мне низменным, но вдали возвышались отвесные горы. Передо мной мелькнула даже гора Сармиенто высотой две тысячи семьдесят метров над уровнем моря. Имеющая вид пирамиды, эта гора состоит из сланца, и ее остроконечная вершина предвещает хорошую или плохую погоду, смотря по тому, задернута она облаками или видна ясно, как сообщил мне Нед Ленд.

– Отличный барометр, мой друг, – сказал я.

– Да, барометр хоть куда! Ни разу он меня не обманул, когда я ходил по изгибам Магелланова пролива.

В это время вершина отчетливо выделялась на фоне неба.

Это предвещало хорошую погоду.

И предвещание сбылось.

«Наутилус», погрузившись под воду, приблизился к берегу, вдоль которого прошел несколько миль. Сквозь иллюминаторы я видел длинные лианы гигантских фуксов, водорослей с грушевидными пузырями, несколько видов которых были представлены в приполярных морях. Их гладкие и клейкие стебли достигают трехсот метров в длину, они толще указательного пальца, очень прочные и служат нередко причальными канатами для судов. Водоросль, известная под названием вельпа, устилала дно своими листьями длиной фута в четыре. Тут гнездились и находили пищу мириады крестовидных моллюсков, морских раков и каракатиц. Здесь же выдры и тюлени роскошно обедали, по английской моде заедая рыбу морскими овощами.

По этим роскошным, плодовитым глубинам «Наутилус» летел с предельной скоростью. К вечеру он подошел к Фолкландским островам, и на следующее утро я увидел горные вершины этих островов. Глубина моря была средняя, и я подумал не без основания, что два больших острова, окруженных множеством маленьких островков, должны были когда-то быть частью Магелланова материка. Фолклэнды были, вероятно, открыты знаменитым Джоном Девисом, который их назвал Южными Девисовыми островами. Впоследствии Ричард Хоукинс переименовал их в острова Девы Марии. В начале XVIII века их стали звать Мальвинами французские рыбаки из Сен-Мало, и, наконец, англичане, владеющие ими ныне, назвали их Фолкландскими островами.

Мы здесь достали сетями прекрасные водоросли, в том числе замечательный фукс, ствол которого был облеплен ракушками превосходного вкуса. Дикие гуси и утки стаями прилетали на палубу и скоро перешли в нам на камбуз. Из рыб меня особенно привлекли бычки двадцати сантиметров длиной, усеянные беловатыми и желтыми пятнами.

Любовался я и медузами. Иные из них напоминали полусферический, очень гладкий зонтик с темно-красными полосами и с двенадцатью фестончиками по краям. Другие представляли собой опрокинутую корзинку, из которой грациозно свешивались широкие

листья и длинные красные веточки. Они плыли, загребая четырьмя листовидными губными щупальцами и распустив по течению множество длинных тонких щупальцев. Мне хотелось сохранить несколько видов этих нежных зоофитов, но они не что иное, как тень или нечто неосозаемое вне своей родной стихии.

Когда последние высоты Фолклендских островов исчезли с горизонта, «Наутилус» погрузился на двадцать пять метров и пошел вдоль американского берега. Капитан Немо все не показывался.

До 3 апреля мы не отходили от берегов Патагонии, плывя то под водой, то на поверхности. «Наутилус» миновал широкий лиман, образуемый устьем Ла-Платы, и находился 4 а преля на троевре Уругвая. Он держал курс на север, следя причудливым изгибам берегов Южной Америки.

С того дня, когда мы оказались на борту «Наутилуса», мы прошли шестнадцать тысяч лье.

К одиннадцати часам утра мы перешли тропик Козерога у тридцать седьмого меридиана и миновали мыс Фрио. К неудовольствию Неда Ленда, капитан Немо, видимо, не любил соседства этих заселенных берегов Бразилии и шел со скоростью, от которой кружилась голова. Самые быстрые рыбы и птицы не могли за нами угнаться, и все естественные богатства этой области Атлантики остались для нас тайной.

Бег нашего корабля продолжался несколько суток, и 9 апреля вечером мы прибыли к самой восточной точке Южной Америки – мысу Кабу-Бранку. Но мы от него снова уклонились и нырнули глубже, в подводную долину, образуемую на дне океана между Кабу-Бранку и горной цепью Сьерра-Леоне на африканском берегу. Эта долина раздваивается на широте Антильских островов и заканчивается к северу впадиной глубиной девять тысяч метров. В этом месте геологический разрез океана до Малых Антильских островов представляет остроконечный утес высотой шесть километров, а на широте островов Зеленого Мыса – стену такой же высоты. Здесь между этих скалистых границ затонул целый континент – Атлантида. На дне этой громадной морской долины живописно расположены ряды гор, украшающих подводную местность.

Сведения эти я нашел в рукописных картах, имевшихся в библиотеке капитана Немо, составленных, вероятно, самим капитаном на основе его личных исследований.

В продолжение двух дней мы шли в этих пустынных и глубоких водах. «Наутилус» мог подниматься по диагонали на любую высоту, но 11 апреля он поднялся вдруг прямо вверх, и перед нами предсталла огромная лагуна близ устья Амазонки, которая несет такое количество воды, что опресняет воду океана на расстоянии нескольких лье.

Мы уже пересекли экватор. На западе осталась Гвиана – земля, принадлежащая Франции, где мы легко нашли бы убежище. Но дул резкий ветер, и сильная волна отбила бы от берега нашу легкую шлюпку. Нед Ленд это, конечно, понял, потому что не упоминал о побеге. Я, со своей стороны, не сделал и намека на его планы, опасаясь необдуманных действий.

Я вознаградил себя за потерю времени занимательными научными исследованиями. 11 и 12 апреля «Наутилус» держался на поверхности, и нам удалось наловить множество зоофитов, рыб и пресмыкающихся.

Из семейства шестилучевых кораллов актиний был замечательный вид *Phycialis protexta*, который водится в этой части океана. Это цилиндрический стволик, исполосованный вертикальными линиями, испещренный красными пятнышками, с прекрасной короной из щупальцев. Моллюсков новых я не встретил. Я уже описывал порфиры с правильными, перекрещивающимися линиями, с рыжими крапинками, ярко выступающими на телесном цвете кожи; птероцер, похожих на окаменелых скорпионов; аргонавтов и каракатиц; некото-

рые виды кальмаров, которых древние естествоиспытатели считали летучими рыбами и на которых обыкновенно ловится треска.

Из местных рыб я отметил несколько видов. Из хрящевых – вид миноги длиной дюймов пятнадцать, с зеленоватой головой, фиолетовыми плавниками, серо-голубой спиной, бурым брюшком, испещренным серебряными точками, и глазками, обведенными золотом, – их, вероятно, привело в море течение Амазонки, так как эта рыба пресноводная. Бугорчатые скаты с острой мордой, длинный двуопастной хвост у них заканчивается зазубренным шипом. Маленькие акулы длиной один метр имели несколько рядов зубов, загибающихся внутрь. Красноватые треугольнички полметра длиной, рыбы – летучие мыши, жабры которых имеют мясистые лопасти, что придает им сходство с летучей мышью, но из-за рогового нароста, имеющегося у них около ноздрей, их прозвали морскими единорогами. Наконец, несколько в идов балистов, или с пинорогов с пестрыми золотистыми боками, усеянными мелкими точками.

Этот перечень – несколько сухой, но весьма точный – я закончу описанием некоторых костистых рыб, встречающихся здесь. Аптеронотусы с очень тупой и белоснежной головой, но совершенно черным телом и длинным мясистым хвостом в виде ремня. Сардинки длиной тридцать сантиметров с ярким серебристым блеском. Большие скумбрии с анальными плавниками. Негро-рыбы, которых ловят при свете факелов, длиной метра два, с жирным белым плотным мясом; жаренное, оно имеет вкус угря, а сущеное – вкус копченой семги. Светло-красные губаны, покрытые чешуей лишь у основания плавников. Хризоптеры золотисто-серебристые блистали переливами рубина и топаза. Золотохвостые морские караси, мясо которых чрезвычайно нежно, а фосфоресцирующий блеск выдает их присутствие в воде. Закончу список оранжевыми спарами с тонким языком, горбылями с золотистыми хвостами, рыбами-хирургами и четырехглазыми суринамскими анаблепсами.

Однако надо упомянуть еще об одной рыбе, о которой долго будет помнить Консейль, и не без причины.

Сети принесли нам ската, очень плоского, который, если бы ему отрезать хвост, образовал бы совершенный диск. Весил он до двадцати килограмм; снизу он был белый, сверху красноватый, с большими круглыми пятнами темно-синего цвета, обведенными черным, кожа у него была очень гладкая, плавник двуопастной. Распростертая на палубе, рыба билась, пыталась перевернуться, судорожно подскакивала и металась так неистово, что еще прыжок, и она бы свалилась в воду. При виде этого Консейль, не желавший лишиться добытой им рыбы, кинулся на нее и, прежде чем я успел удержать его, схватил ее двумя руками. Но в то же мгновение он был отброшен в сторону, ноги его мелькнули в воздухе, и он жалобно закричал:

– Профессор! Помогите!

В первый раз он назвал меня не в третьем лице.

Мы с Лендом подняли его и стали растирать. Едва Консейль немного пришел в себя, тотчас же принялся за классификацию.

– Класс хрящевых, отряд хрящеперых, с неподвижными жабрами, семейство скатов, род скат электрический!

– Да, друг мой, это верно: ты обязан таким ударом электрическому скату.

– Я же и отомщу ему! – отвечал Консейль.

– Чем?

– Съем.

Он это и исполнил в тот же день, но только из мести, потому что мясо этого ската было очень жестким.

Бедный Консейль пострадал от самого опасного электрического ската – кумана. Это необыкновенное животное поражает рыбу на расстоянии нескольких метров – так велика сила его электрического разряда.

На другой день, 12 апреля, «Наутилус» подошел к Голландской Гвиане – к устью реки Марони. Здесь мы увидели несколько семей морских млекопитающих – ламантинов – из отряда сирен, кротких и беззащитных животных длиной пять-шесть метров и весом до шестисот килограмм каждое. Я сказал Неду Ленду и Консейлю, что предусмотрительная природа наделила этих млекопитающих важной ролью: они, как и тюлени, едят морскую траву, скопления которой заносят устья тропических рек.

– И знаете, – добавил я, – что стало в результате того, что люди почти истребили эту полезную породу животных? Водные растения гниют и заражают воздух, а отправленный воздух заразил желтой лихорадкой эту удивительную страну. Ядовитая гниющая растительность накопилась в этих водоемах, и лихорадка гуляет теперь на значительном расстоянии – от залива Ла-Плата до Флоридского пролива.

И если верить Туссенелю, бич этот ничто в сравнении с бедствием, ожидающим наших потомков, когда в морях истребят китов и тюленей. Тогда переполненные осьминогами, медузами, кальмарами моря превратятся в огромные очаги инфекции, так как воды их лишатся «тех гигантских желудков, которых Бог определил на то, чтобы бороздить морскую поверхность».

Однако, несмотря на эту теорию, экипаж «Наутилуса» поймал шесть ламантинов: необходимо было запастись свежим мясом, которое, кстати, гораздо вкуснее, чем говядина и телятина.

Охота не представляла никакого интереса: животные давали убивать себя, нисколько не защищаясь.

В тот же день запасы «Наутилуса» увеличились необыкновенным уловом рыбы – эти воды изобилуют всякой живностью. В сети попалось несколько рыб-прилипал, голова у них заканчивалась овальной пластинкой с мясистыми краями. Плоский диск их тела состоит из поперечных подвижных хрящевых пластинок, которые рыба может сдвигать, образуя между ними пустое пространство, что позволяет ей присоединяться к предметам как присоска.

Рыба-прилипала, которую я видел в Средиземном море, принадлежит к этому же роду, но здешняя – костистая, свойственная только этим водам. Наши матросы, поймав их, сразу опускали в баки с водой.

После лова «Наутилус» подошел к берегу. Здесь на поверхности вод спали несколько морских черепах. Поймать их было бы трудно, потому что они просыпаются от малейшего шороха, а твердый панцирь спасает их даже от гарпиона. Но рыба-прилипала произвела эту операцию с необыкновенной точностью и меткостью: эта рыба – живой крючок, который осчастливила бы и обогатила любого рыбака.

Матросы привязали к хвостам рыб колечки с веревками и бросили их в море. Они тотчас впились в черепах так крепко, что скорее пришлось бы их разорвать, чем отцепить от жертвы. Затем рыб притянули к «Наутилусу», а вместе с ними и черепах, к которым они присосались.

Таким образом поймали и несколько какуан шириной один метр и весом двести килограмм. Панцирь этих морских черепах состоит из больших, тонких до прозрачности темных роговых пластинок, испещренных белыми и желтыми пятнами, и имеет большую ценность. Они, кроме того, очень вкусны, так же как и обычные черепахи.

Этой ловлей закончилось наше плавание в окрестностях Амазонки, и с наступлением ночи «Наутилус» снова вышел в открытый океан.

Глава восемнадцатая Осьминоги

В течение нескольких дней «Наутилус» постоянно отдалялся от берегов Америки, очевидно не желая заплыть в воды Карибского моря и тем более Мексиканского залива. Средняя глубина этих мест около тысячи восьмисот метров, но они так усеяны островами и так часто посещаются пароходами, что капитан Немо не захотел в них заходить.

16 апреля мы прошли милях в тридцати от Мартиники и Гваделупы. Пред нами только мелькнули их высокие горные вершины.

Нед Ленд, рассчитывавший на то, что в Карибском море удастся или выплыть на берег, или сесть в одно из судов, курсировавших с острова на остров, пришел в крайнее уныние. Теперь бежать было бы возможно, если бы Неду Ленду удалось овладеть шлюпкой без ведома капитана. Но в открытом океане об этом нечего было и думать.

Мы втроем долго обсуждали этот вопрос. Шесть месяцев мы уже были в плену на «Наутилусе», проплыли семнадцать тысяч лье, и не было шансов на то, что когда-нибудь остановимся. Нед Ленд сделал мне совершенно неожиданное предложение – задать капитану категорический вопрос: как долго намерен он держать нас на своем корабле?

Это мне не понравилось. Задавать вопросы было бесполезно. От капитана Немо ждать было нечего. К тому же с некоторого времени капитан становился все мрачнее, сосредоточеннее, отчужденнее, меня, казалось, он избегал: я с ним встречался чрезвычайно редко. Раньше он с удовольствием объяснял мне разные подводные чудеса, а теперь оставлял меня работать в одиночестве и не появлялся в салоне.

Почему он так изменился? По какой причине? Упрекнуть мне себя было не в чем. Может быть, наше присутствие на корабле тяготило его, а между тем не такой он был человек, чтобы вернуть нам свободу.

Я сказал Неду, что мне нужно время, чтобы все обдумать. Если бы мой вопрос капитану не увенчался желанным успехом, то возбудил бы подозрения капитана, ухудшил наше положение и окончательно повредил планам канадца. На здоровье мы сослаться не могли: после Южного полюса Нед, Консейль и я никогда не чувствовали себя лучше. Здоровая пища, свежий морской воздух, упорядоченная жизнь, постоянная температура исключали возможность болезней. Подобный образ жизни был вполне нормальным для такого человека, как капитан Немо, который не жалел ни о чем на земле, который был у себя дома, плыл куда хотел и шел к задуманной цели путями, необъяснимыми для нас, но ясными для него. Мы другое дело: мы не рвали связей с человечеством, я не хотел хоронить вместе с собой результаты моих наблюдений... Я теперь имел право издать настоящую книгу о тайнах морских глубин и листил себя надеждой, что рано или поздно я все-таки выпущу ее в свет.

И здесь, в антильских водах, на глубине десяти метров от поверхности океана, сколько замечательных наблюдений я сделал и описал в своих заметках.

Из зоофитов тут были сифонофоры физалии, известные под названием галеры, в виде продолговатых пузырей с перламутровым отливом, с растянутыми перепонками и голубыми щупальцами, разевавшимися, как шелковые нити на ветру. Эти очаровательные на вид медузы оказались настоящей крапивой для пальцев: они испускали из себя жгучее вещество. Кольчатые черви аннелиды, метра полтора длиной, вооруженные розовым хоботом, снабженены тысячью семьюстами органами передвижения. Они скользят в воде, как змеи, и поражают вас всеми цветами солнечного спектра.

Из рыб встречались огромные малабарские скаты, длиной десять футов и весом фунтов шестьсот, с треугольными грудными плавниками, выпуклой спиной, глазами внизу головы.

Они плавали по воде, как обломки разбитых судов, и иногда вдруг прикладывались к нашим иллюминаторам, закрывая их, как захлопнувшийся ставень.

Тут были американские балисты, белые с черным; бычки, длинные и мясистые, с желтыми плавниками и выдающимися челюстями; макрель, длиной метра полтора, с короткими и острыми зубами, покрытая чешуей. Стаями мелькали барабули, исполосованные золотом от головы до хвоста, и шумно плескались, быстро шевеля блестящими плавниками. Когдато их посвящали Диане, богачи-римляне особенно их ценили и сочинили даже поговорку: «Не тот их ест, кто ловит».

Перед нами проплывали золотистые помаканты, в изумрудных полосках, в бархате и шелке, как вельможи на картинах Веронезе. Морские караси укрывались под свой перепончатый плавник. Клюпанодоны семейства сельдевых, длиной дюймов пятнадцать, сверкали фосфоресцирующимиискрами. Кефаль била по волнам толстым хвостом. Красные сиги как будто косили волны острыми грудными плавниками. Серебристые селены вомеры из семейства ставридовых сверкали в воде, как луна, ярко-белыми переливами.

Сколько бы еще новых, чудесных видов я включил в свою коллекцию, если бы «Наутилус» не стал мало-помалу опускаться все ниже, пока наконец не достиг глубины двух-трех тысяч метров. Здесь животная жизнь была представлена лишь морскими звездами, медузами с небольшой чашечкой на прямом стебле и несколькими другими крупными моллюсками.

20 апреля мы поднялись на тысячу пятьсот метров. Самым близким к нам был архипелаг Лукайских островов, насыпанных, как камешки на поверхности воды. А под водой возвышались огромные скалы, отвесные, как стены, из размытых каменных массивов, в них встречались глубокие пещеры, до дна которых не достигал электрический свет «Наутилуса».

Эти утесы были покрыты густой растительностью: гигантскими ламинариями, бесконечно длинными фукусами, – вообще такими громадными водорослями, какие достойны лишь мира титанов.

В разговоре от колоссальной растительности мы с Консейлем и Недом перешли, естественно, к огромным морским животным. Одни, очевидно, предназначены в пищу другим. Из иллюминаторов «Наутилуса», почти стоявшего на месте, я видел лишь сочленения и лапы фиолетовых крабов и клиосов, которые водятся в антильских водах.

Часов в одиннадцать Нед Ленд обратил мое внимание на необыкновенное шевеление в высоких водорослях.

– Да, – сказал я, – именно в таких пещерах водятся осьминоги, и не удивлюсь, если мы увидим здесь этих чудовищ.

– Как! – удивился Консейль. – Простые кальмары из отряда головоногих?

– Нет, огромных осьминогов. Но друг Ленд, вероятно, ошибся: я ничего не вижу.

– Жаль, – заметил Консейль. – Я хотел бы повстречаться лицом к лицу с осьминогом, о котором столько слышал. Он, говорят, настолько силен, что может корабль утащить в бездну. Их еще называют крак...

– Крак – и все! – засмеялся Нед.

– Кракенами, – договорил Консейль, не обращая на него внимания.

– Никогда не поверю, что существуют такие кракены!

– Отчего же? – возразил Консейль. – Мы верили же, что есть на свете нарвал или морской единорог?

– Напрасно верили, Консейль!

– Разумеется, напрасно. Но многие и теперь еще этому верят.

– Пусть! Я знаю то, Консейль, что поверю только тогда, как стану рубить их на части!

– Вы, стало быть, не верите, что есть громадные осьминоги? – спросил Консейль.

– Кто же их видел? – вскрикнул канадец.

– Очень многие, друг Нед.

— Только не рыбаки; ученые, может быть.

— Нет, Нед: и рыбаки, и ученые, — сказал я.

— И я, — добавил Консейль чрезвычайно серьезно, — я видел, как осьминог схватил большое судно своими щупальцами и утащил под воду.

— Вы сами это видели? — спросил канадец.

— Видел, Нед.

— Собственными глазами?

— Собственными глазами.

— Где же это?

— В Сан-Мало, — невозмутимо ответил Консейль.

— В порту? — насмешливо спросил Нед Ленд.

— В церкви! — ответил Консейль.

— Как в церкви? — удивился канадец.

— Да, друг Нед: огромный осьминог изображен там на с тене. Нед Ленд разразился громким смехом.

— Я об этом слышал, — сказал я. — Сюжет картины заимствован из легенды, а известно, насколько можно полагаться на легенды в научных вопросах. К тому же когда речь идет о чудовищах, то в изображении их всегда существует фантазия. Не только распространилось убеждение, что осьминог может потопить корабль, но Олаф Великий говорил даже об осьминоге длиной в милю, который похож скорее на остров, чем на животное. Рассказывают также, что епископ Нидросский поставил однажды алтарь на огромном утесе. По окончании обедни утес вдруг поплыл, а потом нырнул в море. Оказалось, что это был осьминог.

— А что еще? — спросил Нед.

— Другой епископ, Понтопидан Бергенский, упоминает об осьминоге, на спине которого учился пехотный полк — Здоровы́ были сочинять! — заметил Нед Ленд.

— Наконец, древние натуралисты говорили об осьминогах-чудовищах, пасть которых была величиной с залив, а сами они не могли пройти через Гибралтар.

— Но что верного в этих рассказах, с позволения их чести? — спросил Консейль.

— Ничего, друзья мои. Все, что переступает пределы правдоподобия, — миф или легенда. Воображение рассказчика всегда, впрочем, основывается на чем-либо существующем. Верно то, что есть осьминоги и кальмары очень больших размеров, но они, однако, меньше китообразных. Наши рыбаки нередко видят кальмаров более метра длиной. В музеях Триеста и Монпелье есть скелеты осьминогов длиннее двух метров. К тому же у животного длиной не более шести футов щупальца должны быть длиной двадцать семь футов, что уже делает из него страшилище.

— И в наше время такие попадаются? — спросил канадец.

— Моряки их часто видят. Один из моих приятелей, капитан Поль Бос из Гавра, говорил мне, что видел таких великанов в Индийском океане. Не далее как в 1861 году невероятный факт подтвердил существование этих гигантских животных.

— А что случилось в 1861 году? — спросил Нед Ленд.

— В 1861 году к северо-востоку от Тенерифа, на широте, на которой мы приблизительно находимся в настоящую минуту, экипаж «Алектона» заметил осьминога-гиганта. Капитан Буге подошел к нему, пробовал атаковать его и гарпуном, и ружейными пулями, но безуспешно: пули и гарпун проникали в его тело, как в кисель. После многих неудачных попыток экипажу удалось накинуть на моллюска петлю. Петля скользнула по его телу до хвостовых плавников и остановилась. Тогда они стали тащить его на палубу, но он был так тяжел, что поднять его не было возможности. Веревка перетерла ему хвост, и, лишенный этого украшения, он ушел в воду.

— Ну вот наконец факт! — заметил Нед Ленд.

— Факт неоспоримый, мой милый Нед. Этот вид даже назвали — кальмар Буге.
— А какой он был длины? — спросил Нед.
— Не шесть ли метров приблизительно? — спросил Консейль, стоя у иллюминатора и всматриваясь в углубления утеса.
— Так точно, — отвечал я.
— А на голове у него был венец из восьми щупальцев, и щупальца извивались, как змеи?
— Верно.
— А глаза у него были огромные, выпуклые, посередине головы?
— Да, Консейль.
— А челюсти были похожи на клюв попугая? Только очень огромный?
— Так точно, Консейль.
— Ну так если перед нами не сам кальмар Буге, то по крайней мере его брат.
Я посмотрел на Консейля, а Нед Ленд бросился к иллюминатору.
— Отвратительная тварь! — крикнул он.

Я посмотрел и тоже не мог воздержаться от возгласа отвращения.

Перед нами копошилось чудовище, достойное роли в страшных легендах, — гигантский осьминог длиной метров восемь. Он чрезвычайно быстро плыл задом наперед по направлению к «Наутилусу». Смотрел он прямо перед собой неподвижными серо-зелеными глазами. Восемь рук, или, скорее, ног-щупальцев, торчащих на голове, были вдвое длиннее его тела и извивались, как волосы у фурий. На внутренней стороне щупальцев ясно были видны две пятьдесят присосок полусферической формы. Временами они присасывались к стеклам. Челюсти чудовища, состоящие из рогового вещества, были похожи на клюв попугая и открывались вертикально. Из них высывался дрожащий язык, тоже роговой, снабженный несколькими рядами острых зубов. Как прихотливо распорядилась природа, одарив этих моллюсков отличным клювом. Веретенообразное тело, вздутое посередине, вероятно, весило несколько тонн. Невероятно изменчивая окраска в зависимости от степени раздражения животного мгновенно переходила из беловато-серого в красновато-коричневый оттенок.

Интересно, что именно в эту минуту было причиной раздражения спрута? Уж не злился ли он на то, что «Наутилус» сильнее его и что ему некуда было приложить страшную силу своих щупальцев? Какой мощью одарила природа это чудовище, дав ему трехкамерное сердце!

Было бы грешно не воспользоваться благоприятным случаем, столкнувшим нас с этим представителем семейства головоногих, и потому я, подавив в себе отвращение и ужас, которые он возбуждал во мне, начал его зарисовывать.

— Это, может быть, спрут, который попался «Алектону», — сказал Консейль.
— Нет, этот ведь целый, а у того оторвали хвост, — возразил ему Нед.
— Это ничего не значит, — сказал я. — Щупальца и хвост этих моллюсков быстро восстанавливаются, так что за семь лет спрут Буге, вероятно, уже отрастил себе новый хвост.

— А может быть, он среди вот этих, — сказал Нед.

Я взглянул и действительно в другом иллюминаторе увидел еще семерых спрутов. Слышно было, как их жесткие щупальца ударялись о стальную обшивку нашего «Наутилуса».

Я продолжал работу. Чудовища держались в воде неподвижно, так что можно было даже сделать миниатюрный снимок их фигуры на стекле. К тому же мы шли не очень быстро.

Вдруг «Наутилус» остановился от сильного толчка.

— Уж не наткнулись ли мы на что-нибудь? — спросил я.

— Наткнулись или нет, беда миновала, потому что мы стоим в чистой воде, — сказал Нед. Прошла еще минута. Вошел капитан Немо с помощником.

Я давно его не видел, и он показался мне очень мрачным. Не говоря ни слова, даже не поздоровавшись и не взглянув на нас, он подошел к иллюминатору, посмотрел на спрутов и что-то сказал своему помощнику. Тот вышел. Вскоре иллюминаторы закрылись и засветился потолок.

Я подошел к капитану.

— Весьма любопытная коллекция спрутов, — сказал я развязным тоном любителя, разглядывающего богатый аквариум.

— Да, — ответил он, — и сейчас мы вступим с ними в рукопашный бой.

Я с удивлением взглянул на капитана, думая, что ослышался.

— В рукопашный бой? — повторил я.

— Да, винт остановился. Вероятно, в него вцепились эти чудовища своими роговыми присосками.

— Что же вы собираетесь делать?

— Подняться на поверхность и перебить эту мерзость.

— Это, я думаю, будет довольно трудно.

— Конечно, тем более что электрические пули, не встречающие достаточного сопротивления, чтобы разорваться, не действуют на их мягкое тело. Но мы атакуем их топорами.

— И гарпуном, если позволите, — сказал Ленд.

— Я принимаю ваше предложение, мистер Ленд, — ответил ему капитан.

— Мы идем за вами, — сказал я.

Следуя за капитаном Немо, мы направились к трапу.

Там уже стояло более десяти человек, вооруженных топорами и совершенно готовых к атаке. Мы с Консейлем взяли по топору, а Нед Ленд вооружился гарпуном.

«Наутилус» был уже на поверхности. Моряк, стоявший на последней ступеньке, отвинчивал гайки. Как только он отвинтил их, крышка люка стремительно отскочила, очевидно, схваченная страшными присосками спрута.

Тотчас в отверстие, словно змея, скользнуло длинное щупальце, а за ним извивались еще штук двадцать других. Капитан Немо взмахнул топором, и огромный отросток, извиваясь, упал на ступени.

В ту минуту, как мы, толкая друг друга, старались выбраться на палубу, в воздухе пронянулись два страшных щупальца и, вцепившись в моряка, который стоял впереди капитана Немо, подняли его в воздух.

Капитан вскрикнул и бросился на помощь. Мы кинулись за ним.

Какая ужасная картина! Несчастный, схваченный щупальцами спрута, болтался в воздухе по прихоти этого чудовищного хобота, задыхался и отчаянным голосом кричал: «Помогите, помогите!»

Эти слова, сказанные по-французски, произвели на меня потрясающее впечатление!

На борту находился мой соотечественник, может быть, даже и не один! Я никогда не забуду этот раздирающий душу, отчаянный крик!

Не было никакой надежды спасти погибающего. Кто мог освободить его от этих крепких, могучих объятий?

Капитан Немо бросился на спрута и одним ударом топора отрубил ему другое щупальце. Помощник капитана бешено сражался с другими чудовищами, вцепившимися в борта «Наутилуса». Весь экипаж, Консейль, Нед и я рубили направо и налево. В воздухе носился отвратительный запах мускуса.

Зрелище было страшное.

Одну минуту я думал, что есть надежда спасти несчастного. Из восьми щупальцев семь было уже обрублено, но это последнее с неописуемой силой продолжало сжимать, душить и трясти в воздухе несчастную жертву. Капитан Немо и его помощник уже хотели обрубить

его, как вдруг животное выбросило струю черной жидкости из особого мешка у анального отверстия и ослепило нас.

Когда мы протерли глаза и черное облако рассеялось, спрут уже скрылся со своей жертвой.

Страшное бешенство овладело нами. Мы были вне себя от горя и злости.

Десять или двенадцать спрутов овладели палубой и бортами «Наутилуса». Мы каждую минуту натыкались на змееобразные обрубки, изгибавшиеся в массе крови и черноватой жидкости, но работы все еще оставалось много: страшные щупальца, казалось, возникали вновь и вновь, как головы гидры. Гарпун Неда Ленда при каждом взмахе вонзался в зелено-ватые глаза. Вдруг мой храбрый товарищ упал, сбитый с ног сильным щупальцем.

Сердце у меня облилось кровью от ужаса и волнения. Громадный клов спрута раскрылся над Недом Ленном.

Я бросился на помощь товарищу, но капитан Немо меня опередил. Его топор скрылся между громадными челюстями, и спасенный канадец вскочил на ноги и целиком погрузил свое орудие в сердце животного.

— Я был у вас в долгу, — сказал ему капитан.

Нед молча ему поклонился.

Битва продолжалась еще четверть часа. Побежденные, раненые и убитые чудовища скрылись в волнах.

Капитан Немо, залипый кровью, неподвижно стоял около прожектора и глядел на воду, поглотившую одного из его товарищей, крупные слезы катились по его лицу.

Глава девятнадцатая Гольфстрим

Никто из нас никогда не забудет ужасной сцены 20 апреля. Я описал ее под впечатлением глубочайшего волнения, перечитал сам и прочел потом Консейлю и Неду Ленду. Они нашли, что происшествие хотя и передано фактически верно, но не может выразить того, что происходило в тот день. Подобную картину может передать лишь перо нашего знаменитого поэта, автора «Тружеников моря».

Я говорил, что капитан Немо, глядя на волны, плакал. Действительно, горе его было безграничным. При нас он терял уже второго своего спутника, какая страшная смерть постигла его друга! Раздавленный, исковерканный, задущенный страшными щупальцами спрута, разможженный в его железных тисках, несчастный был лишен погребения среди мирных вод кораллового кладбища.

Что касается меня, отчаянный призыв на помощь надрывал мое сердце. Несчастный француз, позабывший свой родной язык, заговорил на нем, моля о спасении!

Итак, среди этих людей, телом и душой преданных капитану Немо, избегающих, подобно ему, любого контакта с людьми за пределами «Наутилуса», находился один из моих соотечественников! Он один представлял Францию в этой таинственной ассоциации, очевидно состоявшей из различных национальностей?

Этот нерешенный вопрос беспрестанно вертесся у меня в голове!

Капитан Немо ушел к себе, и некоторое время мы его не видели. По «Наутилусу», душой которого он был и который отражал расположение духа капитана, я мог судить, до какой степени были сильны его горечь и отчаяние! Судно шло без определенного направления, подобно трупу, по прихоти волн. Казалось, капитан не мог отойти от места битвы, в которой он лишился одного из своих друзей.

Так прошло десять дней. Только 1 мая «Наутилус» взял курс на север. Мы следовали по течению величайшей морской реки, имеющей собственные берега, рыбу, температуру. Я говорю о Гольфстриме.

Это настоящая река, свободно текущая среди Атлантического океана, воды ее не смешиваются с водами океана. Вода в ней более соленая, чем в океане. Средняя глубина ее равняется трем тысячам футов, средняя ширина – шестидесяти футов. В некоторых местах скорость течения доходит до четырех километров в час. Неизменный объем ее вод превосходит все реки земного шара, вместе взятые.

Настоящий исток, или начало, Гольфстрима, исследованного капитаном Маури, находится в Гасконском заливе. Здесь начинают образовываться его воды, хотя еще мало отличающиеся по цвету и температуре. Потом они направляются к югу вдоль берегов экваториальной Африки, согреваются солнечными лучами жаркого пояса, переходят Атлантический океан, достигают мыса Сан-Роке на бразильском берегу и тут разделяются на две ветви. Одна из них идет к Антильским островам, где снова прогревается. Здесь Гольфстрим, как будто предназначенный самой природой поддерживать равенство температур и смешивать воды тропиков с северными водами, начинает играть свою роль уравнителя. Раскаленный солнцем в Мексиканском заливе, он поднимается на север к американским берегам, доходит до Новой Земли и, встретив сопротивление холодного течения из Девисова пролива, отклоняется к востоку, опять течет через океан, следуя локсадромической линии, и снова разделяется на две ветви у 43° . Одна ветвь под действием северо-восточных пассатных ветровозвращается к Гасконскому заливу и Азорским островам, а другая, обогрев берега Ирландии и Норвегии, доходит до Шпицбергена и, понизив свою температуру на 4° , образует море, свободное ото льдов.

Итак, «Наутилус» плыл теперь по этой реке в океане. При выходе из Флоридского пролива Гольфстрим, имея четырнадцать лье в ширину и триста пятьдесят метров в глубину, течет со скоростью восемь километров в час. Эта скорость по мере продвижения на север равномерно уменьшается, что имеет немаловажное значение: если бы скорость и эта равномерность нарушились, то европейский климат подвергся бы таким изменениям, последствия которых даже нельзя предвидеть.

Около полудня мы с Консейлем стояли на палубе. Я рассказывал ему об особенностях Гольфстрима. Потом я посоветовал Консейлю опустить руку в воду. Он сделал это и очень был удивлен, не ощущив ни холода, ни тепла.

— Это происходит оттого, что температура Гольфстрима на выходе из Мексиканского залива почти равна температуре нашей крови. Гольфстрим — огромный носитель тепла, способствующий украшению западноевропейских берегов вечнозеленой растительностью. Если верить Маури, то оказывается, что если утилизировать всю теплоту этого течения, его достаточно было бы на поддержание в расплавленном состоянии массы чугуна, равной двум таким рекам, как Амазонка и Миссури.

В это время скорость Гольфстрима доходила до двух метров двадцати пяти сантиметров в секунду. Его волны, стесненные океаном, заметно возвышались над уровнем последнего. Цвет воды Гольфстрима гораздо темнее, что зависит от большого присутствия солей, ее чистый цвет индиго резко отличается от зеленоватых волн океана. Линия их водораздела до того четкая, что близ Каролинских островов «Наутилус» носом уже касался Гольфстрима, а его корма была еще в океане.

Гольфстрим увлекал за собой целый мир живых существ. Аргонавты, свойственные Средиземному морю, прогуливались здесь многочисленными группами. Из хрящевых замечательны были скаты с очень развитыми хвостами, занимавшими почти треть туловища. Они имели вид огромного ромба длиной двадцать пять футов. А метровые акулы, с громадной головой, коротким, округлым рылом и заостренными зубами в несколько рядов, казалось, были покрыты чешуей.

Из костиных рыб нам встретились губаны, обычные для этих мест; синагриды, у которых радужная оболочка вокруг глаз сверкала, как огонь; горбыли, или сциены, метровой длины, с широким ртом, вооруженные маленькими зубами; голубые корифены, отливающие серебром и золотом; рыбы-собаки с треугольными головами; голубоватые палтусы, совершенно лишенные чешуи; батрахи с желтыми поперечной и продольной полосами в виде буквы Т; маленькие бычки, испещренные коричневыми пятнышками; представители семейства лососевых, стройные мугиломоры, которых Ласепед посвятил своей подруге жизни; и, наконец, красивые американские кавалер-рыбы, украшенные всевозможными орденами и лентами, часто посещающие североамериканские берега, где живет народ, который, впрочем, очень мало уважает подобные знаки отличия.

Ночью воды Гольфстрима блестели фосфоресцирующим светом, соперничая с нашим электрическим освещением, особенно во время частых гроз.

8 мая мы проходили мимо мыса Гаттераса на побережье Северной Каролины. В этом месте ширина Гольфстрима достигает семидесяти пяти миль, а глубина — двухсот десяти метров. «Наутилус» по-прежнему плыл, не придерживаясь определенного курса.

В этих условиях бегство наше могло бы осуществиться. Нас никто не охранял. Берега были населенные и могли предоставить нам удобное убежище. В океане беспрестанно встречались пароходы, совершившие рейсы между Нью-Йорком, Бостоном и Мексиканским заливом, днем и ночью вдоль американского берега сновали маленькие каботажные шхуны, которые могли бы нас подобрать.

Нам показалось это благоприятным обстоятельством, несмотря на тридцатимильное расстояние, отделявшее «Наутилус» от берега.

Только погода беспокоила канадца. Мы приближались к тем местам, где часто бывают грозы, шторма и циклоны, рождаемые Гольфстримом. Пускаться на небольшой шлюпке в разбушевавшийся океан означало идти на верную смерть. Нед Ленд сознавал это. И грыз удила, страдая тоской по родине. Излечить эту тоску могло только бегство.

— Надо с этим кончать, — сказал он мне в тот же день, — я до тех пор не успокоюсь. Ваш Немо все отдаляется от земли, идет к северу, а мне уже хватило Южного полюса, к Северному с ним не пойду!

— Что же делать, Нед, если в настоящую минуту бегство невозможno?

— Надо объясниться с капитаном. Вы молчали, когда мы были около берегов вашей родной Франции, теперь мы в морях американских, и я молчать не хочу. Как подумаю, что через несколько дней «Наутилус» будет на широте Новой Шотландии, что около Ньюфаундленда есть широкий залив, в который впадает река Святого Лаврентия, что река эта — моя родная река, что на ней мой родной Квебек, так меня злость и душит! Нет, я скорее брошусь в море, а здесь не останусь! Мне душно здесь!

Очевидно, у Ленда лопнуло терпение. Его живая натура не выдерживала такого долгого плена. С каждым днем он менялся в лице, нрав его становился все угрюмее. Я понимал, что он невыносимо страдает, потому что и сам тосковал по родине. Почти семь месяцев мы не имели никаких известий с земли. К тому же отчуждение капитана Немо, его мрачное настроение и задумчивость, особенно со времени схватки с осьминогами, — все это угнетало меня. Во мне исчезла восторженность, с которой я жил на «Наутилусе» первое время. Надо было быть таким невозмутимым, как Консейль, чтобы сжиться с этой средой обитания. Если бы у него вместо легких были жабры, он, право, был бы не менее счастлив.

— Ну? — спросил Нед Ленд, недовольный моим молчанием.

— Вы хотите, Нед, чтобы я спросил у капитана Немо, каковы его намерения относительно нас?

— Да, хочу!

— Несмотря на то, что он уже высказал?

— Да. Я хочу их слышать еще раз — в последний. Спросите от моего имени, если хотите.

— Но я его редко встречаю: он меня избегает.

— Значит, надо идти к нему!

— Хорошо, Нед, спрошу.

— Когда? — настаивал канадец.

— Когда с ним встречусь.

— Может быть, мне пойти к нему? — Нет, предоставьте это мне: завтра... — Нет, сегодня!

— Хорошо, я с ним поговорю сегодня.

Нед Ленд ушел.

Я решил действовать немедленно. Лучше сразу покончить с этим делом, чем ждать его решения.

Я пошел в свою каюту и там услышал шаги в каюте капитана Немо. Случая с ним встретиться я упускать не хотел и постучался в его дверь. Ответа не было. Я постучал еще раз, потом повернул ручку. Дверь открылась.

Когда я вошел, капитан склонился над столом, занятый чем-то, и не слышал моих шагов.

Я сказал себе, что не уйду отсюда, прежде чем не поговорю с ним, и подошел к нему поближе.

Он вдруг поднял голову, нахмурился и резко спросил:

— Это вы? Что вам здесь надо?

— Поговорить с вами, капитан.

— Но я занят, я работаю. Я ведь вам предоставляю свободу работать в уединении, почему я сам не могу ею пользоваться?

Прием был мало ободряющим. Но я решил все выслушать, потому что у меня было что сказать.

— Капитан, — начал я холодно, — мне нужно поговорить с вами о деле, не терпящем отлагательства.

— Какое такое дело? — спросил он иронически. — Не сделали ли вы открытие, а я какое-либо упущение? Не выдало ли вам море одну из своих тайн?

Он был далек от предмета. Но прежде чем я успел ответить, он мне сказал серьезно, указывая на рукопись, раскрытую на столе:

— Вот, Аронакс, рукопись на нескольких языках: в ней вкратце изложены результаты моих морских исследований, и я надеюсь, что труд этот со мной не погибнет. Подписанная мной, дополненная моей биографией, она будет вложена в такой аппарат, который не утонет и не промокнет. Последний, кто останется в живых на «Наутилусе», бросит его в море, и он поплынет по воле волн.

Его подпись! История его жизни, переданная им самим! Его тайна, со временем раскрытая!.. Но в настоящую минуту я в этой исповеди увидел лишь возможность приступить к делу.

— Капитан, — сказал я, — эту мысль, разумеется, остается только одобрить. Плоды ваших научных трудов не должны пропасть даром. Но для осуществления своей цели вы выбрали, мне кажется, средство довольно примитивное. Как узнать, куда этот аппарат прибывает ветер и в какие руки он попадет? Нет ли средства лучше? Может быть, вы сами или кто-нибудь из ваших?..

— Никогда, Аронакс! — резко прервал меня капитан.

— И я, и мои спутники готовы хранить эту рукопись, если вы возвратите нам свободу...

— Свободу! — вскрикнул он, встав с места.

— Да, об этом я и пришел вас спросить. Мы уже семь месяцев находимся на вашем корабле, и сегодня я, от имени моих товарищей и от своего собственного, спрашиваю вас: намерены вы оставить нас здесь навсегда?

— Я вам отвечу, Аронакс, то же самое, что говорил семь месяцев назад: кто попал на «Наутилус», тот уже его не покинет.

— Да ведь это плен!

— Называйте как угодно!

— Ведь и раб имеет право освободиться тем или иным способом!

— Кто же у вас оспаривает это право? Я вас присягой не связывал, — отвечал капитан.

Он смотрел на меня, скрестив на груди руки.

— Капитан, — возразил я, — говорить мы об этом больше не станем, поэтому я выскажусь сейчас. Повторяю вам, что хлопочу не за себя одного: для меня наука — это работа и отдых, увлечение и страсть, которая может заставить меня забыть обо всем. Я, как и вы, могу жить в безвестности и уединении, мечтая о возможности передать потомству результаты моих трудов. Я, одним словом, могу вас оценить, могу следовать за вами без неудовольствия, играя роль, которую до некоторой степени понимаю. Но есть еще и другие стороны вашей жизни, такие сложные и таинственные, что ни я, ни мои спутники не имеем к ним отношения. И даже в те минуты, когда мы бывали тронуты вашими страданиями или восхищались вашим талантливым умом, мужеством и вашими подвигами, мы не смели выразить ни малейшего сочувствия или симпатии, какая всегда возникает при виде высокого дела, совершающегося другом или врагом. Потому-то именно в силу сознания, что мы непричастны ко всему, что вас касается, мы не можем примириться со своим положением, мы не можем жить при таких условиях; для меня это тяжко, а для Неда Ленда — невозможно. Каждый человек стоит того,

чтобы о нем подумать. Спрашивали вы себя когда-либо, до каких отчаянных вещей могут довести любовь к свободе и отлучение от работы такого человека, как наш канадец? Что он может придумать, на что решиться?

Я умолк. Капитан Немо приподнялся.

— Предоставляю Неду Ленду думать, пробовать, решаться на что ему угодно, — отвечал он. — Мне что за дело? Не я искал его. Я не для своего удовольствия удерживаю его на «Наутилусе». А вы, Аронакс, вы из числа тех людей, которые в состоянии понять все, даже молчание. Больше мне вам сказать нечего. На эту тему мы говорили сегодня в первый и последний раз.

В следующий раз я вас даже не буду слушать.

Я вышел.

С этого дня наше положение стало очень напряженным. Я слово в слово передал товарищам мой разговор с капитаном.

— По крайней мере, теперь мы знаем, — сказал Нед, — что от него ждать нечего! «Наутилус» подходит к Лонг-Айленду. Мы убежим, какая бы ни стояла погода!

Небо хмурилось все сильнее и сильнее. Появились признаки приближающегося шторма. Воздух, насыщенный электричеством, приобретал молочный оттенок. Темные грозовые облака, сгущаясь и оседая над нами, быстро убегали к горизонту. Океан начал вздыхать огромными валами. Все птицы, кроме буревестников, исчезли. Барометр падал, указывая на большую влажность. Борьба стихий приближалась.

Буря разразилась 18 мая, именно в то время, когда «Наутилус» шел в виду Лонг-Айленда, в нескольких милях от Нью-Йорка.

Бурю эту я могу описать, так как капитан Немо по необъяснимому капрizu не ушел от нее в глубину моря, а захотел бороться с ней на поверхности.

Ветер дул с юго-запада сначала со скоростью пятнадцать метров в секунду, к трем часам дня скорость ветра достигала уже двадцати пяти метров в секунду.

Капитан Немо, непоколебимо выдерживая напоры ветра, не покидал палубы. Он велел привязать себя у пояса, чтобы его не унесло волнами. Взобравшись на палубу и привязав себя, я любовался разбушевавшейся стихией, удивляясь и силе бури, и силе этого человека.

Огромные тучи, казалось, задевали волны. Мелких волн я уже не видел в провалах между высокими волнами. Бушующие волны с цельными гребнями росли в высоту, сталкивались друг с другом, а среди них «Наутилус» то ложился набок, то взлетал наверх, то неистово метался.

К пяти часам полил страшный дождь, но ни ветер, ни море при этом не утихли. Напротив, ураган дул со скоростью сорока пяти метров в секунду, то есть с той силой, которая опрокидывает дома, срывает крыши, ломает железные решетки, сносит пушки крупного калибра.

А «Наутилус» наш среди такого шквала вполне оправдывал мнение одного ученого инженера: хорошо построенный корабль в состоянии выдержать любой шторм. «Наутилус» был стальным веретеном, послушным и подвижным, без снастей, без мачт, он дерзко и стойко боролся с яростью волн.

Я внимательно рассматривал громадные валы. В высоту они поднимались метров на пятнадцать, в длину имели метров полтораста — сто семьдесят пять и катились со скоростью пятнадцать метров в секунду. Их количество и сила возрастали по мере глубины океана. И я понял назначение этих волн — захватывать воздух и нагнетать его на дно морское, обеспечивая там жизнь с помощью кислорода. Их страшная сила давления, по вычислениям, достигает трех тысяч килограммов на квадратный фут поверхности. Такие же гигантские валы снесли на Гебридах гранитный утес весом восемьдесят тысяч фунтов, разрушили 23 декабря 1864 года часть города Эдо в Японии и со скоростью семьсот километров в час в тот же день домчались до берегов Америки.

К ночи шторм усилился. Барометр упал до 710 миллиметров. Уже смеркалось, когда я увидел на горизонте большой корабль. Он шел медленно, на малых парах, чтобы только держаться на воде. Это был, вероятно, пароход, курсирующий между Нью-Йорком и Ливерпулем или Гавром. Скоро он исчез во мраке.

В десять часов вечера небо было все исполосовано молниями. Я не мог переносить их блеска, а капитан Немо смотрел на них, как бы вбирая в себя суть бури. Страшный шум наполнял воздух – грохот разбивающихся волн, вой ветра, раскаты грома. Ветер переносился с одной точки горизонта на другую, – циклон с востока, облетев север, запад и юг, возвращался снова на восток, сталкиваясь с циркулирующими вихрями Южного полушария.

Да, Гольфстрим правильно назвали королем бурь! Он создает такие ураганы вследствие разницы температур воды и воздуха над его поверхностью.

Стена дождя вокруг нас сверкала и искрилась от разрядов бесконечных молний. Капитан Немо, не покидавший поста, казалось, искал смерти и хотел, чтобы его убила молния. Но «Наутилус» поднимал свой стальной нос, как громоотвод, и по нему с оглушительным треском струились непрерывные искры.

Выбившись из сил, разбитый и измученный, я добрался до люка, открыл крышку и сполз по трапу. Буря достигла высшего предела ярости. Стоять на ногах было невозможно.

Капитан Немо вернулся к себе около полуночи. Я слышал, как резервуары мало-помалу наполнились и «Наутилус» тихо погрузился под волны.

Сквозь открытые иллюминаторы в салоне я видел больших рыб, мелькавших мимо, как призраки, в воде, светящейся от вспышек молний.

«Наутилус» опускался все ниже. Я полагал, что он остановится на глубине метров пятнадцать. Но нет, верхние слои были слишком взволнованы; чтобы отдохнуть от качки, надо было опуститься метров на пятьдесят.

Зато в какой спокойной, невозмутимой тишине мы очутились! Кто бы мог поверить, что в эту минуту над океаном бушует неистовый ураган!

Глава двадцатая Под 47°24' широты и 17°28' долготы

Бура отбросила нас к востоку, и надежда убежать с «Наутилуса» и добраться до Нью-Йорка или к реке Св. Лаврентия исчезла. Бедный Нед в отчаянии уединился, как капитан Немо. Мы с Консейлем не расставались.

Я сказал, что «Наутилус» уклонился к востоку, но надо было сказать – к северо-востоку. Несколько дней он блуждал по океану, то погружаясь, то всплывая в окружении туманов, столь гибельных для мореходцев. Туманы эти бывают вследствие таяния льдов, что поддерживает чрезвычайную влажность воздуха.

Сколько судов погибло в этих местах, пока они искали в тумане мерцание береговых огоньков! Сколько бедствий причиняла эта плотная масса мглы! Какой страшный треск раздается здесь при ударах кораблей о подводные камни! Сколько судов сталкивается друг с другом, несмотря на предупреждающие огни, свистки и колокола, бьющие тревогу!

Дно этих морей представляет поистине поле сражения, где еще лежат разбитые корабли. Одни давно уже обратились в рыхлую массу, другие, погибшие недавно, отражали свет нашего прожектора на своей металлической обшивке. Сколько судов погибло вместе с ценным грузом, со всем экипажем, толпами эмигрантов, в этих местах – около мыса Рейс, острова Святого Павла, в проливе Белл-Айл, в заливе Святого Лаврентия! Сколько жертв занесено в летописи смерти пароходами компаний «Роял-Майл» и «Инманн, Монреаль»! Суда «Сольвейг», «Параматта», «Венгерец», «Канадец», «Англосакс», «Гумбольдт», «Соединенные Штаты» погибли; «Арктик», «Лионец» затонули при столкновении; «Президент», «Пасифик», «Сити Глазго» погибли по неизвестным причинам.

И среди вот таких останков шел «Наутилус», как бы проводя смотр мертвецам.

15 мая мы были на южном конце Ньюфаундлендской отмели. Она вся состоит из наносной почвы, из огромного количества органических остатков, занесенных или Гольфстримом с экватора, или с Северного полюса противоположным холодным течением, идущим вдоль американского берега. Здесь же в половодье скапливаются и неправильной формы валуны, отрываемые от берегов. Образовалось тут и громадное кладбище погибших рыб, моллюсков и зоофитов.

Глубина здесь незначительная, но к югу вдруг идет уступами большая впадина глубиной тысячи три метров. Тут Гольфстрим расширяется, течет медленнее, а температура его понижается.

Из рыб, которых спугнул «Наутилус», назову пинагора с черной спиной и оранжевым брюхом, он подает своим соплеменникам редкий пример супружеской верности; хюпернака, род мурен, изумрудного цвета, превосходного на вкус; карраков с выпуклыми глазами и собачьей головой; морских собак яйцевидородящих, похожих на змей; черных пескарей длиной двадцать сантиметров; длиннохвостых макрорусов, серебристых рыбок, заплыvших далеко от северных морей.

В сети попала еще одна смелая, сильная, мускулистая рыба – бычок северных морей, с иглами на голове и шипами на плавниках, настоящий скорпион, длиной два-три метра, злейший враг трески и лососевых. Тело у него круглое, темного цвета, с красными плавниками. Сладить с ним было нелегко; эта рыба благодаря особым жаберным крышкам способна довольно долго жить вне своей родной стихии.

Назову, чтобы не забыть, боскиен, маленьких рыбок, которые долго сопровождают корабли в северных морях, и перейду к треске, которую видел в любимом месте ее пребывания, на Ньюфаундлендской отмели. Можно сказать, что треска здесь – рыба горная, так как Ньюфаундленд не что иное, как подводная гора.

Когда «Наутилус» прокладывал себе дорогу сквозь плотную массу стай трески, Консейль не мог воздержаться от замечания:

– Неужели это треска? Я, с позволения их чести, думал, что она совсем плоская!

– Она плоская лишь в рыбной лавке или на рынке, где ее продают выпотрошенной и распластанной. В воде же она совершенно круглая и превосходно приспособлена к плаванию.

– Это верно, – ответил Консейль. – Боже мой! Сколько ее тут! Точно муравейник!

– Ее было бы гораздо больше, если бы не существовало ее врагов – скорпен и человека. Знаешь, сколько икринок насчитывается в одной самке?

– Я буду угадывать: пятьсот тысяч?

– Одиннадцать, друг мой, миллионов!

– Я этому поверю, только если сам их пересчитаю!

– Пересчитай, Консейль. Но лучше будет, если ты мне поверишь. Не забудь и того, что французы, англичане, американцы, датчане, норвежцы ловят треску тысячами тонн. Поедается ее количество страшное, и если бы она не отличалась удивительной плодовитостью, то ее вскоре бы не стало. В Англии и Америке пять тысяч судов и семьдесят пять тысяч матросов заняты исключительно ловлей трески. Каждое из судов привозит в среднем до сорока тысяч штук, а в общем – двадцать пять миллионов. У берегов Норвегии происходит то же самое.

– Ну хорошо, – согласился Консейль, – я считать не с тану.

– Что?

– Те одиннадцать миллионов икринок, которые есть в каждой самке. Но я, с позволения их чести, сделаю замечание.

– Какое же?

– А такое, что если бы из каждой икринки рождались мальки, то четырех самок было бы достаточно для снабжения треской Англии, Америки и Норвегии.

Пока мы обходили отмель, я хорошо разглядел длинные снасти, на каждой из них две-стри крючков, а каждая рыбачья лодка ставит такие снасти дюжинами. Снасть опускается с помощью маленького якорька, а верхний конец удерживается леской, прикрепленной к пробковому поплавку. На поверхности воды мелькало огромное количество этих пробок, и «Наутилус» весьма удачно маневрировал, чтобы не снести эти крючки и самому в них не запутаться.

Впрочем, «Наутилус» недолго пробыл в этих водах и поднялся до 45° северной широты – на широту Сен-Жана и Хартс-Контента, где опущен конец трансатлантического кабеля.

«Наутилус» пошел не на север, а к востоку, как бы вдоль плато, на котором лежит телеграфный кабель и где рельеф дна измерен с чрезвычайной точностью.

17 мая милях в пятистах от Хартс-Контента, на глубине двух тысяч восьмисот метров увидел я лежащий на дне телеграфный кабель. Консейль, не предупрежденный мной, принял его сначала за громадную змею и уже готовился ее классифицировать. Но я рассеял его заблуждение и в утешение рассказал все, что мне было известно о прокладке этого кабеля.

Первый кабель был проложен в 1857–1858 годах, но передал лишь около четырехсот телеграмм и перестал действовать. В 1863 году сконструировали новый кабель длиной три тысячи четыреста километров и весом четыре тысячи пятьсот тонн. Погрузили его на корабль «Грейт-Истерн». Но и эта попытка не удалась.

25 мая «Наутилус» оказался именно на том месте, где произошел разрыв каната, на глубине трех тысяч восьмисот тридцати шести метров. Это произошло в шестистах тридцати восьми милях от берегов Ирландии. В два часа дня там заметили, что сообщение с Европой прекратилось. Решили сначала разрезать кабель, а потом его выловить. В одиннадцать часов вечера вытащили поврежденную часть, сделали новое соединение с основным

кабелем и опять погрузили в океан. Но через несколько дней он снова порвался, и его уже не смогли достать.

Американцы не потеряли, однако, терпения. Неутомимый Филд, главный организатор всего предприятия, рисковавший потерять все свое состояние, открыл новую подписку. Деньги были немедленно собраны. Изготовили новый кабель, более современной конструкции. Провода заключили в резиновую оболочку, обернули волокнистым материалом и вложили в металлическую обшивку. «Грейт-Истерн» повез его в океан 13 июля 1866 года.

Дело шло хорошо. Но стали замечать, разматывая кабель, что в него местами вбиты гвозди с целью испортить провода. Капитан Андерсон, его офицеры и инженеры собрались на совет и решили, что если виновного поймают на месте преступления, то без дальнейшего суда немедленно бросят за борт. Об этом решении тотчас объявили всем на корабле, и с тех пор вредительство прекратилось.

23 июля «Грейт-Истерн» был за восемьсот километров от Ньюфаундленда, когда из Ирландии пришла телеграмма о заключении перемирия между Пруссией и Австрией после сражения под Садовой. 27 июля он среди тумана лавировал к порту Хартс-Контента. Предприятие с успехом было доведено до конца, и в первой своей депеше молодая Америка приветствовала старую Европу мудрым изречением, редко понимаемым верно: «Слава в выших Богу, и на земли мир, в человеках благоволение».

Я, конечно, не думал, что увижу электрический кабель в том виде, в каком он вышел из мастерских. Он имел вид длинной змеи, обросшей раковинами и водорослями, облепленной каменистой коркой, предохраняющей его от сверлящих моллюсков. Кабель лежал плотно, не раскачиваясь, давление на него было благоприятное, электрическая искра пробегает от Америки до Европы за тридцать две сотых секунды. Время действия этого кабеля бесконечно, так как резиновая оболочка становится прочнее от пребывания в морской воде.

К тому же трасса так удачно выбрана, что кабель погружен не очень глубоко и разрывов опасаться нечего. «Наутилус» опускался до самой глубокой точки его залегания – на четыре тысячи четыреста тридцать один метр от поверхности, и даже здесь он не подвергался значительному трению. Потом мы подошли к тому месту, где произошел несчастный случай в 1863 году.

Здесь дно океана образовывало долину шириной в сто двадцать километров. Если бы на нее можно было поставить Монблан, то его вершина не выступила бы на поверхность воды. Эта долина загорожена с востока остроконечной стеной высотой две тысячи метров. Мы сюда прибыли 28 мая, и «Наутилус» очутился в ста пятидесяти километрах от Ирландии.

Неужели капитан Немо имел намерение пристать к Британским островам? Нет, к моему большому удивлению, он пошел на юг к берегам Европы. Огибая Изумрудный остров, я увидел на минуту мыс Клир и маяк Фастнет, освещдающий путь кораблям на выходе из Ливерпуля.

Важный вопрос возник у меня в уме: осмелится ли «Наутилус» войти в Ла-Манш? Нед Ленд, вышедший из уединения, когда мы пошли вблизи земли, не переставал меня спрашивать. Но что мне ответить ему? Капитан Немо оставался невидимым. Он показал издали канадцу берег Америки, может быть, и мне только покажет берега Франции.

«Наутилус» между тем шел на юг. 30 мая он прошел мимо островов Силли у полуострова Корнуэлл. Если бы капитан хотел войти в Ла-Манш, то пошел бы прямо на восток. Он этого не сделал.

Весь день 31 мая «Наутилус» описывал по океану круги, возбуждавшие мое любопытство. Он как будто искал какое-то место, которого не находил.

В полдень сам капитан Немо вышел на палубу для наблюдений. Мне он не сказал ни слова и казался мрачнее, чем всегда. Что могло так огорчить его? Не близость ли европейских берегов? Или, может быть, воспоминания об оставленной родине? Что же он чувствовал:

угрызения совести или сожаление? Эти мысли долго вертелись у меня в уме. В то же время было какое-то неясное предчувствие, что случай вскоре откроет мне тайну капитана Немо.

На следующий день, 1 июня, «Наутилус» делал то же самое: он явно искал какой-то пункт среди океана. Капитан Немо пришел на палубу определить высоту солнца, как и накануне. Океан был спокоен, небо ясно. Милях в восьми на востоке показался большой пароход. Флага на нем не было, так что я не мог определить его национальность.

За несколько минут до прохождения солнца через меридиан капитан Немо взял секстан и чрезвычайно внимательно стал заниматься своими наблюдениями. Полный штиль помогал ему в этом. «Наутилус» стоял почти неподвижно. Закончив свои исследования, капитан произнес одно только слово:

— Здесь!

Потом он ушел. Увидел ли он, что пароход изменил направление и, казалось, пошел прямо на нас? Этого я не могу сказать.

Я вернулся в салон. Иллюминаторы закрылись, и я услыхал, что резервуары наполняются водой. «Наутилус» стал вертикально опускаться и через несколько минут лег на дно на глубине восемьсот тридцать три метра. Свет в салоне погас, иллюминаторы открылись, и я увидел сквозь стекла ярко освещенное лучами прожектора водное пространство.

Справа я ничего не разглядел, кроме совершенно спокойной воды. По левому борту на дне виднелись какие-то развалины, погребенные под слоем белых раковин, как под снежным покровом. Всматриваясь, я различил очертания затонувшего корабля, потерявшего мачты. Несчастье это случилось с ним, вероятно, очень давно.

Что это был за корабль? Зачем «Наутилус» пришел на его могилу? Я не знал, что и думать, как вдруг около меня капитан Немо медленно произнес:

— Тогда корабль этот назывался «Марселец». Он был спущен на воду в 1762 году и имел семьдесят четыре пушки. В 1778 году, 13 августа, под командой Ла Поуп-Вертрие он смело бился с «Престоном». В 1779 году, 4 июля, с эскадрой адмирала д'Эстена брал Гренаду. В 1781 году 5 сентября принимал участие в сражении графа де Грасс в Чесапикском заливе. В 1794 году Французская Республика переименовала его. 16 апреля того же года он был послан из Бреста для эскорта транспорта, шедшего с хлебом из Америки. 11 и 12 июня эскадра встретилась с англичанами. Ровно семьдесят четыре года тому назад на этом самом месте, на $47^{\circ}24'$ широты и $17^{\circ}28'$ долготы, этот корабль после геройской битвы, в которой лишился трех мачт и трети экипажа, предпочел утопить себя вместе с тремястами пятьюдесятью шестью матросами, но не сдался и, прибив флаг к корме, пошел ко дну с криком:

«Да здравствует республика!» — Это «Мститель»! — вскрикнул я.

— Да, «Мститель»! Прекрасное имя! — сказал капитан Немо, скрестив на груди руки.

Глава двадцать первая Гекатомба

Неожиданность этой сцены, история корабля-патриота, начатая холодным тоном, а потом рассказываемая с таким волнением, которого не мог превозмочь этот своеобразный человек, название «Мститель», имеющее значение, – все это меня глубоко поразило. Я не сводил глаз с капитана. Немо, протянув руки, горящим взглядом смотрел на останки славного корабля. Неужели мне никогда не узнать, кто он, откуда, какие у него цели? А между тем я с каждым днем все яснее видел, как человек в нем выступает из-за ученого. Не просто мизантропия закрыла на «Наутилусе» капитана Немо и его спутников, а ненависть, которую не могло ослабить даже время. Но, может быть, эта ненависть еще искала возможность отомстить? Это должно было раскрыть будущее.

Между тем «Наутилус» начал подниматься на поверхность, и мало-помалу останки «Мстителя» скрылись из вида.

Вдруг раздался грохот.

Я взглянул на капитана Немо, но он даже и бровью не повел.

– Капитан? – спросил я.

Он не ответил.

Я оставил его и вышел на палубу. Там уже были Нед Ленд и Консейль.

– Что это за грохот? – спросил я.

– Выстрелили из пушки, – ответил Ленд.

Я осмотрелся. Ранее замеченное мной судно, очевидно, усилило пары и приближалось к «Наутилусу». Нас разделяло всего шесть миль.

– Что это за судно, Нед? – спросил я.

– Судя по оснастке, это военное судно. Вот если бы оно пустило ко дну этот окаянный «Наутилус»!

– Друг Нед, – возразил Консейль, – что это судно может сделать «Наутилусу»? Разве оно может за ним нырнуть под воду? Разве может с ним бороться на дне морском?

– Послушайте, Нед, – сказал я, – вы не можете разглядеть, чье это судно, какой национальности?

Канадец слегка прищурился и впился глазами в приближающийся корабль.

– Нет, профессор, не могу! – сказал он. – Флаг не поднят. А что судно военное, так это точно, потому как длинный вымпел развевается на главной мачте.

Мы уже четверть часа смотрели на корабль, который подходил к нам все ближе. Я, впрочем, не думал, что он заметит «Наутилус» на таком расстоянии, а еще менее догадается, что это подводный снаряд.

– Это большой военный корабль, – сказал Нед Ленд, – бронированный, с тараном. Смотрите, Аронакс.

Густые клубы дыма валили из труб. Свернутые паруса сливались с реями, на гафеле не было никакого флага. Расстояние еще не позволяло различить цвета вымпела, который вился, как тоненькая ленточка. Корабль быстро приближался к нам. Если бы капитан Немо подпустил его поближе, мы бы могли надеяться на благополучное бегство.

– Знаете что, профессор? – сказал Нед Ленд. – Если этот корабль подойдет к нам на милю, я брошусь в море! И вам советую!

Я ничего не ответил на совет канадца и продолжал разглядывать корабль, который увеличивался прямо на глазах. Будь он французский, английский, американский или русский, нас, конечно, подберут, если только мы доплынем до него.

— Их чести известно уже, что мы плавать умеем, — сказал Консейль. — Если их честь послушаются совета Неда, так я поплыту рядом и их честь смогут на меня положиться!

Я хотел ответить, но вдруг на носу военного корабля поднялся белый дымок и около «Наутилуса» в воду упало что-то тяжелое, чуть позже раздался раскат пушечного выстрела.

— Да они в нас стреляют! — вскрикнул я.

— Молодцы! — сказал Нед Ленд.

— Они, значит, не считают нас за потерпевших кораблекрушение! — сказал я.

— С позволения их чести... Вот тебе на! — вскрикнул Консейль, стряхивая с себя воду, которой нас опять захлестнуло. — Опять ядро. Они, наверное, приняли нас за нарвала и нарвала бомбардируют!

— Да ведь они могут видеть, что мы люди, а не нарвала! — вскрикнул я.

— А может, поэтому они так и палят, — сказал Нед Ленд со значением.

Меня осенила та же мысль. Без сомнения, теперь они, конечно, знали, с каким «чудовищем» имели дело. Без сомнения, когда канадец с «Авраама Линкольна» метнул в него гарпун, капитан Фаррагут догадался, какой нарвал обшиб листовой сталью! Теперь, вероятно, везде искали страшный подводный снаряд.

Ядра так и сыпались вокруг нас, но в «Наутилус» они не попадали.

Военный корабль находился уже в трех милях от нас. Несмотря на пушечную пальбу, капитан Немо не показывался на палубе. А между тем удар даже одного конического ядра мог погубить «Наутилус».

Нед Ленд мне сказал:

— Господин Аронакс! Надо во что бы то ни стало подать им сигнал! Тысячу чертей! Может, они поймут, что мы-то здесь ни при чем!

Нед Ленд достал свой носовой платок, но только хотел им взмахнуть, как его схватила железная рука. Он хотел вырваться, но был сбит с ног и упал на палубу.

— Негодяй! — крикнул капитан Немо. — Ты хочешь, чтобы я убил тебя раньше, чем потоплю этот корабль?

Голос у него был страшный, но лицо еще страшнее: оно совершенно побелело и искалилось от ярости. Наклонившись над Леном, он тряс его за плечи. Потом, бросив канадца, стал смотреть на приближающийся корабль.

— А, ты меня узнал! — крикнул он. — Я тоже тебя узнал!

Ты не показываешь своего флага — я покажу тебе свой!

С этими словами капитан Немо развернул черный флаг, такой же он водрузил на Южном полюсе.

В эту минуту одно ядро ударило по касательной в корпус «Наутилуса», не повредив его, рикошетом пролетело мимо капитана и упало в океан.

Капитан только пожал плечами и обратился ко мне.

— Уйдите с палубы! — сказал он резко. — Уходите и уведите ваших товарищей!

— Капитан! — вскрикнул я. — Вы хотите напасть на этот корабль?

— Я хочу его потопить!

— Вы этого не сделаете!

— Я это сделаю! — холодно ответил капитан Немо. — Не судите меня. На меня нападают. Я защищаюсь. Уйдите с палубы!

— Какой это корабль?

— Вы не знаете? Тем лучше. Уходите!

Мы должны были повиноваться.

Пятнадцать матросов уже окружили капитана и с выражением непримиримой ненависти смотрели на приближающийся корабль.

Я спускался по трапу в тот момент, когда еще одно ядро скользнуло по «Наутилусу», и я слышал, как капитан крикнул:

— Бей, сумасшедший корабль! Ты не уйдешь от «Наутилуса». Но ты погибнешь не в этом месте!

Я ушел в свою каюту. «Наутилус» быстро ушел за пределы действия снарядов, но корабль продолжал его преследовать.

Около четырех часов вечера я подошел к трапу. Крышка люка была открыта. Я решился выйти на палубу и увидел здесь капитана. Он быстрыми шагами ходил взад и вперед, поглядывая на корабль, который находился теперь в пяти или шести милях под ветром. «Наутилус» кружился вокруг корабля, как разъяренный зверь, увлекая его за собой к востоку.

Но сам не нападал.

Может быть, капитан колебался?

Я хотел еще раз стать посредником, но только произнес первые слова, как капитан Немо резко меня перебил.

— Я угнетенный, а он угнетатель! — сказал он. — Он отнял у меня все, что я любил и чтил: родину, жену, детей, отца, мать, братьев, сестер! Замолчите!

Я посмотрел на корабль, который все прибавлял ход, а затем спустился в салон и позвал Неда Ленда и Консейля.

— Мы убежим, — сказал я им.

— Хорошо! — ответил Нед. — А что это за корабль?

— Не знаю. Да это все равно. Капитан Немо к вечеру обещает пустить его ко дну. Что ж! Лучше погибнуть, чем оставаться на «Наутилусе» и быть сообщниками в возмездии, если не знаешь, справедливо оно или нет.

— Это верно! — ответил Нед Ленд. — Вот дождемся ночи!

Наступила ночь. Глубокая тишина царила на «Наутилусе». Я слышал только шум винта и плеск волн.

Месяц ярко сиял, значит, нас могли увидеть с корабля на довольно большом расстоянии. Мы решили бежать, когда он подойдет поближе. Оказавшись на борту этого корабля, мы хотели предупредить грозящий ему удар.

Часть ночи прошла без всяких приключений. Мы выжидали удобной минуты, из-за сильного волнения говорили мало. Нед Ленд не раз порывался броситься в море, но я его удерживал.

В три часа утра я вышел на палубу. Капитан был еще здесь. Он стоял около своего флага и не сводил глаз с корабля.

Луна переходила меридиан. Юпитер показался на востоке. Небо и океан были спокойны и безмятежны. Ночное светило ярко отражалось в водной глади.

Военный корабль находился от нас в двух милях. Он, очевидно, держал курс на свет «Наутилуса». Я видел его сигнальные огни, красный и зеленый, а также белый фонарь на бизань-мачте. Можно было разглядеть оснастку и определить, что огонь в топках разведен до предела. Из труб выплетали снопы искр, рассыпаясь звездочками на темном фоне неба.

Я оставался на палубе до шести часов утра. Капитан Немо, казалось, делал вид, что меня не замечает.

Военный корабль шел в полутора милях от нас и на рассвете опять стал палить из пушек.

«Пойду скажу Неду и Консейлю, чтобы были наготове», — подумал я.

Но в эту самую минуту на палубе появился помощник капитана с матросами. Они тотчас же принялись за дело. Железную решетку, которая окружала палубу, опустили. Кабина прожектора и рубка рулевого тоже вошли в корпус «Наутилуса», и он принял вид длинной стальной сигары, готовой к маневру.

Я пришел в салон, когда утренние лучи восходящего солнца сквозь верхние слои воды мягко проникали в иллюминаторы.

В пять часов лаг показал мне, что «Наутилус» сбавил скорость. Я понял, что капитан Немо хотел подпустить врага поближе. Пушечная пальба не прекращалась. Ядра с шипением и свистом сыпались дождем в воду.

— Друзья! — сказал я Неду и Консейлю. — Пора!

Нед Ленд имел очень решительный вид, Консейль был совершенно спокоен, а я нервничал и страшно волновался.

Мы прошли в библиотеку. В ту минуту, когда я открывал дверь к центральному трапу, крышка люка с шумом захлопнулась. Ленд бросился к трапу, но я его удержал. Хорошо знакомое шипение свидетельствовало о том, что в резервуары закачивали воду.

Действительно, через несколько минут «Наутилус» опустился всего на несколько метров ниже поверхности воды. Я догадался, что капитан Немо хочет ударить по кораблю ниже ватерлинии, где его обшивка уже не защищена броней.

— Что ж, мы опять в западне! — вскрикнул Нед Ленд.

Собравшись в моей каюте, мы смотрели друг на друга как потерянные, не произнося ни слова. Я находился в таком тягостном состоянии, когда ждешь, что вот-вот произойдет что-то страшное.

«Наутилус» пошел гораздо быстрее. Он весь содрогался, как будто делая разбег.

Вдруг мы вскрикнули.

Мы почувствовали толчок. Я услышал лязг, треск и скрежет железа.

«Наутилус» нанес удар. Он пронзил корпус корабля так же легко, как иголка протыкает полотно.

Я более не мог это выдержать. Как безумный, вне себя я вылетел из каюты и вбежал в салон. Мрачный капитан Немо был здесь и смотрел в иллюминатор правого борта.

Огромная темная масса шла ко дну, и «Наутилус» погружался вровень с ней, как бы желая насладиться агонией врага. Я видел всего в десяти метрах пробитую корму, куда с шумом вливалась вода; по верхней палубе метались черные призраки. Несчастные карабкались на ванты, цеплялись за мачты, падали, барабанились в воде...

Огромный корабль медленно погружался. Вдруг произошел взрыв. Палуба полетела вверх. Толчок воды был такой силы, что «Наутилус» покачнулся.

Несчастный корабль очень быстро пошел ко дну. Промелькнули марсы, на которых повисли жертвы, реи, затем верхушки мачты... Темная масса исчезла вместе со всем экипажем.

Когда все было кончено, капитан Немо вышел из салона.

Я проводил его глазами.

Он открыл дверь в свою каюту. Прямо против двери под портретами великих героев висел портрет молодой женщины с двумя детьми. Капитан Немо смотрел несколько минут на этот портрет, потом простер к нему руки, упал на колени и горько зарыдал.

Глава двадцать вторая Последние слова капитана Немо

Жуткое зрелище закончилось, иллюминаторы закрылись, но свет в салоне не зажегся. На «Наутилусе» царили безмолвие и темнота. Он мчался с очень большой скоростью на глубине сто метров. Куда он направлялся: на север или на юг?

Я вернулся в свою каюту. Нед и Консейль молча сидели там.

Я не мог без ужаса вспомнить о капитане Немо. Как бы он ни пострадал от людей, он все-таки не имел права так жестоко их карать!

В одиннадцать часов зажгли свет. Я опять пошел в салон. Там было пусто. Судя по приборам, «Наутилус» мчался на север со скоростью двадцать пять миль в час то по поверхности океана, то на тридцать футов ниже.

Отметки на карте показывали, что мы прошли мимо Ла-Манша и идем к северным морям.

Мы неслись так быстро, что я едва успевал заметить мелькавших в иллюминаторе длинноносых акул, рыб-молотов, морских волков, угрей, морских орлов, морских коньков, полчища крабов и, наконец, касаток.

К вечеру мы прошли по Атлантическому океану двести лье. Наступили сумерки, вечерние тени опутали океанские воды.

Я опять вернулся в свою каюту, но долго не мог заснуть.

С этого дня я не могу сказать, куда увлекал нас «Наутилус», все время шедший с умопомрачительной скоростью. Наши координаты больше не отмечались на карте. Может быть, «Наутилус» приставал к Шпицбергену или к берегам Новой Земли. Может быть, он носился по Норвежскому морю или по Баренцеву. Может, заходил в Карское море или Обскую губу. Трудно сказать. Судовые часы остановились. Я не считал часов, не замечал дней. Дни и ночи, проводимые на судне, где царила полутьма, слились в одну полярную ночь.

Я полагаю, что это невероятное путешествие продолжалось пятнадцать или двадцать дней. Мы не видали все это время ни капитана Немо, ни его помощника. Из экипажа тоже никто не показывался. «Наутилус» большей частью шел под водой. Когда он поднимался на поверхность, чтобы обновить запас воздуха, иллюминаторы открывались и закрывались автоматически.

Нед Ленд тоже почти не показывался. Он страшно тосковал. Консейль никак не мог вызвать его на разговор и боялся, что он наложит на себя руки.

Однажды, не знаю какого числа, я на рассвете забылся. Вдруг слышу – меня тихонько будят. Открыв глаза, я увидел Неда Ленда. Наклонившись ко мне, он прошептал:

– Бежим!

– Когда? – спросил я, вскочив с постели.

– Этой ночью. Кажется, «Наутилус» остался без присмотра. Вы будете готовы?

– Буду. Где мы?

– Около какой-то земли. Я ее разглядел сегодня утром сквозь туман, она лежит в двадцати милях к востоку.

– Да какая же это земля?

– Не знаю. Да какая бы ни была, мы найдем там пристанище.

– Да, Нед! Мы убежим этой ночью!

– Море неспокойно, ветер сильный, но ведь всего двадцать миль, а шлюпка у капитана Немо надежная. Я уже перенес в нее немного еды.

– Хорошо, Нед!

– А если поймают, так я буду защищаться, и пусть лучше убьют, чем тут пропадать.

— Умрем вместе, Нед!

Я решился на все. Когда канадец ушел, я поднялся на палубу.

Волны были такими большими, что я с трудом мог удержаться на ногах. Небо не предвещало ничего хорошего. Но нам нельзя было терять ни дня, ни даже минуты.

Я зашел в салон, желая и опасаясь встречи с капитаном Немо. Что я ему скажу? Сумею ли я скрыть невольный ужас, который он мне теперь внушает? Нет! Лучше не встречаться?

А между тем...

Какой долгий это был день! Мой последний день на «Наутилусе».

Я почти все время провел в одиночестве. Нед Ленд и Консейль избегали разговоров со мной, боясь выдать как-нибудь нашу тайну.

В шесть часов я пообедал, хотя есть мне не хотелось.

В половине седьмого Нед Ленд вошел в мою каюту и сказал:

— Ну мы теперь до отплытия не увидимся. В десять часов луны еще не будет, тогда и надо бежать. Приходите к шлюпке.

Мы будем вас ждать.

С этими словами канадец ушел, даже не дав мне ответить.

Я хотел узнать направление «Наутилуса» и пошел в салон взглянуть на показания приборов. Мы шли на северо-северо-восток, держась на глубине пятидесяти метров.

В последний раз я осмотрел бесценные сокровища капитана Немо. Мне хотелось запомнить их навсегда. Так я провел целый час, любуясь чудесами природы, собранными в витринах. Затем я вернулся в каюту.

Тут я надел непромокаемый костюм, собрал свои записки и спрятал их на себе. Если бы капитан Немо сейчас меня увидел, то по моему волнению тотчас бы догадался, в чем дело.

Что в эту минуту он делает?

Я подошел к его двери и прислушался. Он был там, я слышал его шаги. Я чуть было не ворвался в его каюту: меня тянуло к нему непреодолимо.

К счастью, я себя сдержал. Вернувшись к себе, я лег в постель и мало-помалу успокоился. Я вспомнил все наше подводное путешествие, все хорошие и плохие приключения. Я вспомнил подводную охоту на острове Креспо, пролив Торреса, папуасских дикарей, коралловое кладбище, Суэцкий канал, остров Санторин, критского водолаза, бухту Виго, Атлантиду, ледянную тюрьму, Южный полюс, битву с осьминогами, штурм на Гольфстриме, «Мстителя» и, наконец, потопленный корабль. На фоне всех этих событий капитан Немо представлялся мне не простым человеком, а властелином вод, гением морей.

Было половина десятого. Я закрыл глаза, стараясь не думать, забыть... Я устал.

Еще полчаса ожидания! Вдруг до меня донеслись тихие звуки органа. Раздавалась какая-то грустная мелодия, похожая на жалобу.

Это играл капитан Немо. Я с восторгом слушал его, целиком внимая прекрасной музыке.

Вдруг мне пришло в голову, что если капитан Немо в салоне, значит, мне придется пройти мимо него. Он меня увидит и, может быть, заговорит со мной... Десять часов! Надо идти!

Я осторожно открыл дверь и начал крадучись пробираться по темному корабельному коридору. Добравшись до двери, я тихо ее приоткрыл. В салоне было темно. Звуки органа раздавались едва слышно. Капитан Немо сидел у органа и, кажется, меня не заметил.

Я прополз по мягкому ковру до двери в библиотеку и уже хотел перебраться через порог, но тяжелый вздох капитана Немо пригвоздил меня к месту. Из чуть приоткрытой двери библиотеки падал тонкий луч света, и я на мгновение увидел его лицо. Оно было бледным и печальным. Я слышал, как он тихо проговорил:

— Боже всемогущий! Довольно! Довольно!

В полном смятении я проскочил библиотеку, взбежал по центральному трапу и добрался до шлюпки.

– Едем! Скорей! – крикнул я.

– Сейчас! – ответил канадец.

Сначала мы закрыли отверстие в стальной обшивке «Наутилуса» и закрепили его гайками с помощью английского ключа, который раздобыл Нед. Потом он начал проворно отвинчивать гайки, которые еще соединяли шлюпку с «Наутилусом».

Вдруг внутри раздался шум, послышались голоса... Неужели они заметили наш побег? Нед Ленд всунул мне кинжал в руку.

– Да, – прошептал я, – мы сумеем умереть!

Мы затихли, прислушиваясь.

– Мальстрим! Мальстрим! – раздавалось со всех сторон.

Мальстрим! Это слово, повторенное раз двадцать, слово страшное, объяснило мне причину тревоги на «Наутилусе».

Его экипажу было не до нас.

Мы оказались в самых опасных водах у побережья Норвегии. Известно, что в прилив воды, зажатые между островами Феро и Лафотенскими островами, превращаются в стремнину невероятной силы. В ней образуется водоворот, из которого ни одно судно не может выйти благополучно. Со всех сторон на него налетают чудовищные валы. Эту бездну справедливо называют «пупом Атлантического океана». В нее затягивает все плывущее на расстоянии пятнадцати километров, не только суда, но и китов, и белых медведей.

В эту пропасть и попал «Наутилус». Он кружился по спирали, круги все больше и больше суживались. Наша шлюпка, еще прикрепленная к нему, кружилась с головокружительной скоростью. Мы были в ужасе. Шум, рев, плеск, брызги, грохот – настоящий ад!

«Наутилус» все еще держался, но стальная обшивка на нем трещала. Временами он поднимался кверху, и мы вместе с ним.

– Надо держаться за «Наутилус», – сказал Нед Ленд. – Завинтить гайки и...

Он не закончил. Раздался треск, гайки отлетели, шлюпка оторвалась, нас далеко отбросило от «Наутилуса» и швырнуло в водоворот.

Я ударился головой о стальной каркас шлюпки и потерял сознание.

Глава двадцать третья Заключение

Что произошло той ночью, как мы выбрались из страшного водоворота, я не знаю. Я пришел в себя в хижине рыбака с Лофотенских островов. Товарищи мои были целы и невредимы. Мы крепко обнялись.

Переправиться во Францию было нелегко. Сообщения между Северной Норвегией и Южной редки. Надо было ждать парохода, который ходит от Нордкапа раз в два месяца.

В ожидании этого парохода, оставшись жить у милых, приютивших нас людей, я привел в порядок свои записи.

Поверят ли моему рассказу? Не знаю. Но я верно и точно рассказал о своих приключениях.

Что стало с «Наутилусом»? Жив ли еще капитан Немо? Узнаю ли я со временем имя этого человека? Донесут ли волны когда-нибудь до нас рукопись, в которой описана история его жизни?

Я надеюсь.

Я надеюсь и на то, что «Наутилус» вышел невредимым из водоворота, что капитан Немо перестал карать людей и спокойно занимается учеными исследованиями на дне океана.

Шесть тысяч лет тому назад Экклезиаст задал вопрос:

«Кто мог когда-нибудь измерить глубины океана?» Два человека имеют право ему ответить: «Мы!» Это капитан Немо и я!